

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ

*МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА:
ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ*

ТОМ 46

МОСКВА
2017

УДК 33
ББК 65

© Международный Союз экономистов, 2017
©The International Union of economists, 2017

ISBN 978-5-9500564-0-6
ISSN 2587-9243

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г.Х. ПОПОВ

Главный редактор, президент Международного Союза экономистов, председатель Сената (Совета старейшин) ВЭО России, почетный президент ВЭО России, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)

А.Н. АСАУЛ

Директор АНО «Институт проблем экономического возрождения», член Международного Союза экономистов, член Президиума ВЭО России, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, РФ)

С.Б. БАЙЗАКОВ

Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, научный руководитель АО «Институт экономических исследований» Министерства экономического развития и торговли Республики Казахстан, д.э.н., профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

С.Д. БОДРУНОВ

Вице-президент Международного Союза экономистов, президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, первый вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, РФ)

Л. ВАСА

Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Центра исследований инновационных технологий факультета экономики и социальных наук Университета имени Святого Иштвана, д.э.н., доцент (г. Гёдёллё, Венгрия)

Х.И. ГАДЖИЕВ

Вице-президент Международного Союза экономистов, судья Европейского Суда по правам человека, д.ю.н. (г. Страсбург, Французская Республика)

Р.М. ГЕОРГИЕВ

Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель декана факультета экономики и бизнес-администрирования Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

-
- С.Ю. ГЛАЗЬЕВ** Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, советник Президента Российской Федерации, вице-президент ВЭО России, академик РАН, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- Р.С. ГРИНБЕРГ** Вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент ВЭО России, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- А.А. ГРОМЫКО** Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института Европы РАН, шеф-редактор журнала «Современная Европа», член Президиума ВЭО России, член Научного Совета Безопасности РФ и Научного Совета при МИД РФ, член-корреспондент РАН, д. полит. н., профессор (г. Москва, РФ)
- В.М. ДАВЫДОВ** Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института Латинской Америки РАН, член Правления ВЭО России, президент Ассоциации исследователей ибероамериканского мира, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- А.А. ДЫНКИН** Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, вице-президент ВЭО России, член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- В.В. ИВАНТЕР** Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, действительный член Сената ВЭО России, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- В.Н. КРАСИЛЬНИКОВ** Руководитель издания, первый вице-президент, генеральный директор Международного Союза экономистов, первый вице-президент ВЭО России, академик РАЕН, доктор экономики и менеджмента, к.э.н., профессор (г. Москва, РФ)

-
- А.В. КРАСИЛЬНИКОВ** Директор Международного Союза экономистов, член Президиума ВЭО России, к.э.н. (г. Москва, РФ)
- Э.В. МИТРОФАНОВА** Вице-президент Международного Союза экономистов, посол по особым поручениям МИД РФ, член Президиума ВЭО России, доктор экономики и менеджмента, д.э.н. (г. Москва, РФ)
- В.В. ОСКОЛЬСКИЙ** Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, президент Союза экономистов Украины, президент Ассоциации товарной нумерации Украины, академик АЭН Украины, заслуженный экономист Украины, д.э.н., профессор (г. Киев, Украина)
- В.А. РАЕВСКИЙ** Член Международного Союза экономистов, член Совета Директоров Московского нефтехимического банка, действительный член Сената ВЭО России, главный ученый секретарь, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- М.А. РАТНИКОВА** Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, РФ)
- С.Н. РЯБУХИН** Вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, вице-президент ВЭО России, д.э.н. (г. Москва, РФ)
- З.А. САМЕДЗАДЕ** Вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Комитета Милли Меджлиса (Парламента Азербайджана) по экономической политике, главный редактор газеты «Экономика», академик Национальной Академии наук Азербайджана, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)
- Д. СОЛЬДА** Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Ассоциации экспортеров и импортеров Аргентины, д.э.н., профессор (г. Буэнос-Айрес, Аргентинская Республика)

-
- Д.Е. СОРОКИН** Вице-президент, председатель Координационного Совета Международного Союза экономистов, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве РФ», вице-президент ВЭО России, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- О.Н. СОСКОВЕЦ** Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Российского союза товаропроизводителей, председатель Координационного совета Некоммерческого партнерства «Евразийский Деловой совет», вице-президент ВЭО России, президент Ассоциации финансово-промышленных групп России, д.т.н., профессор (г. Москва, РФ)
- Г.А. ТОСУНЯН** Президент Ассоциации российских банков, член Международного Союза экономистов, вице-президент ВЭО России, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор (г. Москва, РФ)
- В.И. ЩЕРБАКОВ** Вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Совета директоров группы компаний «Автотор», вице-президент ВЭО России, президент, академик Международной Академии менеджмента, член Правления Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- М.А. ЭСКИНДАРОВ** Ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член Международного Союза экономистов, вице-президент ВЭО России, академик Российской Академии Образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- Ю.В. ЯКУТИН** Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, научный руководитель ЗАО Издательский дом «Экономическая газета», вице-президент ВЭО России, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)

EDITORIAL BOARD

- G.Kh. POPOV** Editor-in-Chief, President of the International Union of Economists, President of the Senate (Council of elders) of the VEO of Russia, honorary president of the VEO of Russia, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ., professor (Moscow, RF)
- A.N. ASAUL** Director of the «Institute of economic revival problems», member of the International Union of Economists, member of the Presidium of the VEO of Russia, honored Scientist of Russia, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ, professor (Saint-Petersburg, RF)
- S.B. BAIZAKOV** Member of Coordination Council of the International Union of Economists, research advisor at JSC «Institute of Economic Research» at the Ministry of Economic Development and Trade of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sc. Econ., professor (Astana, Republic of Kazakhstan)
- S.D. BODRUNOV** Vice-president of the International Union of Economists, President of the VEO of Russia, director of the Institute of the new industrial development named after S.Y. Vitte, first vice-president of the Union Industrialists and entrepreneurs (Employers) of St. Petersburg, Dr. Sc. Econ., professor (Saint-Petersburg, RF)
- L. VASA** Member of Coordination Council of the International Union of Economists, director of the Center for Research of Innovative technologies of the faculty of Economics and Social Sciences of Szent Istvan University, Dr. Sc. Econ., associate professor (Gödöllő, Hungary)
- Kh.I. HAJIYEV** Vice-president of the International Union of Economists, judge of the European Court of Human Rights, Dr. Sc. Law (Strasbourg, Republic of France).
- R.M. GEORGIEV** Vice-president of the International Union of Economists, Deputy Dean of the Faculty of the Economics and Business Administration of the Sv. Kliment Ohridski University of Sofia, Dr. Sc. Econ., professor (Sofia, Bulgaria)
- S.Yu. GLAZ'EV** Member of Coordination Council of the International Union of Economists, advisor to the President of the Russian Federation, vice-president of the VEO of Russia, academician of the Russian Academy of Sciences, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ., professor (Moscow, RF)

-
- R.S. GRINBERG** Vice-president of the International Union of Economists, scientific director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, vice-president of the VEO of Russia, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., professor (Moscow, RF)
- A.A. GROMYKO** Member of the Coordination Council of the International Union of Economists, director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, editor-in-Chief of «Contemporary Europe» journal, member of the Presidium of the VEO of Russia, member of Academic Council of the Security Council of Russia and Academic Council of the Russian Foreign Ministry, Dr. Sc. Polit., professor (Moscow, RF)
- V.M. DAVYDOV** Member of the Coordination Council of the International Union of Economists, scientific director of the Institute of Latin American of the Russian Academy of Sciences, member of the Board of the VEO of Russia, president of the Association of researchers of Ibero-American world, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., professor (Moscow, RF)
- A.A. DYNKIN** Vice-president of the International Union of Economists, president of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, vice-president of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the Presidential Council for Science and Education, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, academician secretary of the division for global issues and international relations of the Russian Academy of Sciences, academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., professor (Moscow, RF)
- V.V. IVANTER** Member of the Coordination Council of the International Union of Economists, director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, acting member of the Senate of the VEO of Russia, academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, RF)
- V.N. KRASILNIKOV** Head of edition, first vice-president, general director of the International Union of Economists, first vice-president of the VEO of Russia, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics and Management, Cand. Sc. Econ., professor (Moscow, RF)

-
- A.V. KRASILNIKOV** Director of the International Union of Economists, member of the Presidium of the VEO of Russia, Cand. Sc. Econ. (Moscow, RF)
- E.V. MITROFANOVA** Vice-president of the International Union of Economists, Ambassador at Large of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, member of the Presidium of the VEO of Russia, Doctor of Economics and Management, Dr. Sc. Econ., professor (Moscow, RF)
- V.V. OSKOLSKY** Member of the Coordination Council of the International Union of Economists, president of the Ukraine Union of Economists, president of the Ukraine Association of Commodity Numeration, academician of the Academy of Economic Sciences of Ukraine, honorary Economist of Ukraine, Dr. Sc. Econ., professor (Kiev, Ukraine)
- V.A. RAEVSKIY** Member of the International Union of Economists, member of the Board of Directors of the Moscow Petrochemical Bank, acting member of the Senate of the VEO of Russia, Dr. Sc. Econ., professor (Moscow, RF)
- M.A. RATNIKOVA** Vice-president of the VEO of Russia, director of the VEO of Russia, Doctor of Economics and Management (Moscow, RF)
- S.N. RYABUKHIN** Vice-president of the International Union of Economists, Chairman of the Council of the Federation Budget and Financial Markets Committee, vice-president of the VEO of Russia, Dr. Sc. Econ.(Moscow, RF)
- Z.A. SAMADZADE** Vice-president of the International Union of Economists, Chairman of the standing Commission of the Milli Majlis (the Parliament of Azerbaijan) on economic policy, Editor-in-Chief of the newspaper «Economy», academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Dr. Sc. Econ., professor (Baku, Republic of Azerbaijan)
- D. SOLDA** Vice-president of the International Union of Economists, president of the Association of Exporters and Importers of the Republic of Argentina, Dr. Sc. Econ., professor (Buenos Aires, Republic of Argentina)

-
- D.E. SOROKIN** Vice-president, chairman of the Coordination Council of the International Union of Economists, vice-rector for research of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation», vice-president of the VEO of Russia, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., professor (Moscow, RF)
- G.A. TOSUNYAN** President of the Russian Banks Association, member of the International Union of Economists, vice-president of the VEO of Russia, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, honored scientist of Russia, Dr. Sc. Law, professor (Moscow, RF)
- V.I. SHCHERBAKOV** Vice-President of the International Union of Economists, chairman of the Board of Directors of the investment company «Avtotor», vice-President of the VEO of Russia, president, academician of the International Academy of Management, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc.(Econ.), professor (Moscow, RF)
- M.A. ESKINDAROV** Rector of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation», member of the International Union of Economists, vice-president of the VEO of Russia, honored scholar of the Russian Federation, Dr. Sc. Econ., professor (Moscow, RF)
- Yu.V. YAKUTIN** Member of the Coordination Council of the International Union of Economists, chairman of the Board of Directors, scientific director of «Publishing House «Economic Newspaper», vice-president of the VEO of Russia, honored scientist of the Russian Federation, Dr. Sc. Econ., professor (Moscow, RF)

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИКЛ КРУГЛЫХ СТОЛОВ «МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ»

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СМОЖЕТ ЛИ ГЕРМАНИЯ СОХРАНИТЬ ЕС?»

А.А. Дынкин Вступительное слово	20
А.А. Громько Германия – робкий лидер ЕС?.....	23
М.В. Ершов О перспективах ЕС и о качестве прогнозов	44
Р.С. Гринберг Рано хоронить Европу и не в наших интересах желать ее кончины.....	51
Е.Н. Ведута Внедрение экономической киберсистемы как инструмент сохранения лидерства Германии	56
Э.В. Митрофанова Германия и ЕС	68
К.С. Тетерятников Европейский союз глазами российского бизнеса.....	77
А.А. Дынкин Заключительное слово	125

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СТАНЕТ ЛИ КИТАЙ ЛИДЕРОМ НОВОГО ВЕКА?»

А.А. Дынкин Вступительное слово	132
---	-----

В.В. Михеев Станет ли Китай лидером нового века?.....	135
А.В. Островский Способен ли Китай стать мировым лидером: за и против.....	159
Н.Н. Котляров Взаимодействие Китая с внешним миром в условиях «новой нормальности» китайской экономики.....	167
Г.Н. Цаголов Китай – новое интегральное общество.....	175
М.А. Коробейников Что необходимо сделать, чтобы вернуть России лидерство в новом веке?	180
Ю.В. Тавровский Глобализм с китайской спецификой.....	199

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ТРАМПА»**

А.А. Дынкин Вступительное слово	212
В.Н. Гарбузов Контурсы философии Дональда Трампа.....	216
С.Ю. Глазьев Экономическая программа Д. Трампа.....	235
Ю.Н. Рогоулёв Экономическая политика президента Трампа	244
В.Б. Супян Судьба инициатив Трампа	254

В.Ю. Журавлёва

Д. Трамп: ответ на трансформацию социального контракта..... 262

М.А. Коробейников

Экономические программы России

конца XX и начала XXI веков: прогноз и реальность..... 266

**XXVI ЕЖЕГОДНОЕ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ
«МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ»**

А.А. Громько

Большая Европа: внутренние и внешние

угрозы безопасности 288

Р.С. Гринберг

Страна и мир перед лицом грозных вызовов..... 309

В.И. Щербаков

Стратегическая направленность

экономической политики России..... 321

И.В. Легасова

Проблемы и перспективы экономического роста в России..... 341

О.Н. Сосковец

Положение дел в промышленной индустрии

строительства и перспективы ее укрепления и развития..... 354

Е.Ф. Малитиков

Мировая экономика: глобальные изменения..... 367

Л.Н. Шевелёв

Инновационное развитие черной металлургии 381

К 75-летию Н.Н.Потрубача..... 391

CONTENTS

CYCLE OF THE ROUND TABLES «WORLD ECONOMY: GLOBAL CHANGES»

ROUND TABLE «WILL GERMANY BE ABLE TO PRESERVE THE EU?»

A.A. Dynkin Opening speech.....	20
A.A. Gromyko Germany – timid leader of the EU?	23
M.V. Ershov About EU prospects and quality of forecasts	44
R.S. Grinberg It is early to bury Europe and it is not in our interests to wish it’s demise	51
E.N. Veduta The introduction of economic cybersystem as an instrument for preserving Germany's leadership	56
E.V. Mitrofanova Germany and the EU	68
K.S. Teteryatnikov European Union viewed by Russian Business.....	77
A.A. Dynkin Concluding remarks.....	125

ROUND TABLE «WILL CHINA BE ABLE TO BECOME A NEW CENTURY LEADER?»

A.A. Dynkin Opening speech.....	132
---	-----

V.V. Mikheyev Will China be able to become a new century leader?.....	135
A.V. Ostrovskii Will China be able to become a world leader: for and against	159
N.N. Kotlyarov New normality of China's economy and interaction with the world	167
G.N. Tsagolov China – a new integral society	175
M.A. Korobeynikov What should be done to enable Russia to gain leadership in the new century?	180
Yu.V. Tavrovsky Globalism with Chinese characteristics.....	199

ROUND TABLE
«TRUMP’S ECONOMIC POLICY»

A.A. Dynkin Opening speech.....	212
V.N. Garbuzov The contours of Trump's philosophy	216
S.Yu. Glaziev Trump's economic program	235
Yu.N. Rogoulev President Trump's economic policy.....	244
V.B. Supian The fate of Trump's initiatives.....	254
V.Yu. Zhuravleva Trump: the challenge of broken social contract.....	262

M.A. Korobeynikov

Russia's economic programs in late
20th – early 21st centuries: forecast and reality 266

**XXVI ANNUAL MEETING
OF THE INTERNATIONAL
UNION OF ECONOMISTS MEMBERS
«WORLD ECONOMY: GLOBAL CHANGES»**

A.A. Gromyko

Greater Europe: internal and external security threats..... 288

R.S. Grinberg

Country and world in the face of menacing challenges..... 309

V.I. Shcherbakov

The strategic thrust of Russia's economic policy..... 321

I.V. Legasova

Problems and prospects of economic growth in Russia 341

O.N. Soskovets

Situation in industrial construction sector
and prospects of its consolidation and development 354

E.M. Malitikov

World economy: global changes 367

L.N. Shevelev

Innovative development of ferrous metallurgy..... 381

For the 75th jubilee of N.N.Potrubach..... 391

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«СМОЖЕТ ЛИ ГЕРМАНИЯ
СОХРАНИТЬ ЕС?»**

**ROUND TABLE
«WILL GERMANY BE ABLE
TO PRESERVE THE EU?»**

**29 марта 2017 г.
Дом Экономиста
г. Москва**

Круглый стол «Сможет ли Германия сохранить ЕС?»

Круглый стол «Сможет ли Германия сохранить ЕС?»

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

OPENING SPEECH

А.А. ДЫНКИН

Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, вице-президент ВЭО России, член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Комиссии при Президенте РФ по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности, член Президиума РАН, член Научного совета при Министре иностранных дел РФ, член Научного совета при Совете Безопасности РФ, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик Международной Академии менеджмента, д.э.н., профессор

A.A. DYNKIN

Vice President at the International Union of Economists, president at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) under the Russian Academy of Sciences, vice-president of the VEO of Russia, member of Presidium at the Presidential Council for Science and Education, member of the Presidential Committee for Development Strategy of Fuel and Power Complex and Environmental Security, member of Presidium at the Russian Academy of Sciences, member of the Academic Council under the Russian Foreign Minister, Member of the Academic Council under the Russian Security Council, Secretary Academician at the Department for Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences, academician of the International Academy of Management, Dr. Sc. (Econ.), professor

Уважаемые коллеги, мы планируем провести три круглых стола по наиболее интересным, с моей точки зрения, темам эволюции современного мирового порядка. Я думаю, что большинству из собравшихся в этой аудитории, понятно, что такой стационарный миропорядок, который мы наблюдали, скажем, с начала 90-ых годов, который можно, если говорить коротко, охарактеризовать как однополярный миропорядок – ему пришел конец. И это понимаем не только мы здесь. Зримым свидетельством этому являются такие события, как брекзит, избрание 45-го Президента Соединенных Штатов.

Много вещей говорит о том, что мировой порядок вступает в достаточно тяжелую турбулентную полосу изменений, транзита, трансформаций, поиска какой-то новой нормальности, характеристики которой еще нам не очень понятны. И те регионы и страны, которые мы выбрали для цикла семинаров: Европа, Китай и Соединенные Штаты – это, конечно, те игроки на мировой сцене, которые больше всего нас интересуют.

Если говорить о Европе. Летом вышел такой доклад, Алексей Анатольевич меня поправит, я точно не помню его название, но это некий стратегический прогноз развития Европейского союза. И там содержится признание в том, что Европейский союз находится в своего рода экзистенциальном кризисе: кризисе экономическом, кризисе интеграции, кризисе границ, кризисе содержания социально-экономической жизни.

Почему нас интересует Европа? Очевидно, что, несмотря на все ухудшения отношений, несмотря на санкционную политику, Европа остается нашим ближайшим соседом, крупнейшим торговым партнером, если брать все страны двадцати семи. Но, конечно, на этом пространстве происходят очень драматические изменения. Поэтому у нас сегодня достаточно острая постановка, она такая политически некорректная, потому что, если где-то в Европе поставят такую тему: «Может ли Германия сохранить Европейский союз?», многие люди за голову схватятся, потому что это не политкорректно с европейской точки зрения. Но мы себе, к счастью, можем это позволить.

Dear colleagues, we plan to hold three round table forums devoted to the topics dealing with the evolution of the modern world order, which are most interesting in my point of view. I think that the majority of people present here understand what the term «fixed world order» means. We have observed this type of world order since, say, 1990s, and, briefly speaking, it can be referred to as «a single-pole world order.» Now, the single-pole world order has come to an end, and it is clear not only to us. Its visible evidence includes such events as Brexit and election of the 45th US President.

Many factors show that the world order enters a challenging and turbulent stage of changes, transition, transformation and looking for some new normality with features that are not really clear to us. The regions and countries that we have chosen for this series of workshops – Europe, China, and the United States – are the players that we take interest in most of all.

Let us begin with Europe. In summer, a report was released. I do not remember its exact name. Alexey Anatolyevich will correct me if I am mistaken, but it is a sort of strategic forecast devoted to the development of the European Union. The authors of the document admit that the EU suffers from a sort of existential crisis. This crisis extends to the fields of economy, integration, borders and content of socio-economic life.

Why do we take interest in Europe? Despite the deterioration of relations between Russia and the EU, despite the economic sanctions, it is obvious that Europe remains our nearest neighbor and major trade partner, if we take all 27 member states. Yet, dramatic changes take place in this space. That is why we formulate the question acutely, though the way it is put may seem politically incorrect. In fact, if the topic «Can Germany save the EU?» is raised somewhere in Europe, the Europeans will be horrified as this wording is politically incorrect. Fortunately, we can afford to formulate the question in such a way.

ГЕРМАНИЯ – РОБКИЙ ЛИДЕР ЕС?

GERMANY – TIMID LEADER OF THE EU?

А.А. ГРОМЫКО

Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института Европы РАН, шеф-редактор журнала «Современная Европа», Член Президиума ВЭО России, член Научного Совета Безопасности РФ и Научного Совета при МИД РФ, член-корреспондент РАН, д. полит. н., профессор.

A.A. GROMYKO

Member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the magazine «Contemporary Europe», member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Scientific Security Council of the Russian Federation and the Scientific Council of the Russian Ministry of Foreign Affairs, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Polit.), Professor

2017 год – время сразу нескольких громких юбилеев. Если мы говорим о Европейском союзе, то это шестьдесят лет подписания Римских договоров. В этом году, 25 марта двадцать семь стран-членов Евросоюза, без Великобритании, встретились на неформальном саммите в Риме и отметили эту дату.

В более широком плане отмечается столетие русской революции, или русских революций, в зависимости от интерпретации

того периода истории. И в этом смысле Европа тоже первой приходит на ум, потому что, если бы не эти события, то, в первую очередь, Россия была бы другой (мы не знаем какой, но другой), другой была бы и Европа, и во многом – весь мир.

Не могу не отметить, что в этом году отмечает свой юбилей и Институт Европы – тридцать лет. Одновременно исполняется двадцать пять лет организации, созданной по инициативе его сотрудников – Ассоциация европейских исследований (АЕВИС). Ее президентом-основателем стал Юрий Антонович Борко. Сегодня в ассоциацию входят двадцать шесть региональных отделений по всей стране от Калининграда до Томска.

Одна из центральных европейских тем – конечно же, брекзит. Символично то, что уже через несколько дней после того злополучного для ЕС британского референдума на свет появился важный для будущего интеграционного проекта документ с претенциозным названием – «Глобальная стратегия Евросоюза». Вокруг этого документа развернулось много споров и дискуссий, которые будут происходить и дальше. В стратегии прописаны рецепты того, как ЕС сохранить свою роль в качестве одного из центров влияния в XXI веке. Институт Европы РАН выпустил несколько аналитических работ, посвященных этой тематике. Они размещены на сайте instituteofeurope.ru.

В марте с пометкой «молния» по всему миру разлетелась новость о том, что Дональд Туск, председатель Европейского совета, или, как его часто называют, – президент ЕС, получил официальное уведомление от премьер-министра Великобритании Терезы Мей о задействовании пятидесятой статьи лиссабонского договора. Так началась официальная процедура по выходу Великобритании из ЕС. Это займет не меньше двух лет, и за это время брекзит еще преподнесет немало сюрпризов.

Рассуждая о современном состоянии дел в ЕС и о его будущем, нельзя не остановиться на роли Германии, особенно на фоне брекзита. Великобритания во многом внутри Евросоюза могла побороться с Берлином за звание лидера. Но теперь ясно, что уже совсем скоро в ЕС останется единственный явный претендент на это звание – ФРГ.

Итак, современное драматическое состояние дел в Евросоюзе, в том числе брекзит, как и избрание Д. Трампа, ставит вопросы о будущем этого регионального интеграционного проекта. В част-

ности – об усилении различных диспропорций и диспаритетов внутри ЕС. Для Германии эти и другие события – веская причина задуматься о своей дальнейшей тактике и стратегии как внутри объединения, так и на международной арене.

Хорошо известно, что мотором европейской интеграции, начиная с 1950-х годов, служил тандем Франция и Германия при поддержке Италии. С 1973 года к ним присоединилась Великобритания; образовалась своего рода «большая четверка». Но важно то, что Британия присоединилась к ЕС не столько как единомышленник, сколько как внутриевропейский центр силы, который, преследуя свои интересы, по ходу дела сближался то с Берлином, то с Парижем. И, как правило, именно эти две столицы – Париж и Берлин – оставались до недавнего времени ключевыми игроками в ЕС, что в очередной раз (и на сегодня в последний), было продемонстрировано в годы правления Жака Ширака и Герхарда Шредера.

Эта ситуация не мешала Лондону находить свои ниши по выстраиванию привилегированных отношений то с одним, то с другим визави. Всем памятна встреча Тони Блэра и Жака Ширака во французском Сан-Мало в 2008 году. Встреча, которая запустила общую внешнюю политику и политику безопасности Евросоюза.

Позже на уровень беспрецедентного сотрудничества в военной сфере Британия и Франция вышли, подписав Ланкастерское соглашение в 2011 г. Опять же, именно эти две страны тогда же сыграли ключевую и, надо сказать, незавидную роль в военном вмешательстве в Ливии. В последующие годы происходило сближение Лондона уже с Берлином на почве экономической и управленческой модернизации Евросоюза. В то же время, Париж встал на сторону стран Южной Европы, выступив против политики жесткой экономии, столь восхваляемой Германией. Но какой бы ни была динамика взаимодействия внутри этого треугольника, его вершины со временем стали в массовом сознании восприниматься в качестве «большой тройки» ЕС с регулярным подключением Италии.

Надо сказать, что такое положение дел быстро меняется. Так, в Евросоюзе есть практика не только неформальных саммитов и заседаний Европейского совета, но и неформальные мини-

саммиты. Один из них прошел в марте в Версале, и в нём участвовала «большая четверка». Но кто вошел в эту «большую четверку»? Это Франция, Германия, Италия и уже не Великобритания, а Испания. У Евросоюза теперь новая «большая четверка», без Лондона.

После брекзита проблема переутверждения франко-германской оси заключается в том, что по сравнению с первыми десятилетиями функционирования Евросоюза (тогда еще Европейского экономического сообщества) сильно изменились и Франция, и Германия. Причем относительный вес первой сильно упал, а относительный вес второй значительно вырос.

Экономика Франции все последние годы находилась в достаточно сложном положении. Регулярно возникали рассуждения о том, что эта страна может стать следующим слабым звеном Еврозоны. Во главе нее уже несколько лет стоит беспрецедентно непопулярный президент-социалист, в то время как правоцентристский фланг партийно-политической системы Франции раздроблен, а центр, так скажем, подвешен: за фигурой Эммануэля Макрона не стоит какое-либо сильное политическое движение. Пожалуй, такое происходит впервые в истории Пятой республики, если не считать легендарного Де Голля, который перед приходом к власти и в отсутствие своей собственной партии был политическим тяжеловесом. На фоне дезориентации в кругах политического истеблишмента Франции и неопределенности будущего страны, мы видим, как набирает очки Национальный фронт во главе с Марин Ле Пен.

Во многом противоположные процессы происходили все последние годы или, по крайней мере, до недавнего времени, в Германии. Она сумела обратить к своей выгоде идею наднационального характера Евросоюза и единой валюты. Бисмарк говорил о кошмаре коалиций, имея в виду их переменчивость и неустойчивость. Но современный Берлин обрел рычаги приращения своего влияния именно с помощью коалиционного характера как внешней, так и внутренней среды.

Посмотрим на экономику этой страны. Она достаточно уверенно преодолела первую фазу кризиса в 2008–2009 годах, подтвердив репутацию экономического мотора европейской инте-

грации. Под контролем все эти годы были и безработица, и инфляция. Ангела Меркель получила всеобщее признание в качестве тяжеловеса Евросоюза. В обиход вошла фраза, скорее лестная, чем критическая, что Германия теперь стала слишком велика для Европы, хотя еще мала для мира.

С возможным окончательным уходом в начале XX века в прошлое деголлевской Франции и с новой волной евроскептицизма в Великобритании и по всей Европе, на Берлин, помимо Брюсселя стали возлагать все большие надежды как на тот центр силы и влияния, который вытаскивает регион из массы проблем. Но не стоит переоценивать немецкую экономическую систему. За время своего существования, если взять за точку отсчета 1949 год, ФРГ шесть раз оказывалась в кризисе, когда ВВП опускался ниже нуля. В период с 2004 по 2015 г. в сумме лишь четыре года отмечался рост ВВП этой страны больше, чем на 2%. Это были 2006, 2007, а за тем 2010 и 2011 гг. При этом несколько лет этот рост был ниже одного процента (2005, 2012, 2013), а в 2009 г. произошел провал на 5,6%. Об экономическом чуде Германии говорить не приходится; если оно и было, то осталось в 1950-х гг.

Последние годы Германия смотрелась лучше на фоне тех, кто выглядел еще хуже. Экономически оставаясь наиболее мощной экономикой в Евросоюзе, у этой страны не так много резервов для ускорения своего роста.

В отличие от традиционных амбиций Лондона и Парижа, Германия до недавнего времени не претендовала на существенную автономию своей политики в рамках Евросоюза, тем более за его пределами. Уверенитет Германии оставался и, по существу, остается под «двумя замками». Замок первый – это пул суверенитетов Евросоюза, который налагает на любую страну, влившуюся в него, добровольные ограничения на суверенитет. Второй замок – это рудименты, сохраняющиеся до сих пор, внешнего управления ФРГ как наследие 1945 года.

Много изменилось с 1990 года. На Западе известен тезис о том, что падение Берлинской стены закрыло вопрос о коммунизме, но снова открыло германский вопрос. Действительно, в том или ином виде с 1990-х гг. рассуждения о германском вопросе, будь то в положительном или негативном смысле, звучали постоянно.

Громкой заявкой на самостоятельность в принятии решений по крупным проблемам стала оппозиция Берлина Вашингтону по вопросу о вторжении в Ирак в 2003 г. Позже Германия позволила себе проявить лидерские качества в условиях бюджетного и долгового кризиса в Евросоюзе и в Еврозоне, а затем в начальной стадии миграционного кризиса.

Долгое время ФРГ была заложницей той же парадигмы, что и Евросоюз в целом: экономический гигант, но политический легковес. Конечно, асимметрия между экономической мощью Евросоюза и незрелостью его внешней политики в последнее десятилетие постепенно уступало место более сбалансированному соотношению эти двух элементов. Однако представляется, что, несмотря на все декларации, их паритет – дело не скорого будущего. В этой сфере последствия брекзита могут быть самыми противоречивыми.

Ключевые страны ЕС, освободившись от британского евроскептицизма, могли бы, по логике вещей, энергично продвигать свою общую внешнюю политику и политику безопасности и политику безопасности и обороны. После британского референдума эти устремления быстро напомнили о себе, например, на неформальной встрече Ф. Могерини, высокого представителя Евросоюза по вопросам внешней политики и безопасности, с министрами иностранных дел и обороны стран-членов Евросоюза в Братиславе в сентябре 2016 года. Затем эта тема громко прозвучала в совместном документе «Сильная Европа в мире неопределенности» (документ за подписью Ф.-В. Штайнмайера, теперь уже президента Германии, и Ж.-М. Эйро, министра иностранных дел Франции). В этом документе содержались предложения о заключении государствами-членами Евросоюза европейского пакта безопасности.

Большим испытанием для политических амбиций Германии стал долговой кризис целого ряда стран (Ирландии, Португалии, Италии, Испании), а затем, конечно же, в последние два года, – миграционный кризис. В первом случае, в случае кризиса долговых обязательств, репутация Берлина пошатнулась в глазах Южной Европы, включая Францию и Италию. Во втором, в случае миграционного кризиса, репутации Берлина был нанесен удар в

глазах Центральной Европы, особенно «Вишеградской четверки» (Польша, Словакия, Чехия и Венгрия).

Все больше стран в последние годы подозревают Германию в том, что она действует, исходя не только и даже не столько из общего блага, сколько из собственных интересов, тем самым в очередной раз стимулируется дискурс о так называемых «национальных эгоизмах» в Евросоюзе.

Кроме того, Германия, как внутри ЕС, так и со стороны США, постоянно подвергается критике за выдвижение своим партнерам неподъемных требований относительно политики жесткой экономики. И одновременно Берлин продолжает делать ставку на агрессивную экспортную ориентацию немецкой экономики.

В результате этих событий политические активы ФРГ, накопленные в годы тучных коров и в начальный период финансово-экономического кризиса, сильно растрочены.

Светлая сторона брекзита для Германии состоит в том, что продолжение дрейфа Лондона от континентальной Европы вновь стимулирует рассуждения о лидерстве Берлина в Европе. Здесь, конечно, много «но». Может ли быть лидерство, предположим, без жесткой силы? Что говорят данные? Численность Бундесвера в 2016 г. составляла 185 000 человек, а до объединения Германии – 600 тыс. Расходы на оборону в ВВП страны с 2009 по 2014 год снизились с 1,44 до 1,29%.

Показательна и «дискуссия о 2%», разгоревшаяся в НАТО с новой силой после прихода к власти Трампа. Германия, и это сильно проявилось на Мюнхенской конференции безопасности в феврале 2017 г., не хочет повышать свои военные расходы и ставит вопрос о том, что в расходах на безопасность надо учитывать не только расходы на «военное железо», а все расходы на безопасность (например, двадцать миллиардов евро, которые страна потратила на борьбу с миграционным кризисом). В этом заключается большое противоречие в позиции Германии на фоне ее же энтузиазма по поводу постепенного разворота Евросоюза в сторону жесткой силы.

В новой Глобальной стратегии ЕС так и написано, что «в современном хрупком мире мягкой силы недостаточно». Вновь вспомним и совместный документ Штайнмайера и Эйро, где го-

ворится примерно то же самое. Но одновременно Берлин проявляет антипатию к наращиванию собственной жесткой силы, хотя и со все меньшей степенью убежденности и интенсивности. В целом речь пока продолжает идти о феномене сомневающегося лидера, который во многом тяготеет выпавшей на его долю ответственностью. В то же время, культура военной сдержанности, традиционная для Германии, дает первые трещины.

Если германский пацифизм все же будет доминировать и дальше, вместо усиления роли Германии брекзит может привести и к иному эффекту: к высвобождению политического пространства для продвижения амбиций не Германии, а других государств, например, Франции, Италии, Испании, Польши. Но, конечно, и здесь встает множество вопросов, и поговорка о том, что свято место пусто не бывает, может необязательно сработать в этом случае. Если взять все перечисленные страны, то не просматривается, чтобы любая из них имела бы ресурсы, возможности, да и желание взять на себя бóльшую роль. Возможно, что положение изменится в случае победы на президентских выборах во Франции Э. Макрона и второго пришествия во власть в Италии М. Ренци.

На сегодня Германия сохраняет свое место в категории наиболее евро-оптимистически настроенных стран Евросоюза. Согласно социологическому опросу, проведенному в Германии 23 марта 2017 г., 45% немцев считают, что членство в ЕС выгодно для их страны, а 75% проголосовало бы за сохранение ее членства в Евросоюзе, если бы такой референдум был проведен.

Многое зависит и от результатов грядущих в сентябре парламентских выборов в ФРГ. Вновь борьба разгорелась между двумя ведущими силами – альянсом ХДС/ХСС и СДПГ. Но какой бы ни был результат, речь пойдет о приходе к власти той или иной коалиции. Однопартийного правления в Германии сейчас возможно лишь в теории. Большинство немцев, по тем же самым опросам, выступает за большую коалицию, то есть за коалицию ХДС/ХСС и СДПГ. Одновременно, каждая из ее двух потенциальных составляющих будет стремиться к созданию коалиции иной конфигурации.

Первые месяцы 2017 г. Германия жила в тени «эффекта Шульца». Он набирал обороты, по крайней мере, до выборов в

федеральной земле Саарланд, которые прошли 26 марта, и на которых партия Меркель, ХДС, одержала убедительную победу. Но, действительно, после того, как бывший председатель Европарламента Мартин Шульц решил попробовать себя в национальной политике, СДПГ в беспрецедентной манере одним рывком сократила 10%-ое отставание в опросах общественного мнения от ХДС/ХСС.

В среднем социал-демократы получали в опросах 30–32%, а ХДС/ХСС – 32–34%. И все же «эффект Шульца» не производил впечатления устойчивого, а его предвыборная платформа долгое время была очерчена в самых общих чертах. Впервые Шульц пространно высказался по ключевым предвыборным темам на внеочередном съезде СДПГ 19 марта, на котором единогласно был избран лидером СДПГ и утвержден кандидатом на пост канцлера от этой партии.

Меркель же сосредоточилась на налаживании отношений с правым крылом ХДС, которые во многом были испорчены из-за миграционного кризиса, и также на во многом сопутствующей проблеме – турецкой. Ожидания заключаются в том, что после референдума об изменении конституции в Турции 16 апреля страсти между Анкарой и Берлином поулягутся, и дамоклов меч выхода Турции из соглашения с Евросоюзом о беженцах не сойдет вниз.

Еще одна, относительно недавняя проблема для Берлина – отношения с Польшей. В ней главный камень преткновения не верховенство закона, не либеральная демократия, хотя это звучит больше всего, а нечто намного более приземленное и меркантильное – проект «Северный поток – 2». В этом споре Варшава разворачивает принципы солидарности в Евросоюзе в свою пользу, обвиняя уже Берлин в национальном эгоизме, то есть, в данном случае, в пренебрежении интересами средних и малых стран Евросоюза. Когда же Польше указывают на то, что с 2004 года она получила из структурных фондов ЕС порядка восьмидесяти миллиардов евро, то следует ответ, что 80% из каждого евро возвращалось в Брюссель, и что Германия за тот же период продала в Польшу своих товаров на сумму в пятьдесят пять миллиардов евро. Также Варшава была взбешена тем, что 9 марта, против ее

воли, на новый срок, два с половиной года, в качестве председателя Европейского совета был переизбран поляк Дональд Туск, и Германия полностью поддержала его кандидатуру. Туск же является злейшим политическим противником правящей в Польше партии «Право и справедливость» во главе с Я. Качиньским.

Еще одно яблоко раздора между грандами Евросоюза, в первую очередь, Германией и малыми странами – это концепция Европы «разных скоростей» или многоскоростной Европы. Уместно вспомнить еще об одной подноготной саммита, который прошел в Брюсселе 9 марта. Она состояла в том, что 1 марта Еврокомиссия опубликовала Белую книгу, в которой изложено пять сценариев развития Евросоюза на ближайшие годы. Первый – продолжение курса, второй – только единый рынок, третий – кто хочет больше, делает больше, четвертый – делать меньше более эффективно, пятый – делать больше вместе. Считается, что фаворитом Брюсселя является сценарий третий: «кто хочет больше, делает больше». То есть, это «хороший знакомый» – «Европа разных скоростей».

В этой концепции ничего нового нет. «Европа разных скоростей» в полную силу получила выражение в проекте Еврозоны. В Еврозону входит девятнадцать из двадцати восьми стран, и только десять из этих девятнадцати стран поддерживают идею введения налога на финансовые транзакции. Другой пример – Шенгенская зона. Только двадцать две страны из ЕС-28 входят в нее.

А. Меркель, как считается, симпатизирует комбинации из третьего и четвертого сценариев: «кто хочет больше, делает больше» плюс «делать меньше более эффективно». Жан-Клод Юнкер, председатель Еврокомиссии, предпочитает комбинацию из третьего и пятого сценариев: «Европа разных скоростей» плюс «делать больше вместе». В результате того, что ряд стран – Польша и другие члены Вишеградской четверки, Румыния – выступили резко против продвижения этой идеи, которую Берлин поддержал, под угрозой оказалось принятие юбилейной декларации в Риме 25 марта. В результате была найдена обтекаемая формула, чтобы удовлетворить всех, которую Меркель закрепила на пресс-конференции после саммита. Она подтвердила, что возможно использовать разные скорости интеграции, но при этом речь идет о движении в одном направлении.

Возвращаясь к выборам в Германии. На первом месте, как уже было отмечено, стоит вариант «большой коалиции». Но есть шансы и у другой «цветовой гаммы»: «красные-красно-зеленые». То есть СДПГ, Левая партия и «Союз-90/Зеленые». Проблема в том, что пока в сумме эти три силы не набирают 50 или более процентов голосов. Что касается Партии свободных демократов, которая не прошла в Бундестаг в 2013 г., сейчас у нее порядка 6–7%, и она может вновь войти в парламент. Что касается «Альтернативы для Германии», то у этой внесистемной политической силы 10–11%. Несмотря на это, она считается партией нон-грата для всех других игроков и даже в теории не имеет шансов претендовать на вхождение в какую-либо правящую коалицию.

Полития Германии после выборов сохранит характер мейнстрима, не стоит ждать, что в ней произойдет что-либо близкое к событиям в США или Великобритании. И во внешней политике выражением этого станет стремление к возрождению франко-германского тандема в Евросоюзе. По крайней мере, на это рассчитывают центристы во Франции. Да и у Берлина вряд ли есть иная альтернатива.

16 марта на встрече с Меркель Франсуа Макрон заявил о том, что Германия в последние два года изменила стратегию: ранее она делала ставку на сближение с Россией и Китаем, а теперь вновь возвращается к Франции. Надо сказать, что внешняя политика Берлина, действительно, до сих пор не отличается особой диверсификацией; например, такой факт: до сих пор в немецком МИД нет департамента Азии.

Что касается перспектив отношений России и Германии во главе с перелицованной «большой коалицией», то оптимизм здесь не уместен. Руководя Европарламентом, Мартин Шульц всегда прямолинейно выступал с жестких антироссийских позиций. Он также является убежденным сторонником внешней политики, основанной на ценностях, от чего был достаточно очевидный отход при Штайнмайере. А как известно, такой идеологический подход не сулит ничего хорошего отношениям между Германией и Россией.

Что касается вопроса о том, кто станет следующим канцлером ФРГ, то интрига также налицо. Трудно представить, что Меркель,

после трех сроков во власти, согласится на вторые роли. Но не менее очевидно, что Шульц добровольно отказался от поста президента Европарламента не для того, чтобы в Германии стать вторым номером.

2017 is a year of several prominent anniversaries. For the European Union it is the 60th anniversary of the Treaty of Rome. This year, on March 25th, twenty seven EU members, minus the UK, have gathered to an informal summit in Rome to celebrate this anniversary.

In broader terms, we commemorate the centenary of the Russian Revolution, or Russian Revolutions, depending on how we interpret that period. And in that context, we first think about Europe again because, if not for those events, Russia would be different today (we can't be sure what it would be, but it would be different indeed), Europe would be different, and in many ways the whole world would be different, too.

I must also mention that this year, the Institute of Europe celebrates its 30th anniversary. The Association of European Studies (AES), an organization initiated by the Institute's staff, turns 25 this year. Its Founding President is Yuri Antonovich Borko. Today the Association has twenty six regional offices across the country, from Kaliningrad to Tomsk.

One of the topics that is currently in the spotlight in Europe is, of course, the Brexit. It is symbolic that just a few days after the British referendum that had proven to be disastrous for the EU, an important document determining the future of the entire integration project was published, it was pretentiously titled the EU Global Strategy. The document has sparked massive arguments and discussions, and they will continue in the future. The strategy establishes the recipes for the EU to maintain its position as one of the centers of influence in the 21st century. The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences has made several analytical publications on the topic. They can be accessed at instituteofeurope.ru.

In March, news broke around the globe that EC President Donald Tusk had received an official notification from UK Prime Minister

Theresa May on enactment of the 50th article of the Treaty of Lisbon. Thus the official procedure for the UK's withdrawal from the European Union has commenced. It will take at least two years to complete, and until then Brexit is sure to hand us many surprises.

While discussing the current situation in the EU and its future, we can't but focus on the role of Germany, especially against the backdrop of Brexit. In many respects, the UK could challenge Berlin's leadership within the European Union. But now it is clear that in a little while Germany is going to become the sole apparent contender to the title in the EU.

Eventually, the current dramatic state of affairs in the EU, including Brexit, as well as the election of Donald Trump, opens the question about the future of this regional integration project. And specifically, the question about further aggravation of various disproportions and disparities within the EU. For Germany, these and other events are a good reason to reflect on its further tactics and strategies both within the union, and in the international arena.

It is well known that starting from the 1950s, European integration had been driven by the tandem of France and Germany, with the support from Italy. In 1973, the UK joined the company, creating the Big Four of sorts. But one important factor is that Britain joined the EU not so much as a like-minded ally, but rather as an intra-European center of power that, in pursuit of its own interests, developed closer ties with both Berlin and Paris. And generally, it is these two capitals – Paris and Berlin – that until recently were the key players within the EU, as was once again (and so far, for the last time) demonstrated during the leadership of Jacques Chirac and Gerhard Schroeder.

This situation never stopped London from finding its own niches in which to build its privileged relations with one counterpart, and then with the other. Everyone remembers a meeting between Tony Blair and Jacques Chirac in France's Saint-Malo in 2008. The meeting that launched the joint foreign policies and security policies of the European Union.

Later Britain and France reached an unprecedented level of military cooperation when they signed the Lancaster Treaties in 2011. Again, these two countries have played the key and, I must add, an unfortunate role in the military intervention in Libya. In the following

years London kept growing closer with Berlin due to the economic and administrative modernization of the European Union. At the same time, Paris sided with the countries of the Southern Europe, speaking against the policy of austerity that had been much vaunted by Germany. But whatever the dynamics within this triangle, in time its vertices came to be widely perceived as the EU's Big Three, with regular inclusion of Italy.

But we must note that this situation is rapidly changing. The EU practices not only informal summits and meeting of the European Council, but informal mini-summits as well. One of them was held in Versailles in March and was attended by the Big Four. But what Big Four are we talking about? They were France, Germany, Italy and Spain, in place of the UK. The European Union has a new Big Four, without London.

After Brexit, the problem with restatement of the France-Germany axis is that both France and Germany have changed greatly since the first decades of the European Union (then named the European Economic Community). The relative weight of the former has declined dramatically, while the relative weight of the latter has grown massively.

Over the recent years, the economy of France has been in a rather difficult situation. It has been regularly speculated that the country might become the next weak link in the Eurozone. It has been led for several years by a socialist President with an unprecedented level of unpopularity, while the center-right of the French political party system is fragmented, and the center is in limbo of sorts: Emmanuel Macron is not backed by any powerful political movement. I dare say this is the first such situation in the history of the Fifth Republic, with the exception of the legendary De Gaulle who, before coming to power, was a political heavyweight in his own right, without a political party. Amid disorientation of the French political establishment and uncertainty of the country's future, we witness the National Front led by Marine Le Pen scoring gains.

The processes that have been developing in recent years, or at least until recently, in Germany are largely the opposite. The country has managed to turn to its own advantage the idea of the supranational nature of the EU and its common currency. Bismarck talked about the nightmare of coalitions, implying their fluidity and instability. But to

day's Berlin has taken hold of controls that allow it to gain influence exactly through internal and external coalitions.

Let us look at the country's economy. It remained rather steady throughout the first phase of the 2008–2009 crisis, reaffirming its reputation as a driver for European integration. Over the years, both unemployment and inflation have remained under control. Angela Merkel became a widely recognized heavyweight figure in the European Union. Rather flattering than critical, an observation that Germany is too big for Europe, but too small for the world has become a popular idea.

With De Gaulle's France possibly receding into the past in the early 20th century for good and with the new wave of Euroscepticism in the UK and throughout Europe, hopes are now placed on Berlin, along with Brussels, to become the center of power and influence that can pull the region out of a great many problems. But one must not overestimate the economic system of Germany. Throughout its existence, with the starting point set in 1949, the Federal Republic of Germany has gone through six crises where its GDP declined below zero. From 2004 till 2015 the country had only a total of four years where its GDP grew by more than 2%. These were 2006, 2007, and then 2010 and 2011. For several years, the GDP growth was less than one percent (2005, 2012, 2013), and in 2009 it dropped by 5.6%. There is no economic miracle of Germany to talk about; if there was any, it stayed in the 1950s.

Over the recent years, Germany looked better against the backdrop of those who looked even worse. While still the most powerful economy in the EU, the country does not have many more resources to accelerate its growth.

In contrast to the traditional ambitions of London and Paris, until recently Germany did not seek any significant autonomy for its policies within the EU, and even less so outside of it. The sovereignty of Germany remained, and essentially remains today behind two locks. The first lock is the sovereignty pool of the European Union that imposes voluntary limitations to the sovereignty of any country that joins the Union. And the second lock is the rudimentary elements of external control of the Federal Republic of Germany, a legacy dating back to 1945.

A lot has changed since 1990. There is a well-known thesis in the West that the fall of the Berlin Wall has resolved the issue of communism, but reopened the issue of Germany. And it is true that in one form or another, discussions of the issue of Germany were ongoing throughout the 1990s, whether in a positive or negative sense.

Berlin's opposition to Washington on the issue of the Iraq invasion in 2003 was the country's strong claim for independence in decision-making. Some time later Germany demonstrated its leadership ability amid the budget and debt crisis in the EU and the Eurozone, and then again at the early stages of the migrant crisis.

For a long time, Germany has been a hostage to the same paradigm that affects the European Union as a whole: an economic colossus, politically it weighs little. Of course, during the recent decade the asymmetry of the economic power of the EU and immaturity of its foreign policies have been gradually finding balance. But despite any declarations, it appears that they will not reach parity in the near future. In this area, Brexit could have consequences that are entirely contradictory.

Logically, having broken free from the British Euroscepticism, the key countries of the EU could actively pursue their common foreign policies and security and defense policies. After the British referendum, these aspirations were soon brought up, for example, at the informal meeting of High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy Federica Mogherini with foreign ministers of the EU member states in Bratislava in September 2016. The topic was again a prominent part of a joint document entitled «A Strong Europe in a World of Uncertainties» (signed by Frank-Walter Steinmeier, the now-President of Germany, and by Jean-Marc Ayrault, the French Minister of Foreign Affairs). The document suggested that the EU member states should sign a European security treaty.

The political ambition of Germany was heavily tested by the debt crisis in a number of countries (Ireland, Portugal, Italy, Spain), and then, of course, over the last two years, by the migrant crisis. In case of the former, as a result of the debt crisis, the reputation of Berlin suffered a blow in the eyes of Southern Europe, including France and Italy. In case of the latter, during the migrant crisis, Berlin's reputation

suffered in the eyes of Central Europe, particularly, the Visegrad Four (Poland, Slovakia, Czech Republic and Hungary).

In the recent years, more and more countries have come to suspect Germany of acting not only and not so much for the common benefit, but rather in its own interest, thus again boosting the discourse of the so-called national selfishness in the European Union.

Moreover, Germany is being constantly criticized both from within the EU and by the US for placing overwhelmingly harsh demands on its partners with regards to the austerity policy. And simultaneously Berlin continues to rely on the aggressive export focus of the German economy.

As a result, the political assets of Germany, amassed during its fat years and at the beginning of the financial economic crisis have worn very thin.

The bright side of Brexit for Germany is that further alienation of London from the continental Europe once again brings up the issue of Berlin's leadership in Europe. There are many «buts» here, of course. Can leadership do without hard power? What does data say? The strength of the Bundeswehr in 2016 was 185,000 in personnel, compared to 600,000 before the unification of Germany. Between 2009 and 2014 the share of the country's defense spending in its GDP decreased from 1.44% to 1.29%.

Exemplary is the «2% discussion» that has flared up at the NATO with Trump's ascension to power. Germany, and that has become apparent at the Munich Security Conference in February 2017, does not want to raise its military spending and opens the question that security spending should include not just the «military hardware,» but all security expenses (e. g., the country has spent twenty million euro on migrant crisis management). Here Germany's position contradicts its own enthusiasm for gradual adoption of hard power in the EU.

The new Global Strategy of the EU says outright that «in this fragile world, soft power is not enough.» We can also think again about the joint Steinmeier-Ayrault document that expresses roughly the same idea. But at the same time Berlin remains antipathetic to the buildup of its own hard power, albeit with decreasing conviction and intensity. All in all, for now we are dealing with a hesitant leader phenomenon where the leader in many respects considers the responsibil-

ity to be a burden. At the same time, the culture of military restraint that is traditional for Germany is showing its first cracks.

If Germany's pacifism continues to dominate in the future, instead of heightening the role of Germany, Brexit could have an opposite effect: it could vacate political space for ambitions of countries other than Germany, for example, for France, Italy, Spain, or Poland. But naturally, it raises many questions, and the saying that goes «nature abhors a vacuum» might not work in this case. Out of the above countries, none seems to have the resources, capacity and the will to assume any bigger role. The situation might change should Emmanuel Macron win the Presidential election in France and Matteo Renzi return to power in Italy.

For today, Germany remains among the most Euro-optimistic countries in the European Union. According to the opinion poll held in Germany on March 23, 2017, 45% of Germans believe that EU membership is beneficial for the country, and 75% would vote to stay in the EU if such referendum was organized.

Much depends on the results of the September election in Germany. The race is once again between the two key powers – the alliance of CDU/CSU and the SPD. But whatever the result, the power will belong to one coalition or the other. Today a single-party government in Germany is only possible in theory. According to the same polls, the majority of Germans support a large coalition, i. e. CDU/CSU and SPD. At the same time, each of the two components will strive to create a coalition in a different configuration.

Germany spent the first months of 2017 in the shadow of the Schultz effect. It kept gaining momentum until at least the Saarland elections on March 26, where Merkel's party, the CDU, secured a solid victory. But after the former President of the European Parliament Martin Schultz attempted to try his hand in the national politics, the SPD has unprecedentedly, in a single leap closed its 10% gap with the CDU/CSU according to opinion polls.

On average, opinion polls showed that social democrats had the support of 30–32%, and the CDU/CSU would get 32–34%. And yet, the Schultz effect did not appear to be stable, and his election platform had for a long time remained outlined without much detail. Schultz for the first time talked at length about the key election topics at the ex-

traordinary SPD congress on March 19, where he was unanimously elected the leader of the SPD and his candidacy to the position of the Chancellor was approved.

At the same time, Merkel focused on mending relations with the right wing of the CDU, that were injured by the issues related to the migrant crisis, and on the accompanying problem – the Turkey problem. The expectation was that after the Turkish constitutional referendum on April 16, the issues between Ankara and Berlin might deescalate, and the threat of Turkey's withdrawal from its Refugee Deal with the EU would be avoided.

Another problem for Berlin, this one relatively recent, is its relations with Poland. Here the stumbling point is not the supremacy of law, not liberal democracy, even though that is what's discussed most often, but something much more grounded and materialistic – the Nord Stream 2 project. In this dispute, Warsaw uses the principles of EU solidarity for its own benefit, accusing Berlin of national selfishness and disregard of the interest of mid-sized and small countries of the EU. When Poland is reminded that since 2004 it has received some 80 billion euro from the structural funds of the EU, it responds that 80% of each euro was returned to Brussels, and that during the same period Germany has sold 55 billion euro worth of products to Poland. Warsaw was also enraged when on March 9 Donald Tusk, a Pole, was re-elected as the President of the European Council against its will for two and a half more years, with full support from Germany. Tusk is a staunch opponent of the ruling Polish Law and Justice party led by Jaroslaw Kaczynski.

Another apple of discord for the EU powerhouses – first of all, for Germany and the smaller EU countries – is the European concept of a multi-speed Europe. There is another inside fact about the Brussels summit of March 9. On March 1, the European Commission published its White Paper that presents five development scenarios for the EU for the next few years. The first one continues the course, the second one preserves only a common market, the third one proclaims that whoever wants more should do more, the fourth one is for doing less with higher efficiency, and the fifth one is for doing more together. The third scenario is thought to be favored by Brussels: whoever wants more, should do more. In the end, it is about the same old multi-speed Europe.

There is nothing new about this concept. The concept of a multi-speed Europe was fully reflected in the Eurozone project. Nineteen out of twenty eight countries are members of the Eurozone, and only ten of those are for the proposed financial transaction tax. Another example is the Schengen Area that includes only 22 countries out of 28.

It is believed that Angela Merkel leans towards a combination of the third and fourth scenarios: whoever wants more should do more plus doing less with higher efficiency. The President of the European Commission Jean-Claude Juncker favors a combination of the third and fifth scenarios: multi-speed Europe plus doing more together. After a number of countries – Poland and the other members of the Visegrad Four and Romania – spoke strongly against the idea that was supported by Berlin, the signing of the anniversary Rome Declaration on March 25 was put into question. In the end, a vaguer and broader wording was used to satisfy every party, which was made official by Merkel at the post-summit press conference. She confirmed that integration can be achieved at various speeds, as long as everyone moves in the same direction.

Now back to the elections in Germany. The current leader is the «big coalition» option that we have discussed earlier. But the green-red-green color palette has its chances, too. These colors are the SPD, the Left and the Alliance-90/The Greens. The problem is that together these three powers do not make up 50 or more per cent of votes. The Free Democratic Party failed to take any seats in the Bundestag in 2013, but today it has some 6–7% and has a shot at rejoining the Parliament. The Alternative for Germany is a non-system political force whose support level is at 10–11%. Nevertheless, it is considered a party non-grata for all other players and has no chance to join any ruling coalition.

After the election, German politics will remain mainstream in nature, it can't be expected to offer anything close to the events in the US or the UK. In its foreign policies it will manifest in the desire to revive the French-German tandem within the EU. At the very least, that is what French centrists expect to happen. And Berlin does not seem to have any other options.

During his March 16 meeting with Merkel, Emmanuel Macron said that over the last two years Germany has changed its strategy: it used

to prioritize rapprochement with Russia and China, but now it is coming back to France. It must be noted that Berlin's foreign policies indeed remain rather undiversified; in fact, there is still no Department of Asia in the German Ministry of Foreign Affairs.

Speaking about the potential for Russia-Germany relations under the revamped «big coalition», there is no room for optimism. As the head of the European Parliament, Martin Schultz has always been straightforward in his anti-Russian position. He is also a strong advocate of value-based foreign policies, which is an obvious deviation from Steinmeier's position. And obviously, such an ideological approach only means trouble to the Russia-Germany relations.

With regard to whoever becomes the next Chancellor of Germany, the intrigue is obvious. It's hard to imagine that Merkel, having served three terms at the top, would accept a secondary role. But it is also clear that Schultz did not voluntarily withdraw from Presidency at the European Parliament to become second in Germany.

**О ПЕРСПЕКТИВАХ ЕС
И О КАЧЕСТВЕ ПРОГНОЗОВ**

**ABOUT EU PROSPECTS AND QUALITY
OF FORECASTS**

М.В. ЕРШОВ

Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, главный директор по финансовым исследованиям «Института энергетики и финансов», Член Правления ВЭО России, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, член комиссии по банкам и банковской деятельности РСРП, д.э.н.

M.V. ERSHOV

Member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, managing director for financial research of the «Institute for energy and finance», member of the Board of the VEO of Russia, Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Member of the Commission on Banks and Banking of RSPP, Dr. Sc. (Econ.)

Коллеги, вот, некоторые соображения. Например, европроблема, она у нас в эпицентре внимания с разной степенью остроты встает то сильнее, то слабее, но хорошо демонстрирует, что мы, – все наше мировое экспертное сообщество, – в общем-то, с прогнозами не очень справляемся. Мало кто прогнозировал, что бу-

дет Брекзит; мало кто прогнозировал, как будут решаться проблемы с той же самой, например, кризисной ситуацией в Греции, хотя примерное понимание было. Ну и так далее. А уж про мировую политику я, тем более, не говорю. Последний пример с Трампом, тем более, для многих, что называется, как гром среди ясного неба, для большинства, по крайней мере; для мейнстрима это явный сюрприз. И почти никто не прогнозировал такого результата.

Поэтому, говоря сейчас о прогнозах, которые мы будем иметь в виду в контексте Евросоюза и в контексте проблематики перспектив его существования или укрепления (или ослабления), надо, конечно, рассматривать весь набор аргументов, которые при этом могут быть рассмотрены и могут сыграть свою решающую роль.

Напомню нам всем историю возникновения ЕС. Когда главным фактором была не экономическая ситуация, не экономический аргумент, а политический. Потому что страны-то отличались между собой настолько, что они, по идее, не подлежали к объединению в единую организацию. С одной стороны, мы имели Германию, Францию, может быть, Италию, а с другой – ту же самую Португалию, ту же самую Грецию, то есть страны совершенно разного уровня развития, который явно не вписывался в единый интеграционный механизм. По классическим экономическим канонам эти страны не должны были входить под единый зонтик, по крайней мере, сразу, одновременно.

Но – вошли. Потому что было принято политическое, в первую очередь, решение, и уже потом был вброшен весь остальной ресурс, который позволил каким-то образом это все упаковать в некий единый структурный механизм. Да и то – с некими изъятиями и изъятиями, о чем говорилось. А именно: что да, отчасти, конечно, и это был центральный стержневой уровень, валютная интеграция; да, в значительной степени, денежно-кредитная координация и интеграция; но отсутствовала самая главная (или одна из самых главных) – бюджетная интеграция. То есть бюджетные механизмы, по сути, решались каждым участником по-своему.

В этой связи, если мы будем прогнозировать дальнейшее положение вещей, нам тоже нужно руководствоваться не только и

не столько формальными экономическими моментами, хотя они, естественно, – как среда, как условия – важны, но и общим этим самым контекстом, как принимаются решения. Если по каким-то причинам те центры силы, которые принимают основополагающие решения в регионе, сочтут целесообразным механизм демонтировать, вновь по чисто политическим, в первую очередь, соображениям, значит, он будет демонтирован. Если, напротив, нет, то тут уже и Германия, и все остальные будут принуждаться к укреплению общего механизма. Для них будут созданы максимально комфортные условия, потому что опять, как и при создании, будет вброшен весь имеющийся набор ресурсов, который позволит системе так или иначе все свои проблемы, которые у них возникают, перешагнуть и перемолоть.

На это могут скептики сказать: «Да кто же будет в здравом уме пытаться систему демонтировать? В нее вброшен столь мощный ресурс». Действительно, это очень важный аргумент, что очень большие были потрачены средства, чтобы то, что сейчас мы имеем, создать. Но антискептики скажут для полемики, что и у демонтажа этой системы, и у возникающих в этой связи очевидных процессов дестабилизации есть свои, как это ни странно, плюсы: вы опять начинаете входить в такую интересную «игру» перегруппировки центров влияния, перегруппировки активов, решения накопившихся долговых проблем, которые сильно тянут Еврозону вниз. Классический вариант, очень удобно: кризисная ситуация с долгами – опять либо они замораживаются, либо откладываются, как это бывало уже не раз в прошлом. То есть спекусловия предполагают и спецрежим. Соответственно, проблема долгов будет решена, но через пятьдесят лет, к примеру. (Мы просто с вами постоянно рассуждаем, чтобы во всей этой палитре учесть самые неожиданные сценарии).

Так вот, резюмирую. Я надеюсь, что при прогнозировании тех сценариев, которые возможны, мы будем учитывать и стандартные мейнстримовские аргументы и подходы, о которых уже отчасти говорилось, отчасти будет говориться, и такие чуть-чуть внесистемные аргументы, которые позволят нам избежать тех ошибок, которые мы, экспертное мировое сообщество, не раз уже делали, прогнозируя процессы, базируясь лишь на сугубо мейн-

стримовских подходах. В итоге получалось, что иногда на практике ситуация выглядела прямо обратной той, которая получалась и прогнозировалась.

Еще раз подчеркну. Вроде как здравый смысл (специально говорю «вроде как») говорит о том, что кто же в здравом уме будет пытаться поддерживать систему демонтажа более или менее, худо-бедно, сложившегося механизма, который уже действует двадцать с лишним лет (да, со скрипом, да, со сбоями, но что бывает идеально, особенно на начальных этапах?). Вроде как (вернусь к этому слову). Но с учетом того, что копятся мощные системные проблемы в целом, которые так или иначе надо решать; а как их решать – толком никто и не знает: долговые, интеграционные, глобализационные и прочие вопросы геоэкономического плана. Как раз, где, как ни в условиях, когда будет такая повышенная турбулентность, такие проблемы комфортно решать? Почему нет? Вопросительный знак, но заслуживающий серьезного внимания.

То есть мы тоже должны иметь в виду при кажущемся противоречии здравому смыслу, что есть определенные центры интересов и определенная мотивировка, говорящие о том, что и у такого варианта есть, наверняка, свои союзники. Однако будем надеяться, я сам лично надеюсь, что ситуация нормализуется и Евросоюз будет успешно развиваться и дальше, но нужно иметь каждый раз в виду, что на полях присутствуют эти вопросительные знаки, которые требуют постоянного контроля и ответа. Их нужно иметь в виду, чтобы более правильно выверять курс дальнейшего прогноза и развития. И чтобы нас не застали врасплох любые неожиданные процессы, выходящие за привычные рамки стандартных прогнозов. Большое спасибо.

Dear colleagues, here are a few observations. For example, the euro-problem that remains the focus of our attention with varying degrees of severity and demonstrates clearly that we, the entire global expert community, do not do a very good job with forecasts. Few of us forecasted the Brexit; few of us forecasted the way the crisis situation in

Greece would be resolved, although there was a rough understanding. And so on. Not to mention the international politics. The most recent example is the Trump situation, which for many, or at least for most, came like a thunderbolt from a clear sky; it was a complete surprise for the mainstream. And hardly anyone forecasted the outcome we have seen.

That is why today, when we speak about forecasts in the context of the European Union and in the context of the prospects for its continued existence and strengthening (or weakening), we must analyze the entire range of arguments that can be considered and can play a decisive role.

I would like to remind you of how the EU came into existence. It was a time when the main factor was not the economic situation, not the economic argument, but the political one. Because the countries were so different that they, in principle, could not be united into a single organization. On the one hand there were Germany, France, maybe Italy, and on the other hand there were countries like Portugal, countries like Greece, which had an entirely different level of development that clearly could not be worked into a common integration mechanism. As far as the classical economic canons go, these countries were not supposed to fit under a common umbrella, or at least not in a single step.

But they did. Because a decision was made that was primarily political, and then the rest of resources were committed to it, making it possible to somehow shape it all into a single structural mechanism. And even then it had to be done with some omissions and imperfections, which was a matter of discussion. In particular: yes, to a certain degree, there was the central core level, the currency integration; yes, to a significant extent, there was the monetary and credit coordination and integration; but the main component (or one of the main elements) was missing – the budget integration. Essentially, each member was implementing their own budgetary mechanisms.

In this context, if we are to forecast some further development of the situation, we ought to rely not only and not so much on the formal economic aspects (which, of course, are still important as the environment), but also on this general context of the decision-making process. If for some reason those centers of power that are the funda-

mental decision-makers in the region deem it expedient to demolish the mechanism, due to primarily political motivations, it will indeed be demolished. If they decide otherwise, then Germany and the others will be forced to strengthen the common mechanism. They will enjoy comfortable conditions because just like it was when the EU was created, all the resources will be committed to the cause, allowing the system to overcome and push through all of its problems one way or another.

Skeptics might say: «Who in their right mind would attempt to demolish the system? So many resources have been invested in it.» True, that is a very important argument: massive amounts of money have been spent on creating what we have today. For the sake of the debate, antiskeptics would say that, strange as it may seem, the demolition of this system and the resulting destabilization processes have their benefits: you will once again become engaged in the exciting game of regrouping centers of influence, regrouping assets, addressing the long-standing debt problems that weigh heavily on the eurozone, holding it back. The classical variant is very convenient: a debt crisis where debts are either frozen or deferred, as it has been done numerous times before. So special conditions imply a special regime. Which means that the debt problem will be resolved, but in fifty years, for example. (We always discourse about that in order to foresee even the least expected scenarios in this situation).

In summary. I hope that in our forecasts of any potential scenarios we will be factoring in the standard, mainstream arguments and approaches that have been partially discussed before and will be discussed later, and the slightly non-systemic arguments that will prevent us from making the mistakes which we, the global expert community, have been making time and again while trying to predict any processes based strictly on mainstream approaches. As a result, in reality the situation sometimes was the opposite of what had been forecasted.

I must emphasize this again. While the common sense seemingly (and I use the word «seemingly» on purpose) says that no one in their right mind would support a system for the demolition of a mechanism that is more or less established and that has been working for over twenty years (albeit with its problems and failures, but is there anything that works perfectly, especially at its early stages?). Seemingly

(this word again). But in reality, massive systemic problems keep accumulating in general, and they need to be resolved one way or another; and no one really knows how to resolve them: the issues of debt, integration, globalization and other geo-economical matters. What other conditions are more suitable for resolution of these problems than a highly turbulent situation? Why not? It's an open question that is worth noting.

And despite the apparent contradiction to the common sense, we must keep in mind that there are certain centers of interest and certain motivations meaning there must be parties that would prioritize such a scenario. Let us hope – I personally hope that the situation comes back to normal and the EU will continue to develop, but we mustn't forget that these questions remain open and require constant monitoring and resolution. They must be kept in mind in order to adjust forecasts and ensure further development. And in order to not be caught off guard by any unexpected processes that are beyond the scope of conventional forecasts. Thank you very much.

**РАНО ХОРОНИТЬ ЕВРОПУ И НЕ В НАШИХ
ИНТЕРЕСАХ ЖЕЛАТЬ ЕЕ КОНЧИНЫ**

**IT IS EARLY TO BURY EUROPE AND IT
IS NOT IN OUR INTERESTS TO WISH IT'S DEMISE**

Р.С. ГРИНБЕРГ

*Вице-президент Международного
Союза экономистов, научный
руководитель Института экономики
РАН, вице-президент ВЭО России,
член-корреспондент РАН, д.э.н.,
профессор*

R.S. GRINBERG

*Vice-president of the International Union
of Economists, scientific director of the
Institute of Economics of the Russian
Academy of Sciences, vice-president of the
VEO of Russia, corresponding member of
the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc.
(Econ.), Professor*

Спасибо, Александр Александрович, за возможность выступить на столь авторитетном собрании.

Германия для меня очень близкая, родная страна. Я практически пятьдесят лет занимаюсь Германией, для меня это очень важная страна. Я ее, с одной стороны, очень люблю, с другой стороны, не люблю, потому что я не люблю отличников, особенно когда они не дают списывать. И еще я очень не люблю менторский тон и тот факт, что Германия за последние сто лет все официальные матчи выиграла у России по футболу.

Ну, а если совсем серьезно, то надо сказать что шестьдесят лет назад в Европе родилась интеграционная группировка, совершенно уникальная, абсолютно беспрецедентная. И она

уже шестьдесят лет работает. Сколько я себя помню, там никогда не было, ни одного года не было, чтобы кризиса не было – все время все в кризисе. Похоже, что в странах с демократической системой кризисы никогда не кончаются. Я с детства слышу, что ЕС опять в кризисе, и что скоро Союз распадется. А что происходит на самом деле? СМИ всегда пишут о плохом, потому что о хорошем никто ни читать, ни смотреть не любит. И если Европейский союз делает три шага вперед и два назад – то говорят обычно об этих двух шагах, в то время как реальность такова, что они сделали очередной шаг вперед.

Надо отдавать себе отчет в том, что пространство ЕС – это, пожалуй, единственное место в мире, которое может считаться почти идеальным, где почти как в учебнике все работает, я имею в виду плюралистическую демократию, социально-рыночное хозяйство и гражданское общество. Почти как в учебнике. И даже коалиция, о которой Алексей Анатольевич говорил, она тоже работает.

Казалось бы, они вместе могут делать все, что хотят, как в других странах это бывает, а на самом деле этого не происходит, они дружат между собой, выпивают вместе, но они и следят друг за другом, чтобы никто не злоупотреблял властью, они не допускают никакого монополизма. Это поразительная история. Вот Мартин Шульц будет бороться с Ангелой Меркель, а они почти друзья. Но будут бороться честно.

Что же касается Вашего вопроса, Александр Александрович, то я сразу отвечу. Конечно, Германия в одиночку не спасет Европейский союз. Но еще не дошло до того, что его спасать надо, как об этом правильно говорил Алексей Анатольевич.

Есть такой парадокс в истории: после сорок пятого года все думали, что с этой Германией делать? Они причинили столько страданий человечеству, как никакая другая нация. И если бы не было холодной войны, они бы там растерзали ее: и русские, и американцы, и кто хотите. Потому что ненависть к немцам была беспредельной. Но холодная война выручила и Восточную Германию, и Западную. Но дело-то в том, что они извлекли уроки из своего прошлого и оказались сегодня с большим отрывом от всех стран во всем: и в качестве демократии, и в качестве экономики. И они не знают, что делать с этим фактом. Сегодняшняя Герма-

ния не стремится к формальному доминированию в ЕС. Для нее важно его сохранение и развитие. В этом контексте альтернативно сохранение германо-французского партнерства. Поэтому президентские выборы во Франции имеют экзистенциальное для ЕС значение и вообще, рано хоронить Европейский союз, хотя в сущности, это всего лишь остров изобилия. Их всего 7% населения в мире, и никто так не живет, как они. И не случайно многие туда стремятся, несмотря на острые проблемы, которые они сегодня переживают.

Теперь о России в европейском контексте. Я согласен со скептицизмом Алексея, что наши отношения в очень плохом состоянии. И это позор для обеих сторон. И здесь конфликт на Донбассе – главная причина.

Мне кажется, что, если Германия не окажет мощного влияния на Киев, а мы не окажем мощного влияния на начальников самопровозглашенных республик в Луганске и Донецке, мы никогда не сможем изменить ситуацию. А у нас нет никакой разумной альтернативы, кроме восстановления и развития взаимного сотрудничества в мире, в котором будут править две нации: уходящая Америка и восходящий Китай.

Я не очень люблю, когда немцы учат нас демократии, но надо признать, что они часто правильно говорят. Конечно, интересы прежде всего. Но и ценности должны иметь значение. В этом смысле ЕС и его ценности, ценности демократии исключительно важны и для России. Так называемый постдемократический мир – это не тот мир, который нужен нам, нашим детям и внукам.

Thank you, Alexandr Alexandrovich, for the opportunity to make a presentation at such an authoritative forum.

Germany is almost a native country to me as I feel closely related to it. I have been studying Germany for almost 50 years, and this country is very important to me. I like it, on the one hand, and dislike it, on the other hand, as I do not like outstanding students who would never prompt you the correct answer at the exam. Besides, I do not

like the patronizing tone and the fact that Germany has defeated Russia in all official football games held in the past 100 years.

Well, truce to jesting, let us be serious. I should say that a unique, absolutely unprecedented integration group was born in Europe 60 years ago. It has been working for 60 years already. For as long as I can remember, every year has been a year of crisis. Crises have never ended there. It looks like there is no end to crisis in the countries with the democratic state system. I have been hearing that the EU is in crisis again and would soon collapse since my childhood. But what really happens in Europe? Media always report about troubles, bad things, as nobody wants to read about happiness and achievements. If the European Union makes three steps forward and two steps backward, the media usually report about the two latter steps, while the EU has actually made one more step forward.

One should be aware of the fact that the common EU space is probably the only place in the world that could be considered almost perfect as all mechanisms work perfectly there, like it is written in textbooks. The EU can boast of pluralism, democracy, socially-oriented market economy and civil society. The situation looks as if being taken from the textbook. Even the coalition works, the one Alexey Anatoliyevich has mentioned.

It seems that they can do what they want together, like it happens in other countries. However, we actually do not see it. Yes, they are on friendly terms with each other, drink beer together, but on the other hand, they keep a wary eye on each other not to let anyone abuse power and to avoid monopolism. An impressive story, isn't it? Look, Martin Schulz is going to compete with Angela Merkel during the elections, though they are almost friends. Yet, it will be a fair competition.

As far as your question, Alexandr Alexandrovich, is concerned, I would rather answer it right now. Germany certainly cannot save the European Union alone. However, matters did not come to that yet, and Alexey Anatoliyevich was quite right to stress it.

Today we see a sort of historical paradox. After 1945, everybody was thinking about what to do with Germany. No other nation has inflicted such sufferings on the world, as Germans did. If not for the cold war, other nations – Russians, Americans, etc. – would have torn

Germany to pieces. The cold war rescued both West and East Germany. However, the fact is that Germans have drawn lessons from the past and eventually found themselves outpacing all other nations in every aspect – in terms of quality of both democracy and economy. Yet, they do not know what to do with all that today. Modern Germany does not strain after formal domination in the EU. For Germans, it is important to keep the EU from falling apart and develop it. In this context, the partnership between Germany and France has no alternative. That is why the presidential elections in France are of existential importance for the European Union. It is too early to write obituary to the EU, though it is only an island of abundance. Europeans account for just 7% of the world population, yet their living standards are much better than the ones any other nation can boast of. It is no mere chance that many people look forward to become the EU residents, no matter how acute the problems that Europe faces today are.

Now, I would like to dwell upon Russia in the European context. I agree with the skepticism of Alexey, who has mentioned that our bilateral relations are poor. Shame on both countries! The main reason of it lies in the Donbass conflict.

I think that we will never be able to change the situation for the better, if Germany does not impose powerful pressure on Kiev, and we do not impose pressure on the leadership of the self-proclaimed Donetsk and Lugansk republics. We have no reasonable alternative to restoration and development of mutual cooperation in the world dominated by America (outgoing leader) and China (incoming leader).

I do not like very much to hear Germans teaching democracy to us. However, we should admit that they are often right. Of course, national interests ought to enjoy priority, yet values also make a difference. In this context, the EU values, the democratic values are very important for Russia. Post-democratic world is not the sort of world our children and grandchildren need.

**ВНЕДРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КИБЕРСИСТЕМЫ
КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ЛИДЕРСТВА
ГЕРМАНИИ**

**THE INTRODUCTION OF ECONOMIC CYBERSYSTEM
AS AN INSTRUMENT FOR PRESERVING GERMANY'S
LEADERSHIP**

Е.Н. ВЕДУТА

Заведующая кафедрой стратегического планирования и экономической политики факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель АНО «Научная школа стратегического планирования Н.И. Ведуты», руководитель экспертной группы «О применении методов экономико-математического моделирования в системах управления оборонно-промышленным комплексом и их влияние на методика ценообразования при закупках оборонной продукции по государственному оборонному заказу» совета ВПК при Правительстве Российской Федерации по вопросам ценообразования и финансово-кредитной политики при выполнении государственного оборонного заказа¹

E.N. VEDUTA

Head of the Department of Strategic Planning and Economic Policy, Faculty of State Administration, Lomonosov Moscow State University, Member of the Council of Defense Industry Complex under the Government of the Russian Federation for Price Formation and Finance and Credit Policies in State Defense Orders, Head of the Expert Group for Economic and Mathematic Modeling in Defense Industry Complex Management

¹ Совет был создан в 2013 году

Я бы посмотрела на проблему Германии все-таки больше не с точки зрения политических интересов, а той экономики, которая скрыта. Так вот, если вспомнить, как образовался Европейский экономический союз после Второй мировой войны – он с самого начала образовался с позиции интересов США, которые видели себя после Второй мировой войны в перспективе как руководители управления всей глобальной экономикой. Поэтому считать, что в Европе происходит сегодня события независимо от процессов глобального управления, нельзя.

Так вот, план Маршалла, который был положен в основу образования ЕС, все-таки это был где-то настоящий план развития экономики, во многом заимствовавший опыт и Советского Союза. Я напоминаю, что Европейский экономический союз формировался, исходя из специализации разных стран, с точки зрения их вклада в общий экономический рост. Этот план способствовал образованию Общества угля и стали, формированию сильного Европейского экономического союза, способного стать конкурентом странам Восточной Европы.

Но далее события развивались в мире так, что задача 60-х годов, по сути, состояла в том, чтобы Америка ушла от золотой обратимости доллара. Вся эта игра – де Голль с требованием обратить долларовые авуары Франции в золото, спекуляции с золотом на рынках в Париже и Лондоне, вхождение Великобритании в ЕЭС и выход из него, валютные планы Вернера и «змеи в туннеле» – все они играли определенные роли в одной и той же пьесе. Она завершилась тем, что в 1971-м году доллар перестал обмениваться на золото. Обладая ключевой (резервной) валютой, Америка получила самые большие конкурентоспособные преимущества, с точки зрения печатания своей валюты, в качестве самого выгодного товара в мире, обмениваемого на все остальные товары.

Но я хотела еще отметить то, что 1958 год – это такой эпохальный год, когда все страны Западной Европы перешли к свободной конвертируемости своих валют. Именно тогда начинает формироваться мировой рынок ссудных капиталов, или евторынок, как его называют, который свободно проникал во все страны. В системе госрегулирования экономики мировой рынок ссудных капиталов стал играть огромную роль в запуске фиктив-

ных долларов, вызывая в этих странах инфляцию. Это стало одной из причин структурного кризиса в 73–75-х годах. Считают, что причиной кризиса стало госрегулирование экономики в европейских странах. На самом деле, это было вмешательство евро-долларов, евровалют в систему госрегулирования, не способную противостоять натиску внешней экспансии валют.

Дальше события развиваются очень просто. Европа постоянно играет роль поддержки Соединенных Штатов в реализации их стратегии глобального управления. И даже нефтяные шоки, произошедшие в 1973 г., а затем в 1979 г., эффективно сработали на то, чтобы в 80-х годах США, а за ними Западная Европа скоординировано либерализовали свои национальные финансовые рынки. Финансовая интеграция этих стран с еврорынком завершилась к 90-м годам. По сути, Запад вовремя подготовился к захвату собственности Восточной Европы и СССР. Процесс централизации мирового капитала продолжается весь XX век, и сегодня Европа играет ключевую роль в этом процессе, но больше как посредник.

Стратегия глобализации, являясь кризисной стратегией, увеличивает разрыв между Германией, как ведущей страной ЕС, и другими странами. Конечно, это не может вызывать протестных настроений у других стран, входящих в ЕС. Для всех было странным неожиданное появление на политическом небосклоне Великобритании независимой партии (UKIP). Ее лидер Найджел Фарадж неожиданно объявил о том, что Великобритания собирается выйти из ЕС. Объясняли очень просто: британцы боятся возрождения германского фашизма, экономика Британии стала деградировать при тех критериях, на базе которых сегодня функционирует Евросоюз. А функционирует он на критериях дефляции, сжатия денежной массы, чтобы выполнять критерий соотношения ВВП к дефициту бюджета и к госдолгу. Это те самые дефляционные критерии, очень напоминающие Европу 20-х годов, после которых пришли 30-е годы – это как раз произошел развал «золотого блока» (если помните, во Франции был такой сформирован), и потом кончилось все очень плачевно – Второй мировой войной.

Европа стоит как раз на стадии развала, потому что трудно долго держать страны, в частности Грецию, которая имеет тесные

контакты с теми политиками Великобритании, которые способствовали тому, чтобы Brexit произошел. В Греции растет очень большое недовольство тем, что происходит в их стране. Она стремительно беднеет. То есть фактически та стратегия, которую сегодня выполняет Германия, это стратегия продолжающейся централизации мирового капитала и сжатия реальных доходов граждан не только тех стран, которые на периферии Европейского союза, но даже в перспективе и в самой Германии.

И вот Великобритания сделала первая такой вывод, поспешила выйти. Почему говорю «поспешила»? Она сейчас тоже стоит перед огромным количеством непонятных проблем, потому что в 30-ых годах, когда Великобритания уходила в регулируемую стратегию, она уходила совместно со странами Содружества (Commonwealth). Это и помогло организовать тот самый стерлинговый блок государств во главе с Великобританией, который мог проводить свою независимую политику. Сейчас Великобритания пытается искать свое новое место, может быть, будет идти вместе с Соединенными Штатами, но там много вопросов. Есть еще один такой непонятный момент, который постоянно будоражит Великобританию – это Шотландия. Я так оцениваю, что карта Шотландии тоже разыгрывается определенными кругами для перехода глобализации в безгосударственный мир. Это – стратегия хаоса, когда люди остаются один на один с корпорациями, которые сегодня, в принципе, и рулят, направляя стратегию развития, в том числе, Европейского союза, в глубокий кризис.

В этой связи я вспоминаю, как в 2000-м году, у меня была встреча в Великобритании с одним ученым-лейбористом, который признал, что действующая стратегия Евросоюза ведет Европу в кризис. Я ему задала вопрос: что будет дальше? Он ответил – дальше будет планирование экономики. А как будет ЕС планировать экономику? Он говорит: «Давайте посмотрим на этот мир: Есть Америка, есть Европа, есть страны СНГ (он мне тогда сказал, что Украина уйдет в Европу, лет через тринадцать – такую цифру озвучил в 2000 году), есть Азиатский регион. Где-то планирование должно начаться, потому что дальше путь в кризис приведет к Третьей мировой войне, которая окончится для человечества гибелью». По его мнению, именно Европа начнет первая

свой поступательный путь выхода из глобального кризиса на новых принципах управления экономикой.

Вот сегодня, например, когда говорят о единой валютной политике ЕС, возникает вопрос – почему забыли про единую бюджетно-налоговую политику. Но на самом-то деле, вопрос стоит о координации деятельности всех стран, входящих в тот же самый ЕС, т. е. речь идет о совместном планировании деятельности государств, входящих в ЕС, для роста благополучия граждан. Иначе, если благополучие граждан ухудшается, то это значит, что кризис нарастает, военные действия расширяются – все, что мы видим, сегодня происходит в мире... И возникает вопрос: ну, а где же этот выход?

Я очень уважительно отношусь к тому, что Трамп объявляет, когда он говорит: «Надо развивать национальное производство, потому что мы слишком увлекались финансовыми спекуляциями, и развивать его в интересах благополучия граждан моей страны». Прекрасный тезис. Но сразу сообщаю, что модели для реализации этого тезиса у Трампа нет.

В этой связи, недавно была на международном форуме в Польше и встречалась с сильными политиками, интересными профессионалами из Великобритании, Франции, Германии. Они все очень обеспокоены происходящим в мире. Сегодня уже банкиры Европы находятся в растерянности из-за хаотичности событий, информации недостоверности статистики. Трамп открыто сказал: «Статистика лжет, и вы, экономисты, лжете. Мне нужно то, что работает на бизнес, на развитие экономики, на реальный сектор». Он все отрицает, но другой статистики пока нет. И главный вопрос остается, а какая нужна экономическая информация? Где «зарыта» проблема? Как восстановить управляемость экономики? Это серьезная проблема, которую стараются забалтывать политологи, экономисты. Проблема в том, что мир находится в информационном экономическом хаосе. В век роботизации, в век передовых информационных технологий мы рассуждаем о проблемах экономики на языке «кто мне больше нравится: Шульц или Меркель». Это стыдно.

Сегодня важнейшей задачей становится восстановление управления экономикой – координация деятельности ее звеньев

для выхода из кризиса. Стоят вопросы: какая нужна экономическая информация? Как ее обработать, для того чтобы лицо, принимающее решение, значительно повысило эффективность управления. Это, по сути, вопрос к экономической кибернетике. Нравится нам это или не нравится, но должна быть создана экономическая киберсистема как инструмент повышения эффективности управленческих решений. Кто создаст первый? Роботизация, внедрение ИТ стремительно нарастает. Но смены формации на базе новых экономических принципов, все это приведет к обществу «роботизированных» людей с социальными и экологическими потрясениями и, в конечном счете» к гибели цивилизации.

Вопрос, распадется или не распадется Евросоюз – это не самый главный вопрос. Главный вопрос: на каких принципах он будет существовать, что будет положено в основу будущего этого союза. И я более чем уверена, если этот новый союз на принципах планирования экономики с использованием возможностей современных ИТ в интересах процветания наций, покажет свои последовательные шаги улучшения жизни, включая гармоничное развитие граждан, то тогда та же самая Великобритания с удовольствием вернется обратно в обновленный ЕС. А так сегодня ЕС, реализующий монетарные принципы в своем функционировании, обречен самоуничтожиться.

На мой взгляд, нужно по-новому взглянуть на место России в глобализации. Россия – уникальная страна. Она раньше других решила строить социализм, не имея для этого соответствующей материально-технической базы. Но факт произошел, и мы пытались создать новую экономическую систему планирования. И я хочу подчеркнуть, что, уровень наших экономистов, особенно тех, кто строил социализм был значительно выше, чем уровень так монетарных экономистов, подготовленных на Западе.

Ответ на то, какой должна быть новая модель, в т.ч. для ЕС, должна дать именно Россия. Это ее историческая миссия. Я вижу, что собранная здесь уважаемая публика, во многом представляет экономистов еще того поколения, которые несут фундаментальные экономические знания, который давал в свое время Московский университет. У нас имеется высокообразованная научно-техническая элита, работающая в отраслях оборонно-

промышленного комплекса, которая сегодня не может производить ракеты вовремя, не может запускать новые качественные системы обороноспособности, поскольку нет элементарного расчета, нет планирования «затраты-выпуск». Вместо этого страна занята дележом средств бюджета по неким экспертным оценкам, и продолжает говорить и говорить об экономических проблемах на языке политологии. Надеюсь, что совместно с учеными-экономистами и научно-технической элитой мы сможем решить острые проблемы, стоящие перед страной – внедрение экономической киберсистемы как важнейшего инструмента, обеспечивающего движение России вперед из конъюнктурны «купи-продай» в направлении устойчивого процветания. Тогда и Европа, глядя на нас, (а мы всегда давали выход из кризисной ситуации), двинется по пути возрождения иначе будущее ЕС плачевно – безгосударственный мир.

I would approach the problem of Germany not from the perspective of political interests, but rather from the perspective of the hidden economics. If we think about the creation of the European Economic Union after World War II, we will recall that it was from the start based upon the interests of the USA, so to say, which after World War II saw itself as a potential leader in the management of the entire global economy. That is why we cannot assume that the current events in Europe are independent from the processes of global management.

The Marshall Plan that served as the ground for the future EU was in many ways an actual plan that made use of the experience of the Soviet Union. I would like to remind you that the European Economic Union was created in reliance on the specializations of its various countries, from the perspective of their contribution to their common prosperity. And indeed that was how the European Coal and Steel Community was created, and the European Economic Union was created in a way as a competitor to the Eastern European countries.

But then the events unfolded in such a way that in the 1960s the goal was for America to move away from dollar convertibility to gold,

and the whole game: de Gaulle, the market of France, the gold in London – they all played the same role to make the events of 1971 a reality, elevating the dollar to the status of the key currency and immediately changing the situation: now America is indeed a country with the biggest advantage in that it can print its own currency in exchange for any goods. In this respect, Germany and the rest of the countries are at a certain disadvantage.

But I also wanted to point out that 1958 was a definitive year when all countries of Western Europe switched to free convertibility of their currencies, and that was when the real global loan market started to develop, or the euromarket as it is known, that made its way into all countries, and the global loan market has come to play a huge role in the system of government regulation of the economy; by the way, that was what caused the famous crisis of the 1973–1975 when it was believed that it was a crisis of the government regulation of the economy, while in reality it was due to the interference of eurodollars, eurocurrencies. Essentially, they prevented any state from conducting their policies the way it was acceptable regarding regulation and so on.

After that, the events unfolded in a simple way. Europe consistently supports the United States in the implementation of its global management strategy. And even the oil shocks at large served to allow Europe, Western Europe, along with the USA to liberalize their national financial markets in the 1980s. By the 1990s, these countries completed their integration with the euromarket. And they were essentially ready to assess the value of the former Eastern Bloc countries, to seize their property. The process of global capital centralization continued through the 20th century and Europe played a key role in the process, but acted more as an intermediary.

And now, going back to the current events. I have very good ties because I find the UK to be very interesting as a country. When Nigel Farage came to prominence, it looked odd to everyone: a UKIP leader came forward and announced that the United Kingdom would leave Europe. Their explanation was very simple: the British do indeed fear the return of the German fascism, and deterioration of the British economy began under the influence of the criteria that today are fundamental to the European Union. And it functions based on the criteria of deflation, money supply contraction, in order to meet the criteria of

the GDP to budget deficit and GDP to public debt ratios. These are those same deflation criteria that are so reminiscent of the 1920s Europe, the time that was followed by the 1930s and the collapse of the Gold Bloc (if you remember, it was an association created by France), all of which had a very unfortunate outcome – World War II.

Europe is at a stage of collapse because it keeps supporting countries such as Greece that maintains very close ties with those politicians who had helped the Brexit to happen. In Greece, the people are growing very displeased with the current domestic situation, with the country growing poorer every day. So essentially, the strategy that is currently being implemented by Germany is a strategy of further centralization of the global capital and contraction of the people's real income not only at the periphery of the EU, but potentially in Germany too.

And so the UK was the first to make this conclusion, and it hurried out. Why am I using the word «hurry»? Today it, too, faces a huge number of problems, because in the 1930s when the UK was switching to the regulated strategy, it was doing so together with the Commonwealth, and it helped create the sterling bloc, which allowed it to pursue its independent policies. Today it can't go there, it is now forced to find a new place, maybe together with the United States, but that's questionable.

Although there is one problematic issue that is continuously stumbled upon by the UK – and that is Scotland. They just won't settle down. And, as I see it, the Scotland card is being played by certain circles, because there is a strategy of global development that describes a stateless world. And that is a strategy of chaos, of something very unpleasant, when the people are left to deal with corporations that today basically rule and direct the development strategy of the EU, among other things.

And so a question arises. I remember how in 2000, when the World Bank put some pressure on the UK, and a prominent economics scholar, member of the Labor Party, commented that the current strategy of the EU does indeed lead to a crisis, aggravates the crisis. And the question is: what next? And he answered: economic planning should be next. But how would they plan their economy? He said: «Let us take a look at this world: There is America, there is Europe, there is the CIS (back then he told me that Ukraine would leave for Europe in about thirteen

years – that’s the estimate he gave me in 2000), there is the Asian region. In a way, the planning is going to start because we can’t continue on the way that leads to a crisis, that leads to the Third World War that would be extremely destructive for the mankind as a whole.» He believes that it will be Europe that would be the first to start this progressive journey based on new principles of economy management.

Because today, when they talk about monetary policies, there is suddenly a thought: oh, we forgot about the common fiscal policy. But in reality, the issue is about coordination of the actions of all countries within the same union, which means planning their activities from the perspective of their people’s welfare, because where the people’s welfare degrades, there we see the crisis aggravating, the military action spreading – everything that we see happening around the world today. And so a question arises: where is the solution?

I have a great deal of respect to Trump’s statements when he says: «We must develop the national production because we have gotten too carried away with financial speculations, and we shall develop it for the benefit of our citizens.» That is an excellent statement. But I would like to make it known right away that Trump can offer no model to implement this statement.

To continue this topic: recently I participated in an international forum in Poland where I met politicians, very advanced, very interesting people from the UK, France, and Germany. For some reason, they were terrified. Why? Today, bankers across Europe are absolutely at a loss, the world has become so chaotic, the information is so chaotic; it’s obvious that all statistics... Trump has said it without disguise: «Statistics lies, and you economists lie too. I need something that works for the business, for the economic development, for the real sector.» He denies it all, and there is no alternative statistics available; it’s not clear what economic information needs to be like to be acceptable. Where is the heart of the problem? That’s exactly it, so that the management process does not become a guesswork. For example, I like Schultz, I like Merkel, I like other figures. And the problem is that in this chaos, in the informational and economic chaos, in the age of robot automation, in the age of cutting-edge information technologies we discuss economic issues at the level of «who I like better: Schultz or Merkel.» Do you see? That’s something to be ashamed of.

An important objective today is to ensure coordination. The question is: what kind of economic information is needed? How should it be processed in order to enable the decision-maker to achieve a significantly higher management efficiency? That is essentially an issue of economic cybernetics. There has to be a new cybersystem, whether we like it or not. And the question is: who is going to create it first? Especially now when robot automation is gaining momentum as a process, and robotics will not be able to develop further if the people's real income decreases. And then what? Each new instrument of labor requires a change of formation based on the new economic principles.

The question of whether or not the European Union is going to collapse is not the most important question; the most important question is: what principles are going to underlie it, what is going to be the basis of its future. And I am more than certain that if this new union based on the principles of economic planning for the public good shows a consistent improvement of life quality, even the UK would be happy to go back, to return to Europe. But for now, as long as it sticks to these principles, it is doomed to recession.

I believe that the place of Russia... Russia is a unique country because in the past it made a leap to socialism having no proper infrastructure. But it had happened, we did switch to socialism, we started working to build a new economic planning system. And I'd like to say that the level of our economists, especially those who studied back at that time, is well above that of monetary economists, as they are known, who receive their education in the West.

The answer to the question about the nature of the new model should come from Russia. That is its historical mission. I would like to (present here today is a very interesting audience, I'm pleased to see the people of that old generation that carries the fundamental knowledge of economics that I am proud to have obtained at the Moscow University), and I hope that together with the people... We have a very interesting scientific and engineering elite working in our defense industry that can't build rockets in time, can't launch new and unique systems because they have no analytics, no planning to rely on, everything is based on expert estimates, while we continue to talk political science. That is why let us get back to business, let us address the need for economic information, figure out what kind of information it has

to be and how it should be processed to allow Russia to finally move forward from its current position, from the buying and selling situation, so that Europe could look up to our example and move towards revival as well. Otherwise a sad future awaits it, a stateless world, which was a topic addressed by all politicians at that forum in Poland. So let's work hard to find the way.

ГЕРМАНИЯ И ЕС

GERMANY AND THE EU

Э.В. МИТРОФАНОВА

Вице-президент Международного Союза экономистов, Посол по особым поручениям Министерства иностранных дел Российской Федерации, член Президиума ВЭО России, доктор экономики и менеджмента, д.э.н.

E.V. MITROFANOVA

Vice President of International Union of Economists, Ambassador at Large of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Doctor of Economics and Management, Dr. Sc. (Econ.)

Спасибо большое. Хотела бы, Алексей Анатольевич, поблагодарить вас за столь интересный доклад. Практически согласна со всеми выводами. Я просто позволю себе несколько соображений.

Политическая Европа, мне кажется, давно не пребывала в таком кризисном состоянии, как сейчас. Это и трудности в Еврозоне, и миграционный кризис, на фоне которого поднимается национализм в Европе, брекзит с непонятными до конца последствиями, перемены в Соединенных Штатах, и весьма неприятные для Европы выводы многих аналитиков о том, что НАТО устарело, что США отказывается платить, при том, что надо поднимать военный бюджет и так далее. При этом нельзя сбрасывать со счетов военные конфликты, которые есть сейчас на Ближнем Востоке. Все это ввергает европейский истеблишмент в определенный ступор.

И если говорить о Германии визави Европейского союза, ее возможной будущей роли, на мой взгляд, еще одним важным фактором будет политика США по отношению к Европе и взаимоотношения США – Германия. Причем здесь нужно говорить обо всем спектре отношений: от безопасности до торгово-экономических отношений.

По мере усугубления внутренних проблем в ЕС, которые начали нарастать с 2010 года, усиливалось и значение связей Европейского союза с Соединенными Штатами как такого надежного якоря. Во всяком случае именно так их воспринимала Германия, которая по мере осложнения ситуации внутри Европейского союза и по мере того как усложнялись отношения с Россией после украинского кризиса, по существу сделала упор на упорядочивание, на укрепление связей с Соединенными Штатами. Это несмотря на все раздражители в виде разоблачений Сноудена, прослушивания Меркель и так далее. Поэтому именно новости с другого берега Атлантики, с ясной позицией по поводу финансирования НАТО (это, правда, еще не означает, что так оно и будет, потому что мы видим, что Трамп делает достаточно резкие высказывания, но пока ничего не получается), на самом деле, расстроили Берлин. И тогда еще будущий президент, Штайнмайер, и канцлер говорили о конце политики XX века.

Трамп призывает переориентироваться на борьбу с терроризмом и переориентировать на это НАТО, но совершенно очевидно, что этот блок не приспособлен для подобной работы, и чтобы перестраивать, нужна политическая воля и нужно серьезное переосмысление мировоззрения всего атлантического сообщества, что, на мой взгляд, сейчас совершенно невозможно.

Второй момент. Важно отметить, та европейская политика середины прошлого века, была построена на базовом принципе, что Германия не имеет политических амбиций, как бы это априори. Надо сказать, что этот момент существует. Вот я недавно закончила свою миссию как посол в ЮНЭСКО, а в международной организации всегда очень четко ощущаешь общемировые тенденции. И могу четко сказать, что, при том что Германия платит очень большие взносы в бюджет ЮНЭСКО, но политически она весьма незаметна.

В начале развития европейской интеграции экономический потенциал Германии рос параллельно с политическим влиянием Франции. А потом уже с введением Еврозоны Берлин из относительной политической провинции превратился в неоспоримый политический центр. И при нынешнем кризисе, конечно, Германия, пожалуй, единственная дееспособная страна Европейского союза.

Однако вся предыдущая история отучила немцев от претензий на лидерство, и тени прошлого дают о себе знать сразу же, как только Германия пытается что-то сделать. Мне кажется, лакмусовой бумагой на это все был греческий кризис 2015 года, когда Ципрас заявил о референдуме. И надо сказать, что Берлин поступил весьма не политкорректно, решительно, и достаточно грубо, отойдя от свойственного Германии политеса. И после этого Германия оказалась в некоем моральном вакууме, потому что Германию стали обвинять в жестокости, в меркантилизме и так далее. И фактически в тот момент зашатался в какой-то степени фундамент вот этого германского лидерства. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что Греция не удержалась бы на плаву без немецких денег.

Дальше. Меркель взяла на себя инициативу в отношении беженцев, которые многих в Европе откровенно раздражают. И ее правительство при этом несет необходимые расходы. В прошлом году в Германию поступила петиция о 440 тысяч ходатайств о предоставлении убежища. По сравнению с 40 тысячами, которые, например, приняла Великобритания. А Франция и того меньше. Здесь можно сказать, что Германии, как самой крупной нации в ЕС, разрешено лидировать и иметь решающий голос в достаточно спорных переговорах при условии, что она платит за все. Платит много денег. То есть больше, чем остальные, скажем так. И она, на самом деле, это делает.

Полагаю, что после выхода Великобритании (это второй ключевой момент, кроме взаимоотношений с Соединенными Штатами), абсолютно правильно коллеги сказали, что Германия выходит на лидерские позиции. И этот выход Великобритании может в какой-то мере отразиться и на германских экономических пози-

циях и на позиции внутри Евросоюза, поскольку Берлин и Лондон были основным союзниками в рамках всей этой брюссельской каши, в первую очередь в валютно-финансовых и торгово-экономических вопросах.

Полагаю, это мое скромное предположение, что в условиях все увеличивающейся финансово-экономической нагрузки на экономику Германии в рамках Еврозоны будет усиливаться ее политическое влияние, и этого влияния будут бояться. Будут бояться все, вспоминая опять же 30-е годы. И полагаю, что такой фактор не останется без внимания США с возможными последствиями в плане возвращения в том или ином виде к идее трансатлантического партнерства.

Когда мы задаемся вопросом, вытянет ли Германия ЕС, ее позиционирование, мне кажется, здесь нельзя забывать о брюссельской бюрократии как таковой (и вообще, когда мы говорим о Европейском союзе и возможных последствиях, развале и так далее), о стремлении этой бюрократии к выживанию, это вообще колоссальный слой. Не думаю, что в принятии решений Германии дадут занять ведущие позиции в Брюсселе и следовать в фарватере ее рекомендаций неукоснительно, потому что в рамках международных организаций сказать про лидерство Германии совершенно невозможно, при том, что они платят хорошие деньги.

Сам Европейский союз, если сослаться на ту же «белую книгу», которую представил Юнкер, наибольшую поддержку получила идея «разно-скоростной Европы». Но, по существу, что такое «разно-скоростная Европа»? Это факт. Они констатировали факт, они не дали никакой новой идеи. По существу, «разно-скоростная Европа» – это реальность, которую мы наблюдаем. И в этой «разно-скоростной Европе» Германия уже играет роль локомотива, поэтому этот локомотив и останется.

Сейчас исполняется 20 лет Маастрихтскому договору, который впервые ввел понятие Европейский союз. И если посмотреть на всю эту историю становления, то это становление всегда шло с разной скоростью и очень непросто.

В ЕС существует ряд жестких параметров в экономической области (госдолг не более 60 от ВВП, 3% дефицит бюджета). Но скажите мне, кто выполнял эти нормы? И какие санкции, какие вообще есть инструменты для наказания нерадивых? Мы видим на сегодняшний день, что средний по Европейскому союзу показатель госдолга превышает 90%. При планке в 60. А я уж не говорю о госдолге Греции, Испании, Португалии – еще в полтора раза больше.

В концепцию о бюджетном дефиците вписывается вообще меньшинство стран Европейского союза. Но и ничего не происходит, то есть пожурили, поговорили, отложили, долг пересчитали и так далее.

И, конечно, нельзя забывать, что, действительно, когда создавали, была идея – за всем этим была идея – чтобы не было новой войны в Европе. Совершенно простая идея, которая лежала за созданием всех международных организаций того времени: ООН, ЮНЭСКО и так далее.

Следующей идеей был единый рынок, потом единая валюта, далее единое пространство перемещения людей – все это было успешно сделано, на самом деле. Следующий этап был (я считаю, что за этим никакой идеи, кроме политических желаний) – это расширение, немного, на мой взгляд, именно мотивированное политическими резонами расширение, которое привело, по существу, к нынешнему кризису. А на сегодняшнем этапе какая идея – никакой идеи нет.

Тем не менее, несмотря на кризис во многих сферах, по всей видимости, в ближайшее время мы будем наблюдать со стороны ЕС исключительно ситуативную реакцию на те или иные раздражители, а не глубокое переосмысление задачи функционирования ЕС. Об углублении интеграции, я полагаю, говорить вообще не приходится, от евро, думаю, никто не откажется, а тянуть эту лодку, в которой по политическим причинам были посажены страны, которые не отвечали практически ни одному экономическому критерию, будет Германия. Поэтому Германия, в любом случае, на долгие годы будет этим локомотивом.

Спасибо.

Thank you very much. I would like to express my gratitude to you, Aleksey Anatolievich, for a very interesting presentation. Actually, I agree with all of your conclusions. However, I would take the liberty to make several points.

Politically, Europe seems to have never encountered such a crisis as the continent is currently facing. I mean the troubles confronting the Eurozone, migration crisis leading to the rise of nationalism in Europe, Brexit with the consequences that are not yet clear, changes in the United States, and the conclusions of many analysts, very unpleasant for Europe, about NATO getting outdated, the USA refusing to pay, the need for raising the military budget, etc. At the same time, one cannot ignore the armed conflicts in the Middle East. All these circumstances plunge the European establishment into a brain-freezing deadlock.

Talking about Germany in the context of European Union, and the country's possible role in the future, the US policy towards Europe and interrelationship between the USA and Germany will become very important factors, to my mind. Moreover, we should speak about the full range of relationships – from the ones in the field of security to trade and economic relations.

Along with the aggravation of internal problems confronting the EU (which had actually started rising in scale since 2010), the importance of ties between the European Union and the United States, as a sort of reliable anchor, was growing. Anyway, these ties were perceived as such by Germany that actually put emphasis on the consolidation of ties with the USA as far as the situation inside the EU was becoming increasingly more challenging, while the relations with Russia were turning tenser due to the crisis in Ukraine. This trend prevailed despite all irritants in the form of Snowden's exposures, tapping of Merkel's phone conversations, etc. That is why the news from the other Atlantic Ocean coast with clear position regarding the NATO financing (actually, it does not mean that the threat will be delivered on, as we see that Trump's tough talk does not turn into particular actions so far) made Berlin upset. At that time, both future president Steinmeier and the Chancellor were talking about the end of the 20th century policy.

Trump calls for crossing over to combatting terrorism and changing the NATO focus accordingly, yet it is evident that this military bloc is not capable of doing such work. For such reorganization, the Atlantic community needs political will and fundamental rethink of its world outlook, which is absolutely impossible now, in my point of view.

Second point... It is worth noting that the European policy in the middle of the past century was built on a fundamental principle saying that Germany a priori had no political ambitions. It stands to mention that such a trend still exists. I have recently finished my mission as a UNESCO Ambassador and can say that one clearly feels global trends working for an international organization. Therefore, I know for sure

that Germany is to a large extent invisible politically, though it pays generous amounts as fees to the budget of UNESCO.

At the beginning of European integration, Germany's economic potential was growing along with the political influence of France. After the Eurozone was introduced, Berlin turned from a political province into an indisputable political center. In the conditions of the current crisis, Germany is probably the only viable country among the EU members.

However, the past history has weaned Germans away from claims for leadership, and shadows of the past make themselves felt as soon as Germany tries to do something. It seems to me that the Greek crisis of 2015, when Tsipras announced the intention to hold referendum, was a sort of litmus test paper. It should be mentioned that Berlin behaved very improperly in terms of political correctness at that time having resolutely withdrawn from the politesse typical of Germany. After that, Germany found itself in a sort of political vacuum as other countries started accusing Berlin of being cruel, mercantile, etc. In fact, the foundation of German leadership started staggering to some extent at that very moment. Nevertheless, it is safe to say that Greece would have hardly stayed afloat without German money.

Next, Merkel took the initiative in the policy towards refugees while many Europeans are obviously annoyed with their inflow. Moreover, the German government bears the respective expenses. Last year, Germany received 440,000 requests for asylum. It stands to

mention for comparison that the United Kingdom accepted only 40,000 refugees, while France gave asylum to even fewer of them. It can be said that leadership is permitted to Germany as the largest EU nation, on condition that Berlin pays for everything. Germany actually pays a lot of money, much more than any other nation.

I think that after Brexit (it's the second key point apart from the relationship with the USA) Germany has started assuming leadership positions, and the colleagues were quite right to mention it. The United Kingdom's exit from the EU may affect Germany's economic standing and its position inside the European Union as Berlin and London have been acting as key allies in this Brussels' mess – I mean the financial, trade and economic issues first of all.

I would take the liberty to make an assumption that Germany's political influence will grow in the conditions of increase in financial and economic load on the country's economy within the framework of Eurozone, and everybody will get scared of this influence. In this context, other countries will inevitably recall the 1930s. I believe that this factor would not be overlooked by the USA and is likely to lead to such possible consequences as to coming back to the idea of Transatlantic Partnership.

When we wonder whether Germany will be able to save the European Union, we should not forget about the bureaucracy in Brussels as such (it is also true when we speak about the EU, its collapse and possible consequences of it), about its pursuit of survival. This bureaucracy forms a gigantic stratum. I do not think that they would let Germany take up the leading positions in Brussels, and follow its recommendations, as it is absolutely impossible to talk about Germany's leadership within the framework of international organizations' activities, even though the country pays really good money.

Referring to the White Paper presented by Juncker, we see that the idea of a "multi-speed" Europe has won most of support in the European Union. But, what does this "multi-speed" Europe mean? It is actually an established fact. They have just stated the fact without offering any new idea. Actually, the "multi-speed" Europe is a fact of life, reality that we observe today. Germany is already playing the role of locomotive in the «multi-speed» Europe, so this locomotive will remain in the future.

This year, Europeans mark the 20th anniversary of the Treaty of Maastricht that was the first to introduce the notion «European Union». If we look at the EU's establishment history, we will see that the process was going with variable speed and looked by far not so easy.

There are several rigid parameters in the EU as far as the economic sphere is concerned (public debt on the level of 60% of GDP maximum, budget deficit of no more than 3%, etc.). Yet, tell me, please, what country has ever met these standards? What sanctions can be used to punish the negligent members? We currently see that the average figure of national debt in the European Union exceeds 90%, though the limit has been set at 60%, not to mention the national debt of Greece, Spain and Portugal. The public debt of these countries exceeds the aforementioned figure by 1.5 times.

Few member countries can fit into the concept of budget deficit as well, yet nothing happens. Brussels would just scold them a little, talk about the problem, postpone the decision, recalculate the debt, etc.

It stands to mention that there really was an idea behind the process of forming the European Union. This idea lay in avoiding a new war in Europe. It was a very simple idea that was behind the creation of all international organizations of that time – the United Nations, UNESCO, etc.

Next came the ideas of a single market, single currency, and single space for free movement of people. In fact, all these ideas have been successfully put into action. The next stage (I believe that there were no ideas, only political wishes behind it) was the expansion motivated by political reasons, which has actually led to the present crisis. At the present stage, we see no idea at all.

Nevertheless, in spite of the crisis observed in many spheres, we are likely to see an exclusively situational response to various irritants on the part of the EU, instead of a profound rethink of goals and objectives. As for deeper integration, it is out of the question, in my opinion. Nobody will abandon euro, while Germany will drag this boat having on board the countries that met almost no economic criteria set, but were taken on board for political reasons. Thus, Germany will anyway play the role of locomotive for many years to come.

Thank you.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

EUROPEAN UNION VIEWED BY RUSSIAN BUSINESS

К.С. ТЕТЕРЯТНИКОВ

Генеральный директор Группы независимых консультантов, член правления ВЭО России, академик Международной академии менеджмента, к.ю.н.

K.S. TETERYATNIKOV

General Director of Independent Consulting Group, member of the Board of the VEO of Russia, academician of the International Academy of Management, Cand. Sc. (Law)

Российская Федерация географически расположена в Восточной Европе и Северной Азии, причем 1/3 российской территории находится в европейской части, а 2/3 – в Азии. Россия, как и Китай, граничит с 14 государствами, при этом пять из них (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша) являются членами Европейского союза (ЕС), а еще одно – Норвегия, хотя и не член Евросоюза, но входит в Европейское экономическое пространство и Шенгенскую зону. Более того, несмотря на взаимные экономические санкции, Евросоюз остается основным торговым партнером для Российской Федерации, а среди европейских зарубежных партнеров Россия занимает почетное третье место после США и Китая. Возобновление полноценного политического взаимодействия ЕС и России на данном этапе представляется маловероятным, однако это не исключает расширения и диверсификации экономического сотрудничества, особенно по линии среднего и малого предпринимательства. В этом плане

крайне важно понимать особенности своих европейских бизнес-партнеров.

Евросоюз – уникальное международное образование, сочетающее признаки международной организации и государства, причем формально он не является ни тем, ни другим. Возможно, именно поэтому в отличие от федеративного государства Советский Союз и Соединенных Штатов Америки второе слово названия того объединения на русском языке пишется со строчной, а не прописной (заглавной) буквы – Европейский союз. Этим подчеркивается, что, будучи субъектом международного публичного права, тем не менее Евросоюз государством не является. В отдельных областях решения принимаются независимыми национальными институтами, а в других – осуществляются посредством переговоров между государствами-членами.

ЕС объединяет лишь часть народов, проживающих на территории «Старушки Европы» (*Grand Dame Europe*). На самом деле та Европа, которую в древнегреческой мифологии похитил Зевс, была юной финикийкой – именно этот сюжет лег в основу картин «Похищение Европы» кисти великих художников Рембрандта и Серова. «Старушка» же означает лишь принадлежность к так называемому старому свету (Европа, Азия и Африка) в противовес открытому Колумбом нового света (Северной Америки).

В настоящее время Евросоюз объединяет 28 из 48 государств, расположенных в Европе (пять из которых лишь частично находятся в Европе, поэтому европейскими государствами их можно назвать только условно). Тем не менее в Европе проживают около 800 млн человек или 10% населения Земли, из них 520 млн приходится на долю стран ЕС (в России – 147 млн чел). Площадь ЕС в четыре раза меньше России, а плотность проживания населения в 15 раз выше (116 чел./кв. км). На экономику стран Евросоюза приходится 24,6% мирового ВВП (Россия – 1,6%). Совокупный ВВП стран Евросоюза по паритету покупательной стоимости (19,2 трлн долл. США) занимает второе место в мире после Китая (21,3 трлн долл. США), опережая при этом США (18,6 трлн долл. США). Уже только эти показатели заставляют российский бизнес серьезно задуматься над тем, что такое Евросоюз и каким образом ему удастся при всех существующих объ-

активных и субъективных проблемах его развития оставаться в лидерах мирового сообщества.

История Европейского союза

Идея объединения европейских народов неоднократно приходила к политикам разных времен и народов, начиная с Римской империи. Об объединенной Европе, построенной на конфедеративной основе с едиными законодательством, денежной системой и армией во главе с императором, мечтал Наполеон. В начале 20 века идея создания Соединенных Штатов Европы активно продвигалась французскими масонами. В 1915 году В.И. Ленин даже написал известную статью «О лозунге Соединенных Штатах Европы», разоблачающие планы мирового капитала по интеграции Европы в преддверии нарастающей угрозы социализма.

В 1922 году австрийский философ, писатель, политик, граф Рихард Николаус Куденхове-Калерги (нем. *Richard Nikolaus Coudenhove-Kalergi*; 1894–1972) опубликовал свое знаменитое произведение «Пан-Европа» и основал Панъевропейский союз, ставший первой организацией, стремящейся к объединению Европы. Идеи Куденхове-Калерги быстро завоевали поддержку многих европейских интеллектуалов, среди которых следует упомянуть такие имена, как Гийом Аполлинер, Альберт Эйнштейн, Зигмунд Фрейд, Томас Манн, Хосе Ортега-и-Гассет, Пабло Пикассо, Райнер Мария Рильке, Сен-Жон Перс и др. В число членов организации вошли также политики Аристид Бриан (фр. *Aristide Briand*; 1862–1932) и Кónрад Аденауэр (нем. *Konrad Hermann Joseph Adenauer*; 1876–1967), сыгравшие в последующем ключевую роль в рождении прототипа Евросоюза.

Среди отцов-основателей ЕС сегодня не упоминается имя Аристида Бриана, многократного министра иностранных дел и премьер-министра Франции, дважды лауреата нобелевской премии мира, первого председателя Панъевропейского союза, создателя первой европейской системы коллективной безопасности, положившей в основу принцип запрета войны как средства национальной политики, автора несостоявшегося проекта Конфедерации европейских государств 1929–1931 гг. Бриан, к сожалению, допустил целый ряд ошибок, связанных с общественно-

политической обстановкой того времени: игнорирование Советского Союза, уже игравшего в то время существенную роль в Европе; акцент на военно-политические, а не на экономические аспекты; направленность конфедерации 27 государств Европы при лидерстве Франции против Великобритании, США и Германии. В результате допущенных ошибок панъевропейский проект был провален. Бриан скончался в 1932 году, так и не увидев плодов своих усилий по объединению Европы.

Что касается Куденхове-Калерги, то именно он заложил основы идеологии нынешнего Евросоюза, обозначив его цели: свобода, мир, экономическое процветание и культура. Его книги были запрещены и подлежали сжиганию в фашистской Германии. Он оставил глубочайший след в истории объединения Европы, будучи соавтором знаменитой речи бывшего премьер-министра Великобритании сэра Уинстона Черчилля в Цюрихском университете 19 сентября 1946 года, где тот заявил: «...мы должны воссоздать европейскую семью в рамках региональной структуры, которая могла бы называться Соединенными Штатами Европы». Черчилль надеялся, что Великобритания, Британское Содружество, США и Советская Россия «будут друзьями и покровителями новой Европы, отстаивающими ее право на жизнь и процветание». Последние слова речи Черчилля и сегодня любят цитировать европейские политики и ученые: «Да воскреснет Европа!» («*Let Europe arise!*»).

Впрочем, дальнейшие действия Черчилля свидетельствуют о том, что его понимание Соединенных Штатов Европы на самом деле сильно отличалось от видения объединенной Европы Куденхоуовом-Калерги. На тот момент времени Лондон и Вашингтон намеревались создать англо-американский союз, в котором Европа рассматривалась лишь как зона свободной торговли под контролем наднациональной инстанции, руководимой Великобританией. Именно поэтому в послевоенный период при активном участии Черчилля, а также спецслужб США и Великобритании был создан целый ряд международных организаций, декларировавших в качестве своей основной цели объединение европейских государств. Среди них можно назвать Лигу европейского сотрудничества (*League for European Cooperation, ILEC*), гене-

ральным секретарем которой стал Юзеф Ретингер (польск. *Józef Hieronim Retinger*; 1888–1960), бывший советник правительства Польши в изгнании (правительство Сикорского в Лондоне) и агент британской разведки, а председателем – бывший премьер-министр Бельгии Поль ван Зееланд (*Paul van Zeeland*; 1893–1973). В сентябре 1946 года по инициативе будущего главы ЦРУ Аллена Даллеса (*Allen Welsh Dulles*; 1893–1969) в Швейцарии создается Европейский союз федералистов (*Union of European Federalists, UEF*). В январе 1947 года Черчилль основал Временный комитет объединенной Европы (*Provisional United Europe Committee*). В самих США при участии руководителей ЦРУ Уильяма Donovan (*William J. Donovan*, 1883–1959) и Аллена Даллеса влиятельный сенатор Джеймс Уильям Фулбрайт (*James William Fulbright*; 1905–1995), в честь которого была названа в последующем соответствующая образовательная программа, создает Комитет за свободную и объединенную Европу (*Free and United Europe Committee*). Однако вскоре этот комитет сменил другой – Американский комитет объединенной Европы (*American Committee on United Europe*).

В мае 1948 года в Гааге Черчилль организует Европейский конгресс, чтобы объединить Общеввропейский союз, Лигу европейского сотрудничества, Союз федералистов и другие подобные организации. В результате принимается решение об учреждении Европейского движения (*The European Movement*). Президентом движения избирается зять Черчилля барон Дункан Сэндис (*Duncan Sandys*; 1908–1987), а генеральным секретарем – Юзеф Ретингер. Почетными президентами Европейского движения были избраны известные и популярные политические деятели того времени – У. Черчилль, Леон Блум (*Leon Blum*, 1872–1950), бывший узник Бухенвальда и премьер-министр Франции, Альцид Де Гаспери (итал. *Alcide Amedeo Francesco De Gasperi*; 1881–1954), премьер-министр Италии, Поль-Анри Шарль Спаак (*Paul Henri Charles Spaak*, 1899–1972), инициатор создания союза Бенилюкс (Бельгии, Нидерландов и Люксембурга). Европейское движение способствовало появлению в 1949 году Совета Европы, объединяющего в настоящее время все 48 европейских государств (Россия вошла в Совет Европы только в 1996 году).

Для координации проектов экономической реконструкции Европы в рамках плана Маршалла в 1948 была создана Организация европейского экономического сотрудничества (*Organisation for European Economic Co-operation, OEEC*), с 1961 года именуемая Организация экономического сотрудничества и развития, ОЭСР (*Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD*). В настоящее время в эту международную экономическую организацию входят 35 государств, в том числе и ведущие члены Евросоюза. Однако наряду с европейскими странами членами ОЭСР являются также государства, расположенные в других частях света (например, США, Канада, Австралия, Япония, Южная Корея и т.д.). Россия не входит в состав этой организации, хотя и вела соответствующие переговоры о вступлении в нее. С марта 2014 года эти переговоры прерваны.

В 1949 году на основе Западноевропейского оборонительного союза был создан Североатлантический альянс (*North Atlantic Treaty Organization, NATO*). В настоящее время в этот военно-политический блок входят 29 государств, в том числе большинство стран Евросоюза.

Очевидно, что во многом стремление к европейской интеграции в трех основных сферах – политики, экономики и обороны обуславливалось страхом перед военной и экономической мощью Советского Союза. Однако помимо этого основного мотива важную роль играл также фактор американско-англо-французского соперничества за лидерство в объединенной Европе. Давление Вашингтона и Лондона на своих европейских партнеров по плану Маршалла вызывало у европейцев желание избавиться от навязчивой опеки «старших» товарищей. В начале 1950 года руководитель французской комиссии по планированию и модернизации французской экономики Жан Монне (фр. *Jean Monnet*, 1888–1979) поделился с министром иностранных дел Франции Робером Шуманом (фр. *Robert Schuman*, 1886–1963) идеей создания европейской организации, которая бы контролировала все европейское производство угля и стали, в том числе и в Германии. Таким образом создавался не только единый товарный рынок Европы, способствовавший хозяйственному возрождению Европы, но и достигалась важнейшая

цель предотвращения тайного использования этих основных ресурсов для оборонной промышленности.

Заручившись поддержкой федерального канцлера ФРГ Кónрада Аденауэра (нем. *Konrad Adenauer*, 1876–1967), полностью поддержавшего этот простой, но эффективный план Монне, Р. Шуман 9 мая 1950 года сделал официальное заявление об объединении угольной и сталелитейной промышленности Франции и Германии, что дало толчок к созданию Европейского сообщества производителей угля и стáли (*the European Coal and Steel Community, ECSC*).

Интересно, что в Европе существует два официальных праздника, называемых Днем Европы. Они отмечаются в день создания Совета Европы (5 мая 1949 года, объявлен праздником Советом Европы в 1964 году) и в день декларации Шумана (9 мая 1950 года, с 1985 года этот День Европы отмечается ежегодно во всех странах Европейского союза как праздник мира и единства). День же победы над фашистской Германией отмечается 8 мая, когда был подписан соответствующий акт о капитуляции по европейскому времени.

18 апреля 1951 года в Париже был подписан договор о Европейском сообществе производителей угля и стали. Его участниками стали шесть стран – Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Эти страны и сегодня составляют основу Европейского союза. Парижский договор вступил в силу 23 июля 1952 года и истек 23 июля 2002 года, спустя ровно пятьдесят лет после его вступления в силу.

Официальный список отцов-основателей ЕС (*EU founding fathers*), включает лишь 11 имен. Среди них семь человек, стоявших у истоков создания Европейского сообщества производителей угля и стáли: **Ж. Монне** (его и сегодня называют «Отцом Европы»), **Р. Шуман**, которого католики пытались даже канонизировать за его заслуги перед Европой, **К. Аденауэр** (среди европейцев именуемый «*Der Alte*» («Старик» или «Хозяин» на нем.), **Поль-Анри Спаак**, «Отец Бенилюкс», **Альчиде Де Гаспери**, премьер-министр Италии, **Жозеф Беш** (люксем. *Joseph Bech*; 1887–1975), премьер-министр Люксембурга, и **Йохан Виллем Бейен** (нидерл. *Johan Willem Beyen*; 1897–1976), министр иностранных дел Нидерландов, в последующем сыгравший большую

роль в обосновании необходимости горизонтальной, а не только отраслевой интеграции Европы («план Бейена»).

Еще четыре человека внесены в список за различные заслуги перед Евросоюзом. Среди них: **Уинстон Черчилль** – за его призыв к созданию Соединенных Штатов Европы; **Альтиеро Спинелли** (итал. *Altiero Spinelli*; 1907–1986) – итальянский государственный деятель, называемый европейцами пророком Европейского союза («*prophet of the European Union*»), поскольку именно он стал автором проекта Договора об учреждении Европейского союза 1984 года («план Спинелли»), послужившего в последствии основой для Закона о создании единого европейского рынка (*the Single European Act of 1986*) и Маастрихтского договора о Европейском союзе 1992 года (*The Maastricht Treaty on European Union or TEU*); **Сикко Мансхольт** (*Sicco Mansholt*; 1908–1995), автор Единой сельскохозяйственной политики ЕС, одного из наиболее выдающихся направлений политики союза с начала его основания; и **Вальтер Хальштейн** (нем. *Walter Hallstein*; 1901–1982), первый председатель Еврокомиссии после ее создания в 1958 году.

Куденхове-Калерги же в список отцов-основателей ЕС не попал, хотя среди его заслуг перед ЕС не только разработка идеологии европейского единства, но и активное участие в создании атрибутов Евросоюза. Так, например, в начале 1950-х годов Куденхове-Калерги предложил свой вариант флага Совета Европы, который в последствии стал и флагом Евросоюза – 12 золотых звезд, расположенных по кругу на голубом фоне. Внутри круга звезд, по его замыслу, должен был быть золотой круг, посреди которого был расположен красный христианский крест. 12 звезд означали постоянство (12 времен года, 12 знаков зодиака, 12 часов на циферблате часов и т.д.), а круг – символ единства равных народов (по аналогии с круглым столом Короля Артура). От золотого круга и креста члены Совета Европы отказались, а вот флаг со звездами на голубом фоне был утвержден и существует в неизменном виде до сих пор.

В 1955 году Куденхове-Калерги предложил также принять в качестве нового европейского гимна «Оду к радости» Фридриха Шиллера, положенную на музыку Бетховена. «Ода к радости»,

написанная Шиллером в 1785 году, посвящалась празднованию братства людей. Прелюдия к «Оде к Радости» (4-я часть 9-й симфонии Людвиг ван Бетховена) была официально утверждена в качестве гимна Совета Европы лишь в 1972 году, после того, как слова на немецком языке были сняты, чтобы не поднимать статус одного языка над другим. Сегодня эта мелодия является официальным гимном как Совета Европы, так и Евросоюза.

Официальный лозунг ЕС «*In varietate Concordia*» (латинский) или «*United in diversity*» (англ.) в переводе на русский язык означает «единство в многообразии». Данный лозунг появился лишь в 2000 году после многоступенчатого обсуждения. Этот девиз символизирует единство европейцев в работе на благо мира и процветания при сохранении множества различных культур, традиций и языков Европы. Такой подход полностью соответствует идеям пан-Европы, высказанным Куденхове-Калерги еще в 1922 году.

После создания Европейского сообщества производителей угля и стали европейские страны прошли большой путь по созданию единого экономического пространства, системы правосудия, общей внешней политики и безопасности посредством подписания новых международных договоров – Римского, Маастрихтского, Шенгенского, Амстердамского, Ниццкого и наконец, Лиссабонского. Интеграционные процессы в Европе продолжают.

Европейский союз сегодня

В Евросоюзе до сих пор отсутствует конституция. Проект конституции ЕС, подписанный 29 октября 2004 года в Риме, так и не был ратифицирован всеми членами Евросоюза, поэтому 19 октября 2007 года был заменен Лиссабонским договором (Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе (Маастрихтский договор от 07 февраля 1992 года) и Договор об учреждении Европейского сообщества (Римский договор от 25 марта 1957 года), англ. *Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community*). Лиссабонский договор содержит положения о порядке функционирования институтов ЕС в новых условиях.

На данный момент сформированы семь руководящих органов ЕС:

➤ Европейский совет (*the European Council*) – высший политический орган Европейского союза, состоящий из глав государств и правительств стран-членов ЕС.

➤ Совет Европейского союза (*the EU Council or the Council of Ministers*) – наряду с Европейским парламентом, один из двух законодательных органов Европейского союза.

➤ Европейская комиссия (*the European Commission*) – высший орган исполнительной власти Евросоюза. Отвечает за выполнение решений ЕС.

➤ Европейский суд (*The Court of Justice of the European Union*) – высший суд ЕС.

➤ Европейский парламент (*the European Parliament*) имеет три важнейшие задачи: законодательство, бюджетирование и контроль деятельности Европейской комиссии.

➤ Европейская счетная палата (*The European Court of Auditors*) – институт, осуществляющий аудиторскую проверку бюджета ЕС и его учреждений.

➤ Европейский центральный банк (*The European Central Bank, ECB*) – центральный банк Евросоюза и зоны евро.

Кроме ранее упомянутых договоров, правовую основу деятельности Евросоюза дополняет Хартия Европейского Союза об основных правах (*The Charter of Fundamental Rights of the EU*) от 07 декабря 2000 года. Хартия, представляющая собой самый современный образец Билля о правах (*Bill of Rights*) США от 15 декабря 1791 года, носила декларативный характер до вступления в силу Лиссабонского договора 1 декабря 2009 года. С тех пор Хартия является юридически обязательным для исполнения документом для всех стран и граждан ЕС. Положения Хартии по сути содержат описание европейских ценностей, подлежащих защите общеевропейскими и национальными судебными органами. Европейский суд нередко прямо ссылается на соответствующие разделы Хартии, обосновывая свои решения.

Европейский суд, расположенный в Люксембурге, – интереснейший институт Евросоюза. Его полное название – *European Court of Justice* нередко переводят буквально как Европейский суд справедливости. Между тем этот суд был всего лишь назван по аналогии с британским Высоким судом правосудия (*Her Maj-*

esty's High Court of Justice in England). В англосаксонском праве исторически сложилось два подхода к осуществлению правосудия – на основе верховенства письменных законов (*rule of law*) и руководствуясь прагматическими соображениями судьи в каждом конкретном случае, исходя из собственного понимания справедливости (*rule of equity*). Судебная система Евросоюза не относится ни к англосаксонской, ни к континентальной правовым системам. Это совершенно новый тип правовой системы, где суд исходит как из указанных выше источников права (учредительных договоров и соглашений ЕС), так и из прецедентных решений, исходя из уставных целей Евросоюза.

Особенностью Европейского суда является то, что он сочетает в себе функции конституционного и высшего суда. При этом суд полностью независим от каких-либо иных институтов ЕС. Поэтому было бы правильным называть его либо просто Европейским судом, либо Европейским судом правосудия, нисколько при этом не умаляя справедливости выносимых им решений (ведь слово *justice* означает не только справедливость, но и правосудие). Европейский суд является высшей судебной инстанцией Евросоюза. Его решения всегда окончательные и не подлежат пересмотру. В силу высочайшего профессионализма это, пожалуй, самое уважаемое всеми европейцами и правительствами стран-членов ЕС учреждение Евросоюза (наименее уважаемые институты Евросоюза – Европарламент и Еврокомиссия).

Европейский союз – первое и пока единственное в мире региональное объединение государств, перешедших к пятой стадии экономической интеграции (вслед за зоной свободной торговли, таможенным и валютным союзами и общим рынком). Однако его влияние на европейские и мировые процессы шире, благодаря участию членов ЕС в целом ряде других объединений. Среди них **Шенгенская зона**, в которую входят 26 государств, в том числе все страны ЕС (за исключением Великобритании и Ирландии, Румынии, Болгарии, Кипра и Хорватии), а также Норвегия, Исландия, Швейцария и Лихтенштейн, не входящие в ЕС (плюс карликовые государства Монако, Сан-Марино, Ватикан и Андорра, также признающие Шенген). Пограничный контроль в странах этой зоны с общим населением свыше 400 млн человек осу-

ществляется только на внешней границе – при въезде и выезде из зоны, но без пограничного контроля на внутренних рубежах государств, входящих в эту зону.

Еврозона – валютный союз 19 стран-членов ЕС с более чем 330 миллионами жителей. Не входят в Еврозону Болгария, Великобритания, Венгрия, Дания, Польша, Румыния, Хорватия, Чехия и Швеция, использующие свои собственные национальные валюты. Кроме того, евро в качестве национальной валюты используют 4 карликовых европейских государства плюс два заморских региона Франции (по договоренности), а также Косово и Черногория (без договоренности с ЕС). Таможенный союз ЕС, в который входят все страны Евросоюза плюс Турция и карликовые государства Монако, Сан-Марино, Ватикан и Андорра. Единый таможенный режим для членов Таможенного союза ЕС означает отмену всех таможенных пошлин и ограничений между странами-членами, введение единого импортного тарифа для товаров и услуг третьих стран, общую торговую политику на внешних рынках.

Европейская экономическая зона (или Европейское экономическое пространство), объединяющая 31 государство, среди которых 28 стран-членов ЕС и три из четырех стран-членов Европейской ассоциации свободной торговли, ЕАСТ (Норвегия, Исландия и Лихтенштейн). Член ЕАСТ Швейцария не входит в пространство, но двусторонние договоры с ЕС позволяют ей успешно работать на внутреннем рынке ЕС. В Европейской экономической зоне действует свобода передвижения товаров, услуг, трудовых ресурсов и капитала.

Кроме того, Евросоюз имеет существенное влияние на приграничные с ЕС государства посредством реализации **Европейской политики добрососедства**, ЕПД (*European Neighbourhood Policy; ENP*). Эта долгосрочная политика направлена на создание зоны безопасности и благосостояния вокруг границ ЕС. В рамках ЕПД реализуются конкретные программы развития сотрудничества Евросоюза с соседними странами в области политики, безопасности, экономики и культуры. ЕПД распространяется на отношения с 16 странами Восточной Европы и Средиземноморья (Алжир, Марокко, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Па-

лестинская Автономия, Сирия, Тунис, Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина). На совместные проекты в рамках ЕПД в течение 2014–2020 годов ЕС выделит бюджет в 15,4 млрд евро. Россия хотя официально и не входит в этот список, тем не менее в настоящее время реализуем семь совместных с ЕС программ приграничного сотрудничества: «Коларктик», «Карелия», «Юго-Восточная Финляндия – Россия», «Россия – Эстония», «Россия – Латвия», «Россия – Литва» и «Россия – Польша».

Важно, что ЕПД исключает использование «политики решения собственных проблем за счет соседей» или «политики разорения соседа» (*beggar-thy-neighbor policy*). Автором этого термина в экономической науке является Джоан Робинсон (*Joan Robinson*; 1903–1983), известный британский экономист из Кембриджского университета, ученица Джона Мейнарда Кейнса (*John Maynard Keynes*, 1883–1946). Выдающийся экономист Кейнс так и не стал нобелевским лауреатом, поскольку нобелевская премия в сфере экономики была учреждена лишь в 1968 году, а первое ее вручение состоялось в 1969 году. Однако Джоан Робинсон, одна из основательниц макроэкономики как науки, выдвигалась на эту премию в 1975 году, но лауреатом так и не стала (по-видимому, из-за своих увлечений марксизмом и маоизмом). Зато Нобелевскими лауреатами стали двое ее учеников – Джозеф Стиглиц и Амартия Сен.

В 1930-е годы в составе так называемого Кембриджского кружка, возглавляемого Кейнсом, Робинсон занималась различными исследованиями причин и последствий Великой депрессии в США. Как известно, летом 1930 года несмотря на протест 1028 известных американских экономистов по инициативе президента Герберта Гувера был принят Закон Смута-Хоули о тарифах (*The Smoot-Hawley Tariff Act*). В соответствии с законом были подняты таможенные ставки на более чем 20 тысяч импортируемых товаров. Результатом стала ответная реакция других государств, даже ближайших соседей – Канады и Мексики, в свою очередь также поднявших пошлины на американские товары. Это привело к резкому спаду торгового оборота между США, их соседями и европейскими странами, что ускорило негативные процессы в американской экономике и окончательно ввергло страну в Великую депрессию.

В 1937 году Робинсон в своем эссе на тему «Введение в теорию занятости» (*Introduction to the Theory of Employment*) впервые дала определение политики разорения соседа как «экономической политики, с помощью которой одна страна пытается решить свои экономические проблемы за счет других стран». Робинсон перечислила четыре основных инструмента *beggar-thy-neighbor policy*: искусственная девальвация национальной валюты, сокращение зарплат, экспортные государственные субсидии и ограничение импорта.

Сегодня некоторые лозунги новоизбранного президента США Д. Трампа, которого журнал *The Economist* называет экономическим националистом (прежде всего из-за его предвыборного лозунга *America First* – Америка превыше всего), основаны на смеси популизма и протекционизма, что в очередной раз может привести к печальным последствиям как для самих Соединенных Штатов, так и для их крупнейших торговых партнеров – Евросоюза и Китая. В современных условиях глобализации реализация США политики разорения соседа вполне может привести к очередному мировому кризису, в результате которого обнищает уже весь мир (ситуация «*Beggar-the-Whole-World*»). В этой связи политика добрососедства, проводимая Евросоюзом, рассматривается многими экспертами, как пример взаимовыгодного сотрудничества.

Политика Евросоюза по поддержке кандидатов на вступление и новых членов ЕС также способствует усилению роли этого надгосударственного объединения в мире. Новые члены принимаются в Евросоюз на основе всеобъемлющих процедур, включающих: оценку полноты соответствия кандидата всем стандартам и правилам ЕС, получение согласия со стороны всех семи институтов ЕС и всех 28 членов ЕС, согласие всех граждан этого государства-кандидата на вступление в ЕС, выраженное в соответствии с законодательством этого государства голосованием в парламенте или всенародным референдумом.

Для определения готовности кандидата к принятию в Европейский союз в 1993 году на основе Маастрихтского договора Европейским советом были разработаны и приняты так называемые Копенгагенские критерии, в соответствии с которыми государство-кандидат на вступление в Евросоюз должно соблюдать прин-

ципы демократии, свободы и уважения прав человека, а также принцип верховенства закона (ст. 6, ст. 49 Договора о Европейском союзе). Также в стране должна присутствовать конкурентоспособная рыночная экономика, и должны признаваться общие правила и стандарты ЕС, включая приверженность целям политического, экономического и валютного союза.

Кроме того, для кандидатов на вступление в Евросоюз огромное значение имеет набор правил, норм и процедур под общим названием «*acquis communautaire*», который можно перевести на русский язык как «Достояние Сообщества», хотя в официальных документах ЕС, публикуемых на различных языках стран-членов ЕС, оно не переводится и употребляется в приведенной выше французской транскрипции. На данный момент времени *acquis communautaire* включает в себя 35 разделов, в которых изложены правовые основы жизнедеятельности ЕС в самых различных сферах общественно-экономической жизни. Эти нормы не могут быть поставлены под сомнение или модифицированы новыми государствами при их вступлении в ЕС. Первые четыре раздела *acquis communautaire* посвящены четырем свободам передвижения – людей, товаров, услуг и капитала, являющихся столпами общеевропейского рынка. Там же содержатся и перечень основных европейских ценностей, которые кандидаты должны разделять: равенство, свобода, достоинство, уважение других членов ЕС, соблюдение прав человека, верховенство закона, демократия, толерантность, плюрализм мнений и свобода средств массовой информации.

На 1 апреля 2017 года приняты и рассмотрены заявки о приеме в ЕС пяти стран (Турецкая республика, Республика Албания, Черногория, Республика Македония, Республика Сербия). Им официально присвоен статус кандидата на вступление. Впрочем, это не означает их скорого приема в члены ЕС. Ведь та же Турция имеет статус кандидата с 1999 года, подав заявление на вступление в 1987, а вообще-то соглашение об ассоциации было подписано между Турцией и Европейским экономическим сообществом еще в 1960 году. Однако эта страна испытывает большие сложности с приведением своего социально-экономического и политического устройства в соответствие с

Копенгагенскими критериями и положениями *acquis communautaire*. Слишком далека политика, проводимая президентом Турции Эрдоганом, от восприятия мироустройства Евросоюзом. Что касается балканских государств, Евросоюз пытается их подтолкнуть (к перечисленным выше балканским странам добавляются не признанное Россией Косово и Босния и Герцеговина, с которыми ЕС также подписало соглашение о стабилизации и ассоциации) к созданию некоего Балканского экономического сообщества, которое должно совместными усилиями стремиться к достижению стандартов ЕС в области политики, экономики и законодательства).

Впрочем, помимо указанных выше соглашений ЕС имеет множество иных соглашений об ассоциации с различными названиями. Так, например, в 2014 году были подписаны соглашения об ассоциации с Грузией, Молдовой и Украиной, ранее были подписаны европейско-средиземноморские соглашения о налаживании ассоциации с Алжиром и Египтом, и об ассоциации с Ливаном, Иорданией, Марокко, Израилем и Тунисом. Существуют и многие другие двусторонние договоры о сотрудничестве. Однако, как неоднократно подчеркивало руководство ЕС, **статуса ассоциированного члена Евросоюза не существует**. Есть лишь статус официального кандидата, который также, как это видно на примере Турции, далеко не гарантирует вступления в Евросоюз. А договоры об ассоциации различных видов содержат лишь обязательства отдельных государств о проведении политических, экономических или законодательных реформ, приближающих эти страны к стандартам и нормам ЕС. В обмен на это ассоциированное государство может получить определенные ограниченные льготы, например безвизовый въезд при сохранении ограничений на трудоустройство, как это было с Украиной, или беспопылинный доступ к рынку ЕС или отдельных стран ЕС по некоторым товарам и/или услугам, а также финансовую или техническую помощь. Любое соглашение об ассоциации подлежит ратификации всеми государствами-членами ЕС.

В ноябре 2016 года Еврокомиссия выступила с докладом о политике расширения Евросоюза (*Communication on EU Enlargement Policy*), подтвердив ужесточение контроля за соблюдением

требований к кандидатам в члены ЕС. По-видимому, в ближайшие пять-семь лет ЕС сосредоточится на решении своих внутренних проблем развития, отказавшись от приема новых членов. Тем более что несмотря на стремление многих стран стать членами Евросоюза, существуют и центробежные тенденции по выходу отдельных стран из ЕС. В частности, 29 марта 2017 года заявление о выходе из Евросоюза подала Великобритания. В самой Европе набирают силу евроскептики, представляющие самые различные политические движения. Популисты (тот же Национальный фронт Марин Ле Пен в Франции, или движение Пяти звезд в Италии) строят свои избирательные компании на основе протестных настроений европейцев, чьи надежды на счастливое будущее в рамках объединенной Европы не оправдались. Возникают все новые очаги напряженности, связанные с обсуждением возможности выхода различных стран из Евросоюза (*Frexit, Grexit, Niderexit, Italexit* и т.д.). Все это свидетельствует о наличии серьезных проблем в развитии Евросоюза.

Проблемы и перспективы Европейского союза

В преддверии празднования 60-летия Римского договора от 25 марта 1957 года в начале марта 2017 года Еврокомиссия опубликовала доклад «О будущем Европы», содержащий подробный анализ достижений и проблем Евросоюза, а также описание сценариев дальнейшего развития ЕС в период до 2025 года. Причем в подзаголовке доклада было демонстративно указано, что речь идет о 27 членах Евросоюза, хотя на тот момент Великобритания еще не подала соответствующего заявления в Совет ЕС. Более того, в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 50 (бывшая статья 49 А) Лиссабонского договора «2. Государство-член, которое принимает решение о выходе, уведомляет о своем намерении Европейский совет. В свете ориентиров, установленных Европейским советом, Союз проводит переговоры и заключает с данным государством соглашение, которое определяет порядок выхода последнего с учетом основ его будущих взаимоотношений с Союзом. Переговоры о заключении данного соглашения проводятся в соответствии с параграфом 3 статьи 218 Договора о функционировании Европейского союза. Соглашение от имени

Союза заключает Совет, постановляя квалифицированным большинством, после одобрения Европейского парламента. 3. Договоры прекращают применяться к заинтересованному государству со дня вступления в силу соглашения о выходе либо – при отсутствии такого соглашения – через два года с момента уведомления, предусмотренного в параграфе 2, если только Европейский совет с согласия заинтересованного государства-члена единогласно не решит продлить этот срок».

Таким образом, Великобритания остается полноправным членом Евросоюза либо до вступления в силу соответствующего соглашения о выходе, либо до 28 марта 2019 года включительно. Потеря Великобритании, на которую приходится 15% ВВП Евросоюза, безусловно, негативно скажется на общем состоянии экономики и ЕС, и Великобритании. Выход Великобритании из Евросоюза, получивший название **Brexit** (Брекзит) от слияния английских слов *Britain* – Британия и *Exit* – выход (чаще всего это слово во всех языках используется именно в английской транскрипции), повлечет за собой множество изначально непредвиденных последствий. Так, например, ЕС предстоит перераспределить британскую долю в расходах бюджета Союза среди оставшихся членов, поскольку Лондон уже сейчас заявляет о своем отказе финансировать участие в ЕС полным размере. Кроме того, возникает масса вопросов о статусе граждан ЕС, работающих и проживающих настоящее время в Великобритании (а их насчитывается почти 3 млн, в том числе свыше миллиона граждан Польши), одновременно свыше 2 млн британцев работают в странах ЕС. Не исключено и проведение соответствующего повторного референдума о выходе Шотландии уже из состава Великобритании.

Из-за попыток У. Черчилля при содействии США поставить процесс экономического объединения Европы под британский контроль, что вызвало отторжение у европейских континентальных государств, Великобритания вступила в ЕЭС только в 1973 году после долгих лет переговоров. Однако за прошедшие до британского референдума о Brexit 43 года, между континентальной Европой и Британией образовались очень прочные экономические, торговые связи, а также связи междусвязи между людьми.

Вместе с тем в последние годы недовольство Лондона уровнем государственного управления, осуществляемого брюссельскими бюрократами (не случайно их называли еврократами – *Eurocrats*), становилось все более очевидным. Великобританию не устраивали решения по приему эмигрантов из арабских государств, принятые под нажимом Германии. В какой-то степени сыграло свою роль нежелание франко-германского руководства допустить в качестве третьего члена своего минисоюза премьер-министра Великобритании, ведь ее не было среди первых шести стран-подписантов Парижского договора 1951 года. Сказывались также и сугубо экономические и социальные проблемы Великобритании, истоки которых британцы видели в недостаточно компетентном управлении Брюсселем развитием экономики и внешней торговли ЕС.

Впрочем, подобные претензии высказывают многие страны ЕС. По-видимому, многим странам свойственно (да, впрочем, и очень удобно) винить в собственных проблемах соседние государства. В какой-то степени это можно объяснить неравенством в социально-экономическом развитии, ведь, например, уровень жизни в Великобритании в 4,5 раза выше, чем в Румынии. Существуют и проблемы взаимоотношений стран внутри ЕС, особенно между странами Северной и Западной Европы, которые дотируют страны Восточной и Южной Европы, вместе с тем, по сути, стимулируя потребление собственных товаров и услуг за счет предоставляемых дотаций и кредитов. Нарастает также и недовольство лидерством Германии, которая хотя и стремится быть лидером во всем, но в одиночку не в состоянии удовлетворить растущие финансовые запросы коллег по Союзу.

В докладе Еврокомиссии «О будущем Европы» эта проблема описана как недостаток доверия и легитимности. В целом уровень доверия европейцев к самой идее интеграции Европы в единое государство на федеративной или конфедеративной основе за последние годы значительно упал. Руководитель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер на этот счет был вынужден даже сделать соответствующее заявление о том, что задачи превращения Евросоюза в государство пока не стоит. Сегодня в Евросоюз верит около трети европейцев, в то время как 10 лет назад свои надежды на

объединение всей Европы связывало свыше половины европейцев. При этом 2/3 европейцев по-прежнему видят в ЕС островок стабильности в бурлящем волатильном мире, более 80% поддерживают четыре ключевые свободы ЕС, 70% жителей еврозоны поддерживают введение единой валюты во всем Евросоюзе.

Наряду с внутренними существуют и внешние риски для функционирования Евросоюза. Прежде всего они связаны с неопределенной позицией новоизбранного президента США Д. Трампа в отношении дальнейшего развития отношений как с ЕС, так и с НАТО. Такая ситуация рассматривается как серьезная угроза безопасности внешних границ Союза. Ведь главную роль в финансировании расходов НАТО по-прежнему играют США, которые с приходом Трампа хотели бы несколько облегчить взятые на себя изначально обязательства. Кроме того, подписание с Турцией соответствующего договора о приеме сирийских беженцев несколько снизило потоки мигрантов в Европу, однако вопрос об их ассимиляции или экспатриации на родину по-прежнему остается открытым. Тем более что Эрдоган умело манипулирует существующими проблемами ЕС в собственных интересах. Часть своих внутренних и внешних проблем, Евросоюз, к сожалению, связывает и с Россией. Ведь найти внешнего врага всегда легче, чем признаться в своих собственных ошибках.

Еврокомиссия в докладе «О будущем Европы», анализируя существующие проблемы в деятельности Евросоюза, даже не рассматривает возможность распада ЕС под воздействием указанных выше внешних и внутренних рисков. Жан-Клод Юнкер предложил **пять сценариев дальнейшего развития ЕС**. Первый сценарий предусматривает «продолжение прежнего курса» – оставшиеся 27 стран Союза будут, как и прежде, концентрироваться на реформах, проблеме рабочих мест, экономического роста и инвестициях. Второй сценарий исходит из того, что главные усилия ЕС приложит в направлении развития общего внутреннего рынка при остановке интеграционных политических процессов. В то же время «ресурсы для совместной торговли ограничены», – предупреждает глава Еврокомиссии, что приведет к «росту пропасти между ожиданиями и результатом на всех уровнях». Третий сценарий предусматривает «Европу разных скоростей», ра-

ботающую по принципу «кто хочет большего, тот делает больше». Интеграционные процессы будут развиваться в группе стран внутри ЕС, а страны, не желающие принимать в них участие, будут предоставлены сами себе. В результате Евросоюз может стать еще более непрозрачной и сложной структурой, предупреждает Юнкер. Четвертый сценарий предполагает концентрацию усилий Евросоюза на нескольких направлениях по принципу «меньше, но эффективнее». Технологические инновации, безопасность, миграция, защита границ и оборона останутся приоритетными направлениями, в то время как поддержка регионов, рынок труда, медицина и социальная политика вернутся в компетенцию государств. Еврокомиссия считает, что таким образом по ряду направлений можно будет достичь существенного прогресса. И, наконец, пятый сценарий исходит из усиления роли Еврозоны под лозунгом «что хорошо для стран Еврозоны, то хорошо для всех», имея в виду, что вхождение в валютный союз всех членов ЕС позволит им «разделять полномочия, ресурсы и ответственность за решения», то есть наращивать совместную деятельность. «Это испортит настроение той части общества, которая сомневается в легитимности ЕС и считает, что он забирает у национальных правительств слишком много власти», – предупреждает Юнкер.

25 марта 2017 года лидеры 27 стран Евросоюза отметили 60-летие Римских договоров соответствующей Римской декларацией, подтвердившей желание и дальше крепить единство ЕС. Ключевой момент в декларации – необходимость единства перед вызовами времени в Европе и во всем мире. Выделены четыре приоритетных цели следующего десятилетия: Европа должна быть безопасной, экономически процветающей, социально справедливой и более влиятельной на мировой арене. Приоритетный вариант сценария развития ЕС будет определен после завершения выборных кампаний во Франции и Германии.

Тем не менее несмотря на вполне оптимистичные прогнозы Еврокомиссии и то, что реальных предпосылок для распада Европейского союза пока не существует, журнал *The Economist* посвятил специальный выпуск, приуроченный к юбилейной встрече лидеров ЕС, под заголовком «*How to Save Europe?*» («Как спасти Европу?»). Аналитики этого издания отмечают, что евробюро-

кратам из Еврокомиссии, сталкивающимся с проблемами существования ЕС, свойственны две реакции. Они либо начинают говорить о необходимости еще большей интеграции с передачей все больших полномочий центральным властям в Брюсселе в ущерб национальному суверенитету стран-членов ЕС (против чего выступают как правительства, так и простые граждане этих стран), либо просто замалчивают существующие проблемы, надеясь на то, что все как-нибудь разрешится само собой. Между тем *The Economist* считает, что Евросоюз должен быть более гибким в отношениях с другими странами Европы, предоставляя им возможность более тесно сотрудничать с ЕС, но не на основе известной многоскоростной системы, предложенной когда-то А. Меркель, а руководствуясь общеевропейскими интересами в рамках равноуровневой системы взаимоотношений (*multi-tire system*). Безусловно, в этой системе ключевая роль отводится странам с единой валютой – евро, которым потребуется большая степень интеграции, чтобы создать настоящий банковский союз, наряду с валютным. Следующий уровень будет включать страны, не готовые пожертвовать частью своего суверенитета в части валюты. Некоторые страны будут заинтересованы в более тесном сотрудничестве в области обороны и внешней политики, другие – в торговле.

Кстати, подобный подход был когда-то предложен в рамках саммита Россия-ЕС, приуроченном к празднованию 300-летия Санкт-Петербурга 31 мая 2003 год, когда была объявлена идея создания «четырех общих пространств» между Россией и ЕС: экономического; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; науки, образования и культуры.

Для еврократов же недопустима сама мысль о том, что кто-то может сам выбирать то, что ему нравится из различных сфер деятельности ЕС, однако свобода от мнения бюрократизированного Брюсселя это именно то, что сегодня волнует европейцев. Слишком далеки рассуждения и планы Еврокомиссии от реальных потребностей людей, жизнь которых зависит от имитации бурной деятельности еврократами. Управлять на основе единых общеевропейских стандартов легче, однако не всегда это дает результаты, на которые надеялись обычные граждане. Не случайно,

ученые из авторитетного европейского Центра исследований экономической политики, также опубликовавшие перед римским саммитом ЕС в марте 2017 года свое исследование под названием «Куда путь держишь, Европа?», пришли к следующим выводам:

➤ Сохранение статус-кво не поможет Евросоюзу, необходимы нестандартное мышление и смелые шаги для успешной реализации проекта Европейского союза.

➤ Необходим радикальный пересмотр всей структуры руководства Евросоюзом, различные вопросы деятельности ЕС нуждаются в разной степени централизации.

➤ В условиях отсутствия единого европейского самосознания, реформы деятельности Евросоюза должны начинаться на национальном уровне, страны-члены ЕС должны нести больше ответственности за свои решения и действия, направленные на укрепление Евросоюза.

Существуют и иные предложения политиков, ученых-экономистов и юристов, однако в нынешних условиях вряд ли стоит ожидать радикальных позитивных перемен в Евросоюзе. Как когда-то сказал Виктор Гюго, «...никакая армия не сравнится с силой идеи, время которой пришло». Значит, время таких перемен для Европы еще не наступило.

Европейский союз как деловой партнер российского бизнеса

В настоящее время отношения между Европейским союзом и Российской Федерацией регулируются двусторонним соглашением о партнерстве и сотрудничестве от 24 июня 1994 года (вступило в силу 1 декабря 1997). Была попытка реализации программы четырех пространств, о которой упоминалось ранее. В 2010 году в то время премьер-министр РФ В. Путин выступил с предложением о создании единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Однако российский призыв о создании зон свободной торговли ЕС-РФ не был услышан в Европе. В результате Евросоюз начал экономическую экспансию через двусторонние договоры, а также переговоры с США о заключении Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (*Transatlantic Trade and Investment Partnership*), от которого в конце концов отказалась и Европа и Америка. В то же время Рос-

сия инициировала интеграцию некоторых государств на постсоветском пространстве в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). К сожалению, попытки заключить соответствующее соглашение между ЕС и ЕАЭС о создании зоны свободной торговли пока также не увенчались успехом.

Тем не менее продолжается реализация семи проектов приграничного сотрудничества, о которых шла речь данной статье ранее. Приблизительно три процента всех компаний среднего и малого бизнеса в странах ЕС зарегистрировано с участием российского бизнеса, российских граждан или выходцами из России. Ведь, например, только в Германии проживает около 3,6 млн русскоязычных граждан (из 82 млн населения этой страны). В России же работает свыше 6000 компаний с немецким капиталом учредителей.

В последние годы российские компании активно регистрировали свои зарубежные дочки в Эстонии, занявшей по итогам 2016 года первое место в Европе по условиям ведения бизнеса (в том числе предоставляя банковские кредиты представителям среднего и малого бизнеса под 6–8% годовых). Высокие места в списке стран ЕС, предоставляющих выгодные условия для ведения бизнеса российским компаниям, занимают также Дания, Швеция и Финляндия. Самый низкий налог на корпоративную прибыль (9%) в Ирландии, что также привлекает российских инвесторов. В целом, по данным справочника Doing business Всемирного банка, Евросоюз занимает лишь 40 место в мире по условиям ведения бизнеса.

Евросоюз является главным торговым партнером России, на него традиционно приходится около 50% российского экспорта. Поэтому любые экономические проблемы Евросоюза неизбежно негативно сказываются и на России. Правда, в последние три года происходит постепенное снижение объемов товарооборота, в 2016 году он составил лишь около 200 млрд долл. США, что на 15% меньше предшествующего года. Произошло это из-за международных санкций и антисанкций, а также из-за девальвации рубля (закупки импортного оборудования в ЕС стали слишком дорогими). Тем не менее Россия удовлетворяет приблизительно 1/3 общих потребностей стран ЕС в энергоносителях. Основными

торговыми партнерами России в Европе являются Германия, Нидерланды и Италия. Россия для Евросоюза не является ключевым торговым партнером, тем не менее ее доля в импорте ЕС составляет около 8%. Наряду с поставками в ЕС из России энергоносителей (нефть, газ, уголь), в 2016 году выросли объемы поставок минеральных удобрений, алюминия, меди, свинца, картона, бумаги и т.д. Однако не сырьевой экспорт из России за год сократился на 18%, причем физические объемы поставок растут, а их стоимость падает. Связано это с тем, что девальвация рубля положительно повлияла на рост экспорта в Европу товаров с низкой и средней степенью переработки, в то время как объемы экспорта высокотехнологичной продукции машиностроения и автомобилестроения упали из-за роста стоимости импортных сырья и комплектующих.

Негативные последствия Brexit затронут и Россию, так как основной источник иностранных инвестиций поступает в РФ из Голландии и Кипра со счетов в британских банках. Не исключено, что в переходный период прохождение этих платежей будет осложнено новыми правилами транзакций. Кроме того, Brexit несет в себе угрозу сохранности золотовалютных запасов России, ведь из около 390 млрд долл. США 80% инвестировано в ценные бумаги иностранных государств, в том числе Британии – 9,4%, ЕС в целом – около 62%. 41,5% золотовалютных запасов России номинировано в евро. Правда, в случае жесткого сценария выхода Великобритании из Евросоюза, на который приходится свыше 60% британского товарооборота, и потерей свободного доступа на этот рынок Великобритания будет вынуждена искать новые рынки сбыта для своих товаров. В этом плане страны ЕАЭС могут частично компенсировать потери, хотя их платежеспособность вряд ли будет на уровне даже самых слаборазвитых стран ЕС.

Таким образом, процессы, происходящие в Евросоюзе, одном из ближайших соседей России, всегда оказывали влияние и на экономику нашей страны. Евросоюз это не только традиционный рынок сбыта и основной торговый партнер РФ, но и крупнейший центр геополитического притяжения других стран, с которым необходимо считаться. В условиях международных санкций особенно актуальными становятся прямые связи на уровне негосу-

дарственных, частных компаний-представителей малого и среднего бизнеса. Свобода предпринимательства поможет создать российские торговые сети в Европе с ее высоким платежеспособным спросом. С другой стороны, компании из ЕС готовы заметить прямые инвестиции поставками своего высокотехнологичного оборудования в качестве доли в уставном капитале российских предприятий.

Европейский союз поддерживает сотрудничество с Россией в сфере экономики знаний, в этом плане открываются новые возможности для экспорта образовательных услуг и культурного обмена (русские школы балета и кинематографии, русского языка, научных исследований и т.д.), спорта (школы бокса, хоккея, гимнастики и т.п.), здравоохранения. Возможны совместные проекты в области инновационных технологий, например, обеспечения информационной безопасности беспилотных автомобильных средств.

Для стимулирования международных контактов российская сторона могла бы рассмотреть адресные льготы представителям бизнеса отдельных регионов стран ЕС, стремящихся к развитию бизнеса в России, например Баварии, а также некоторых областей и провинций Италии (снятие антисанкций, льготное налогообложение, государственные и банковские гарантии и т.п.).

Кроме того, на взаимной основе можно было бы рассмотреть вопрос о диверсификации состава советов директоров российских и европейских компаний за счет приглашения профессиональных независимых директоров. Приглашение иностранных независимых директоров (*foreign non-executive directors*) позволило бы не только повысить уровень корпоративного управления за счет социокультурного и национального многообразия, но и улучшить взаимное доверие на уровне бизнеса, которого сейчас так не хватает в двусторонних отношениях Российской Федерации и Европейского союза.

Geographically, the Russian Federation lies in Eastern Europe and Northern Asia, with 1/3 of Russia's territory being located in Europe,

while 2/3 – in Asia. Like China, Russia borders with 14 states, five of them (Finland, Estonia, Latvia, Lithuania and Poland) being the members of the EU. Another European state having common border with Russia – Norway – is not a member of the EU, yet is a part of the European Economic Space (EES) and Schengen Area. Moreover, despite mutual economic sanctions, the European Union remains the key trade partner of the Russian Federation, and Russia is the third after the USA and China among foreign partners of the EU. Renewing full-fledged political interaction between the EU and Russia is hardly likely today, yet it does not rule out the extension and diversification of economic cooperation between them, especially in the sector of medium-sized and small business. In this context, it is very important for Russians to understand the individual features of their European business partners.

The European Union is a unique economic formation combining the features of both an international organization and a state, though formally the EU belongs to neither of these categories. That is probably why the second word of its name is written in Russian with a lowercase letter – to stress that the EU is not a state, though being an entity under international law. The decisions are taken either by its independent national institutes, or in the process of negotiations among the member countries.

The European Union comprises only some of the nations living on the territory of Grand Dame Europe. In fact, the Europa Zeus kidnapped was a Phoenician. This very story formed the basis for paintings *The Abduction of Europa* by Rembrandt and Serov. The Grand Dame means that Europe belongs to the so-called Old World (Europe, Asia and Africa) and has nothing to do with the New World (North America) discovered by Columbus.

Currently, 28 of 48 European states are the EU members (five of them are located in Europe only partially, so they can be considered parts of Europe only conventionally). Nevertheless, the population of Europe amounts to 800 million people or 10% of the world's population, and the EU member countries account for 520 million of them (Russia's population is 147 million people). The EU territory is 4 times smaller than Russia's, but the European Union surpasses Russia in terms of population density 15 times (116 people per sq km in

Europe). The aggregate GDP of the EU countries in terms of purchasing power parity (\$19.2 trillion) is the second in the world after China (\$21.3 trillion) exceeding the one of the USA (\$18.6 trillion). These figures taken alone make Russian business ponder over the fact what kind of entity the European Union is, and how it manages to remain in the group of leaders with all these subjective and objective problems.

History of the European Union

The idea of uniting the nations of Europe has repeatedly occurred to politicians of different epochs and countries since the time of Roman Empire. Napoleon dreamed about united Europe built on the principles of confederation and having single legislation, monetary system and army. In early 20th century, the idea of founding the United States of Europe was actively promoted by French masons. In 1915, Vladimir Lenin even wrote his famous article *On the Slogan for a United States of Europe* disclosing the plans of the global capital dealing with integration of Europe in the face of increasingly stronger threat of socialism.

In 1922, Austrian philosopher, writer and politician Count Richard Nikolaus Coudenhove-Kalergi (1894–1972) published his famous *Pan-Europa* and founded the Pan-European Union, the first organization straining after united Europe. The ideas of Coudenhove-Kalergi quickly found support among many European intellectuals, including Guillaume Apollinaire, Albert Einstein, Sigmund Freud, Thomas Mann, José Ortega y Gasset, Pablo Picasso, Rainer Maria Rilke, Saint-John Perse, etc. Among the members of this organization there were politicians Aristide Briand (1862–1932) and Konrad Hermann Joseph Adenauer (1876–1967), who later played the key role in the creation of a European Union's prototype.

Today, the name of Aristide Briand, Foreign Minister and Prime Minister of France, two times Winner of the Nobel Peace Prize, first chairman of the Pan-European Union, founder of the first system of collective security in Europe that proclaimed the principle of ban on war as a method of foreign policy, author of the unfulfilled Confederations of European States of 1929–1931, is not mentioned among the founding fathers of the EU. Unfortunately, Briand made a series of mistakes related to the political situation of that time. These were ig-

noring the Soviet Union which played an important role in Europe, focus on military and political aspects instead of economic ones, as well as the fact that the confederation of 27 European states with France as their leader was directed against the UK, the USA and Germany. Due to the mistakes made, the Pan-European project failed. Briand died in 1932 without seeing his efforts to bring fruit.

As for Coudenhove-Kallergi, it was him who laid the foundation for the ideology of the present European Union having identified its goals – freedom, peace, economic prosperity and culture. His books were banned and burnt in Nazi Germany. He left a deep mark in the history of European integration being the co-author of the famous presentation made by Sir Winston Churchill at the University of Zurich on September 19, 1946. In his speech Churchill said: «...we must re-create the European family in the form of a structure that can become a kind of United States of Europe.» Churchill hoped that the UK, the British Commonwealth, the USA and Soviet Russia «will be friends and patrons of new Europe protecting its right for life and prosperity.» Even today, the European politicians and scientists like to quote the last phrase of Churchill's speech: «*Let Europe arise!*»

However, further activities of the British leader showed that his vision of the United States of Europe was different from the ideas proclaimed by Coudenhove-Kallergi. At that time, London and Washington intended to create a British-American alliance, in the context of which Europe was considered just as a free trade area under the control of subnational instance with the United Kingdom at the head. Due to this very reason, many international organizations declaring the task of uniting European states as their main goal were founded in the post-war period with active participation of Churchill, as well as security agencies of the UK and USA. Among them, we can recall the Independent League for European Cooperation (ILEC) with Józef Hieronim Retinger (1888–1960, former adviser of Sikorski's government in exile, agent of British intelligence) acting as General Secretary, and a former Prime Minister of Belgium Paul van Zeeland (1893–1973) in the position of Chairman. In September 1946, the Union of European Federalists (UEF) was founded in Switzerland on the initiative of future Head of the CIA Allen Welsh Dulles (1893–1969). In January 1947, Churchill founded the Provisional United Europe

Committee. On the territory of the USA, influential Senator James William Fulbright (1905–1995) founded the Free and United Europe Committee with participation of heads of the CIA William J. Donovan (1883–1959) and Allen Dulles. However, this organization was quickly replaced by another one – the American Committee on United Europe.

In May 1948, Churchill convenes the European Congress in the Hague to bring together the Pan-European Union, ILEC, UEF and other organizations. The congress takes the decision to found the European Movement with Churchill's son-in-law Baron Duncan Sandys (1908–1987) elected as the President and Jozef Retinger as the General Secretary. The group of honorary presidents of the Movement included renowned and popular political figures of that time, such as Winston Churchill; Leon Blum (1872–1950), former prisoner of Buchenwald and Prime Minister of France; Alcide Amedeo Francesco de Gasperi (1881–1954), Prime Minister of Italy; Paul Henri Charles Spaak (1899–1972), initiator of Benelux (Belgium, the Netherlands and Luxembourg). The European Movement encouraged the foundation of the Council of Europe, currently comprising all 48 European states (Russia joined the Council of Europe only in 1996).

For coordination of projects on economic reconstruction of Europe within the framework of Marshall Plan, the Organization for European Economic Cooperation (OEEC) was founded in 1948. In 1961 it was renamed into the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD). Currently, this international organization comprises 35 states, including the leading members of the EU. However, along with European states, OECD includes the countries located on other continents (for instance, Canada, the USA, Australia, Japan, North Korea, etc.). Russia is not a member of this organization though having negotiated the issue on entering OECD. These talks were terminated in March 2014.

In 1949, the western countries founded the North Atlantic Treaty Organization (NATO) on the basis of the West-European Defense Union. Today, this military-political bloc comprises 29 member countries, including the majority of EU states.

It is obvious that this aspiration for the European integration in three main areas – political, economic and defense ones – originated

due to fear of the USSR's military and economic might. However, along with this key motive, a very important role belonged to the factor of competition among the USA, the United Kingdom and France for leadership in united Europe. The pressure imposed by Washington and London on their European partners under the Marshall Plan made Europeans want to get rid of such obtrusive care of the «big brothers.» In early 1950, Head of the French Commission for Planning and Modernization of French Economy Jean Monnet (1888–1979) shared with French Foreign Minister Robert Schuman (1986–1963) his idea on creating a European organization to control the European production of coal and steel, including the German one. It allowed them not only to create a single product market promoting economic recovery of Europe, but achieve a very important goal as well – the one of preventing the secret use of these resources in defense industry.

Having won the support of Konrad Adenauer (1876–1967), Federal Chancellor of the FRG, who supported this simple, yet efficient plan of Monnet, Schuman made an official statement on association of coal-mining and steel industries of France and Germany on May 9, 1950. It gave impetus to creation of the European Coal and Steel Community (ECSC).

It is interesting that there are two official holidays bearing the name «Europe Day.» They are celebrated on the day of creating the Council of Europe (May 5, 1949, declared as a national holiday by the Council of Europe in 1964), and the day of Schuman's declaration (May 9, 1950; starting from 1985, the Europe Day is celebrated annually in all EU countries as a holiday of peace and unity). As for the Victory Day, the Europeans mark it on May 8 (when Nazi Germany signed the Act of Surrender).

The agreement on creation of the ECSC was signed on April 18, 1951 in Paris. Six countries – France, FRG, Italy, Belgium, the Netherlands and Luxembourg – became parties to the treaty. Today, these states also form the basis of the European Union. The Paris Treaty came in force on July 23, 1952, while its period of validity expired on July 23, 2002, fifty years after the document's becoming effective.

The official list of founding fathers of the EU includes only 11 names. Among them, there are seven people standing at the origins of the ECSC – **Jean Monnet** (even today, he is often referred to as «the

Father of Europe»); **Robert Schuman** (the Catholics even tried to canonize him due to his merits for Europe); **Konrad Adenauer** (Europeans call him «*Der Alte*» / «*the Old Man*» or «*the Master*»); **Paul Henry Spaak** («*the Father of Benelux*»); **Alcide de Gasperi**, Prime Minister of Italy; **Joseph Bech** (1887–1975), Prime Minister of Luxembourg; and **Johan Willem Beyen** (1897–1976), Foreign Minister of the Netherlands, who played an important role in the process of substantiating the need for not only sector-wide, but horizontal integration of Europe (The Beyen Plan).

Four more persons have been entered on the list due to their merits for the European Union. These are **Winston Churchill** (for his call to create the United States of Europe); **Altiero Spinelli** (1907–1986), Italian statesman, whom Europeans call «*the prophet of European Union*,» as he was the author of draft EU Treaty of 1984 (The Spinelli Plan) that later served as the basis for the Single European Act of 1986 and the Maastricht Treaty on European Union or TEU; **Sicco Mansholt** (1908–1995), author of the unified agricultural policy of EU, one of the most outstanding political lines of the Union since the time of its foundation; and **Walter Hallstein** (1901–1982), the first Chairman of the European Commission after its creation in 1958.

Coudenhove-Kallergi is not on the list, though he has not only worked out the ideology of the European unity, but taken an active part in development of EU's attributes. For instance, he suggested his variant of the flag for the Council of Europe in early 1950s. Later, this variant was adopted as the flag of EU – 12 golden stars forming a circle on the blue background. According to his idea, there should have been one more golden circle with a red Christian cross in the middle inside the circle of stars. 12 stars meant continuity (12 seasons, 12 Zodiac signs, 12 hours on the clock face, etc.), while the circle stood for the symbol of unity of nations (by analogy with King Arthur's round table). The EU members abandoned the golden circle and the red cross, while the circle of stars on the blue background was approved and exists to the present time.

In 1955, Coudenhove-Kallergi also suggested adopting *the Ode to Joy* by Friedrich Schiller set to Ludwig van Beethoven's music as a new European anthem. *The Ode to Joy* written by Schiller in 1875 was devoted to celebration of fraternity of people. The prelude to *the Ode*

to Joy (4th part of the 9th symphony by Beethoven) was officially approved as the anthem of the Council of Europe only in 1972, after removing from it the words in German not to make the status of one language superior to other ones. This melody is currently the official anthem of both the Council of Europe and EU.

The official slogan of EU is «*In Varietate Concordia*» (Latin) or «*United in Diversity*.» This slogan was adopted only in 2000 after multi-staged discussion. This motto symbolizes the unity of Europeans for the sake of peace and prosperity with preservation of diversity of cultures, traditions and languages. This approach is in full compliance with the ideas of Pan-Europa proclaimed by Coudenhove-Kallergi back in 1922.

After the foundation of the European Coal and Steel Community, the European countries covered a long way of creating a single economic space, system of justice, common foreign and security policy by way of signing new international treaties – the ones of Rome, Maastricht, Schengen, Amsterdam, and finally Lisbon. The integration processes in Europe are currently going on.

European Union Today

The Constitution is still missing in the European Union. The draft EU Constitution signed on October 29, 2004 in Rome has not yet been ratified by all member states, so on October 19, 2007 it was replaced by the Treaty of Lisbon (Lisbon Treaty on amending the Treaty on European Union (Maastricht Treaty dated February 7, 1992) and the Treaty establishing the European Community (Treaty of Rome dated March 25, 1957). The Lisbon Treaty contains provisions on functions of EU institutes in new conditions.

By the present moment, seven governing bodies have been formed in the EU:

- The European Council – supreme political authority of the EU consisting of the heads of states and governments of the member countries.
- The EU Council or Council of Ministers – along with the European Parliament, one of the two legislative authorities in the EU.
- The European Commission – the highest body of executive power in the European Union responsible for implementing the EU decisions.

➤ The Court of Justice of the European Union – supreme court of the EU.

➤ The European Parliament – it has three main functions: legislation, budgeting and control over the activities of the European Commission.

➤ The European Court of Auditors – the authority dealing with audit of the EU budget and institutions.

➤ The European Central Bank (ECB) – central bank of the European Union and Eurozone.

Apart from the aforementioned treaties, there is one more document providing the legal basis for EU's activities. It is the Charter of Fundamental Rights of the EU dated December 7, 2000. This Charter, actually the most modern version of the US Bill of Rights dated December 15, 1791, was a document of declarative nature until the Lisbon Treaty came into force on December 1, 2009. Since that time, the Charter has been a legally binding document for all countries and citizens of the EU. In fact, the provisions of the Charter contain the description of European values subject to protection by the European and national judicial authorities. The European Court often directly refers to the respective sections of the Charter while substantiating its verdicts.

The European Court located in Luxembourg is a very interesting institution. People often translate its full name – The European Court of Justice – word by word. Meanwhile, the name was chosen by analogy with Her Majesty's High Court of Justice in England. In Anglo-Saxon law, two approaches to delivery of justice have traditionally formed up – the rule of law (on the basis of written laws) and the rule of equity (the judge is guided by pragmatic considerations based on his own idea of justice). The judicial system of the European Union has nothing to do with both Anglo-Saxon and continental systems. It is an absolutely new type of legal framework – the court is guided by both the aforementioned legal sources (foundation treaties and agreements of the EU) and precedent decisions based on the goals and objectives of the EU.

The distinguishing feature of the European Court lies in the fact that it combines the functions of both constitutional and supreme courts. At the same time, the Court is fully independent from any EU

institutes. So it would be right to call it either the European Court or the European Court of Justice. The European Court is the supreme judicial authority in the EU. Its judgment is final and not subject to review. Due to its high professionalism, it is probably the most respectable EU institution among Europeans and governments of the member states (the least respectable institutes are the European Parliament and the European Commission).

The European Union is the first and world only association of states that have made the transition to the fifth stage of economic integration (after free trade area, customs and currency unions, as well as common market). However, its influence on European and global processes is stronger due to the fact that the EU member countries participate in many other associations as well. Among them, there is **Schengen Area** with 26 six states being parts of it, including all EU members (except the UK, Ireland, Romania, Bulgaria, Cyprus and Croatia), as well as Norway, Iceland, Switzerland, Liechtenstein (non-EU states), plus Monaco, San Marino, Vatican and Andorra, which also recognize the Schengen Area. Border control in this area with population of over 400 million people is exercised only on the external border – when one enters or exits from the area – and is missing on national borders of the states.

The Eurozone is a currency union of 19 EU member states with aggregate population of 330 million people. Such countries, as Bulgaria, the United Kingdom, Hungary, Denmark, Poland, Romania, Croatia, Czech Republic and Sweden are not the members of Eurozone using their own national currencies. Besides, four diminutive states, two overseas regions of France (by agreement), as well as Kosovo and Montenegro (without agreement with the EU), use Euro as their national currency. The EU Customs Union includes all member countries, plus Turkey and diminutive states Monaco, San Marino, Vatican and Andorra. The common customs regime for all members of the Customs Union means removal of all customs duties and restrictions among member states, introduction of a common import tariff for the goods and services of the third-party countries, as well as common trade policy in the foreign markets.

The European Economic Area (or the European Economic Space), comprising 31 states. Among them there are 28 EU members,

three of four members of the European Free Trade Association (EFTA) – Norway, Iceland and Liechtenstein. Member of EFTA Switzerland is not a part of the area, yet bilateral agreements with the EU enable it to work successfully in the domestic market of the European Union. The European Economic Area features freedom of movement for goods, services, workforce and capital.

Besides, the EU has serious influence on the countries it borders with by way of pursuing **the European Neighborhood Policy (ENP)**. This long-term policy is aimed at creation of the safety and welfare area around the borders of EU. Within the framework of the ENP, the European Union implements certain programs of cooperation with neighboring states in political, economic, security and cultural fields. The ENP applies to relations with 16 countries of Eastern Europe and the Mediterranean region (Algeria, Morocco, Egypt, Israel, Jordan, Lebanon, Libya, Palestinian National Authority, Syria, Tunisia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova, and Ukraine). Over the period of 2014–2020, the EU will allocate the budget worth 15.4 billion euro for joint projects implemented under the ENP. Russia is not officially on the aforementioned list, yet currently implements seven cross-border cooperation programs jointly with EU: Kolarctic, Karelia, South-East Finland – Russia, Russia – Estonia, Russia – Latvia, Russia – Lithuania and Russia – Poland.

It is important that the ENP rules out any methods of solving one's own problems at the expense of neighbors referred to as the ***beggar-thy-neighbor policy***. The author of this term often used in economic science is Joan Robinson (1903–1983), a famous British economist from the University of Cambridge, disciple of John Maynard Keynes (1893–1946). Though being an outstanding economist, Keynes, however, failed to become a Nobel Prize winner, as the Nobel Prize in economics was founded only in 1968 and awarded for the first time in 1969. Joan Robinson, one of the founders of macroeconomics, was nominated for this award in 1975, yet failed to become a laureate (probably due to her fascination with Marxism and Maoism). However, two of her disciples managed to win the Nobel Prize – Joseph Stiglitz and Amartya Sen.

Being a member of the so-called Cambridge group with Keynes in charge in 1930s, Robinson studied the causes and consequences of the

Great Depression in the USA. As is known, despite the protest on the part of 1,028 famous American economists, the US authorities passed in summer 1930 the Smoot-Hawley Tariff Act initiated by President Herbert Hoover. Under the new law, customs tariffs were raised for over 20,000 imported products. It resulted in a backlash on the part of other states, even neighboring countries – Canada and Mexico – which raised their customs tariffs for American goods. Such measures led to a drastic drop in trade between the USA and neighboring states, as well as European countries, which speeded up the negative processes taking place in American economy and plunged the country into depression even more.

In her essay *Introduction to the Theory of Employment* published in 1937, Robinson offered the definition of *beggar-thy-neighbor policy* – «economic policy, with the help of which one country tries to solve its economic problems at the expense of other states.» She also enumerated four main tools of *beggar-thy-neighbor policy*: artificial devaluation of national currency, reduction in salaries, state export subsidies and import limitations.

Today, some slogans of newly-elected President Donald Trump, whom *The Economist* calls «economic nationalist» (first of all, for his campaign slogan «*America First*»), are based on combination of populism and protectionism, which may lead to negative consequences for both the USA and its major trade partners – European Union and China. In the conditions of globalism, the *beggar-thy-neighbor policy* pursued by the USA may lead to a new economic crisis, which will plunge the whole world into poverty (situation «*Beggar-the-Whole-World*»). In this context, the *good-neighbor policy* pursued by EU is considered an example of mutually beneficial cooperation by many experts.

The policy of supporting new candidates for the membership in EU also extends the influence of this supra-national association in the world. New members are admitted to EU on the basis of comprehensive procedures, including assessing the candidate for compliance with all standards and rules of the EU; consent on the part of all seven EU institutes and all 28 member states; consent of all citizens of the country applying for membership given in the form of voting in the parliament or referendum.

In order to identify whether the candidate is fit for becoming a member of the European Union, the so-called Copenhagen criteria were developed and approved in 1993 on the basis of Maastricht Treaty. In line with these criteria, the candidate must comply with the principles of democracy, freedom and respect for human rights, as well as the rule of law (articles 6 and 48 of the European Union Treaty). The applicant country must also have competitive market economy and recognize general rules and standards of the EU, including commitment to the goals of political, economic and customs union.

Besides, there is a set of rules, standards and procedures under the name of «*acquis communautaire*,» which is of great importance to candidates. In the official EU documents published in the languages of EU countries, this term is not translated, but used in the aforementioned French transcription. At the moment, *acquis communautaire* includes 35 sections describing legal fundamentals of EU's activities in various spheres of socio-economic life. These standards may not be put into question or modified by the newcomers. The first four sections of *acquis communautaire* are devoted to the four freedoms of movement – for workforce, goods, services and capital – which are the pillars of common European market. They also contain the list of basic European values that the candidates must share. These are equality, freedom, dignity, respect for other EU members, respect for human rights, the rule of law, democracy, tolerance, pluralism and freedom of media.

As of April 1, 2017, the applications of five countries have been accepted and studied (Turkey, Albania, Montenegro, Macedonia and Serbia). The status of candidate was officially awarded to all of them. However, it does not mean that they will be soon become EU members. For instance, Turkey has enjoyed the status of candidate since 1999 and submitted the respective application in 1987. Moreover, the country signed the agreement on association with the European Economic Community back in 1960. The fact is that Turkey faces serious problems as to bringing its political and socio-economic system in compliance with Copenhagen criteria and *acquis communautaire*. The policy pursued by Turkish President Recep Erdogan is too far from the perception of world order that the EU adheres to. As for the Bal-

kan states, the European Union tries to make them (Kosovo and Bosnia & Herzegovina that are not recognized by Russia are be added to the group of aforementioned states, as the EU has signed agreements on stabilization and cooperation with them) form a sort of Balkan Economic Community, which should join forces in achieving the EU standards in political, economic and legal fields.

However, apart from the aforementioned documents, the EU has concluded a number of other agreements on association under different names. For instance, in 2014, the European Union signed agreements on association with Georgia, Moldova and Ukraine. Prior to that, the respective documents had been signed with Algeria, Egypt, Lebanon, Jordan, Morocco, Israel and Tunisia. There are also many bilateral agreements on cooperation. However, as the EU leaders have repeatedly stressed, **there is no status of associated EU member**. The only status is the one of official candidate, yet it does not guarantee membership, which can be seen as exemplified by Turkey. The agreements on association of various types contain just commitments on the part of individual states to implementing political, economic or legislative reforms enabling these countries to comply with the standards and rules of the European Union. In exchange for that, limited benefits may be granted to the associated state, for instance visa-free entry on the EU territory with restrictions for employment, like Ukraine enjoys now, or duty-free access to the EU market or the market of individual member countries for some products and/or services, as well as financial or technological aid. Any agreement on association is subject to ratification by all member states.

In November 2016, the European Commission came fore with the Communication on EU Enlargement Policy, having confirmed the policy of tightening the control over the compliance with the EU requirements on the part of candidates. Over the next five-seven years, EU is likely to focus on solving its domestic development problems and refuse from admitting new members. Moreover, though many countries look forward to becoming EU members, there are centrifugal trends dealing with the intention of some states to exit from the European Union. In particular, the United Kingdom submitted an application for exit from the EU on March 29, 2017. Moreover, Euroskeptics representing various political movements gain ground on

the territory of the European Union. Populists (Front National with Marine le Pen in charge, or Five Star Movement in Italy) build their electoral campaigns on the protest moods of the Europeans, whose hopes for happy future in united Europe failed to come true. Still new hotbeds of tension emerge, as various countries consider the possibility of exit from the EU (*Frexit, Grexit, Niderexit, Italexit*, etc.). It is the evidence of serious problems that the European Union suffers from.

EU Problems and Prospects

On the eve of celebration devoted to the 60th anniversary of the Treaty of Rome dated March 25, 1957, the European Commission published White Paper on The Future of Europe in early March 2017. The document contains a detailed analysis of the achievements and problems, as well as scenarios of the EU's further development for the period to 2025. The subtitle of the report made reference to 27 EU members, though at that time the UK had not submitted the respective application to the EU Council yet. Moreover, in accordance with pp. 2 and 3, Article 50 (former Article 40A) of the Treaty of Lisbon, «a Member State that decides to withdraw shall notify the European Council of its intention. In the light of the guidelines provided by the European Council, the Union shall negotiate and conclude an agreement with that State, setting out the arrangements for its withdrawal, taking account of the framework for its future relationship with the Union. That agreement shall be negotiated in accordance with Article 218 (3) of the Treaty on the Functioning of the European Union. It shall be concluded on behalf of the Union by the Council, acting by a qualified majority, after obtaining the consent of the European Parliament. 3. The Treaties shall cease to apply to the State in question from the date of entry into force of the withdrawal agreement or, failing that, two years after the notification referred to in paragraph 2, unless the European Council, in agreement with the Member State concerned, unanimously decides to extend this period.»

Thus, the United Kingdom will remain a EU member either until the respective agreement on exit comes into force, or until March 28, 2019. The loss of the UK, which accounts for 15% of the EU's GDP, will certainly have negative impact on the state of economy, both of

the European Union and the United Kingdom. The exit of the United Kingdom from the EU referred to as *Brexit* will result in many unforeseen consequences. For instance, the European Union will have to redistribute the UK's share in the EU budget among other members, as London even now refuses from financing its participation in the EU in full measure. Besides, many questions will arise as to the status of EU citizens living and working in the United Kingdom (there are almost 3 million of them, including over 1 million Polish citizens) and British citizens living and working on the EU territory (over 2 million). Moreover, one cannot rule out that Scotland will not organize the second referendum on its exit from the UK.

Due to the attempts of Churchill to take with the help of USA the process of uniting Europe under the British control, which sparked protest among the continental states, the UK joined the EU only in 1973 after long negotiations. However, over 43 years that passed from Britain's joining the EU to British referendum on Brexit, strong economic and trade ties have been established between the UK and the European Union, including the ties between individual people. At the same time, London's dissatisfaction with the level of state governance carried out by bureaucrats from Brussels (referred to as the «Eurocrats»), has become increasingly more evident. The United Kingdom is not happy about the decisions on accepting emigrants from Arab countries taken under German pressure. The unwillingness on the part of German-French leadership to admit the prime minister of UK as the third member of their mini-union, as the UK was not among the first six countries that signed the Treaty of Paris dated 1951, has also played its role to some extent. One of the factors lay in socio-economic problems of the United Kingdom, as the British see the roots of these problems in the fact that Brussels is not enough competent in control over the economic development and foreign trade of the EU.

However, such claims are heard from many member states as well. Laying the blame on neighboring countries for one's own problems is probably intrinsic of many states (it is very convenient to do so). To some extent, it can be explained by inequality in socio-economic development, as the living standards in the United Kingdom are 4.5 times higher than the Romanian ones. There are also problems dealing

with relationship among member states inside the EU. The countries of Northern and Western Europe subsidize the ones of Southern and Eastern Europe, yet actually stimulating the consumption of their own products at the expense of donations and loans granted. Besides, we see the growth in discontent with the leadership of Germany, which wants to be the only leader, on the one hand, yet is incapable of meeting the increasing financial demands of other EU countries alone, on the other hand.

The EC White Paper on the Future of Europe describes this problem as lack of trust and legitimacy. In general, the level of confidence in the very idea of European integration into a single state on federative or confederative basis on the part of Europeans has seriously dropped over the past years. Head of the European Commission Jean-Claude Juncker even had to make a respective statement saying that the task of transforming the EU into a single state is not in question so far. Today, about one third of Europeans believe in the European Union, while some 10 years ago over half of them had great expectations of united Europe. However, 2/3 of Europeans still view the EU as an island of stability in the volatile world, over 80% of them back the four key freedoms of the EU, while 70% of Eurozone residents support introduction of single currency on the whole territory of the European Union.

Along with internal risks, there are external ones hampering the EU functions. First of all, they are associated with uncertain position of new US President Donald Trump with regard to further development of relations with both the European Union and NATO. Such situation is viewed as a serious threat to the safety of EU's outer borders. The fact is that the USA still plays the key role in financing NATO's expenses, but with the advent of Trump America would like to relieve the commitments it has initially assumed. Besides, though the respective agreement signed with Turkey on accepting refugees from Syria has reduced the flows of migrants to some extent, the question on their assimilation or expatriation still remains open. Moreover, Erdogan is skillfully manipulating the EU problems pursuing his own interests. Unfortunately, the European Union blames Russia for some of its domestic and external problems. It is always easier to find the enemy from outside than admit one's own mistakes.

Analyzing the problems existing in the EU activities in the White Paper on the Future of Europe, the European Commission does not even consider the possibility of collapse under the influence of aforementioned risks. Jean-Claude Juncker suggested **five scenarios as to the future development of the EU**. The first one envisions the «continuation of the current course,» i. e. 27 member states will focus on reforms, employment problem, economic growth and investments as before. The second scenario is based on the fact that EU will place the main efforts to the area of common domestic market development with putting an end to integration political processes. Meanwhile, «the resources for joint trade are limited,» the head of European Commission warns, which «will widen the gap between expectations and results on all levels.» The third scenario envisions «multi-speed Europe» working on the basis of the principle «those who want more, do more.» Integration processes will develop in the group of countries inside the EU, while the states unwilling to take part in them are to be left to their own devices. In this case, the European Union may become an even more nontransparent and complex structure, Juncker warns. The fourth scenario envisions concentration of efforts in several areas, according to the principle «doing less more efficiently.» Technological innovations, security, migration, border protection and defense will remain the areas that enjoy priority, while support to regions, labor market, healthcare, and social policy are to come back to the competence of national states. The European Commission believes that such measures will make it possible to achieve serious progress in certain areas. Finally, the fifth scenario is based on strengthening the role of Eurozone under the slogan «What is good for countries of Eurozone, is good for all.» It means that the membership of all member states in the currency union will enable them «to share more power, resources and decision-making across the board,» i. e. build up joint activities. «It will damp the spirits of those who doubt the legitimacy of the EU and believe that the European Union takes too much power away from national authorities,» Juncker warns.

On March 25, 2017, the leaders of 27 EU member countries celebrated the 60th anniversary of the Treaty of Rome and the respective Declaration that confirmed the wish of states to consolidate the EU unity further on. The key moment of the Declaration lies in the need

for uniting in the face of challenges arising in Europe and the whole world. Four priority goals were identified: Europe must be safe, economically prosperous, socially just and more influential on the global arena. Further development scenario enjoying priority will be identified after the electoral campaigns in France and Germany.

Nevertheless, despite the optimistic forecasts of the European Commission and the fact that real grounds for the EU collapse are missing so far, *The Economist* published a special issue confined to the jubilee meeting of EU leaders under the title «*How to Save Europe?*». Analysts of this magazine say that two types of response are typical for bureaucrats from the European Commission, when they encounter the problems of the very existence of the EU. They either start saying about the need for stronger integration with transfer of more authority to the central power in Brussels to the detriment of national sovereignty of member countries (both governments and citizens of these states are against it), or just sidestep the issues in the hope of the problems being solved with a wave of magic wand. Meanwhile, *The Economist* believes that the European Union should be more flexible in relations with other countries of Europe offering them the opportunity to cooperate with EU, yet not on the basis of the multi-speed system suggested by Merkel, but being guided by common European interests within the framework of a multi-tier system. Naturally, the key part in this system is assigned to the countries using single currency – euro – which require higher extent of integration to create a real banking union along with the customs one. The next tier will include the states that are not willing to sacrifice a part of their sovereignty in terms of currency. Some countries will be interested in closer cooperation with the EU in the field of defense and foreign policy, while others will opt for cooperation in the sphere of trade.

By the way, similar approach has once been suggested at the Russia-EU summit confined to the celebration of 300th anniversary of Saint Petersburg that was held on May 31, 2003. It was proposed at the forum to create «four common types of space» between Russia and the EU – the economic one; the space of freedom, security and justice; the one of external security; and the space of science, education and culture.

The very idea of some state being able to choose what it likes from various spheres of the EU's activities is unacceptable for Eurocrats, yet freedom from the opinion of Brussels is what the Europeans are concerned about today. The considerations and plans of European Commission are too far from the real demands of people, whose life depends upon the activities of Eurocrats pretending to work hard. It is easier to carry out administrative functions on the basis of common European standards, yet such a method of governance can hardly always produce results that ordinary citizens have hoped for. It is no mere chance that the scientists of respectable Center for Economic Policy Research, who published their studies under the title «*Quo Vadis, Europe?*» before the summit in Rome in March 2017, have come to the following conclusions:

- Maintaining status-quo will not be of help to the European Union, as unconventional thinking and bold steps are required for successful implementation of the EU project.
- Radical revision of all governance structure in the EU is required, different issues of activities demand different level of centralization.
- As common European self-identification is missing, the reforms should begin on the national level; member states must bear more responsibility for their decisions and activities aimed at the European Union consolidation.

There are other suggestions offered by politicians, economic scientists and lawyers as well, yet one can hardly expect any radical changes capable of making the situation inside the EU better. It is like Victor Hugo once said: «No army can withstand the strength of an idea whose time has come.» It means that time for such changes in Europe has not come yet.

European Union as Cooperation Partner for Russian Business

Currently, the relations between the European Union and the Russian Federation are regulated by a bilateral agreement on partnership and cooperation dated June 24, 1994 (this document came into force on December 1, 1997). There was an attempt to implement the aforementioned program of four types of space. In 2010, Vladimir Putin, Prime Minister of the Russian Federation at that time, came fore with

a proposal to create a single economic space extending from Lisbon to Vladivostok. However, Russia's call for creating free trade areas was not heard in Europe. As a result, the European Union started economic expansion through bilateral agreements, as well as negotiations with the USA on creation of Transatlantic Trade and Investment Partnership, which was eventually abandoned by both Europe and America. Meanwhile, Russia initiated the integration of some states located in the post-soviet space into the Eurasian Economic Union (EEU). Unfortunately, the attempts to conclude the respective agreement between the EU and the EEU on creating a free economic area have failed so far.

Nevertheless, the aforementioned seven projects on cross-border cooperation continue being implemented. About 3% of all medium-sized and small business companies working on the territory of EU have been registered with participation of Russian business, Russian citizens or Russian-born people. The fact is that about 3.6 million Russian-speaking people live in Germany alone (the population of this country amounts to 82 million people). On the other hand, over 6,000 companies with German capital are currently working in Russia.

Over the past years, Russian companies have been active in registering their foreign subsidiaries in Estonia, which was recognized as the European leader in terms of conditions for business following the results of 2016 (one of such favorable conditions lies in bank loans to medium-sized and small business at the interest rate of 6–8% annually). Top positions in the list of European countries offering favorable terms for business to Russian companies are also held by Denmark, Sweden and Finland. Besides, Ireland can boast of the lowest corporate income tax (9%), which makes it attractive for Russian investors. In general, according to Doing Business, the annual report of the World Bank, the European Union is only the 40th in the world in terms of conditions for business.

The European Union is the key trade partner for Russia, as the EU traditionally accounts for about 50% of Russian export. That is why any economic problems that the EU suffers from inevitably affect Russia. Over the past three years, however, the bilateral sales turnover has been gradually reducing. In 2016, it amounted to just about \$200 billion, a drop by 15% if compared to the previous year. It happened

due to international sanctions, anti-sanctions and devaluation of ruble (it has become too expensive to purchase equipment in EU). Nevertheless, Russia covers approximately 1/3 of the EU's total demands for energy products. Germany, the Netherlands and Italy are Russia's key trade partners in Europe. Russia is not the key trade partner for the EU, yet it accounts for about 8% of the European Union's import. Along with the supplies of energy products (oil, gas, coal) from Russia to the EU, the supplies of Russian mineral fertilizers, aluminum, copper, lead, cardboard, paper, etc., also increased in 2016. However, Russia's non-resource exports have dropped by 18% with supplies increasing in terms of physical volumes and reducing in monetary value. The reason lies in the fact that devaluation of ruble has had a positive effect on growth in exports of products with low and medium level of fabrication, while the export supplies of hi-tech products of machine-building and automotive industry have dropped due to the rise in prices of raw materials and spare parts.

The negative consequences of Brexit will affect Russia as well, because the main sources of foreign investments are the Netherlands and Cyprus, while the money comes from the accounts in British banks. Over the transition period, it may become more difficult to effect these payments due the new rules of transactions. Besides, Brexit poses a threat to the safety of Russia's gold and currency reserves, as 80% of reserves worth about \$390 billion have been invested in securities of foreign states with the United Kingdom accounting for 9.4% and the EU for about 62% of this amount. 41.5% of Russia's gold and currency reserves are denominated in euro. However, in case the exit of the UK from the EU takes place according to a tough scenario, the UK will lose free access to the market of the European Union, which accounts for over 60% of British sales turnover. Therefore, the UK will have to look for new markets for selling its products. In this context, the EEU countries may partially compensate for these losses, though their paying capacity will hardly be equal to the one of even the most under-developed states of the EU.

Thus, the processes taking place in the European Union, one of Russia's closest neighbors, have always made impact on the economy of our country. The European Union is not only the traditional sales market and key trade partner for Russia, but a major center of geopo-

litical attraction that should be reckoned with. In conditions of international economic sanctions, direct ties on the level of non-state, private companies of medium-sized and small business become especially relevant. Freedom of enterprise will allow for creating Russian distribution networks in Europe that can boast of a high purchasing power. On the other hand, the companies from the EU are willing to replace direct investments with supplies of their hi-tech equipment, as participation interest in the authorized capital of Russian enterprises.

The European Union maintains cooperation with Russia in the field of knowledge-driven economy, so new opportunities open for export of education services and cultural exchange (Russian schools of ballet and cinematography, Russian language, research, etc.), as well as in the spheres of sports (schools of boxing, ice hockey, gymnastics, etc.) and healthcare. Joint projects are possible in the field of innovative technologies, for instance information security of unpiloted motor vehicles.

To stimulate international contacts, the Russian party could consider the possibility of granting targeted benefits to the business entities from individual regions of the EU willing to develop business in Russia, Bavaria for instance, as well as some provinces of Italy (lifting of anti-sanctions, preferential tax treatment, state and bank guarantees, etc.).

Besides, the issue on diversification of the boards of directors at the Russian and foreign companies could be considered on a reciprocal basis. It can be done by way of inviting professional non-executive foreign directors. It will allow the countries not only to raise the level of corporate governance due to socio-cultural and national diversity, but enhance mutual trust on the corporate level, which is currently insufficient in Russia's bilateral relations with the European Union.

CONCLUDING REMARKS

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

A.A. ДЫНКИН

Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, вице-президент ВЭО России, член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Комиссии при Президенте РФ по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности, член Президиума РАН, член Научного совета при Министре иностранных дел РФ, член Научного совета при Совете Безопасности РФ, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик Международной Академии менеджмента, д.э.н., профессор

A.A. DYNKIN

Vice President at the International Union of Economists, president at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) under the Russian Academy of Sciences, vice-president of the VEO of Russia, Member of Presidium at the Presidential Council for Science and Education, member of the Presidential Committee for Development Strategy of Fuel and Power Complex and Environmental Security, member of Presidium at the Russian Academy of Sciences, member of the Academic Council under the Russian Foreign Minister, Member of the Academic Council under the Russian Security Council, Secretary Academician at the Department for Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences, academician of the International Academy of Management, Dr. Sc. (Econ.), professor

Я бы тоже хотел сказать несколько слов по тем проблемам, которые здесь прозвучали. По поводу Великобритании. Интересная была история вступления Великобритании в Европейский союз, потому что очевидна англо-саксонская связка этой страны с Вашингтоном. Так вот, в Вашингтоне была достаточно острая, не всегда публичная, дискуссия о том, что как это так: наш ближайший союзник и вдруг вступает в объединение с недавним противником – Германией. Эта дискуссия закончилась в пользу того, что лучше пусть Великобритания будет «инн», чем «аут». И это очень важно иметь в виду.

Сегодня Великобритания надеется на то, что вот эти теснейшие связи с Соединенными Штатами восстановятся. А недавно на конференции в Нью-Дели Борис Джонс, министр иностранных дел Великобритании, сказал о том, что Великобритания намеревается строить зону свободной торговли в рамках содружества. Совершенно новый разворот. Ну, то, что раньше называлось «Британское содружество наций». И как бы, в общем, ответ от членов этого содружества не был отрицательным.

Теперь по поводу Германии. Понимаете, тут очень верно было подмечено то, что сегодня мир захватила волна поиска национальной идентичности, нео-национализма, мы это видим и в Великобритании, и в Соединенных Штатах. Это просматривается в политике премьер-министра Японии, Абэ, который посещает храм Ясукуни, что является символом японского милитаризма. Такие же ноты звучат у Эрдогана, даже у Виктора Орбана и так далее. И, наверное, но мы это обсудим на другом круглом столе, единственная страна, которая не может вернуться к этой теме – это Германия. И это ее самая серьезная уязвимость.

Кроме того, из тех стран, которые остались в Европейском союзе, я имею в виду отсутствие Великобритании, только одна страна обладает полноформатными вооруженными силами, это Франция, у которой есть серьезный военно-морской флот и есть ядерное оружие. И при всех наших калькуляциях этой темы эту вещь, на мой взгляд, надо учитывать.

И касательно наших отношений с Европой. Я поддерживаю все те хорошие слова, которые были сказаны о неизбежности и необратимости и невозможности разорвать эти связи. Но не надо

закрывать глаза на тот факт, что сегодня Европа не является для России моделью развития. Европейский тренд, на мой взгляд, на обозримую перспективу у нас отсутствует. К Европе относятся как к соседу, важному соседу, но только как к соседу, а не как к модели экономического и социального устройства жизни у нас в стране.

Я хочу всех поблагодарить, особенно организаторов, потому что, на мой взгляд, не знаю, как вам, мне было интересно. Спасибо.

I would also like to say a few words about the problems voiced here. Let us begin with the United Kingdom. The history of the UK joining the European Union looks very interesting as the Anglo-Saxon conjunction of Britain with Washington is evident. In Washington, they had fierce debates, which were not always public. The Americans were scratching their head over their close ally intending to join the alliance that Germany, former enemy of both of them, is a part of. However, the outcome of this discussion was in favor of the United Kingdom better being «in» than «out.» This aspect is very important and should be taken into account.

The UK currently hopes to recover these close ties with the USA. Speaking at the conference in New Delhi recently, Boris Johnson, Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs, said that the United Kingdom intends to build a free trade area within the boundaries of the Commonwealth. I mean the British Commonwealth of Nations. A new and unexpected turn! Moreover, the response of the Commonwealth member state was not at all negative.

Now, let us talk about Germany. It has been rightfully said here that the whole world is seized by the wave of looking for national identity, neo-nationalism to be exact. We see this trend in both the UK and United States. This trend is obvious in the policy pursued by Japanese Prime Minister Shinzo Abe, who visits Yasukuni Shrine, the symbol of Japanese militarism. Such notes sound in the speeches by Recep Erdogan and even Viktor Orban. We will probably discuss this

trend during some other round table conference. Germany is the only country that cannot come back to this topic, which makes it seriously vulnerable.

Besides, only France can boast of having full-fledged armed forces among the EU member states (I refer to the UK as having exited from the European Union). France has serious Navy and nuclear weapons. This factor should be also taken into account.

Now, let us proceed to our relations with Europe. I back the ideas about these relations being inevitable, irreversible and impossible to break. Yet, one should not turn a blind eye to the fact that Europe is currently not a development model for Russia. The European trend is missing in Russia today and will be missing in the immediate future in my point of view. We treat Europe as a neighbor, a very important neighbor, yet do not view it as the model of socio-economic life.

Now, I want to thank everybody, especially the organizers, as the discussion was interesting to my mind. Thank you.

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«СТАНЕТ ЛИ КИТАЙ ЛИДЕРОМ
НОВОГО ВЕКА?»**

**ROUND TABLE
«WILL CHINA BE ABLE TO BECOME
A NEW CENTURY LEADER?»**

**17 апреля 2017 г.
Дом Экономиста
г. Москва**

Круглый стол «Станет ли Китай лидером нового века?»

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

OPENING SPEECH

А.А. ДЫНКИН

Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, вице-президент ВЭО России, член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Комиссии при Президенте РФ по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности, член Президиума РАН, член Научного совета при Министре иностранных дел РФ, член Научного совета при Совете Безопасности РФ, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик Международной Академии менеджмента, д.э.н., профессор

A.A. DYNKIN

Vice President at the International Union of Economists, president at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) under the Russian Academy of Sciences, vice-president of the VEO of Russia, Member of Presidium at the Presidential Council for Science and Education, member of the Presidential Committee for Development Strategy of Fuel and Power Complex and Environmental Security, member of Presidium at the Russian Academy of Sciences, member of the Academic Council under the Russian Foreign Minister, Member of the Academic Council under the Russian Security Council, Secretary Academician at the Department for Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences, academician of the International Academy of Management, Dr. Sc. (Econ.), professor

Уважаемые коллеги, мы, как вы знаете, договорились провести цикл из трех семинаров. Вот семинар по Европе уже состоялся. Сегодня мы будем обсуждать Китай. И в перспективе мы будем говорить об американской экономике, в частности о том, что называется «трампономика». Василий Васильевич Михеев, академик Российской академии, известный специалист в этой области, ему принадлежит ряд новаторских постановок в исследовании Тихоокеанской Азии. Конечно, Китай нас очень интересует по многим причинам. Это наш сосед, с которым у нас самая протяженная граница – 4500 км.

Это наш крупнейший экономический партнер. У нас с ним формально отношения носят название «стратегическое партнерство», но, как вы понимаете, в мировом порядке международных отношений ничто не является вечным, ничто не является окончательно зафиксированным. С нашей точки зрения, с точки зрения нашего Института сегодня наблюдается некоторое сужение того окна возможностей двусторонних отношений с Китаем. И отнюдь не по вине Китая. И я думаю, что Василий Васильевич об этом коротко скажет.

Конечно, нас интересуют перспективы китайской экономики, потому что сегодня эта экономика подошла к так называемому порогу ловушки среднего уровня доходов. ВВП на душу населения в Китае сегодня порядка 15 000 долларов. И любая страна с большим трудом выходит на повышательный тренд от этого уровня. И конечно, в полицентричном мире, как вы понимаете, Китай устанавливает отношения по всем азимутам, и возникают сегодня, на мой взгляд, специальные отношения между Пекином и Вашингтоном. Сейчас проблема обострилась, проблема Северной Кореи, и вообще судьбы этого режима. Я на этом закончу. Василий Васильевич, я прошу вас.

Dear colleagues, as you may know, we have agreed to hold three recurring workshops. The workshop devoted to Europe has already been completed. Today, we will discuss China. Over the long term, we will also talk about the American economy, which is often referred

to as «Trumponomics.» Vasily Vasilyevich Mikheyev, Academician at the Russian Academy of Sciences, is a renowned specialist in this field. He is the author of many innovative works dealing with studies of the Pacific Asia. Naturally, China looks interesting to us for many reasons. First, it is our nearest neighbor that we have the longest common border with – 4,500 km.

Second, this country is our major economic partner. Formally, our bilateral relations enjoy the status of «strategic partnership,» yet, as you may know, there are no everlasting things, fixed forever, in the domain of international relations. From our point of view, from the point of view of IMEMO, the window of opportunities as to bilateral relations with China is currently becoming narrower, and the Chinese are by no means to blame for it. I think Vasily Vasilyevich will dwell upon this subject.

Naturally, we are interested in the outlook for Chinese economy, as it has currently reached the threshold of so-called «middle income trap.» GDP per capita is estimated at about \$15,000 in China today. It is hard for any country to reach out to upward trend starting from such a level. As you know, we are living in a polycentric world, so China, naturally, builds relationships moving in all directions. To my mind, special relations between Beijing and Washington are being established today. Besides, the problem of North Korea has become more acute, and the future of this regime is not clear. This is about all I have to say. Vasily Vasilyevich, please take the floor.

СТАНЕТ ЛИ КИТАЙ ЛИДЕРОМ НОВОГО ВЕКА?

WILL CHINA BE ABLE TO BECOME A NEW CENTURY LEADER?

В.В. МИХЕЕВ

Заместитель директора по научной работе, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, академик РАН, д.э.н.

V.V. MIKHEYEV

Deputy Director for Research, Head of Center for Asia-Pacific Studies of E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Econ)

1. Исходная посылка

Прежде чем говорить о конкретном случае, Китае как глобальном лидере, стоит обратить внимание на теоретическое содержание самой концепции лидерство, которая содержит в себе несколько основных компонентов, таких как:

1. **Стратегическая мощь.** Способность государства оказывать влияние на все сферы международно-политической и экономической жизни, включая военную, политическую, экономическую и гуманитарную области.

2. **Привлекательность политических и экономических институтов.**

3. **Идеи,** с которыми выступает государство на международной арене и их приемлемость для остальных стран.

4. Наличие у государства **союзников** в деле осуществления и продвижения политики лидерства.

Кроме всего прочего важно учитывать такие моменты, как на что направлено лидерство (доминирование или ответственность), а также иметь ввиду, что оно предполагает ответственность. Если государство преследует идею доминирования над другими участниками международных отношений, оно должно отдавать себе отчет в том, что такая политика отталкивает и порождает потребность противодействовать. Идея ответственности, в свою очередь, привлекательна, но сопряжена с рисками торможения реализации собственных интересов и соответствующими национальными потерями.

Исходя из теоретического описания концепции лидерства, можно сказать, что Китай не станет лидером нового века, во всяком случае, в обозримой на сегодня 20–30 летней перспективе.

Причины этого кроются в следующем:

1. У Китая недостаточно мощи, в том числе и военной. Данный тезис подкрепляется тем фактом, что Пекин, к примеру, не участвует в стратегическом сдерживании.

2. Китай не обладает привлекательной моделью внутреннего политического устройства.

3. Отсутствие глобальной идеи, которую, как правило, ждут от мирового лидера.

4. У Китая нет союзников, ввиду того, что Пекин практически не идет на союз с равными, в то время как отношения со слабыми государствами-партнерами держатся на китайских материальных ресурсах и не носят всеобъемлющего характера.

Однако по отдельным направлениям мировой экономики и политики Китай, так или иначе, уже является лидером – в силу масштабов своей экономики и численности населения (например, в области международного туризма или в сфере производства автомобилей).

2. Актуальность темы китайского лидерства

В 2017 г тема китайского лидерства становится более актуальной. Формальным поводом послужило заявления председателя

Си в Давосе в январе 2017 г., в котором было сказано о готовности Китая *«играть роль лидера глобализации и борьбы с протекционизмом»*. Данная тема широко обсуждается в китайских СМИ и парламентской сессии ВСНП, состоявшейся в 2017 г.

Основные причины такого интереса к китайскому лидерству заключаются в следующем:

1. Внутриполитические. Они связаны с приближающимся 19 съездом КПК, на котором Си попытается упростить свою власть и стать в действительности «ядром партии». Кроме того, на фоне масштабной борьбы с коррупцией, недовольные и пострадавшие от которой обвиняют Си Цзиньпина в том, что данная кампания приводит к спаду экономики и потере внешних позиций Китая, ему крайне важно показать свою силу.

2. Внешнеполитические. Фактор Трампа, выражающийся в выходе США из ТТП и, вероятно, ведущий к тому, что Вашингтон откажется выполнять обязательства Парижского соглашения по климату, рождает *международный спрос на китайское лидерство*.

3. Экономические. Учитывая, что маневры китайского правительства в сфере экономики за счет расширения внутреннего спроса не предотвращают общего замедления темпов роста экономики Китая, Пекин осуществляет переход от экспорта товаров к экспорту капитала. На деле же Китаю продолжают не доверять, а также опасаться его экономической экспансии. В связи с этим, Пекин стремится, используя *фактор ответственного лидерства*, упростить и сделать более комфортным выход китайского капитала и товаров на ведущие мировые рынки, включая Африку, Латинскую Америку и т.д.

3. Механизмы осуществления лидерства и оценка их эффективности

Механизмы осуществления китайского лидерства носят глобальный и региональный характер.

1) Глобальные политические механизмы.

Китай пока не может предложить миру конкретную привлекательную идею, ограничиваясь общими заявлениями о построении «мира с общей судьбой». Неопонятна сама концепция данного

предложения – может ли судьба бедных и богатых стран быть общей?

Кроме того, чем больше Китай будет заявлять о себе как о мировом лидере, тем сильнее ему придется идти на осуществление демократических реформ внутри своей страны, к чему Пекин пока не готов.

Китаю пока не удастся предложить мировому сообществу нечто действительно значимое в доктринальном варианте. Стратегическая проблема Китая состоит в том, что свое лидерство он может осуществить только во взаимодействии, пусть и конкурентном, с существующими глобальными лидерами и другими ориентирующимися на них странами. А не в противодействии им. И чтобы иметь успех, Китай должен будет предлагать новые идеи, *приемлемые* для остального мира. И вряд ли ему удастся найти таковые вне рыночного и *демократического* поля.

Однако сегодня китайское руководство считает, что время для политической реформы не пришло. Хотя в то же время и понимает, что без нее не получится реализовать новые амбиции глобального лидерства. Отсутствие современной демократической политической системы является своего рода «негативным» преимуществом, или уязвимостью Китая в конкуренции за лидерство с другими странами. Поэтому в среднесрочной перспективе Китаю придется столкнуться с дилеммой – либо идти на демократические преобразования, либо заморозить глобальные лидерские амбиции.

2) Глобальные экономические механизмы.

Главным глобальным экономическим инструментом продвижения интересов Китая является концепция «Один пояс, один путь», главная цель которой за счет инвестиций в инфраструктуру многих стран мира, которые приветствуются, создать площадку для выхода китайского капитала и китайских товаров за рубеж, а также загрузить китайские мощности в условиях, когда внутренний спрос не обеспечивает полного спроса на производимую продукцию.

В 2017 г Китай расширил географию действия концепции «Один пояс, один путь» за счет Новой Зеландии и Австралии. Тем самым нагрузка на китайский проект тоже возросла.

Более того, конкретных экономических проектов для продвижения китайского проект, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд «Шелкового пути» и Банк развития БРИКС, мало для столь амбициозной стратегии, учитывая, к тому же тот факт, что оттоки капитала внутри Китая приводит к сокращению инвестиций в проекты Шелкового пути.

В настоящее время, в проекте «Один пояс, один путь» участвуют более 100 стран, с 40 государствами из которых подписаны соглашения о сотрудничестве. Среди достижений можно отметить, что к концу 2016 г. объем инвестиций в эти страны превысил 18,5 млрд долларов США, а также было создано 180 тыс. рабочих мест.¹

Однако, в январе-феврале 2017 года объем прямых инвестиций китайских предприятий в нефинансовый сектор зарубежных стран сократился 52,8% по сравнению с прошлым годом и составил. В то же время объем освоенных Китаем зарубежных инвестиций снизился на 2,3% и составил 138,68 млрд юаней.²

Одновременно с этим отмечается тенденция, при которой китайские компании инвестируют в непрофильные для себя направления, например покупки китайскими компаниями зарубежных футбольных клубов.³

Кроме того, «многие китайские компании под **видом инвестирования за рубеж в нарушение законов выводят на иностранные счета средства и скупают иностранную валюту**».⁴

3) Региональные экономические механизмы

В связи с выходом США из ТПП первой попыткой Китая стать лидером глобализации была идея возврат к созданию ЗСТ в АТР. Однако, без участия США в данном проекте, он вряд ли способен осуществиться, ввиду, опять же, отсутствия конкретных предложений.

¹ В Китае создан Союз зон международного сотрудничества в области производственных мощностей в рамках «Пояса и пути» // http://russian.news.cn/2017-03/26/c_136158929.htm

² Экономическое обозрение: Китай в этом году может выйти из числа чистых экспортеров капитала // http://russian.news.cn/2017-03/27/c_136162086.htm

³ Там же

⁴ Там же

Другой вариант – создание Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) на базе АСЕАН. Однако, у стран-членов этой организации сохраняются опасения по поводу китайской экспансии.

И наконец, третий вариант – возврат к СВА-3. Но в данном случае эта воплощение этой идеи в жизнь затрудняется китайско-японскими и южнокорейско-японскими политическими противоречиями.

Кроме того, Китай обнаруживает осторожный интерес к ТТП, но пока только присматривается к возможности взять на себя роль лидера в этом направлении.

4) Региональные политические механизмы

По региональным направлениям Китай старается стать лидером, прежде всего, по вопросам, связанных с Южно-Китайским морем и Северной Кореей.

От Китая не поступает конкретных предложений по вопросам ЮКС. В добавок ко всему происходит концентрация на подписания Кодекса поведения в Южно-Китайском морем. Важно отметить, что и страны неоднозначно реагируют. Интересна позиция Филиппин и Вьетнама.

По оценкам экспертов *Филиппины* ведут тройную политику по отношению к Китаю:

– президент Дутерте заявляет, что Китай – друг, а США – враг;

– в тоже время Китай по-прежнему остается главной военной угрозой;

– правительственная бюрократия и МИД Филиппин пытается балансировать между двумя этими подходами.

Вьетнам, в свою очередь, заинтересован в торговле и помощи со стороны Китая, но боится попасть в экономическую зависимость от Пекина. С целью нахождения политических контрбалансов, Вьетнам усиливает военное сотрудничество с Японией.

Ситуация в *Северной Корее* характеризуется следующими моментами в политике Китая:

– отсутствие перспективных идей решения ракетно-ядерной программы Пхеньяна;

- стремление переложить вину и ответственность на Северную Корею и США;
- фактор размещения ТХААД.

Последняя китайская инициатива по решению проблемы Северной Кореи, выдвинутая в 2017 г., бесперспективна. Ее суть заключалась в том, что Пекин перекладывал вину за развитие кризиса на Вашингтон и Пхеньян, а также призывал США прекратить военные учения и вступить в переговоры с Севером, в то время как Северная Корея должна свернуть ракетно-ядерную программу.

Слабость китайской позиции:

– Легитимность американо-южнокорейских маневров, проводимых в соответствии с международными требованиями к такому и нелегитимность, подтвержденная СБ ООН, северокорейских ракетно-ядерных разработок.

– Ядерная и ракетная программы ведут к нарушению режима нераспространения и невыполнению резолюций СБ ООН.

– Не ясен сам предмет переговоров. Учитывая, что Северная Корея изменила свою Конституцию, провозгласив себя ядерной державой, речь на переговорах должна уже идти об изменении Конституции Пхеньяна.

Китай и Россия объективно заинтересованы в сотрудничестве по Северной Корее, ввиду того, что обе страны позиционируют себя в качестве ответственных ядерных держав.

5) Военный фактор лидерства.

В военной сфере Китая также заметна активизация, учитывая приближающийся осенний Съезд КПК. Основные достижения Пекина можно выделить следующие:

- успешное испытание баллистической с 10 боеголовками;
 - развитие космической и ядерной военных программ;
 - модернизация ВМС, увеличение в 5 раз (до 100 тыс. чел.) численности морской пехоты
- *увеличение глобального присутствия за счет планов по созданию морских баз в Джибути, Гвадаре, Брунее, Омане, Шри Ланке, на Мальдивах;*
- прощупывание возможности военно-воздушных баз в Сирии.

Однако это усиливает подозрения в отношении Китая и у стран АСЕАН, а также у Индии, и Японии.

б) Пропагандистские механизмы.

Китай говорит, что усиление его ядерной мощи и военноморских сил не «несет никому угроз», что происходит это на фоне общего сокращения вооруженных сил на 300 тыс. человек, а рост военных расходов остается ниже 10-процентной отметки (7%).

Что замедление экономики (*до 6,7% в 2016 г. с перспективой в 6,5% в 2017 г.*) не опасно для мира – Китай продолжает оставаться главным источником роста мировой экономики, обеспечив в 2016 г. 33% прироста мирового ВВП.

Что Китай будет продолжать реформы, в частности расширяя доступ иностранного бизнеса в китайскую экономику, включая китайский фондовый рынок.

4. Американско-китайские отношения

Несмотря на разногласия между Китаем и США, Вашингтон по-прежнему остается главным партнером Китая, пусть и конкурентным, в работе по обеспечению китайского глобального лидерства

Китайско-американский Саммит не привел к прорывам в двусторонних отношениях. Главным его итогом стало создание новой инфраструктуры и новой атмосферы в отношениях Пекина и новой американской администрации. Трамп принял приглашение посетить Китай в 2017 г, стороны уходили от обсуждения острых проблем и оттеняли дружественный и кооперативистский характер встречи.

Главным итогом переговоров стали, во-первых, принятие «100-дневного плана действий», направленного на выправление дисбалансов в двусторонней торговле и предполагающего, с китайской стороны, активизацию стратегии по повышению внутреннего спроса и открытию китайского рынка услуг. А во-вторых – запуск постоянно действующего и возглавляемого президентами двух стран Стратегического диалога (*вместо работавшего с 2009 г при Администрации Обамы Стратегического и экономического диалога*) по четырем направлениям и, соответственно, в формате четырех подгрупп:

- дипломатия и безопасность,
- экономика,
- совершенствование законодательства и киберпреступность,
- культурные и межличностные связи.

Главным инициатором «слишком раннего», по мнению ряда американских экспертов, Саммита был Пекин. Китайское руководство ожидало победы Клинтон на президентских выборах в США, ведущие китайские эксперты еще до президентских начали активный зондаж по линии второй и полуторной дорожек того, какой может быть новая внешняя политика США при Клинтон. Однако Пекин ошибся в расчетах и теперь поспешил это и править. Логика китайцев выглядит вполне оправданной: во-первых, предвыборная риторика Трампа в отношении Китая была чрезмерно жесткой, во-вторых, внешняя политика США сейчас находится в стадии становления; следовательно, быстрый Саммит может и прояснить, насколько предвыборные выпады американского президента вписываются в практический курс Вашингтона, и постараться повлиять на формирование новой американской дипломатии в более выгодном для Пекина варианте.

Администрации Трампа также было выгодно показать на примере Китая, что она может действовать не только жестко в отстаивании американских интересов, но и гибко – если того требуют те же американские интересы.

Накануне Саммита повестка дня фокусировалась не четырех главных темах:

- экономические и торговые дисбалансы, обвинения американцев в адрес Китая в манипулировании валютным курсом и подрыве американского рынка труда,
- северокорейская ядерная угроза,
- китайско-американское противостояние в Южно-китайском море и Тайвань,
- общее отношение США к Китаю: более жесткое и все же более сбалансированное.

На практике не все эти темы получили одинаковое освещение. Стороны, как уже упоминалось выше, сделали акцент на создании атмосферы и механизмов для обсуждения и решения проблем в будущем, а не на самих вариантах решения.

В наибольшей степени обсуждалась экономическая проблематика и проблематика Северной Кореи.

В ответ на американские претензии по экономическим вопросам Китай предложил углублять диалог, пообещал открыть рынок услуг и стимулировать внутренний спрос на американские товары. В качестве компенсации американских потерь Пекин предложил США подключиться к своей стратегии «Один путь – один пояс», выдвинув идею о наращивании китайских инвестиций в американскую инфраструктуру. И хотя конкретных договоренностей в этом вопросе не было достигнуто, сама идея в случае ее реализации может создать новую экономическую платформу развития всего комплекса экономических и военно-политических отношений.

Относительно Северной Кореи стороны согласились в том, что ядерная программа Пхеньяна становится неприемлемой, однако разошлись в понимании того, как можно остановить Пхеньян. Китай продолжал настаивать на мало перспективной, на наш взгляд, схеме обмена прекращения американско-южнокорейского давления на замораживание северокорейской ядерной программы и прямых переговоров Вашингтона и Пекина. Малоперспективно, помимо прочего, и по той причине, что Пхеньян не идет ни на какие переговоры, так или иначе ограничивающие его ядерную активность. США продолжали исходить из того, что Китай, по их мнению, не использует все свое влияние на Пхеньян.

Фокусируясь на создании новой благоприятной атмосферы будущего китайско-американского сотрудничества, Си и Трамп обошли практически все острые темы: размещение американской системы ПРО ТВД в Южной Корее (ТНААД), поставки американского оружия Тайваню, ситуация в Южно-китайском море. По поводу последнего лидеры обменялись общими тезисами о необходимости избегать и предотвращать конфликты и соблюдать нормы международного права – варианты трактовки последнего применительно к территориальным спорам в ЮКМ, по всей видимости, не обсуждались.

Китайский приоритет «не испортить атмосферу саммита» наиболее отчетливо проявился по сирийскому вопросу. И хотя сама эта проблемы осталась вне рамок переговоров, однако именно в

ходе переговоров США нанесли ракетный удар по военно-воздушным базам Асада в Сирии, вызвавшим, как мы знаем, резко негативную реакцию Москвы. Китай был должен как-то реагировать на ситуацию и этой реакцией стала ни поддержка, но и не осуждение акции. Пекин ограничился общим заявлением о предпочтительности дипломатических методов решения споров.

В целом первый китайско-американский Саммит можно считать успешным в плане создания новых диалоговых каналов общения между китайским и американским руководством. Однако вопрос о том, каким содержанием и с какой тональностью эти каналы будут наполняться, остается открытым. Варианты сближения или конфронтации Китая и США по-прежнему остаются как почти равновероятные. Однако сам факт создания новой атмосферы и новой инфраструктуры китайско-американских отношений позволяет утверждать, что это «почти» скорее в пользу сотрудничества, хотя по-прежнему и конкурентного, чем конфронтации.

Итоговые тезисы и выводы для России

Китай не станет глобальным лидером в среднесрочной перспективе, хотя продолжит движение в этом направлении и займет доминирующие позиции по отдельным региональным интеграционным проектам.

В среднесрочной перспективе Китай не заменит США, но укрепит свои позиции в качестве нового центра экономического мира и выйдет на позиции нового центра военно-политического мира.

Привлекательность внутреннего устройства будет быстрее формироваться в экономике – в плане усиления рыночных основ и открытости, и очень медленно – в мире идеологии и мире политических институтов.

С этим торможением связано следующее – предложение миру новых приемлемых идей, так называемой «своей истории» для мира. В данном случае усилия будут концентрироваться на развитии Шелкового пути, под которого подгоняются практически все внешние проекты Китая.

Китай не пойдет на формирование союзнических отношений с другими странами, но будет пытаться завоевывать симпатии и

поддержку (1) финансовыми вливаниями и (2) постепенным наращиванием активности по решению региональных (Северная Корея, ЮКМ) или глобальных (климатические вопросы) проблем.

России в новой стратегии глобального лидерства Китай отводит двоякую роль. С одной стороны, китайские руководители на самом высоком уровне продолжают говорить о сегодняшних отношениях с Россией как «о наилучших», как в плане истории двусторонних связей, так и в плане отношений с другими странами.

Но, с другой, Китай не предполагает обсуждения и координации с Россией своих доктринальных и конкретных шагов по обеспечению собственного глобального лидерства. Будь то военная активность в Южной Азии или Африке или нормализация отношений с США, которая может происходить и без учета российских интересов. В отношениях между нашими странами отсутствуют механизмы выявления и обсуждения озабоченностей в отношении того, какие риски и вызовы России могут содержать те или иные шаги Китая по обеспечению своего глобального лидерства, особенно в случае нашей безальтернативной и не критичной поддержки любых действий Китая в этом направлении. (В.В. Михеев, С.А. Луконин. Китай: «глобальное лидерство» как ресурс борьбы за власть // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3006).

Россия, в свою очередь, может как использовать китайские амбиции в своей выгоде, так и нести определенные риски от этого. Например, растущая вероятность попадания в экономическую зависимость от Китая (выполнение условий Китая, следование китайским стандартам, использование технологий и материалов Пекина и т.д.), а также безальтернативная политическая поддержка Китая в АТР против США может создать ненужные дополнительные сложности в отношениях Москвы и Вашингтона, особенно на фоне попыток их нормализации.

Интересы России непосредственно затронуты не были. Позиция Китая по Сирии лишь показала, что Пекин выстраивает отношения с Вашингтоном по собственной логике и пока не готов активно вмешиваться в сирийский конфликт. Торговые отноше-

ния России с США и Китаем на порядок меньше уровня китайско-американского экономического сотрудничества. Наши интересы по ЮКМ также находятся на другом уровне важности. По Тайваню мы занимаем прокитайскую позицию. Единственной сферой потенциального подключения России к взаимодействию Китая и США остается северокорейская проблема, где наши принципиальные позиции по недопустимости обладания Пхеньяном ядерным оружием полностью совпадают, но представления о том, как это сделать – расходятся.

Вместе с тем в стратегическом контексте настораживающим выглядит тренд последнего времени, закрепленный последним Саммитом Си и Трампа, на то, что, в отличие от 10–15 летней давности, сегодня именно Россия, а не Китай становится «более чужим» для американского истеблишмента.

1. Original Assumption.

Before we discuss the specific case, that of China as a global leader, let us consider the theoretical concept of leadership, which consists of several core components, such as:

1. **Strategic power.** The ability of a state to influence all areas of the international political and economic life, including its military, political, economic and humanitarian spheres.

2. **Appeal of political and economic institutions.**

3. **Ideas** that the state presents at the international arena and their acceptability for other countries.

4. The state's **allies** in its pursuit and advancement of its leadership policies.

Moreover, it is important to consider the nature of leadership (domination or responsibility) and keep in mind that leadership implies responsibility. If a state pursues the idea of domination over other parties of international relations, it must be aware that such policies will be alienating and will provoke the need to counteract. The idea of responsibility, in its turn, is appealing, but associated with a slower pursuit of the state's own interests, with corresponding national losses.

Proceeding from the theoretical description of the concept of leadership, it can be concluded that China will not become the leader of the new century, or at least not in the next 20–30 years.

The reasons are as follows:

1. China does not have enough power, including military power. This statement is supported by the fact that Beijing, for example, is not involved in strategic deterrence.

2. China does not have an appealing internal political model.

3. China does not have a global idea that is generally expected to be offered by the global leader.

4. China has no allies, as Beijing rarely pursues alliances with its equals, and its relations with weak partner states are based on China's material resources and are not comprehensive.

But one way or another, China already is a leader in individual dimensions of the global economy and politics – due to the sheer size of its economy and population (for example, in international tourism and automobile manufacture).

2. Relevance of the Issue of Chinese Leadership

In 2017, the issue of Chinese leadership is growing in relevance. A formal cause for that is the statement made by President Xi in Davos in January 2017 where he talked about China's readiness to *«play the role of a leader in globalization and in the fight against protectionism.»* The issue is a matter of extensive discussions in Chinese mass media and at the 2017 National People's Congress.

The main reasons behind such interest in Chinese leadership are:

1. Related to domestic policies. They are associated with the upcoming 19th CPC Congress where Xi is going to try and reinforce his authority and become an actual «core of the party.» Moreover, at the time of a large-scale fight against corruption where those discontented and affected accuse Xi Jinping's campaign of causing economic recession and loss of China's international positions, it is extremely important for him to demonstrate his power.

2. Related to international policies. The Trump factor that manifested itself in the US withdrawal from the TPP that is probably going to result in Washington's refusal to honor its obligations under the Paris Climate Agreement, creates *international demand for Chinese leadership.*

3. *Economic*. Considering that the economic maneuvers of the Chinese government through expansion of domestic demand cannot prevent the overall slowdown in the growth of China's economy, Beijing is transitioning from export of goods to export of capital. In reality, China faces distrust and concerns over its economic expansion. As a result, utilizing *the factor of responsible leadership*, China is trying to make it simpler and more comfortable for Chinese capital and goods to enter the leading international markets, including Africa, Latin America, etc.

3. Leadership Mechanisms and Their Effectiveness

Mechanisms of China's leadership are both global and regional in nature.

1) Global political mechanisms.

Today China is not yet able to offer any specific appealing idea to the world, confining itself to vague generalities about building «the world with a common fate.» The very concept of this proposition is puzzling – can rich and poor countries share one fate?

Moreover, the more China asserts itself as a global leader, the more open it will have to be to domestic democratic reforms, which Beijing is not yet ready to do.

China has not been able to offer any truly significant doctrine to the international community. The strategic problem of China is that it can execute its leadership only in interaction, albeit competitive, with the current global leaders and other countries looking up to them. And not in opposition to them. And in order to be successful, China will need to be able to offer new ideas that must be *acceptable* for the rest of the world. And it is unlikely to find any such ideas outside of the scope of the market and *democracy*.

But today the Chinese leaders believe that the time for political reforms have not come yet. Although at the same time they understand that without such reforms, they will not be able to fulfill the new ambition for global leadership. The absence of a modern democratic political system is a «negative» advantage of a kind, or China's weakness in its competition for leadership against other countries. That is why in the mid-term perspective, China is going to face a dilemma – it

should either implement democratic reforms or put its global leadership ambitions on hold.

2) Global economic mechanisms.

The main global economic tool that China can use to pursue its interests is the One Belt and One Road concept that primarily aims, through investments in infrastructure in many countries around the world, which are welcome, to create a platform for the export of Chinese capital and Chinese goods, and to utilize the Chinese production capacities at the time when domestic demand cannot match up the production output.

In 2017, China expanded the geography of the One Belt and One Road concept, including New Zealand and Australia in it. That move also increased the workload that the Chinese project has to bear.

Moreover, individual economic projects for Chinese promotion, such as the Asian Infrastructure Investment Bank, the Silk Road Foundation and the BRICS New Development Bank, are not enough for such an ambitious strategy, especially given the fact that capital outflow in China results in cuts in investment in the Silk Road projects.

As of today, the One Belt and One Road project has over 100 member countries, 40 of them have signed cooperation agreements. An achievement of the project is that by the end of 2016, a total of over 18.5 billion USD have been invested in these countries, and 180,000 jobs have been created.⁵

But in January – February 2017 direct investment from Chinese enterprises in nonfinancial sectors of foreign countries dropped down by 52.8% compared to the previous year. At the same time, international investment absorbed by China declined by 2.3% to a total of 138.68 billion Yuan.⁶

Concurrently, there is a trend among Chinese companies to invest in incidental businesses, e. g. buying foreign football clubs.⁷

⁵ China Creates a Belt and Road Union of International Cooperation Areas in Industrial Facilities // http://russian.news.cn/2017-03/26/c_136158929.htm

⁶ Economic Review: This Year China Could Stop Being a Net Capital Exporter // http://russian.news.cn/2017-03/27/c_136162086.htm

⁷ Ibid.

Furthermore, «many Chinese companies use the guise of international investment to illegally pull money to overseas accounts and buy foreign currencies.»⁸

3) Regional economic mechanisms

With the USA withdrawal from the TPP, China's first attempt to take on the globalization leadership came in the form of its idea to return to FTA in the Asia Pacific Region. But without the US, the project is unlikely to happen, again due to the absence of any specific propositions.

Another option is to create a Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), based on the ASEAN. But member countries still have concerns about Chinese expansion.

And the third option is to go back to the NEA-3. But in this case, the implementation is made difficult by the political differences between China and Japan, and South Korea and Japan.

Moreover, China reveals some guarded interest in the TPP, but for now it is merely eyeing the possibility of assuming leadership there.

4) Regional political mechanisms

In regional terms, China is pursuing leadership primarily in the matters related to the South China Sea and North Korea.

China offers no specific propositions on the issues of the SCS. Moreover, it focuses on execution of the South China Sea Code of Conduct. It should be noted that other countries are ambivalent about it as well. The positions of the Philippines and Vietnam on the matter are interesting.

Experts believe that *the Philippines* conduct a three-track policy in their relations with China:

- President Duterte says that China is a friend, and the USA is an enemy;

- at the same time, China remains their main military threat;

- the government bureaucracy and the Philippines' Ministry of Foreign Affairs are trying to balance between these two approaches.

⁸ Ibid.

Vietnam, in its turn, is interested in trade and support from China, but is concerned about becoming economically dependent on Beijing. Aiming to find some political counterbalances, Vietnam intensifies its military cooperation with Japan.

Chinese policies pertaining to the *North Korean* situation are characterized by the following:

- absence of any potential ways of resolving the problem of Pyongyang's nuclear missile program;
- desire to shift the blame and responsibility to North Korea and the US;
- THAAD deployment.

The most recent Chinese initiative on North Korea proposed in 2017 has no chance to succeed. Essentially, Beijing was shifting the blame for crisis escalation to Washington and Pyongyang and encouraging the USA to cease its military exercises and enter into negotiations with the North while North Korea would wind up its nuclear missile program.

Weaknesses of China's position:

– Legitimacy of the US and South Korea exercises that they hold in accordance with international regulations, and illegitimacy of North Korean nuclear missile developments, as confirmed by the UNSC.

– Nuclear and missile programs are in violation of the non-proliferation regime and defiance of the UNSC resolutions.

- The matter of negotiation is unclear. Given that North Korea has amended its Constitution proclaiming itself a nuclear-armed state, the negotiation would need to be about the amendment of Pyongyang's Constitution.

China and Russia are objectively interested in cooperation in the matters related to North Korea, as both countries assert themselves as responsible nuclear-armed states.

5) Military factor of leadership.

China is also becoming more active in the military sector in light of the upcoming CPC Congress. The key accomplishments of Beijing here are as follows:

- successful test of a missile with 10 warheads;
- development of its military space and nuclear programs;

– modernization of its naval forces, fivefold (up to 100,000 people) of its marines strength

– *expansion of its global presence through its planned naval bases in Djibouti, Gwadar, Brunei, Oman, Sri Lanka, and the Maldives;*

– probing for any opportunities for air force bases in Syria.

At the same time, all of that only intensifies the China-related concerns among ASEAN countries, India and Japan.

6) Propaganda mechanisms.

China claims that its growing nuclear potential and naval forces «carry no threat to anyone,» that the process is concurrent with reduction of its armed forces by 300,000 people, and that the increase of its military spending remains below the 10 percentage point (7%).

That the slowdown of its economy (*to 6.7% in 2016 with forecasted 6.5% in 2017*) is not dangerous for the world – China remains the key driver in the growth of the global economy, having contributed a 33% global GDP growth in 2016.

That China will carry on with its reforms, in particular, it will expand opportunities for international business to access the Chinese economy, including its stock market.

4. US-China Relations

Despite the differences between China and the USA, Washington remains China's primary partner, albeit competitive, in its pursuit of the Chinese global leadership

The China-US Summit did not bring about any breakthrough in their bilateral relations. Its main achievement was the creation of a new infrastructure and a new atmosphere in the relations of Beijing and the new American administration. Trump has accepted the invitation to visit China in 2017, the parties evaded discussing any sensitive problems and channeled a friendly and cooperational nature of the meeting.

The main outcome of the negotiation was the approval of the 100-Day Action Plan whereby the parties are expected to correct the imbalance in their bilateral trade and China will invigorate its strategy to boost domestic demand and work to open the Chinese service market. And second, it was the launch of the permanent Strategic Dialog

headed by the countries' two leaders (*to replace the Strategic and Economic Dialog that had existed under Obama's Administration since 2009*) that would be working in four directions in the form of four subgroups:

- diplomacy and security,
- economy,
- legislative development and cybercrime,
- cultural and interpersonal relations.

Having happened «too early,» according to a number of American experts, the Summit had been primarily initiated by Beijing. The Chinese leadership expected Clinton's victory at the US presidential elections, and even before the elections the leading Chinese experts started actively exploring track two and track 1.5 for some understanding of the potential foreign policies of the Clinton-led United States. But Beijing miscalculated the outcome, and now it hurried to set things right. The Chinese logic seems justified: first of all, Trump's election rhetoric relating to China was exceedingly harsh; second, the foreign policies of the US are now only being developed; therefore, a quick Summit can both clarify how much the President's pre-election attacks reflect Washington's practical policies, and influence the development of the new American diplomacy to be more favorable for Beijing.

The Summit with China was also a good way for Trump's Administration to demonstrate that it can be both harsh in its pursuit of American interests, and flexible if that meets the same American interests.

Before the Summit, the agenda focused on four key topics:

- economic and trade imbalance, America's accusations against China of manipulating the exchange rate and undermining the American labor market,
- North Korean nuclear threat,
- US-China confrontation in the South China Sea and Taiwan,
- USA's overall treatment of China: more severe yet more balanced.

In practice, not all of these issues have been covered equally. As mentioned before, the parties focused on creating the atmosphere and mechanisms that would be useful in discussions and problem solution in the future rather than on discussing any potential solutions.

Economic problems and the North Korean issue received most attention.

In response to America's economic demands, China proposed to deepen their dialog, promised to open the service market and stimulate its domestic demand for American goods. As a compensation for American losses, Beijing invited the USA to join its One Road and One Belt strategy, putting forward the idea to increase Chinese investment in the American infrastructure. And even though no specific agreements have been made in this respect, if implemented, the idea could create a new economic platform upon which the entire range of the parties' economic, military and political relations will be developing.

In their discussion of North Korea, the parties have agreed that the nuclear program of Pyongyang is becoming unacceptable but had different visions of what should be done to stop Pyongyang. China kept insisting on an approach (that we believe have little promise) whereby the US-South Korean pressure would be ceased in exchange of North Korea freezing its nuclear program, accompanied by direct negotiations between Washington and Pyongyang. Among other issues, the idea has little promise because Pyongyang is not interested in any negotiations that will restrict its nuclear activities in any way. The US adhered to its opinion that China does not use all of its influence on Pyongyang.

Focused on creating a new favorable environment for the future US-China cooperation, Xi and Trump have overlooked nearly every pressing problem: deployment of the US Terminal High Altitude Area Defense (THAAD) system in South Korea, shipment of American arms to Taiwan, the South China Sea situation. The latter was brushed over with generic statements of the importance of avoiding and preventing conflicts and observing the standards of international law – it seems that the leaders did not discuss the potential interpretations of the latter as applied to the territorial disputes in the South China Sea.

China's focus on «not poisoning the mood of the Summit» was particularly apparent in its treatment of the Syrian problem. Even though the problem was not covered in the negotiations, it was during

the negotiations that the US delivered a missile strike on Assad's air force base in Syria, which, as we know, provoked a strongly negative reaction from Moscow. China had to offer a reaction, and it reacted by neither supporting the act, nor condemning it. All Beijing did was make a statement that it is preferable to use diplomacy to settle disputes.

In general, the first US-China Summit can be considered a success as it created new channels for dialog between the Chinese and American governments. But the question remains open about the future content and tonality of these channels. Potential rapprochement and confrontation of China and the US are still almost equally probable. At the same time, the mere fact that a new atmosphere and new infrastructure have been created in the US-China relations makes it possible to conclude that this «almost» leans towards cooperation, even if still competitive, and not towards confrontation.

Summary and Conclusions for Russia

In the mid-term, China is not going to become the global leader, although it will keep moving towards leadership and will come to dominate individual regional integration projects.

In the mid-term, China is not going to replace the USA, but it will boost its position as a new center of the economic world and will become a new center of the military and political world.

The appeal of its internal system will be shaped faster in the economy – through strengthening of the market basis, and very slowly in the world of ideology and the world of political institutions.

This slowdown is due to the following: the need to offer new acceptable ideas to the world, the so-called «own story.» In this case, the efforts will be concentrated around the development of the Silk Road, with nearly all of China's international projects designed to fit in with it.

China will not pursue alliances with other countries, but it will be trying to secure good relations and support through (1) financial investment and (2) gradually growing involvement in solution of regional (North Korea, South China Sea) and global (climate issues) problems.

In its new global leadership strategy, China reserves a dual role for **Russia**. On the one hand, the highest Chinese leaders continue referring to the China-Russia relations as being «at their best» both in the context of the history of their bilateral relations, and in the context of their relations with other countries.

But on the other hand, China is not about to discuss and coordinate with Russia its doctrinal and specific measures designed to ensure its own global leadership. Whether it is about military activities in South Asia or Africa, or about normalization of its relations with the US, which can happen without any consideration of the Russian interests. The relations of our countries lack any mechanisms that would allow us to identify and discuss any concerns about the risks and challenges Russia might face as a result of China's steps towards its global leadership, especially if we are non-challenging and non-critical in our support of any such actions of China. (V.V. Mikheyev, S.A. Lukonin. China: «Global Leadership» as a Resource in the Race for Power (in Russian) // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3006).

Russia, in its turn, can both use China's ambitions to its advantage, and bear certain risks as a result. For example, the increasing likelihood of economic dependence on China (accepting China's conditions, following China's standards, using Beijing's technologies and materials, etc.) and non-challenging political support of China in the Asia Pacific Region against the US can create new and unwanted difficulties in the Moscow-Washington relations, especially against the background of their attempted normalization.

Russian interests have not been affected directly. The position of China on Syria has merely demonstrated that Beijing is building up its relations with Washington based on its own logic and is not yet ready to get actively involved in the Syrian conflict. Russia's trade relations with the USA and China are way below the US-China economic cooperation. Our South China Sea interests have an entirely different level of importance as well. Our position on Taiwan is pro-China. The only area where Russia could potentially join the US-China cooperation is the North Korean problem, where our principled position

against nuclear weapons in Pyongyang's possession is exactly the same, but our ideas of how to proceed are different.

At the same time, in the strategic context, a particularly alarming trend of the recent times that became apparent at the latest Xi and Trump's Summit is that, in contrast to some 10–15 years ago, it is Russia and not China that is becoming «more alien» to the American establishment.

СПОСОБЕН ЛИ КИТАЙ СТАТЬ МИРОВЫМ ЛИДЕРОМ: ЗА И ПРОТИВ

WILL CHINA BE ABLE TO BECOME A WORLD LEADER: FOR AND AGAINST

А.В. ОСТРОВСКИЙ

Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра экономических и социальных исследований Института Дальнего Востока РАН, д.э.н., профессор

A.V. OSTROVSKII

Deputy Director of the Institute of Far Eastern Studies Russian of the Russian Academy of Sciences, head of the Centre for Social and Economic Development of China, Dr. Sc. (Econ.), professor

Самый главный, конечно, вопрос – станет ли Китай лидером нового века. Тут нельзя однозначно говорить, станет или не станет. Здесь существует множество различных факторов – финансовая мощь, экономическая мощь, политическая мощь, затем внутренние факторы, внешние. Необходимо просто остановиться на ряде принципиальных моментов по поводу мирового лидерства Китая. Какая у Китая есть привлекательная модель для всего мира?

Китай выдвинул в 2013 году на встрече с Нурсултаном Назарбаевым в Астане позицию четкую: выдвижение инициативы «Экономический пояс Шелкового пути». Через месяц выступая в парламенте Индонезии в Джакарте, заявил о выдвижении еще одной инициативы «Морской Шелковый путь XXI века». Реально Китай постарался уже с 2013 года довольно активно реализовать и в настоящее время реализует уже эту идею о том, что вот эти

две инициативы – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века» – как раз хороши для мира. И Китай первые годы проводил у себя много конференций на эту тему, он и сейчас проводит, и все большее и большее количество стран привлекает к этому проекту. Причем если раньше, например, такие страны как Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Япония, были резко в стороне от этих проектов, то последнее время наблюдается даже такая тенденция, что в этих странах появляется все больше и больше интерес к этим китайским проектам.

Хочу обратить внимание на один момент. 14–15 мая 2017 г. в Пекине состоялась большая международная Конференция «Проблемы экономического пояса Шелкового пути». И председатель КНР Си Цзиньпин пригласил на эту конференцию персонально Владимира Владимировича Путина, который поехал с официальным визитом в Китай, чтобы принять участие в самом главном мероприятии этого визита – международной Конференции. И собственно говоря, от участия в этой Конференции в значительной степени и зависело, насколько Россия будет дальше развивать сотрудничество с Китаем, какое участие России будет в этом экономическом поясе Шелкового пути. Сегодня еще можно говорить о каком-то участии в этом проекте различных стран Евросоюза, Азии, даже Латинской Америки, того же Египта, той же Южно-Африканской республики, но то, что касается России... Предполагалось, что еще в 2016 году будет подписан проект строительства высокоскоростной железной дороги Москва – Пекин. На сегодняшний день вопрос о подписании этого проекта повис в воздухе. Я уже не буду говорить обо всех других проектах. Но, судя по всему, именно в мае, после 14–15 мая 2017 года, и в какой-то степени определилась степень участия России в этом проекте.

Теперь еще пара других моментов, о которых я хотелось бы отдельно поговорить. Первое. Экономические проблемы Китая. В экономическом плане хотелось бы обратить внимание на то, что, что бы мы ни говорили о Китае, о ловушке средних доходов, о снижении темпов экономического роста, за 1-й квартал 2017 года Китай показал темпы прироста ВВП 6,9% в год. По итогам 2016

года – 6,7% в год. Тут присутствуют экономисты, которые изучают разные страны, Латинская Америка, Азия, Россия. Много это или мало? Я думаю, что много. Тем более что Китай уже давно сделал обоснование позиций новой нормальности (*синь чантай*) по-китайски. Это в 2014 году во время сессии саммита АТЭС в Пекине Си Цзиньпин отметил, что теперь каждый процент прироста ВВП будет даваться с большим трудом. И то, что раньше было 2% роста, теперь Китай рассчитывает, дай бог, на 1%, а хорошо бы на полтора. Но это не факт, что так получится. Во всяком случае, Китай оставляет для этого достаточно много возможностей.

Какие проблемы перед Китаем стоят реально в настоящее время? Не гипотетически, могут или не могут, а реально. Реально первая ключевая проблема – проблема народонаселения. Главная проблема народонаселения Китая – это не то, что в Китае население много, а возникает вопрос, а кто работать будет из-за того, что значительная часть рабочей силы вышла за пределы рабочего возраста? С 2011 года Китай прошел так называемую точку Льюиса, когда общая численность экономически активного населения начала снижаться. Выходящих из трудоспособного возраста оказалось больше, чем входящих. То есть в Китае возникает проблема обеспечить систему социального страхования. Для этого потребуются достаточно серьезные инвестиции в развитие системы социального страхования. Не случайно в Китае было принято решение о стимулировании рождения двух детей в семье.

Вторая проблема – это проблема обеспечения энергоресурсов. На сегодняшний день Китай импортирует огромные объемы нефти и природного газа. В 2016 г. Китай добыл 199 миллионов тонн нефти, и 381 млн тонн нефти Китай импортировал из других стран мира, аналогичная ситуация с природным газом и даже с каменным углем. Поэтому инициатива «Один пояс – один путь» предусматривает извлечь какие-то ресурсы за счет вывода инвестиций за рубеж, например, в страны Африки, Латинской Америки. Не случайно этот проект канала через Никарагуа для того, чтобы добывать нефть в Венесуэле, получать, и затем везти его через Никарагуа уже другим путем, не через Панамский канал.

И третья проблема – это проблема экологии. Это тоже достаточно серьезная проблема, которая связана с энергоресурсами, потому что 64% энергопотребления Китая – это каменный уголь. Каменный уголь – это экология. Не случайно в Китае это красный и желтый уровни опасности. Об этом, кстати, задавали Ли Кэцянью, премьеру Госсовета КНР, на пресс-конференции после сессии ВСНП в марте 2017 года. Был ответ, что надо разработать программу, привлечь иностранных инвесторов, выделить деньги, и дело пойдет. Тут надо посмотреть, как оно пойдет. Но тем не менее, Китай четко знает, какие у них проблемы..

Это по поводу внутривосточной ситуации. Борьба с коррупцией для Китая – это принципиальный вопрос. Я просто хотел бы напомнить уважаемым слушателям, что на 18-м Съезде КПК, когда Си Цзиньпина избрали генеральным секретарем ЦК КПК, он сделал короткое выступление, минут на 10. Он сказал, что если мы не победим коррупцию, то не будет у нас ни КПК, не Китайской Народной Республики. И не случайно, часто во время моих командировок в Китай на протяжении 15 лет основной темой доклада, с которой меня просили выступить перед китайской аудиторией на самом разном уровне, начиная от Высшей школы ЦК КПК, была тема «Уроки развала Советского Союза». То есть Китай боится того, что случилось в Советском Союзе. И они считают, что это главная проблема, а не внешнеполитическая проблема. Мы, мол, Китай – страна большая. Самая страшная проблема для нас – политическая, это чтобы не распасться внутри, чтобы сами внутренние силы не развалили изнутри Китай.

Станет ли Китай лидером нового века? Вопрос, конечно, очень интересный, но на сегодняшний день с учетом той информации, которую мы имеем, на него ответить однозначно нельзя. Есть факторы, которые говорят что, да, Китай, может быть с учетом его нынешней политики экономического потенциала и с учетом привлекательности идеи нового экономического пояса Шелкового пути для мирового сообщества. А с другой стороны, учитывая эти многочисленные факторы, о которых только что говорилось, имеются многочисленные проблемы, что является препятствием для глобального мирового лидерства Китая. Сможет ли Китай их

преодолеть? Посмотрим. Сегодня ответить на этот вопрос однозначно я не могу. Думаю, что вы тоже не можете. Спасибо за внимание.

The main question today is certainly the one of whether China will become the leader of new century. There is no unambiguous answer to this question. There are many different factors here – financial might, economic power, political strength, as well as internal and external factors. We should just dwell upon a number of key issues dealing with China being the world leader. What kind of model, attractive for the world, can China offer?

During the meeting with Nursultan Nazarbayev in Astana in 2013, the Chinese leader came fore with clear position: he proposed initiative «The Silk Road Economic Belt.» Speaking at the Indonesian Parliament in Jakarta a month later, he came fore with one more initiative – «The Maritime Silk Road of the 21st Century.» In fact, China has been trying since 2013 to plant in the minds of everybody that these two initiatives – The Silk Road Economic Belt and The Maritime Silk Road of the 21st Century – are attractive for the world. Initially, China has been holding many conferences devoted to this topic. Currently such forums also take place in the country. The Chinese are trying to involve as many countries as possible in these projects. Moreover, if such states as the USA, the UK and Japan have preferred to stand aback from the aforementioned initiatives before, now the trend is different – these countries take increasingly greater interest in Chinese projects.

I would like to focus your attention on one moment. On May 14–15, 2017, Beijing hosted a large-scale International Conference, Problems of the Silk Road Economic Belt. Xi Jinping, Chairman of the People’s Republic of China, personally invited Vladimir Putin to this forum, and the Russian leader went to China with an official visit to take part in it. Actually, it depended upon the participation in this conference to what extent Russia would develop its cooperation with China, what part Russia will play in the Silk Road Economic Belt. The

fact is that today we can talk about various countries of the EU, Asia and even Latin America, as well as Egypt and South Africa participating in the project, yet as far as Russia is concerned... We expected to sign the project on construction of a high-speed railway line, Moscow-Beijing, in 2016. However, the issue on signing the respective agreement hangs in the air so far. I would rather not dwell upon other similar projects. However, it looks that the level of Russia's participation in the aforementioned project became clear to some extent after May 14–15, 2017.

Now I would like to dwell upon a couple of other moments worth being discussed. The first one deals with the economic problems of China. In terms of economics, I would like to focus your attention on the fact that, no matter what we say about China, about the middle income trap, about the drop in economic growth rate, China has shown GDP annual growth rate of 6.9% in the first quarter of 2017. And in 2016 it had 6.7% per year. Here I see economists who study different countries – Latin America, Asia, Russia, etc. Is it much or little? I think that it is much. Moreover, China has long ago substantiated the positions of new normality. Speaking at the session of APEC Summit in Beijing in 2014, Xi Jinping stressed that each percent of GDP growth would be extremely hard to gain. Currently China hopes for 1.5% or even 1% in the sectors that demonstrated 2% growth before. Moreover, even 1% is hard to achieve. Anyway, China has a lot of opportunities for that.

What are the problems that China is facing today? I mean real problems, not hypothetical. The first key problem is the one of population. It is not that there are too many residents in the country, but the question is who will work, as people accounting for a significant part of the workforce are reaching retirement age? In 2011, China has reached the so-called Lewis point, when the total number of economically active population or workforce started decreasing. Those approaching the retirement age outnumbered the people joining the ranks of workforce. It means that China is facing the problem of supporting the social insurance system, i. e. serious investments in this system are required. It is no mere chance that Chinese government decided to stimulate parents for giving birth to two children in a family.

The second problem is the one of energy supplies. Currently, China imports huge volumes of oil and natural gas. In 2016, the Chinese produced 199 million tons of oil and imported 381 million tons more. As far as natural gas and even coal are concerned, the situation is the same. That is why the initiative «One Belt – One Way» envisions obtaining some resources by way of driving the investments abroad, for instance to the countries of Africa and Latin America. The development of a project on building a channel in Nicaragua is not a mere chance. China plans to extract oil in Venezuela and then ship it through the territory of Nicaragua using a new way, different from Panama Canal.

The third problem is the one dealing with ecology. It is also a very serious problem associated with energy resources, as coal accounts for 64% of energy consumption in the country. Consumption of coal means environmental threat, and it is no mere chance that it is associated with red and yellow hazard alert level in China, etc. If the country fails to solve this environmental problem in the short term... By the way, the respective question was offered to Prime Minister Li Keqiang at the press conference held after the session of the National People's Congress of China in March 2017. He answered that the government should develop the respective program, attract foreign investors, allocate the required funds, and the things will get rolling. We will see how the things will get rolling. Anyway, the Chinese are well aware of the problems they have.

Well, these are the problems dealing domestic situation in China. Combating corruption is a fundamental issue for the country. I would like to remind the audience about the 18th Congress of the Communist Party of China (CPC), when Xi Jinping was elected the Secretary General of CPC. He made a short presentation that lasted 10 minutes. He said that if the country fails to root out corruption, there will be neither CPC nor the People's Republic of China on the map. Over the past 15 years, I have been many times in China on business trips making presentations for Chinese audience of different levels, including the students of the Higher School of CPC Central Committee. Most often, they asked me to cover the topic devoted to «Lessons of the USSR Collapse». It means that the Chinese are afraid of what happened to the Soviet Union. They believe it to be a key problem, not

just the one of some foreign state. They say that China is a large country, so the main problem is not to let the country fall into pieces, not to let some domestic forces collapse China from the inside.

Will China become the leader of the new century? The question certainly looks very interesting, yet one can hardly give an unambiguous answer to it today on the basis of the information we currently have. There are factors that enable one argue for positive answer saying that yes, China can become the leader taking into account its present economic potential and attractiveness of the idea dealing with the Silk Road Economic Belt project for the world community. On the other hand, the country suffers from numerous problems, which obviously are obstacles on the way to global leadership. Will China be able to overcome them? We shall see. However, I cannot give an unambiguous answer to this question today. Moreover, I think that you cannot do it either. Thank you for attention.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ С ВНЕШНИМ МИРОМ
В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»
КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

**NEW NORMALITY OF CHINA'S ECONOMY AND
INTERACTION WITH THE WORLD**

Н.Н. КОТЛЯРОВ

Профессор департамента мировой экономика и мировых финансов, руководитель российско-китайского центра Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н., профессор

N.N. KOTLYAROV

Professor of the Department of world economy and finance of the Finance University, Director of Russian-Chinese Center of the University, Dr. Sc. (Econ.), professor

В последние годы в Китае стала широко использоваться концепция «новой нормальности» развития экономики. Данная концепция разработана в условиях замедления динамики экономического роста страны последних лет. В ее основе лежит положение о том, что такое снижение является закономерным процессом, обусловленным объективными причинами, а существующие ныне показатели роста будут сохраняться и в обозримой перспективе. При этом, подчеркивается, что, несмотря на снижение динамики, экономическое развитие Китая происходит более высокими темпами по сравнению с другими странами, и поэтому Китай имеет все возможности даже усилить свои позиции в мировом хозяйстве.

По мнению руководителей Китая «новая нормальность» (синьчантай) предполагает перенос основного акцента в работе прави-

тельства с поддержания темпов экономического роста на обеспечение качества развития. Согласно докладу премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна пятой сессии ВСНП 12-го созыва (5 марта 2017 года), в новых условиях Китай усиливает упор на обеспечении ведущей роли инноваций в экономическом развитии. Так, в стране разработан и запущен план реализации важнейших программ научно-технического развития до 2030 года, внедряется комплексная программа «Сделано в Китае-2025», вклад научно-технического прогресса в экономический рост страны в 2016 году составил 56,2%.¹

Совершенно очевидно, что правительству КНР необходимо объяснять происходящие в экономике страны процессы таким образом, чтобы не подорвать интереса к экономическому сотрудничеству с Китаем у зарубежных партнеров и не вызвать разочарования у населения внутри страны из-за снижения темпов экономического роста. Появление «новой нормальности» в китайской экономике дало основание многим зарубежным экспертам в последние годы говорить о завершении «китайского экономического чуда». Однако при этом следует обратить внимание, что, несмотря на снижение темпов роста экономики КНР, существующая динамика является существенно выше, чем рост мировой экономики в целом и рост экономик ведущих стран мира, включая США, страны ЕС и Японии. Так, в 2016 году показатели роста мировой экономики был наиболее низкими за последние семь лет, а Китаю удалось обеспечить рост экономики на уровне в 6,7%. В результате показатели роста китайской экономики за 2016 год оказались наиболее успешными в мире.

Вместе с тем необходимо отметить, что существенные проблемы и риски в китайской экономике существуют, и они признаются руководителями страны. К числу долгосрочных рисков относят экологическую проблему, нехватку энергетических ресурсов, неравномерное развитие регионов, растущую социальную

¹ Li Keqiang Report on the work of the government delivered at the 5th Session of the 12th national People's Congress of the People's Republic of China on March 5, 2017 [http:// www.english. gov. cn/premier/news/2017/03/16/](http://www.english.gov.cn/premier/news/2017/03/16/)

дифференциацию населения, демографическую проблему. К числу внешних рисков относят нестабильность развития мировой экономики, противоречия глобализации и рост протекционизма в международной торговле.

В условиях роста протекционизма в мировой экономике власти Китая предпринимают усилия на активизацию торгово-экономического сотрудничества с внешним миром. Знаковым событием в этом отношении является визит Председателя КНР Си Цзинпина в январе 2017 года на Всемирный экономический форум в Давосе, который стал первым за всю историю ВЭФ случаем участия высшего руководителя КНР в данном мероприятии. Выступление Си Цзинпина затронуло такие аспекты, как противоречия и положительные стороны экономической глобализации, а также планов Китая по расширению взаимодействия с внешним миром.² Большой интерес участников форума вызвало заявление китайского руководителя о том, что в предстоящие пять лет Китай ввезет из-за рубежа товаров на 8 трлн долларов, привлечет иностранных инвестиций в объеме 600 млрд долларов и сделает за границей инвестиций в объеме 750 млрд долларов, что по его словам, будет способствовать развитию не только Китая, но и других стран. Особо важное значение в Китае придают реализации концепции «Один пояс-один путь», в рамках которой, по словам Си Цзинпина, китайские компании уже инвестировали в экономики зарубежных стран, участвующих в этом проекте, свыше 50 млрд долларов, что позволило создать там производственные мощности и рабочие места.³

Стремясь обеспечить своим компаниям доступ к внешним рынкам сбыта и источникам сырья, Китай на протяжении последних лет осуществляет стратегию «выхода за рубеж». Данная стратегия направлена на укрепление его инвестиционных позиций за рубежом и характеризуется ежегодным ростом объемов вывоза капитала. В 2016 году китайские прямые зарубежные инвестиции выросли особенно заметно и составили 174,2 млрд

² President Xi's speech to Davos in full- World Economic Forum www.weforum.org/agenda/2017/01/ (дата обращения: 12.02.2017)

³ Ibid

долл., что на 36% выше показателя 2015 года и почти в 2 раза превышает показатель 2012 года, а также ставит Китай на второе место после США в качестве ведущего глобального инвестора.

В целях обеспечения защиты собственных зарубежных инвестиций, Китай в последние годы старается использовать механизмы многосторонних институтов. Так, будучи Председателем форума «Большой двадцатки» в 2016 году, Китай инициировал разработку «Базовых принципов глобальной инвестиционной политики», которые должны дополнить правовые нормы ВТО и создать необходимый для правовой защиты прямых зарубежных вложений многосторонний юридический механизм. Китай инициировал увязку международного инвестиционного сотрудничества с задачами устойчивого развития глобальной экономики, что, по мнению зарубежных экспертов должно обеспечить Китаю более действенную защиту его зарубежных капиталовложений.⁴

В России крупных инвестиционных проектов с участие Китая пока не так много, что объясняется китайскими участниками, прежде всего, узостью внутреннего рынка сбыта. Вместе с тем следует отметить, что объем китайских инвестиций в последние годы вырос. Если в 2013 году он составил лишь 1 млрд долларов, то в 2016 году этот показатель достиг 2,9 млрд долларов. Общий объем накопленных прямых инвестиций в России составил 14,1 млрд долларов.⁵ Объемы инвестиционного сотрудничества рассматриваются сторонами как не вполне удовлетворительные. В качестве других причин такой ситуации можно отнести следующие: неблагоприятный с точки зрения зарубежных инвесторов (в том числе китайских инвесторов) нынешний инвестиционный климат в России, недостаточное развитие транспортной инфраструктуры, в особенности в восточных регионах страны, риски из-за санкций со стороны стран Запада, социокультурные различия двух стран.

В современных условиях, когда в отношении РФ со стороны государств Запада активно используются санкции и развиваются

⁴ Karl P. Sauvant China moves the G20 toward an international investment framework and investment facilitation // Cambridge University Press, 2017, p. 3

⁵ Чжунго цзинцзи няньцзын (Статистический ежегодник Китая) 2016

системные дисбалансы в мировой экономике, принципиальную значимость приобретает необходимость дальнейшего укрепления российско-китайского партнерства. Объективной основой для этого служит высокий уровень политического взаимодействия, взаимная дополняемость национальных экономик России и Китая, близость их территорий, наличие ресурсного потенциала, схожесть задач модернизации. Между руководителями России и Китая достигнута договоренность о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с крупномасштабным проектом Китая «Экономический пояс Шелкового пути». Состыковка этих двух проектов позволит существенно расширить возможности в области двустороннего экономического сотрудничества. Помимо этого, энергетическое сотрудничество двух стран способно существенно активизировать двустороннюю торговлю и инвестиции, причем не только в рамках проектов, связанных с поставками российских энергоносителей в КНР, но и в области совместной разработки нефтегазовых месторождений в Китае, развитии на китайской территории газотранспортных и газораспределительных систем.

The concept of the «new normality» became widely implemented in China in recent years. This concept was elaborated under the decline of the economic growth rates and is based on a thesis that such decline is a natural process, and in the foreseeable future the economy will grow at present rates of less than 7%.

In the opinion of Chinese leaders the «new normality» implies the transfer of the main emphasis in the work of government from the maintenance of the high growth rates to the quality assurance. According to the report on the work of the Government of China's Premier of the State Council Minister Li Keqiang to the last National People's Congress of China (March 5, 2017), under the new conditions China focuses on the leading role of innovation in its economic development. Thus, the country has elaborated and introduced the plan of re-

alization of the most important programs of scientific and technological development till 2030, the program « Made in China» is being introduced, scientific and technological progress has added 56% to the economic growth of China in 2016.⁶

It is absolutely obvious, that Chinese leaders need to explain the economic slowdown in such a way that it does not undermine the interest of foreign partners to economic cooperation with China and does not cause the disappointment within Chinese people because of the growth rates decline. So growth might be falling, as Li Keqiang said, but these issues are being dealt with. The government worked out special plan and it is doing many things about its implementation. But the appearance of the « new normality» in Chinese economy gave grounds for speculations among foreign experts about the end of «Chinese economic miracle». However, one must pay attention that in spite of the slowing down of the economic growth, the existing rates are still considerably higher than the growth of the world economy in general and the growth of major countries, including the US, EU and Japan. In 2016 the rate of growth of the world economy was the lowest in past 7 years, while China managed to keep the rate at 6,7%. As a result, the indicators of economic growth in China in 2016 became the world's most successful.

At the same time it is necessary to take into consideration that there are significant risks and problems for economy and Chinese leaders admit their existence. Long term risks include ecological problems, lack of energy resources, unequal development of Chinese regions, growing social differentiations of population, demographic problems. External risks include instability of world economy, globalization contradictions and the rise of protectionism in world trade.

Growing protectionism makes Chinese leaders take efforts to promote trade and economic cooperation with the world. Such significant event as Xi Jinping visit to World Economic Forum in Davos in January 2017, which became the first time when the highest leader of

⁶ Li Keqiang Report on the work of the government delivered at the 5th Session of the 12th national People's Congress of the People's Republic of China on March 5, 2017 [http:// www. english. gov. cn/premier/news/2017/03/16/](http://www.english.gov.cn/premier/news/2017/03/16/)

China participated in the WEF for the whole period of its existence. Xi Jinping report touched upon such aspects as contradictions and positive sides of economic globalization, as well as China's plans to extend economic interaction with the world. He also declared China's intentions to import from other countries 8 trillion dollars of goods, attract 600 billion dollars of foreign investment in Chinese economy and invest abroad more than 750 billion dollars in nearest five years.⁷ That, according to Xi Jinping, will not only facilitate the development of China, but also of other countries. Particular attention in China is given to the realization of « One belt-one road» plan. By Xi Jinping's words, Chinese companies have already invested in the participating in this project countries more than 50 billion dollars and that allowed to create there additional production capacities and workplaces.⁸ In attempt to provide national companies access to foreign markets and resources China implements strategy of « going abroad». This strategy is aimed at the enforcement of Chinese investment positions abroad and is characterized by the annual growth of capital export. In 2016 Chinese foreign direct investment have reached 174,2 billion dollars, that exceeds the volume of capital export in 2015 by 36% and is almost 2 time higher than in 2012. This makes China the second largest investor in the world after the US. In recent years China seeks to use the possibilities of multilateral institutions to protect its investments abroad. In 2016, being the Chairman of G-20 Forum, China launched development of « Basic principles of Global investment policy» which were meant to supplement legal norms of WTO and create necessary multilateral legal mechanism to protect foreign direct investment. China has initiated linkage of international investment cooperation with the challenges of sustainable development of global economy, which, according to experts, should ensure more effective protection for Chinese investment.⁹

As for Russia and China investment cooperation, there are not so many investment projects in Russia where China participates. Chinese

⁷ President Xi's speech to Davos in full- World Economic Forum
www.weforum.org/agenda/2017/01/

⁸ Ibid

⁹ Karl P. Sauvart China moves the G20 toward an international investment framework and investment facilitation // Cambridge University Press, 2017, p. 3

party explains such situation by narrowness of the Russia's internal market. At the same time it should be noticed that the volume of Chinese direct investment in Russia in last two years has increased. If in 2013 it amounted to just 1 billion dollars, in 2016 it reached 2,9 billion dollars.¹⁰ Nevertheless both Russia and China consider the scale of investment cooperation not entirely satisfactory. Other reasons for this are: unfavorable from the foreign (including Chinese) investors' point of view investment climate in Russia, the lack of transport infrastructure, particularly in eastern regions of country, risks caused by sanctions of Western countries, sociocultural differences of Russia and China.

In current environment, when systematic imbalances in world economy increase and Western countries intensively employ sanctions against Russia, the necessity of further strengthening of Russia-Chinese partnership gains particular importance. High level of political interactions, natural complementary of national economies, the proximity of the territories, availability of resources, similar modernization tasks create objective base for bilateral partnership. Russian and Chinese leaders have achieved an agreement to conjunct Eurasian Economic Union (EEU) and large scale Chinese project « One belt-one road». Interfacing of these two projects will significantly expand opportunities for bilateral economic cooperation. Apart from this, cooperation of the two countries in energy sector can boost bilateral trade and investment not only in the supply of Russian energy to China, but also in joint development of oil and gas fields, gas – transporting facilities in China.

¹⁰ Чжунго цзинцзи няньцзын (China Statistical Yearbook) 2016

КИТАЙ – НОВОЕ ИНТЕГРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

CHINA – A NEW INTEGRAL SOCIETY

Г.Н. ЦАГОЛОВ

*Член Координационного Совета
Международного Союза экономистов,
профессор Международного
университета в Москве,
действительный член Сената ВЭО
России, член Союза писателей России,
академик РАЕН, д.э.н.*

G.N. TSAGOLOV

*Member of the Coordinating Council of the
International Union of Economists,
professor of the International University in
Moscow, acting member of Senate of the
VEO of Russia, member of the Union of
writers of Russia, Academician of the
Russian Academy of Natural Science, Dr.
Sc. Econ.*

Мы заслушали доклад на весьма интересную, хотя и не простую тему. Китай последние десятилетия показывает впечатляющее развитие. Сохранится ли оно впредь и, стало быть, станет ли Китай мировым лидером в 21 веке? Прежде чем размышлять об этом, не лишне было бы задаться другим вопросом – почему, проведя реформы с конца 80-х годов прошлого века, Китай стремительно устремился вперед, а мы, начав реформы с начала 90-х годов, все чаще попадаем в кризисы или стагнации? Иначе говоря, находясь 40 лет назад на уровне развития значительно ниже нашего, Китай сегодня обошел нас и достиг такого развития, что встает вопрос – не станет ли он вскоре первым во всем мире?

Изложенные в докладе Василия Васильевича факты заслуживают внимания. Но не меньшего внимания заслуживает вопрос –

почему они добились таких успехов и почему они идут такими темпами высокими, которыми нам сейчас и не сняться, и которые говорят о том, что они, действительно, могут вскоре занять лидирующие позиции. Мой ответ на этот таков, что Китай представляет собой особую общественно экономическую формацию – новое интегральное общество. Речь идет о такой модели общественного устройства, которая комбинирует преимущества капитализма и социализма и минимизирует их пороки. Практическими предтечами такой системы были НЭП в России, социал-демократические преобразования в Югославии, ряде европейских стран.

В Китае, где в компартии около 90 миллионов коммунистов, а число миллиардеров – 400 человек, неуклонно растет жизненный уровень населения. По сути, социал-демократическое руководство КНР отодвинуло вопросы классовой борьбы на второй план. Но народовластие не подорвано. В отличие от России, капитализм там носит преимущественно созидательный, а не спекулятивный характер. Кстати говоря, такое сочетание преимуществ социализма и капитализма наталкивает на мысль о свершающемся переходе человечества к новому интегральному жизнеустройству.

Ленин был вынужден отойти от «военного коммунизма» и перейти к Новой экономической политике. Он называл это «отступлением от социализма» Китайцы изучили тот опыт и применили его. Они, правда, называют это не «отступлением от социализма», а «социализмом с китайской спецификой». В теоретическом отношении Ленин прав. Но практика показывает, что сочетание плана с рынком, а стало быть, социализма с капитализмом дают лучший результат. И на смену «беспримесных» капитализма и социализма идет комбинированное общество.

Китайцы в течение почти держат государственный руль в своих руках, имеют плановое хозяйство, и в то же время широко используют рыночно-капиталистические регуляторы. И это самое главное, что определяет их успехи и делает совершенно неочевидным утверждение о том, что они не станут лидером 21 века. В Китае нет экономических кризисов, их высокие темпы роста вероятнее всего обеспечат им экономическое первенство.

Разговоры о том, что в скором будущем в Китае разразится кризис, ведутся регулярно на протяжении уже многих десятилетий, но, как говорил Марк Твен, «они преждевременны». Мы же, напрочь отказавшись от социализма, сломали государственный руль – плановый регулятор. Вот и плывем, что называется, без руля и без ветрил. Когда нас настиг мировой экономический кризис, мы провалились на 8%, они шли с плюсом в 5,6%. У них экономика лишь опустилось немножко. И сейчас у них тоже темпы чуть меньше, чем прежде, но, во всяком случае, это одни из наиболее высоких темпов во всем мире.

Поэтому мне кажется, что не только нас они обогнали. Но нам в первую очередь надо сделать выводы и отойти от той политики, которую мы проводим на протяжении четверти века. Следует незамедлительно перейти к плано-рыночному хозяйству. А в Китае я не вижу никаких принципиальных препятствий для того, чтобы они не стали лидерами всего мира. Почему? Потому что Америка – это все-таки страна затухающего капитализма. А Китай – страна, которая нашла новую форму общественного устройства, впитавшую лучшее из предыдущих формаций, форму, которой, вероятнее всего и будет принадлежать будущее.

We have just listened to the report devoted to a very interesting and arcane enough topic. Over the past decades, China has been showing an impressive pace of development. Will the country maintain this growth rate and become the world leader in the 21st century? Before pondering over the possible answer, it is worth asking another question. Why is China pressing forward having carried out the reforms since 1980s, while our reforms that started in early 1990s have most often led to either crisis or stagnation? Put it otherwise, why did China being inferior to us in terms of development level some 40 years ago still managed to outpace Russia and achieve the growth rate that may make it the world leader soon?

The facts highlighted in the presentation made by Vasily Vasilyevich are worth paying attention to. However, the following questions are no less interesting. How did they manage to make such a progress? Why can they boast of such a growth rate that we cannot even dream of, and some people believe China to be really capable of winning the leading positions in the world in a short while? My answer is the following – China represents a special socioeconomic formation, the one of new integral society. The model of social structure in question is the one that combines the merits of both capitalism and socialism minimizing their flaws at the same time. In practice the New Economic Policy (NEP) in Russia, socio-democratic reforms in Yugoslavia and a number of other countries can be actually considered as precursors of such a system.

The Communist Party of China includes about 90 million members, while the number of billionaires in the country amounts to 400 people, and the living standards of local residents are on the rise. In fact, the socio-democratic administration of the People's Republic of China (PRC) has put the issues of class struggle on the back burner. However, the rule of the people was not undermined. Unlike the capitalism we have in Russia, Chinese capitalism is of predominantly creative nature. In a word, it is not speculative capitalism. By the way, such a combination of capitalism and socialism invites the assumption that the mankind is making a transition to a new integral socioeconomic system.

Lenin had to abandon «war communism» and switch over to NEP. He called this policy «departure from socialism.» The Chinese have studied this experience and put it into practice. However, they call it «socialism with Chinese specifics,» instead of «departure from socialism.» Theoretically, Lenin was right. Yet, practice shows that the combination of planned economy and market relations, i. e., socialism and capitalism, produces the best possible result. Thus the integrated society combining the features of both formations, is gradually taking the place of «pure» capitalism and socialism.

The Chinese have had a tight grip on the reins of power for almost over three decades and practiced planned economy, making heavy use of market regulators at the same time. This is the main factor behind their progress, which makes unobvious the statement that China will

not become the world leader in the 21st century. China does not suffer from economic crises, while its high growth rate is likely to guarantee economic supremacy to the country.

Over the past two decades, people have regularly talked about an economic crisis breaking out in China in a short while, yet, as Mark Twain once said, these rumors «are greatly exaggerated.» We, on the contrary, broke the steering wheel of state control – the planned economy regulator – having abandoned socialism. That is why Russia is drifting rudderless, without aim or direction. When the global economic crisis broke out, Russia's economy shrank by 8%, while the Chinese demonstrated economic growth rate of 5.6%. Their economy declined only slightly, if at all. Currently, they demonstrate slightly lower economic growth rate, yet their growth rate is still among the highest in the world.

That is why it seems to me that Russia is not the only country they have outpaced. Yet, we should be the first to make the respective conclusions and abandon the economic policy pursued over a quarter of a century. We must promptly switch over to the combination of planned and market economy. As for China, I see no serious hindrance that can prevent the country from becoming the global leader. Why? The fact is that America is still the state of dying-out capitalism, while China is the country that has found a new model of socio-economic system combining the merits of all previous formations, and the future is likely to belong to this very model.

ЧТО НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ РОССИИ ЛИДЕРСТВО В НОВОМ ВЕКЕ?

WHAT SHOULD BE DONE TO ENABLE RUSSIA TO REGAIN LEADERSHIP IN THE NEW CENTURY?

М.А. КОРОБЕЙНИКОВ

Член Совета по аграрно-продовольственной политике и природопользованию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, вице-президент, академик Международной Академии менеджмента, главный научный сотрудник Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

M.A. KORUBEYNIKOV

Member of the Council for Agrarian and Food Policy and Environmental Management at the Federation Council, Member of Coordinating Council of the International Union of Economists, Vice-president, academician of the International Academy of Management, Chief Research Associate at the Institute of Economics under the Russian Academy of Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Econ.), professor

Тема сегодняшнего «круглого стола», несмотря на то, что в повестке дня стоит вопрос: «Станет ли Китай лидером нового века?», имеет, прежде всего, исключительное значение для современной России. Ведь Россия в лице бывшего Советского Союза фактически была лидером мира, но за последние 25 лет, то есть после развала СССР, она потеряла это превосходство перед рядом стран, и прежде всего США и Китаем. Причин этому много,

как объективных, так и субъективных. Об этом много говорится как в прессе, так и на разных форумах, конгрессах, конференциях, в том числе и на наших мероприятиях, проводимых в ВЭО России, МСЭС, Международной Академии менеджмента и сегодняшнем «круглом столе». Как правило, вносятся серьезные предложения: «Как возродить Россию, как вернуть ей лидерство?», но современная власть глуха к этим предложениям. Да она и не способна это сделать ввиду своего, я бы сказал, преступного непрофессионализма и почти повальной коррупционности.

И в этой связи, мне представляется, что наша страна не может стать лидером и станет им, скорее всего Китай, а фактически, он уже им стал. И я не совсем согласен с основным докладчиком заместителем директора по научной работе ИМЭМО РАН, руководителем Центра азиатско-тихоокеанских исследований, академиком РАН Василием Васильевичем Михеевым, который сразу вначале доклада дает утвердительный ответ: «Что Китай не станет лидером нового века?» Реальная жизнь и действия современного Китая за последние годы говорит об обратном.

И здесь я согласен с утверждением профессора Островского Андрея Владимировича, который сегодня в своем выступлении прямо сказал, что Китай учел все уроки развала СССР: сохранил коммунистическую партию, укрепил роль ее в государстве и само государство, вошел в рынок теми отраслями, которые по своей природе имеют рыночную суть, искоренил коррупцию в стране, вовлек почти все население в развитие научно-технического прогресса во всех отраслях экономики, более 70 процентов в Китае средний и малый бизнес, который сегодня «задавил» товарами весь мир, в том числе и США. Я несколько раз был в официальных командировках в Америке и там, в основном, куда не придешь – товары Китайского производства. У нас этого практически ничего нет, как верно заметил в своем выступлении Юрий Вадимович Тавровский.

Успехи Китая, конечно же, вызывают раздражение у других лидеров мира. Но руководство спокойно смотрит на все это и делает свое дело, защищая прежде всего свои экономические государственные интересы. А ведь известно изречение Гегеля: «интересы двигают жизнью народов». В.И. Ленин, читая Гегеля,

дважды подчеркнул красным карандашом это важное утверждение. Идея соблюдать свои интересы для Китая – суть их жизни. Это и дает возможность Китаю быть лидером в современном мире.

Современная Россия действительно сделала много ошибок, которые привели к развалу СССР. Еще в советский период, когда Н.С. Хрущев развенчал культ И.В. Сталина, а фактически заложил бомбу под развал КПСС, что потом доделал М.С. Горбачев, сказав однажды выступая в американском университете в Турции: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма...» И это ему удалось. Он сыграл главную роль в развале СССР, приведенный к власти в СССР с помощью внешних сил. За 6 лет его руководства СССР, внешний долг увеличился в 5,5 раз, а золотой запас уменьшился в 11 раз. СССР пошел на односторонние военно-политические уступки. М. Горбачев нанес максимальный ущерб своему Отечеству в истории страны. Ни в одной стране мира никогда не было такого руководителя. А что касается Китая, то там все наоборот. Буквально все делается для соблюдения только своих государственных интересов. Компартия Китая по-прежнему управляет своим государством. Руководитель компартии избирается только на два срока. Коррупционеры наказываются самыми строгими мерами, какой бы пост они не занимали. В Китае давно поняли, что без идеи, без идеологии не может быть государства, поскольку оно это гигантский механизм, а политическая идея есть принцип работы государственного механизма. У нас сегодня много говорят об идее, но никто не указывает, что же есть эта самая идея. В результате благие пожелания, вроде «чтоб всем было хорошо, а плохо не было», принимается за идею. Почти все ратуют за демократию. А что это такое, мало кто понимает. А ведь значительно важнее рассматривать в любой идее – справедливость, и отвечает ли она интересам народа. На практике демократия превратилась в фарс и утопию, в замаскированную либеральную риторику.

В демократии изначально заложено два механизма самоуничтожения. **Первый** – во власть приходят не ради блага общества, а ради возможности грабить общество. **Второй** – фиксированный срок правления возводит человеческий эгоизм в квадрат. И полу-

чается так, пока нет идеи, не может образоваться сила, достаточная для возрождения страны и вывода ее в мировые лидеры. Такая сила есть сегодня в Китае и пока ее осмысленной нет в России – все по-прежнему ссылаемся на развитие демократии и ею прикрываемся, а получаем в основном смутное время. Любая попытка действовать приравнивается к экстремизму, хулиганству. Всякую свежую мысль «однодневки» подвергают осмеянию и уничтожению. Бескорыстный патриотизм, не дающий ни чинов, ни денег (которые, к сожалению, стали основной идеей в современной России), понимается как идиотизм. Я как-то на одном международном форуме выступал весьма критично о реальном состоянии экономики АПК, и предлагал пути практического решения этих проблем. И что вы думаете, ведущий этого форума, крупный госчиновник подошел ко мне и высказал претензии к выступлению, сказав: «Как он не любит правдолюбив?» Правда нынешней власти России не нужна, оно «коллет» им глаза. По их мнению, в их работе все хорошо, они работают «денно и ночью» и благодаря этому в стране хорошо, экономика стабилизировалась, кризис преодолен и даже хотя и небольшой, но есть рост. Вот до чего доводит, так называемая демократия в управлении.

Сегодня мало кто имеет стратегическое мышление. Массе свойственно мыслить сиюминутно. Традиционная власть управляет народом через принуждение и убеждение. Это Китай. Демократическая, то есть либеральная, – через манипуляцию сознанием и соблазнением, формируя людям потребительское и эгоистичное сознание, чтобы они были неспособны адекватно реагировать на происходящее. Демократические выборы свелись к обещаниям всевозможных благ. Причем эти обещания не зависят от реального положения дел. Соискатели власти, подстраиваясь под народную массу, погрузились в самый махровый популизм, грабя народ от имени народа. В России это произошло в результате развала СССР. Главная наша беда в том, что нас за последние годы думать отучили.

А теперь давайте посмотрим, есть ли в России команда, сравнимая по потенциалу с советским периодом. Команда, собравшая людей вокруг идеи в единый монолит, готовых идти за свои слова на любые испытания. К сожалению, ответ отрицательный.

Вместо носителей идеи есть «говорящие головы» с набором общих слов и благолепной риторикой, за которыми угадываются корыстные интересы и постоянное извращение истории России в свою пользу. Как известно, история России разная и, в общем-то, в какой-то степени противоречива. Но это наша история и из нее надо всегда извлекать полезные моменты, которых было больше, чем недостатков. Я уже выше сказал, что не надо было трогать Сталина, как не очерняют китайцы Мао Цзедуна, который немало сделал ошибок, и во много раз больше Сталина репрессировал своих граждан. Но у Китайского руководства (это прежде всего очень маленький ростом, но великий умом Ден Сяопин) хватило ума, такта использовать его имя, только как великого «кормчего», возрождения Китая. У нас же, все по-прежнему, мы продолжаем хаять свою историю, убирать памятники великих русских патриотов своего Отечества. Лже-демократы либералы никак не успокоятся по поводу оценки заслуг В.И. Ленина, и требуют убрать его из мавзолея и предать земле.

Едва ли стоит говорить в нашей уважаемой аудитории, что Владимир Ильич Ленин – это гениальная личность не только в Российской истории, но и в мировой и им гордится весь мир и, прежде всего Россия, который создал первое в мире социально-справедливое государство – СССР. И поэтому, внесенный фракцией ЛДПР закон в Госдуму России можно назвать лишь очередным кощунством нынешней власти. Пора давно закончить плевать в душу своей истории, а использовать ее только ради возрождения России. А вот, что касается, так называемой демократии, то ее в природе нет и быть не может. Все должно быть рассчитано на человека, на соблюдение его личных, коллективных и государственных интересов, как экономических, так и политических, и социальных. Китаю, по крайней мере, это на сегодня неплохо удается. Так что вполне возможно в ближайшей перспективе он станет лидером нового века. Что же касается США, то там на сегодня имеется большой клубок проблем: внешний долг более 20 трлн долларов, и закрыть его постоянным печатанием бумажных долларов едва ли удастся, двойной стандарт поведения Америки (навязывание своей гегемонии всему миру) также приведет страну к упадку и многое другое.

В этой ситуации может ли Россия стать мировым лидером в новом веке? Исключать это ни в какой степени нельзя, поскольку она имеет уникальные возможности и богатства. И даже несмотря на то, что США и Западу не нужна сильная Россия и главная их задача – не допустить восстановления России как крупного государства, мирового лидера. Но нам надо хорошо помнить, что Россия – особая страна, у нее иная анатомия. Это не США, которая создана на базе Северной Америки, согнав с территории местное население – аборигенов индейцев, загнав их в резервации и собрав со всего мира почти все национальности мира, создав Соединенные Штаты Америки, определив нацию как американскую. Исторически которой не может быть в принципе, и существует она где-то не более 200 лет. Россия в национальном отношении – это совершенно иной феномен. Формировалась, развивалась многие тысячелетия на своей исконной и законной территории. Современную Россию необходимо осмыслить как совершенно новое явление, отличное не только от всего мира, но и от вчерашней Руси. У сегодняшней России нет идеологического ориентира последних 25 лет. Из-за этого страна богатая ресурсами, талантами, культурой и историей, вынуждена подстраиваться под чужую игру, цели которой ей неясны, а результаты полезны не ей. В этом случае, навязанная Западная демократия не дает шанса быть хозяином. Именно поэтому у нас нет нормального сельского хозяйства, промышленности, науки, образования, здравоохранения. Есть только продажа ресурсов, кучка присосавшихся к этой кормушке паразитов и соответствующая деятельность коммерсантов, а также живут и празднуют свою победу по-прежнему отцы-основатели либеральной демократии, которые трезвонят на всю вселенную, что они стремятся создать только идеальное общество. За 25 лет современной России они уже озвучили целый ряд концепций развития экономики страны, которые кроме вреда мало что принесли нового и полезного.

Куда же выведут новые концепции развития экономики страны, разрабатываемые за последние два года 2016–2017 гг.? В марте 2017 г. высшее политическое руководство страны должно сделать выбор, по какой модели будет развиваться отечественная экономика. Предложений и идей хватает, но все они сводятся к

одному вопросу: в какой степени и как государство должно влиять на экономику? Группа экономистов, которых принято называть «государственниками», считают, что власть должна организовывать и контролировать процессы развития экономики в максимальной степени. Другая группа, условные «рыночники-монетаристы», напротив, полагают, что роль государства должна быть минимальной: рынок решит все проблемы сам.

Следует напомнить, что разговоры о том, что экономика России несовершенна, ведутся давно. А точнее, с того момента, когда экономисты и политики стали осознавать, какие последствия принесли «либеральные реформы» начала 90-х прошлого века. Именно разговоры, ибо дальше констатации фактов дело не двигалось. «Гайдаровская модель» сохранилась вплоть до последнего времени, правда, с некоторыми косметическими изменениями: если раньше сырье и немногочисленную продукцию высокого передела из России вывозили за бесценок, улучшая платежный баланс западных стран (сделка с высокообогащенным ураном, к примеру), то в последние годы сверхдоходами от экспорта углеводородов мы просто кредитруем экономику США.

Достаточно высокие цены на нефть создавали иллюзию, что либеральная экономическая модель в стиле Адама Смита вполне пригодна для России. Это слабо стимулировало исполнительную власть, чтобы сформировать новые концепции, которые учитывали бы наступление следующей информационно-технологической эры, в корне меняющей все цивилизованное развитие.

В последние два года стало особенно ясно, что нынешняя схема экономики эффективна лишь при высоких ценах на нефть. Стоило повеять холодным ветром политического противостояния – и надо было думать не о развитии, а о том, как с минимальными потерями выйти из кризиса. В итоге, в июне 2016 года был создан Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам, который должен определять и реализовать новую экономическую стратегию на 30–50 лет.

Поручение участвовать в создании новой экономической модели в апреле 2016 года получил Алексей Кудрин, которого Владимир Путин вернул в большую политику, предложив возглавить Центр стратегических разработок, одновременно с назначением

на позицию заместителя руководителя Экспертного совета при Президенте РФ. А чуть позже, в июле, президент Путин с той же целью обязал своего помощника **Андрея Белоусова** изучить и проанализировать программу Столыпинского клуба.

Что же предлагают Алексей Кудрин и его единомышленники? В январе 2016 года в ходе Гайдаровского форума он детально обозначил контуры своей концепции, основываясь на довольно точном описании сложнейшей ситуации в экономике. Нельзя не согласиться и с заявленными ориентирами: повысить до 3–4 процентов рост ВВП, а также провести структурную перестройку экономики (где, по словам экономиста, за последние десять лет сложилось катастрофическое отставание в инновационно-научных отраслях, в то время как на Западе именно эти сферы получили опережающее развитие). Все верно, если забыть тот факт, что в 2004–2005 годах именно Кудрин в ранге министра финансов и возглавляемая им комиссия по оптимизации бюджетных расходов полностью сократили бюджетное финансирование фундаментальной науки и ощутимо, на миллиарды рублей, уменьшили расходы на образование. А чуть позже тот же министр Кудрин начал вкладывать сверхдоходы от нефти в американскую экономику и – не исключено – в американские исследовательские центры, скупая доллары и ценные бумаги США!

При этом Алексей Кудрин выделил два приоритета в расходах федерального бюджета – вкладываться в «человеческий капитал» и развивать транспортно-логистическую сеть.

Но как конкретно достичь поставленных целей? Ответ, по Кудрину, известен и не нов: развивать частную инициативу и сокращать роль государства, федеральные инвестиционные программы которого, по словам другого разработчика из Кудринской команды, **Владимира Мау**, абсолютно неэффективны. Подобные предложения не сопровождаются никакими конкретными расчетами и определением приоритетов, которые дали бы рост прибыли и инновационные прорывы.

Есть и другое противоречие: обосновывая необходимость сокращать до минимума участие государства в экономических процессах, Алексей Кудрин одновременно предлагает... усилить его роль через расширение функций на основе «электронной

платформы». Как она будет действовать и какие государственные сервисы выполнять – непонятно. Это «государство-платформа» и «форсированная цифровизация всех процессов», пожалуй, единственное новшество в программе Кудрина. Остальное известно, и в той или иной форме уже было опробовано в отечественной экономике.

Программы оппонентов Кудрина под названием концепции Столыпинского клуба – построены на вполне конкретных экономических выкладках и предложениях, как их реализовать, создав новую организационно-управленческую структуру. Если коротко – необходимо выделить сферы, в которых Россия сможет успешно конкурировать на мировых рынках: это практически все виды машиностроения, энергетика, химическая и оборонная промышленность, сельское хозяйство, атомпром и некоторые другие. И приоритетно развивать их, а также в первую очередь информационные технологии, не забывая, впрочем, и об отраслях, прямо работающих на потребительский рынок.

Параллельно необходимо запустить новые механизмы в экономике, осуществляя инвестиционные программы стратегического уровня через впервые создаваемые комплексные институты развития, включающие научно-производственное ядро и финансово-экономический сектор по каждому направлению с жестким, хорошо просчитанным планированием и оценкой результатов по всей технологической цепочке – от добычи сырья до выхода на потребительский рынок. Финансировать такие программы необходимо через федеральное казначейство, безо всякого участия коммерческих банков, которые должны зарабатывать себе прибыль, кредитуя частный бизнес.

Одновременно, как считают столыпинцы, нужно осуществлять целевую эмиссию, наполняя экономику деньгами по полтора-два триллиона рублей в год и низкой ключевой ставкой Центробанка в полном соответствии с одним из основных постулатов монетаризма: экономический спад преодолевается дешевыми и доступными деньгами, которые запускают ту самую частную активность населения.

Все эти факторы в совокупности простимулируют не только потребительский спрос как источник инвестиций, но и привлекут

в качестве капиталовложений в общей сложности 50 триллионов депозитов физических и юридических лиц, которые пока лежат без движения, создавая профицит банковской ликвидности: не хотят предприниматели реального сектора экономики брать кредиты под заоблачные проценты.

Концепция столыпинцев, если ее положения будут реализованы комплексно и одновременно, утверждают ее разработчики, выведет страну на траекторию устойчивого экономического роста в пять-шесть процентов годовых, при этом не потребуются усиливать фискальное давление и ограничивать социальные расходы, жизненный уровень населения будет сохранен и повышен.

Кажется, по всем критериям выбор должен быть ясен. Однако не все так очевидно: экономическая логика не всегда совпадает с вектором политических обстоятельств. А этот вектор сегодня по-прежнему определяют влиятельные финансово-промышленные группы, интегрированные в международный капитал. У них громадные лоббистские возможности.

Так что, вероятнее всего, «на выходе» в качестве новой экономической модели будет предложен компромиссный вариант, сочетающий предложения обновленцев-столыпинцев в сильно усеченном виде на базе концепции Центра стратегических разработок во главе с Алексеем Кудриным. В таком случае остается одна надежда, что вытянет нефть-кормилица, как это уже бывало неоднократно в новейшей истории России.

Но расчет на сырьевую экономику ведет ее в тупик. Это уже доказано 25-летней практикой. И, если власть не прислушается к экспертам российских предпринимателей и ведущих ученых-экономистов, управленцев, рыночников-реалистов и государственников, то будущее российской экономики бесперспективно. В таком случае Россия никогда не станет мировым лидером в ближайшей перспективе, и победить в справедливом соревновании едва ли когда удастся такую державу как Китайская Народная Республика, опыт которой нам бы стоило учитывать и брать пример, не копируя его, а развивая с учетом жизненных интересов наших граждан и в целом российского государства. А также пора России наладить дружеские партнерские экономические и политические отношения со всеми бывшими союзными республиками

СССР, что, несомненно, приблизило бы Россию к более успешному достижению ею мирового лидерства и стать по-настоящему могучим государством мира.

Though the agenda includes the question «Will China become the leader of the new century?» the topic of the present «round table» is of paramount importance for modern Russia. The fact is that Russia in the form of the former Soviet Union actually was the world leader, yet over the past 25 years, i. e. since the collapse of the USSR, it has lost its former superiority over a number of states, the USA and China in the first turn. There are many reasons why it happened, both objective and subjective. Much is said about it in press, as well as at various forums, congresses and conferences, including our events organized by the Free Economic Society of Russia, International Socio-Ecological Union, International Academy of Management, etc. This topic is discussed at the present round table as well. Serious suggestions are made as a rule as to how to revive Russia and make it the world leader again, yet the state power turns a deaf ear to them. Actually, the authorities are incapable of doing it due to their criminal unprofessionalism and epidemic corruption.

In this respect, I think that our country cannot become the world leader. China is likely to do it, as this country is actually the global leader now. Yet, I do not quite agree with the keynote speaker, Deputy Director for Research at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Head of the Center for Asian and Pacific Research, Academician at the Russian Academy of Sciences Vasily V. Mikheyev, who gave a very positive answer at the very beginning of his presentation: «China will never become the leader of the new century!». Realities of the present day and activities of China over the past years suggest just the opposite.

I agree with the position of Professor Andrey V. Ostrovsky, who said in his presentation that China has learned all lessons associated with the collapse of the Soviet Union. The state has retained the

Communist Party and its role in the state's affairs, introduced market relations in the industries being market-oriented by nature, rooted out corruption, involved the whole population of the country in the process of technological development, etc. In fact, small and medium business accounts for 70% of Chinese economy and has showered the whole world, including the USA, with its goods. I have been to the United States several times and seen Chinese products at all of the stores. We cannot boast of such successes, as Yuri V. Tavrovsky has rightfully stressed.

Naturally, China's progress annoys other world leaders. Yet, the country's government ignores it and does what it should by protecting the economic interests of its own country. Everybody knows a famous quote by Hegel: «Interests are the drivers of peoples' life.» While reading the works of Hegel, Vladimir Lenin underlined this phrase twice with a red pencil. The idea of watching over one's own interest is a priority for China. It enables the country to be a global leader in the modern world.

Modern Russia did make many mistakes, which led to the collapse of the USSR. Nikita Khrushchev shattered the cult of Stalin and actually undermined the power of the Communist Party. The finishing touch was put by Mikhail Gorbachev, who said once speaking at the American University in Turkey: «My life's mission lay in destroying communism...» He succeeded on this way. Having come to power with the help from outside, Gorbachev played the leading role in destroying the country. Over the 6 years of his rule, the foreign debt of the USSR increased 5.5 times, while gold reserve dropped 11 times. Moreover, the Soviet Union made various military and political concessions. Mikhail Gorbachev did much harm to his native country. No other state could «boast of» having such a leader. As for China, the situation in the country is just the opposite. The authorities are doing their best to protect the state's interests. The Communist Party still rules in the country. The head of it is elected for two terms maximum. Corrupted officials are severely punished, no matter what positions they hold. The Chinese have realized that the state cannot exist without the national idea, ideology, as the political idea is the principle of work for the state mechanism. Much is said about national idea in Russia, yet nobody can explain what kind of idea it is. Therefore, we

hear vain wishes, like «making life good for all and bad for no one,» which is perceived as national idea. Almost everybody calls for democracy. However, few people understand the meaning of this word. It is more important to look for justice in every idea and analyze whether it meets the demands of people. In practice, democracy has turned into farce and utopia, disguised by liberal rhetoric.

The idea of democracy is initially based on two mechanisms of self-destruction. **First** – leaders come to power not for the good of the people but for the opportunity to rob the society. **Second** – fixed term of rule multiplies human egoism. It appears that as far as the idea is not available, the force capable of reviving the country and making it the world leader just cannot form up. There is such a force in China, while Russia lacks it. We still refer to democratic development and hide behind calls for democracy, which always results in the times of trouble. Any attempt to do something practical is treated as extremism and hooliganism. Any fresh idea is turned to ridicule and finally destroyed. Unselfish patriotism granting neither status nor money (and money has unfortunately become a sort of national idea in modern Russia) is perceived as idiotism. Once speaking at an international forum, I criticized the state of agro-industrial complex and suggested the ways to solve this problem. And what do you think has happened? The moderator of the forum, a high-ranked official came up to me and voiced his disagreement with my speech stressing his dislike for truth-seekers. Indeed, the present Russian authorities do not need truth, as it is hard to swallow. They think that they work day and night, which allows them to change the situation for the better. According to them, the economy has stabilized, while the country has overcome the crisis and even achieved some moderate growth. That is what democracy in administration results in.

Currently, few people are capable of strategic thinking. Thinking out of hand is intrinsic to the majority of them. Traditional power controls people through force and persuasion. It is true of China. Democratic or liberal power does it by way of mind control and temptation, forming consumerism and egoism in people's minds to make them incapable of responding adequately to realities. Democratic elections have come down to promises of various benefits. Moreover, these pledges do not depend upon the real situation. Adjusting themselves to

the aspirations of people, candidates for positions in power have plunged into populism and rob the people on behalf of the people itself. It has happened in Russia due to the collapse of the USSR. The main trouble is that we have been weaned from thinking over the past years.

Let us now see, whether Russia can boast of having a management team comparable with the one existing in the soviet period in terms of potential. I mean the team capable of gathering people around some idea and willing to go all the way and suffer any hardships. Unfortunately, the answer is negative. Instead of people coming fore with ideas, we see «talking heads» just speaking platitudes and offering pompous rhetoric to disguise vested interests and attempts to misrepresent Russia's history for their own benefit. Everybody knows that Russia's history is full of different, often controversial events. However, it is our own history, and one should extract from it the helpful moments, virtues that outnumber shortcomings. I have already mentioned that the Soviet authorities should not have demonized Stalin, like the Chinese do not touch Mao Zedong, who made a lot of mistakes and killed more citizens of his country than Stalin did. Yet, the Chinese leaders (Deng Xiaoping first of all) had the smarts and grace to use Mao Zedong's name as the one of «great helmsman,» a symbol of China's revival. We, on the contrary, continue to speak ill of the country's history dismantling the monuments to sincere Russian patriots. The false democrats and liberals cannot rest till the body of Lenin is removed from the Mausoleum and buried.

Needless to say that Vladimir Lenin was a genius, an outstanding figure of not only Russian, but world history as well. The whole world is proud of him. Russia should be proud of him even more, as he founded the first socially just state on the planet – the USSR. That is why the draft bill submitted by the LDPR faction to the State Duma is nothing, but one more act of blasphemy. It is high time to stop spitting in the face of our history, but use it for the purpose of reviving Russia. As far as the so-called democracy is concerned, there is no such phenomenon. The policy should be focused on citizens, targeted at protecting their personal, collective and state interests, both political and socio-economic ones. The Chinese, at least, have managed to do it well so far. Thus, China is likely to become the leader of the new cen-

ture in the short term. As for the USA, the country suffers from a lot of problems, like foreign debt of over \$20 trillion, and they can hardly repay it by way of printing new dollars. The double standards used by America (imposing its supremacy upon the rest of the world) will send the state into ruin.

Can Russia become the global leader in this situation? One cannot rule that out, as our country can boast of unique opportunities and wealth, even though the USA and the West do not need strong Russia, and their task lies in preventing our country from becoming a strong state and eventually the global leader. However, we ought to remember that Russia is a unique country having different anatomy. We are not like the United States, the country created on the territory of North America. The Americans forced aboriginal peoples – Indians – out of their territories, drove them into reservations, gathered almost all nationalities of the world and proclaimed the United States, as the state of American nation. Historically, there is no such nation, as it is just slightly over 200 years old. In national terms, Russia is a different phenomenon. Our nation has been taking shape and developing for millennia on its native territory. Modern Russia should be perceived as an absolutely new phenomenon, different from both any other country of the world and Russia of the past. Modern Russia has had no ideological reference point for the past 25 years. Due to that, the country, rich in natural resources, talents, culture and history, has to bend with the wind and follow the rules of the game set by other countries. Moreover, these rules are often unclear to Russia, while the outcome of the game is not in our country's favor. In this case, democracy imposed by the West gives Russia not a chance to become the master of the situation. That is why we have poor agriculture, industry, science, education and healthcare. What we have is the right to sell raw materials, as well as a group of parasites who have latched onto the federal teat. The founding fathers of liberal democracy still celebrate their victory and tell the world that they are trying to build a perfect society. For the past 25 years, they have already voiced a number of economic development concepts, yet these concepts bring nothing but harm to the country.

Where will the economic development concepts worked out in 2016–2017 lead to? In March 2017, the top leadership of the country

has to make a choice as to what model should be adopted for economic development. In fact, there are enough of suggestions and ideas, yet all of them come down to a single issue – the extent of the state's presence in the economy. Some economists, those referred to as «the advocates of strong state,» believe that the state power should organize and control the economic development processes to the maximum. «Market-oriented monetarists» forming the other group think that this presence ought to be cut to the minimum, as the market will solve all problems on its own.

It stands to mention that the talks about Russia's economy being imperfect and flawed are not new. The respective debates have been held since the moment, when economists and politicians started realizing the consequences of «liberal reforms» carried out in early 1990s. I say «talks,» as the activities come down to the statement of facts alone. The «Gaydar model» is still used, though with some «lipstick» changes – while previously we exported the raw materials and few industrial products from Russia and sold them abroad for a song improving the western countries' balance of payments (the deal with highly enriched uranium for instance), now we are crediting the American economy with super profits from the export of hydrocarbons.

High oil prices created the illusion that Adam Smith's liberal economic model is suitable for Russia. Thus the executive power was not motivated to drawing up new concepts taking into account the coming of IT age that has drastically changed the rules of the game.

Over the past two years, it has become clear that the present model of economic development is efficient only in case the oil prices remain high. As soon as the cold wind of political standoff started to blow, we had to think about overcoming the crisis, instead of economic development. Finally, the Council for Strategic Development and Priority Projects was founded in June 2016. This body was to work out and implement the new economic strategy for the period of 30–35 years.

The task of taking part in the development of new economic model was entrusted to Alexey Kudrin. In April 2016, Vladimir Putin brought him back to mainstream politics offering Kudrin to take charge of the Center for Strategic Research and appointing him to the

position of deputy head at the Expert Council under the President of the Russian Federation. A bit later, in July 2016, President Putin entrusted the task of studying and analyzing the program of Stolypin Club to his aide **Andrey Belousov**.

What exactly do Alexey Kudrin and his followers suggest? Speaking at the Gaydar Forum in January 2016, he described his concept in detail having accurately analyzed the challenging economic situation. One has to agree with the stated goals of raising the GDP growth rate to 3–4% and introducing structural changes into the economic system (suffering, according to the economist, from serious backwardness of innovative and knowledge-intensive industries, which have become the areas of priority development in the West). He seems to be right, if we forget that in 2004–2005 Kudrin, as the Finance Minister, and the commission he was in charge of cut the budget financing of fundamental science completely and seriously reduced the expenses for education. A bit later, Minister Kudrin started investing super profits from oil export in the American economy and – which is not unlikely – in the American research centers by way of buying dollars and US securities!

Besides, Alexey Kudrin identified two priority goals as to the federal budget expenditures – investments in «human capital» and development of transport and logistics network. But how are these goals to be achieved? The answer offered by Kudrin is not new – it should be done by way of developing free enterprise and reducing the presence of state in the economy, as the federal investment programs, according to member of Kudrin's team **Vladimir Mau**, are absolutely inefficient. Such proposals are substantiated by neither estimates nor concepts that could lead to growth in profits and innovative breakthrough.

There is one more contradiction. Substantiating the need for cutting the state's presence in economic processes to the minimum, Alexey Kudrin at the same time suggests... enhancing the role of the state through functional extension on the basis of «electronic platform.» It is unclear, however, how it will work and what state services it is to render. This «platform-state» and «stepped-up digitization of all processes» are probably the only new elements in Kudrin's program. As for all other measures, they have already been tried in Russia in one form or another.

The programs of Kudrin's opponents, referred to as the concepts of Stolypin Club, are built on the basis of perfectly specific economic data and proposals dealing with how to implement these ideas by way of creating a new organizational and administrative framework. To be brief, we ought to identify the industries that enable Russia to compete successfully in the global markets. These are all kinds of machine-building, power-generation sector, chemical and defense industries, agriculture, nuclear engineering, etc. These industries should enjoy priority in terms of development. Besides, we should pay serious attention to the IT sector and do not forget about industries directly associated with consumer market.

In parallel to this, we ought to launch new economic mechanisms implementing strategic investment programs through the so-called «comprehensive development institutes,» consisting of research and production core element and financial and economic sector for each area with tough and well-conceived planning, as well as analysis of results for the whole technological chain – from extraction of raw materials to entry into consumer market. Such programs are to be financed directly by the federal treasury without any participation on the part of commercial banks, which ought to earn profits crediting private business.

According to the members of Stolypin Club, the state should at the same time carry out targeted currency emission filling the economy with money at the rate of 1.5–2 trillion rubles annually with low key interest rate of the Central Bank in full compliance with one of the main monetarist formulas: the method for climbing out of economic recession lies in cheap and accessible money invested in the population's private activities.

All these factors taken together will not only stimulate the consumer demand as a source of investments, but make it possible to attract the investments for the total amount of 50 trillion rubles in the form of deposits of individuals and companies that so far lie idle in the vaults of the banks and create the surplus of bank liquidity, as the entrepreneurs working in the real sector of economy do not want to take loans at excessively high interest rates.

If the ideas of their concept are implemented as a single package and simultaneously, the members of Stolypin Club say, it will allow

the country to follow the course of stable economic growth with the rate of 5–6% annually. Moreover, in this case there is no need for stepping up the fiscal pressure and limiting social expenditures, while the living standard of the people can be retained and even raised.

The choice seems to be clear, if we take into consideration all aforementioned criteria. However, the situation is not as obvious as it looks: economic logic is not always aligned with the vector of political circumstances. This vector, however, is still determined by influential financial and industrial groups integrated with the global capital. They can boast of tremendous lobbying capacity.

Thus we are likely to see a trade-off variant of the new economic model «at the output,» the one combining the suggestions of Stolypin Club in seriously edited form on the basis of the concept proposed by the Center for Strategic Research with Alexey Kudrin in charge. In this case, we can rely only on high oil prices, which have pulled the country out of crisis many times throughout the modern history.

Yet, the focus on export of raw materials leads the economy to a blind alley. This truth has been repeatedly confirmed over the past 25 years. If the power does not listen to experts, Russian businessmen, leading economists, as well as realist managers and supporters of strong state, Russia has no future. In this case, our country will never become the global leader, as we will hardly outstrip China in fair competition. We should take into account the Chinese experience, and follow the lead of China without copying its model, but adopting this experience with the focus on the interest of Russian people and state. Besides, it is high time for Russia to re-establish friendly political and economic relations with all of the former soviet republics, which would enable Russia to come closer to the goal of becoming the world leader and a really powerful state.

ГЛОБАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

GLOBALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS

Ю.В. ТАВРОВСКИЙ

Профессор Российской университета дружбы народов, вице-президент Евразийской академии телевидения и радио

Yu. V. TAVROVSKY

Professor at the Russian University of Peoples' Friendship (RUDN), vice president of the Eurasian Academy of Television and Radio

Для китайцев новый век начался 29 ноября 2012 года, когда только что избранный генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин провозгласил долгосрочный план «Китайская мечта». Он тогда сказал дословно: «Нескончаемая борьба, продолжающаяся со времен Опиумных войн вот уже 170 лет, открыла блистательные перспективы великого возрождения китайской нации. В настоящее время мы, как ни в один исторический период ранее, близки к осуществлению нашей цели – великому возрождению китайской нации, и как никогда раньше мы уверены в нашей способности достигнуть этой цели».

Вот когда началось движение Китая к мировому лидерству. До этого Китай наверстывал упущенное за годы «великой пролетарской культурной революции», «больших скачков» и иных экспериментов. Однако накопленный за годы «реформ и открытости» капитал, накопленная за годы ускоренного развития пассионарность, переросли в качество. Си Цзиньпин стал выразителем этого нового этапа китайской истории, этого стремительного перехода количества в качество. План «Китайская мечта» – долгосрочный и рассчитан до 2049 года. В 2049 году исполнится

100 лет Китайской Народной республике. Еще один временной рубеж – 2021 год, когда исполнится 100 лет Китайской коммунистической партии. К 21 году Китай должен покончить с бедностью, добившись «сяокан», средней зажиточности. Вторая «столетняя дата», 2049 год, должна ознаменоваться превращением страны в ««богатое и могущественное, демократическое и цивилизованное, гармоничное и современное социалистическое государство»».

План «Китайская мечта» включает в себя несколько составляющих его разделов, стратегий.. Одна из них – это экономическая реформа «*синьчантай*» или «новая нормальность». Ее суть -- снижение зависимости от глобальных производственных цепочек и внешних рынков, инновационное развитие с опорой на внутренний рынок. Вторая стратегия – это «*ифа чжиго*», «управление государством с помощью закона», в первую очередь борьба с коррупцией. Третья крупная стратегия – это «*идай шу*», «один пояс – один путь», именуемая за пределами Китая «Новый Шелковый путь». Выглядевшая первоначально как создание надежного наземного транспортного коридора для китайского экспорта в Европу, эта стратегия довольно быстро превратилась в несущую конструкцию всей геополитики и геоэкономики КНР на материке Евразия, в канал продвижения китайских капиталов, товаров и услуг, а также политического влияния в десятки стран, прилегающих к весьма условному маршруту Нового шелкового пути.

Ожегшись на больших и малых «скачках» 50–60-х годов, Китай стал осторожнее, предпочитает теперь «переходить реку, нащупывая ногой путь с одного камня на другой». В области глобального управления первым камнем стал план «китайская мечта». Затем последовали его составные --экономическая стратегия «новая норма», антикоррупционная «при помощи закона управлять государством. Сейчас мы видим, как Китай осваивается на большущем камне под названием «пояс и путь». Уже хорошо просматривается следующий «большой камень» – рубеж 2021 года, когда будут подведены итоги десятилетнего правления Си Цзиньпина и конкретизированы планы достижения желанного «другого берега».

Итак, в 2049 году должен быть достигнут «другой берег». Первоначально его очертания были довольно туманны – «богатое

и могущественное, демократическое и цивилизованное, гармоничное и современное социалистическое государство». Контур цели стал проясняться в сентябре 2016 года на саммите «Большой двадцатки» в китайском городе Ханчжоу. Там Си Цзиньпин впервые была сделана заявка на глобальное лидерство. Очевидно, в Пекине исходили из кризисных политических и экономических процессов на Западе, а также устойчивых (6–7% в год) темпов роста самого Китая даже на болезненном этапе реформирования всей национальной экономики. Еще дальше в обосновании глобального лидерства Китая Си Цзиньпин пошел на Давосском международном экономическом форуме в январе 2017 года.

На первый взгляд, движение Поднебесной к мировому лидерству облегчилось довольно вялым сдерживанием Китая в годы президентства Обамы, которое позволило существенно нарастить финансовый, экономический и военный потенциал, безнаказанно бросать вызов США в Южно-Китайском море, укреплять стратегическое партнерство с Россией. Надежды на сворачивание американской глобальной гегемонии сохранились даже в начале довольно неожиданного для Пекина прихода в Белый дом Дональда Трампа. Будучи кандидатом, он постоянно говорил о нежелании Америки нести бремя глобализации, а на президентском посту одним из первых решений отменил членство США в Транстихоокеанском партнерстве, тем самым облегчив Китаю путь к лидерству как минимум в Восточной Азии.

На пике оптимизма мои китайские коллеги-политологи стали проецировать дальнейшее развитие событий. К 2049 году, по их расчетам, КНР будет давать около 30% мирового ВВП. Китайская валюта, «*жэньминьби*» или юань станет как минимум вровень с долларом. Благодаря стратегии «пояс и путь» большая часть Евразии станет зоной экономического доминирования Китая. КНР обзаведется мощным океанским флотом с несколькими авианосными группами, передовой киберобороной и космическими ударными группировками. Эти эксперты спрашивали меня: «Что будет к 2049 году с Америкой? Сколько процентов мирового ВВП будет Америка давать? Что будет с Европой, не распадется ли она вслед за «брекзит» вплоть до национальных государств? Что будет с Россией при ее затянувшейся стагнации в экономике, на-

растающих демографических и межконфессиональных проблемах)?

При всем своем оптимизме китайцы трезво смотрят на вещи. Политологи разных, и прозападных, и антизападных ориентаций, признают, что Китай не может быть мировым лидером в американском понимании, то есть военным гегемоном и глобальным эмиссионным центром. «Да, у нас есть деньги, наша банковская система контролирует 33 трлн долларов, обойдя американскую и общеевропейскую. Наш ВВП по ППС достиг почти 18% мирового и превышает долю Америки (15.5%). Да, наши экономические позиции распределены уже по всему миру, но у нас нет военной силы для того, чтобы обеспечивать свои вложения. И вряд ли будут, потому что создать 1000 баз, как у американцев, нам не удастся, -- рассуждал директор одного исследовательского центра. -- Не удастся нам и создать соразмерную американской «мягкую силу». У нас нет Голливуда, CNN. В первую очередь, это объясняется иероглифическим барьером. Ни мы, ни окружающий мир не могут преодолеть эту Великую стену. Наша идеологическая доктрина, «социализм с китайской спецификой», успешно применяется четвертью человечества, но это только китайцы. Китайский путь, путь доказанного успеха, привлекает внимание других стран. Но мы его не продвигаем в мировом масштабе, не навязываем свою идеологию «мечом и крестом», как это делает Запад и, особенно, Америка со своими «толерантностью», «плюрализмом», «общечеловеческими ценностями». Возможно, мы слабее Америки при традиционном подсчете совокупной мощи. Но мы и не собираемся копировать американскую гегемонию. Мы хотим для себя новой роли в мире, роли глобального лидера, но с китайской спецификой».

В контексте «глобальной роли Китая» неизбежно встает вопрос о месте России. Думаю, что и в этом отношении Китай будет продолжать «переходить с камня на камень». Тут больше будет зависеть от нас, чем от них. Останется Россия «на плаву» -- одна стратегия, продолжит опускаться на дно -- другая. Опять же, в спорах с китайскими коллегами слышны такие рассуждения: «Зачем нам нужна Россия? В первую очередь, в условиях сдерживания и окружения Западом, вы прикрываете нашу северную

границу и будете продолжать ее прикрывать, до тех пор, пока будете независимым государством. Если вы распедетесь еще раз, мы возьмем под контроль в той или иной форме Сибирь и Дальний Восток. Мы не можем позволить американцам выйти на наши северные границы. Сейчас же вы обеспечиваете нам надежный сухопутный транзит экспортных товаров в Европу через свою территорию. «Новый континентальный мост» действует с 1992 года. Это не Новый шелковый путь, а просто соединение созданных еще в советскую эпоху железных дорог России, Казахстана, Белоруссии. Но он вполне удовлетворяет наши сегодняшние потребности. Еще вы нам даете сырье, – говорят китайцы, – и будете давать еще больше сырья, потому что кроме сырья, у вас мало что есть. Да, еще есть кое-какие технологии Мы их тоже у вас будем покупать. Но самое важное для Китая, с точки зрения продвижения к глобальному лидерству, это то, что русские выступают как «*чжэньдоу миньцзу*», «боевитая» или «задиристая» нация. Не имея серьезных геэкономических интересов или даже планов, вы всюду задираетесь. Для Запада вы представляете гвоздь, который все хотят забить. Китай же отходит на второй, на третий план, хотя мы-то как раз, с нашими деньгами и товарами, представляем реальную угрозу для Запада, и в первую очередь для Штатов.

Оптимизм китайских экспертов и стратегов заметно ослаб с уже в первые месяцы правления президента Трампа. Его контакты с тайваньскими сепаратистами, угрозы удара по Северной Корее, провокационные маневры американских ВМС и ВВС над островами Южно-Китайского моря, мягко говоря, насторожили Пекин. Ценой внеочередного визита Си Цзиньпина в США и обещанных им больших торговых и экономических уступок пока удалось предотвратить самое неприятное – резкое, на 35–40% повышение таможенных ставок на китайский экспорт в Америку, который превышает 600 млрд долл. в год. Но перспективы резкого ухудшения отношений с Вашингтоном стали для Пекина вполне возможным сценарием. Просчитав свои и американские возможности, в китайской столице явно пришли к выводу о преобладании американской мощи. Столкновение «острием против острия» откладывается. Меняется и график установления глобального лидерства Китая.

Анализ текущей международной ситуации и перспективы глобального лидерства активно происходит накануне 19 съезда КПК, который должен состояться осенью 2017 года. На этом важнейшем политическом мероприятии правящей партии и вскоре после него мы узнаем очень много интересного о ходе реализации «китайской мечты о великом возрождении китайской нации», о глобальном лидерстве с китайской спецификой.

For the Chinese, the new age began on November 29, 2012, when Xi Jinping, Secretary General at the Central Committee of the Communist Party of China, proclaimed a long-term plan, *Chinese Dream*. He said speaking at the ceremony at that time: «The never-ending struggle going on for 170 years since the time of Opium Wars has opened brilliant prospects of great revival for the Chinese nation. Today, we are as close to the implementation of our goal – great revival of Chinese nation – as at no time in history, and are sure in being capable of succeeding on this way as never before.»

This is exactly when China started moving forward towards global leadership. Prior to that, the country was catching up with what had been missed over the period of «Great Proletarian Cultural Revolution,» «Great Leap» and other experiments. However, the capital accumulated over the years of «reforms and openness,» and passion accumulated during the period of accelerated growth finally translated into quality. Xi Jinping has become the opinion giver of this new stage in Chinese history, this fast transformation of quantity into quality. *Chinese Dream* is a long-term plan worked out for the period to 2049. In 2049, the country will celebrate the 100th anniversary of the People's Republic of China. 2021 is one more landmark date in the history of China, as Chinese Communist Party will celebrate its 100th anniversary in 2021. By the latter date, China is to do away with poverty and build «*xiaokang*,» a society of moderate prosperity. The second anniversary – 2049 – is to be marked by transformation of the country into a «rich, powerful, democratic, civilized, harmonious and advanced socialist state.»

Chinese Dream plan includes several sections dealing with development strategies. One of them is devoted to the economic reform «*xin chang tai*,» or «*the new normality*.» The core of this reform lies in reducing dependence upon global production chains and foreign markets, as well as innovative development with reliance on domestic market. The second strategy is «*ifa zhigo*,» or «state administration on the basis of law,» which means combating corruption in the first turn. The third major strategy is «*idai ilu*» – «One Belt, One Road,» which is referred to as the «New Silk Road» outside China. This strategy, which first dealt with creating a reliable land transport corridor for Chinese exports to Europe, has quickly turned into the framework of China's geopolitical and geoeconomic policy pursued in Eurasia, the channel for the promotion of Chinese capital, goods and services, as well as the tool of political influence on dozens of countries located in the area where the conventional route of the New Silk Road lies.

After burning fingers while making various «leaps» in 1950s-1960s, China has become more cautious and prefers to «cross the river feeling the way from one stone to another.» *Chinese Dream* was the first stone on the way to global leadership. Then its elements – New Normality economic strategy and State Administration of the Basis of Law anticorruption policy – followed. Now we see how China is making itself at home on the huge stone referred to as «One Belt, One Way.» The next big stone is already visible – it is the landmark of 2021, when the country will sum up the results of Xi Jinping's decade-long rule and elaborate the plan of «reaching the opposite river bank» in detail.

Thus, the longed-for «opposite bank» is to be reached in 2049. At first, its contours looked vague enough – «rich, powerful, democratic, civilized, harmonious and advanced socialist state.» However, the horizons started clearing up in September 2016 at G20 Summit held in Hangzhou. Speaking at the forum, Xi Jinping made a claim for global leadership for the first time. Beijing evidently drew on the political and economic crisis in the West, as well as steady (6–7% annually) economic growth rate in China even at the painful stage of reformatting national economy. During the World Economic Forum in Davos in January 2017, Xi Jinping made a step further on the way of substantiating China's global leadership.

At first sight, the sluggish deterrence on the part of the USA in the years of Obama's presidency made it easier for China to move towards global leadership. It enabled the country to substantially build up its financial, economic and military potential, challenge America in the South China Sea, and consolidate partnership with Russia. The Chinese retained hopes for the roll-back of American global domination even after the election of Donald Trump, whose advent to the White House came unexpected for Beijing. Being a presidential candidate, Trump would continuously say that America was unwilling to carry the burden of globalization. Moreover, one of his first decisions in presidential position dealt with canceling the US membership in the Trans-Pacific Partnership (TPP), which made it easier for China to take up leadership at least in East Asia.

At the peak of optimism, my colleagues, political scientists from China, started projecting future developments. According to them, China is to account for about 30% of the global GDP by 2049. Chinese currency – Renminbi or Yuan – will become equal to the US dollar as minimum. Thanks to the «One Belt, One Way» strategy, the major part of Eurasia is to become the area of China's economic domination. China will acquire powerful Navy including several aircraft carrier groups, advanced cyber defense and space strike groups. These experts would ask me: «What will happen to America in 2049? What share of the global GDP will the USA account for? What will happen to the EU? Will it collapse into national states after Brexit? What will happen to Russia suffering from extended stagnation, as well as demographic and interreligious problems?»

Though being a bit too optimistic, the Chinese are capable of clear thinking. The political scientists adhering to both pro-Western and anti-Western views admit that China cannot become the global leader in the American meaning of the term, i. e. the military leader and global emission center. «Yes, we have money. Our banking system controls \$33 trillion outpacing the American and EU's ones. Our GDP in terms of purchasing power parity (PPP) accounts for almost 18% of the global one exceeding America's share (15.5%). Yes, our economic presence is distributed all over the world, yet we lack military force to secure our investments. Moreover, we will hardly have such force as we cannot deploy 1,000 military bases abroad,» the director of a re-

search center argued. «Neither can we create the «soft power» equal to the American one. We have neither Hollywood nor CNN. The key reason behind it lies in hieroglyphic barrier. Neither we nor any other country can surmount this Great Wall. Our ideological doctrine – «Socialism with Chinese Characteristics» – is successfully applied by 25% of the human race, yet these are the Chinese alone. The Chinese way of proven success attracts the attention of other nations. Yet, we neither promote it worldwide, nor impose our ideology on other countries «by sword and cross,» like the western states do, especially America fussing over its «tolerance,» «pluralism» and «universal human values.» We may be weaker than the USA if traditional methods of calculating the country's power and might are used. Yet, we do not intend to copy the American model of domination in the world. We want a new role in the world – the one of global leader with Chinese characteristics.»

In the context of «China's global role,» the question on Russia's place in it inevitably comes about. I think that China will also «move forward gradually stepping from stone to stone» in this regard. The answer to this question depends more upon us than upon China. If Russia stays afloat, they will take advantage of one strategy. If Russia sinks to the bottom, another one will be used. When I talk to Chinese colleagues, I often hear the following considerations: «What do we need Russia for? First of all, you are shielding our northern frontier, which is very important in the conditions of China being surrounded and restrained by the West. You will continue to shield it, until Russia remains an independent state. If the Russian Federation falls into pieces once again, we will take Siberia and the Far East under control one way or another. We just cannot afford letting the Americans approach our northern borders. Currently, you ensure reliable land transit for exporting our products to Europe for us. The «new continental bridge» has been working since 1992. It is not the New Silk Road, but a combination of railroads built on the territory of Russia, Kazakhstan and Belarus in the soviet time. Yet, this way meets our current needs,» the Chinese say. «You supply raw materials to us, and will supply even more of them, as you do not have much to export. Yes, you have certain technologies, and we will buy them from your country. However, the most important thing for China from the viewpoint of mov-

ing towards global leadership lies in the fact that Russians act as «*zhandou minzu*» – a «combative» or «cocky» nation. Having no serious geoeconomic interests or even plans, you, nevertheless, always pick quarrels. You are the nail that the West wants to batter down all the time. In this situation, we fade into insignificance, though it is China with its goods and money that poses a real threat to the West and the United States in the first turn.»

The optimism of Chinese experts and strategists has visibly slackened in the first months of President Trump's rule. His contacts with Taiwan separatists, threats to crack down on North Korea, as well as provocative maneuvers of the American battle ships and aircraft in South China Sea, have, mildly speaking, put Beijing on the alert. At the cost of Xi Jinping's extraordinary visit to the USA and promises of serious trade and economic concessions, the Chinese have managed to prevent the most unpleasant 35–40% rise in customs duties for China's exports to America, which exceeds \$600 billion annually. Yet, deterioration of relations with Washington is currently a likely scenario for Beijing. Having compared their own and American potential, the Chinese administration has obviously come to the conclusion that the Americans are superior in terms of might. Thus, the «blade against blade» clash is postponed. Changes are also introduced to the schedule of implementing the plan of achieving global leadership.

The current situation in the world and the prospects of global leadership are actively analyzed in China on the eve of the 19th Congress of Chinese Communist Party, which is to take place in autumn 2017. Having studied the materials of this event, we will soon learn many interesting things about the implementation of «Chinese dream dealing with great revival of the Chinese nation,» and the global leadership with Chinese characteristics.

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА
ТРАМПА»**

**ROUND TABLE
«TRUMP'S ECONOMIC POLICY»**

**16 мая 2017 г.
Дом Экономиста
г. Москва**

Круглый стол «Экономическая программа Трампа»

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

OPENING SPEECH

А.А. ДЫНКИН

Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, вице-президент ВЭО России, член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Комиссии при Президенте РФ по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности, член Президиума РАН, член Научного совета при Министре иностранных дел РФ, член Научного совета при Совете Безопасности РФ, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик Международной Академии менеджмента, д.э.н., профессор

A.A. DYNKIN

Vice President at the International Union of Economists, president at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) under the Russian Academy of Sciences, vice-president of the VEO of Russia, Member of Presidium at the Presidential Council for Science and Education, member of the Presidential Committee for Development Strategy of Fuel and Power Complex and Environmental Security, member of Presidium at the Russian Academy of Sciences, member of the Academic Council under the Russian Foreign Minister, Member of the Academic Council under the Russian Security Council, Secretary Academician at the Department for Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences, academician of the International Academy of Management, Dr. Sc. (Econ.), professor

Коллеги, действительно сегодня третий семинар нашего цикла. Мы разговаривали в предыдущие разы об экономике Европейского союза, о китайской экономике. Сегодня по нашему плану Валерий Николаевич Гарбузов, который является директором Института США и Канады Российской Академии наук, говорит об экономической программе Трампа, хотя говорить о том, что это какая-то такая цельная, единая программа, конечно, пока не приходится. В этой аудитории сегодня много очень известных экономистов, специалистов по Соединенным Штатам. Мы видим Юрия Николаевича Рогоулёва, Виктора Борисовича Супяна, Викторию Журавлёву и много других коллег, поэтому я надеюсь, что у нас будет интересная дискуссия.

Что можно сказать об американской экономике сегодня? В отличие от многих других сфер общественной жизни, экономика относительно в порядке. Этому способствует то, что в Соединенных Штатах лучшая среди развитых стран демография, то, что в стране сложился один из самых глубоких и динамичных финансовых рынков, то, что построена постоянно совершенствующаяся национальная инновационная система, которая обеспечивает постоянное предложение новой продукции, новых услуг на рынок, и достаточно высокий уровень конкурентоспособности, что тоже двигает инновационную активность, относительно низкий уровень безработицы. И это, конечно, очень сильно отличается от того, что оставил Буш, 44-й президент Соединенных Штатов, на пороге «великой рецессии». То есть американская экономика сегодня вышла относительно неплохо из того, что было перед началом 8-летнего цикла Обамы.

Что можно сказать сегодня о каких-то контурах, чертах в экономических подходах Трампа? Во-первых, он, очевидно, провозгласил лозунг изоляционизма и он угрожает пересмотреть торговые соглашения Северной Америки, так называемую NAFTA, он затормозил Транстихоокеанское партнерство. Также не очень понятна судьба Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства. Как вы помните, во время предвыборной кампании он угрожал ввести 40-процентную пошлину на китайский импорт. Но это все осталось словами. На самом деле недавно, буквально несколько дней тому назад, подписано очень масштабное

торгово-инвестиционное соглашение с Китаем в обмен на то, что Китай ужесточает блокаду Северной Кореи. Недавно было бюджетное послание, направленное в конгресс. Вы знаете, что там достаточно серьезное сопротивление политике Трампа. И вот об этих вещах я надеюсь, что Валерий Николаевич нам расскажет, и потом мы все это будем обсуждать.

Dear colleagues, we actually hold the third recurring workshop today. In the course of previous two workshops, we discussed the EU economy and Chinese economy. Now, we expect Valery Nikolayevich Garbuzov, Director at the Institute for US and Canadian Studies at the Russian Academy of Sciences, to dwell upon the economic program of Donald Trump, though, needless to say, we can hardly talk about some integral and comprehensive program so far with regard to what Trump suggests. Here, we see many renowned economists, specialists in the United States – Yuri Nikolayevich Rogulev, Viktor Borisovich Supian, Victoria Zhuravleva and many other colleagues – so I hope that we will have interesting discussion.

What can we say about the American economy today? Unlike other areas of society, the US economy is in relatively good shape due to the best demographic situation among the developed countries, one of the broadest and most dynamic financial markets in the world, constantly improving national system of innovations that ensure continuous offer of innovative products and services, high enough level of competitiveness and relatively low unemployment level. This economy is definitely very much different from the one George Bush, the 43rd US President, has left on the eve of «great recession.» So the American economy has got relatively well out of the crisis storming at the beginning of Barack Obama’s 8-year term.

What can be said about some contours and features of Trump’s economic approach? First, it is obvious that he has proclaimed the slogan of isolationism and threatens to reconsider the trade agreements of the North America, the so-called NAFTA. Besides, he has

brought to a halt the Transpacific Partnership (TPP). The future of Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) is also unclear. As you may remember, Trump threatened to introduce 40% customs duty on imports from China. However, all these threats have remained mere words. In fact, the USA signed a large-scale trade and investment agreement with China several days ago. It was done in exchange for China's toughening the blockade of North Korea. Trump has recently sent a budget message to the Congress. You know, serious resistance to his policy is observed in the American Parliament. I hope that Valery Nikolayevich will highlight this topic in detail, and we will discuss his presentation afterwards.

КОНТУРЫ ФИЛОСОФИИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

THE CONTOURS OF TRUMP'S PHILOSOPHY

В.Н. ГАРБУЗОВ

*Директор Института США и Канады
РАН, д.и.н.*

V.N. GARBUZOV

*Director at the Institute for US and
Canadian Studies of the Russian Academy
of Sciences, Ph. D. (History)*

Спасибо, Александр Александрович. Добрый день, уважаемые коллеги! Действительно, с завидной регулярностью то в одном, то в другом месте, в разных городах и странах мы собираемся и обсуждаем различные аспекты политики Трампа, его президентства, хотя вроде бы совсем недавно закончились президентские выборы, на которых он одержал победу. И это неслучайно, потому что, по признанию очень многих наблюдателей, личность этого президента, его намерения, как и сама его избирательная кампания – совершенно необычны.

Необычно, наверно, в каком-то смысле и то, что мы называем «программой» Трампа. Действительно, прав Александр Александрович, говоря, что на праймериз вряд ли можно было, наблюдая за Трампом, сказать, что у него есть какая-то логически выстроенная экономическая, внешнеполитическая или внутривластная программа. Трамп избрал очень простой и приносящий быстрый успех способ обращения к избирателям. Акцентировав внимание на нескольких проблемах, он предлагал очень простые и радикальные способы их решения, что привлекло внимание многих американцев. Порою говорят, что радикализм – главная угроза решения

той или иной проблемы. Посмотрим, как все будет развиваться дальше, насколько быстро и глубоко Трамп сможет решить их.

Конечно, нельзя назвать те идеи, с которыми выступал Трамп, действительно реальной программой. Если посмотреть на его предшественников, то они поступали иначе. В их числе я бы назвал, прежде всего Р. Рейгана, у которого действительно была программа, подготовленная консервативными мозговыми трестами, в которой была достаточно, обоснованная, может быть спорная, но теоретическая часть, этапы ее реализации, подходы к решению каждой проблемы. Ничего этого у Трампа нет. То, что можно было бы назвать программой или, может быть, контуром его философии, появилось тогда, когда он уже победил и стал президентом. Это шесть направлений, которые были опубликованы на сайте Белого дома. Они-то и суммируют все то, что говорил Трамп в ходе своей избирательной кампании.

На первом плане в этом перечне – энергетический план, который призван гарантировать энергетическую независимость США. Второй пункт посвящен внешней политике, призванной обеспечить американское лидерство в мире. Третий пункт вобрал в себя все заявления Трампа относительно обеспечения экономического роста, возвращения рабочих мест и производства в США.

В их числе – смелый план создания 25 млн новых рабочих мест в течение ближайшего десятилетия и обеспечение 4-процентного ежегодного экономического роста. В этом же пункте – один из главных рецептов решения всех проблем – снижение налогов. Пожалуй, этот, третий, пункт является центральным во всей будущей и уже реализующейся политике Трампа.

Четвертый пункт посвящен возрождению военной мощи страны. Казалось бы, он касается военных проблем, но, во всяком случае, так или иначе, он непосредственно связан с бюджетом, и определяет приоритеты подходов Трампа к бюджетной политике.

Пятый пункт касается роли правоохранительного сообщества США, проблем охраны внешних границ, всей пограничной системы, ее модернизации, строительства стены на границе с Мексикой, на что тоже, естественно, требуются деньги.

И, наконец, последний, шестой, пункт «списка» Трампа, который касается проблем, связанных с торговыми соглашениями.

Здесь уже говорилось о том, что Трамп – не большой любитель глобализма, а сторонник протекционизма, который, казалось бы, давно ушел в прошлое, противник различного рода международных многосторонних соглашений (например, Транстихоокеанского партнерства).

В основных направлениях деятельности администрации Трампа, предложенных американскому обществу, нет абсолютно никакой теории. Я думаю, что Трамп принадлежит и будет принадлежать к тем президентам, которые действуют и будут действовать по принципу, что называется, жизненного опыта: «ну так жизнь подсказала, поэтому я так и действую». Мы помним, что именно так действовал другой президент, правда, не республиканец, а демократ Франклин Делано Рузвельт, который строил свою политику в общем-то по рецептам Кейнса, но не очень-то осознавал это (на определенном этапе).

Как же реализовывается программа Трампа? С самого первого дня своего президентства новый президент стал доказывать, что не зря оказался в Белом доме, что им действительно движет масштабная идея вернуть Америке ее былое величие. Почти каждые два дня он подписывал исполнительные директивы, чаще всего в виде указов, либо меморандумов. Как известно, это такие документы, которые президент может издавать, минуя Конгресс. И это, между прочим, таит в себе достаточно серьезную скрытую угрозу.

В ходе праймериз Трамп больше всего критиковал реформу Обамы в области здравоохранения. И первый удар был нанесен именно по ней. Сразу после инаугурации был издан указ о приостановлении действия некоторых положений Obamacare. Вслед за этим появился другой указ, который предусматривал реализацию масштабных инфраструктурных проектов. Еще один указ посвящался мерам по совершенствованию иммиграционной практики и обеспечению пограничной безопасности, в числе которых было и строительство стены на границе с Мексикой.

Ряд указов Трампа был посвящен проблемам, связанным с борьбой с терроризмом, отдельный указ был посвящен регулированию финансовой системы США. Один из указов касался реализации плана реформирования системы государственного управления. Цель Трампа состоит в том, чтобы радикально дебюрократизиро-

вать, оптимизировать всю систему административного регулирования и сократить разросшийся федеральный аппарат.

Параллельно с этим в недрах американской администрации, все же осознававшей значимость законотворческой деятельности, началась работа над разработкой десятка законопроектов, которые фактически повторяли темы указов Трампа, с тем, чтобы постепенно вносить их в Конгресс, закрепив тем самым инициативы президента законами. В недрах администрации сразу же стала проходить работа над законопроектами о налоговых льготах и упрощенном налогообложении для среднего класса, о борьбе с переносом производства за пределы США, об американской инфраструктуре, об отмене реформы здравоохранения Б. Обамы, о восстановлении национальной безопасности и о борьбе с коррупцией и лоббизмом. Кстати, о борьбе лоббизмом, как мы помним, говорил в самом начале своего президентства и Обама, говорит о нем и Трамп. Но насколько серьезны подобные намерения? Вся система политической власти США построена, в общем-то говоря, именно на лоббизме, поскольку американское общество является классическим обществом групповых интересов.

Что же можно сказать о реализации перечисленных президентских инициатив? Конечно, прошло еще совсем немного времени? По сложившейся традиции первые итоги подводятся по первым 100 дням деятельности президента в Белом доме.

Относительно отмены реформы здравоохранения, предпринятой Б. Обамой. Трамп понимает, что ее невозможно отменить одним наскоком, поэтому администрация встала на другой путь – путь плавного демонтажа реформы. И это было заложено уже в первом указе Трампа, который был посвящен приостановке деятельности отдельных ее положений. Очевидно, элементы разумного в таком подходе есть, если можно вообще говорить о политике Трампа как разумном и продуманном курсе. Оценивать же эффект от программы *Obamacare* в целом очень сложно, потому что предусматривалось, что она должна была бы дать свои полноценные результаты только в начале 2020-х гг.

Этот плавный демонтаж был нацелен на постепенный отказ от охвата системой *Obamacare* американских пенсионеров в возрасте старше 66 лет, отказ от идеи полного ее внедрения в 2020–21-ом

годах, постепенный отказ от системы налоговых отчислений в федеральный бюджет для последующего субсидирования медицинских страховок для лиц, которые пользуются таким правом, и постепенное снижение численности лиц трудоспособного возраста, которые получают или имеют право на медицинскую страховку в рамках этой системы доступного медицинского страхования.

Но это только начало. Главная цель состоит в том, чтобы заменить эту реформу какой-то другой реформой, которую уже сейчас окрестили *Trumpcare* (хотя ее еще нет). По этому вопросу ожидаются достаточно серьезные баталии в американском Конгрессе. Но сейчас совершенно очевидно, что возврата к *Obamacare* уже не будет. То есть эту свою мечту Трамп еще не реализовал, но приступил к ее реализации, т. е. к демонтажу *Obamacare*.

Иммиграционная проблема также оказалась в центре внимания Трампа. Вообще-то говоря, еще администрация Обамы несколько раз подступалась к тому, чтобы решить иммиграционную проблему, которая, наверное, является вечной для Америки. Ограничение иммиграции, ее регулирование всегда являлось в американской истории важным элементом государственной политики. Поэтому один из первых указов Трампа – указ об охране границы и иммиграции, который вызвал негативную реакцию значительного числа американцев, особенно жителей крупных городов, давно причислявшихся к городам-укрывателям нелегальных иммигрантов. Причем, он не раз предупреждал о том, что в случае продолжения подобной практики эти города и населенные пункты лишатся всякого рода федеральных дотаций.

Действия администрации по иммиграционному вопросу вызвали небывалую реакцию в обществе. Пожалуй, ни по одному решению Трампа не было такой негативной реакции, как по вопросу об иммиграции. На него отреагировали и суды, после чего появилась скорректированная версия того же указа. Но кардинально в целом негативное отношение к иммиграционной политике Трампа в американском обществе не изменилось.

Конечно же, Соединенные Штаты давно нуждаются в более совершенном иммиграционном законодательстве. Попытки администрации Обамы усовершенствовать иммиграционное законодательство были неудачны. Его законодательство оказалось настолько

спорным, что было провалено в Конгрессе, после чего Обама стал внедрять элементы этого закона своими указами. Как будет действовать Трамп в этом вопросе, пока сказать сложно. Одно ясно – возможностей для маневра у нового президента не так много.

Остановлюсь еще на одном пункте его предвыборных обещаний – возвращение производства в США. Практически сразу же после прихода в Белый дом он встретился с руководителями трех крупнейших автоконцернов и призвал вернуть производства из-за рубежа на территорию США. Первоначально некоторые из них, как будто бы положительно отреагировали на это. Но, подобная реакция, как правило, основана на первичном доверии. Это может дать единичный эффект. Проводить какую-то целенаправленную политическую линию в течение длительного времени, только лишь с помощью призывов к производителям возвращать свои филиалы и капиталы и открывать новые рабочие места в США вряд ли получится. Бизнесу необходима определенная мотивация.

Понимая это, Трамп подписал в апреле новый указ – указ о поддержке рабочих и производителей. Смысл его прост: покупай американское и производи в Америке. То есть, цель его состоит в том, чтобы наращивать объемы внутреннего производства, создавать новые рабочие места, увеличивать расходы внутри страны с тем, чтобы налоги, налогооблагаемая база внутри нее расширялась.

Но, основной «приманкой» для привлечения и возврата предприятий на территорию США, по мысли Трампа и его сторонников, является все-таки выгодная для бизнеса налоговая система. Сокращение налогов, упрощение самой налоговой системы – вот что должно бы, по мысли Трампа, сыграть здесь свою определяющую роль и заинтересовать предпринимателей.

Здесь уже упоминалось об изоляционизме. Понятно, когда мы говорим об изоляционизме, то меньше всего надо думать об изоляционизме классическом, об изоляционизме 30-х годов XX века, о тех изоляционистах, с которыми вел борьбу до этого Вудро Вильсон, а потом и Франклин Делано Рузвельт. Изоляционизм Трампа – это изоляционизм совершенно другого толка, это неоизоляционизм XXI века. Можно, наверно, использовать этот термин, но зададим вопрос – каким будет этот изоляционизм в усло-

виях глобализации? Это, очевидно, такой вопрос, который требует дальнейшего осмысления.

Но, во всяком случае, Трамп с самого начала позиционировал себя как современного американского изоляциониста, противника, глобализации в том виде, в котором она существует, сторонника торгового протекционизма. Не случайны его атаки на Транстихоокеанское партнерство и на НАФТА. Хотя с НАФТА он не так резок, как с Транстихоокеанским партнерством. Трамп – противник многосторонних контактов, считая, что двусторонние отношения могут быть более полезны. Но пока еще новые схемы таких полноценных односторонних контактов Трампом пока не выстроены.

Это проявилось и в отношении Трампа к Китаю, внешнеторговая политика которого ему не нравится. Но, как оказалось позже, и с Китаем можно договариваться на условиях какой-то взаимовыгодной сделки.

Очевидно, президентство Трампа будет президентством каких-то обновленных двухсторонних соглашений, контактов, которые, как показывает опыт взаимодействия США с Китаем, могут быть чем-то обусловлены, то есть выступать в роли каких-то своеобразных компромиссов, которые решают, с одной стороны, экономические проблемы, а с другой – завязаны на решении каких-то политических и внешнеполитических проблем.

И еще один очень важный момент, о котором я уже упоминал выше и который, по мысли Трампа, должен играть роль стягивающего звена в деятельности его администрации – это инфраструктурные проекты.

Когда Обама стал президентом, он не раз говорил о том, что надо «чинить» Америку, что Америка уже давно не ремонтировалась. Он имел в виду дороги, электростанции, всю инфраструктура, созданную за предшествующие десятилетия и со временем устаревшую, а то и попросту пришедшую в негодность. Но тогда его слова осталось словами. И не потому, что в них было больше декларативности, а потому что это действительно оказалось очень непростой проблемой.

То, что сегодня говорит Трамп о необходимости ремонта инфраструктуры – тоже, казалось бы, представляет собой смелый вариант решения этой проблемы. Выступая в Конгрессе, он гово-

рил о том, что намерен разработать план, суть которого состоит в том, чтобы привлечь триллион инвестиций для строительства и ремонта дорог, мостов, туннелей, портов и т.п. Основная мысль этой идеи Трампа, в общем-то, проста: отремонтировать все устаревшее, создать новые рабочие места, занять незанятых и решить таким образом не одну большую проблему, а одну большую проблему и много маленьких, причем, не чисто экономических, но в том числе и социальных проблем.

Смысл этого предложения в том, чтобы сформировать этот масштабный проект на условиях частно-государственного партнерства. Но сразу возникает вопрос о принадлежности ремонтируемых объектов, о долях участия государства и бизнеса. Трамп надеется, что реализация этого проекта очень сильно активизировало бы американскую экономику. Мы видим явное стремление Трампа переложить решение очень многих проблем с плеч федерального правительства на американский бизнес.

Конечно, в случае успешной реализации этот проект действительно «потянул» бы за собой все – и строительную индустрию, и другие отрасли экономики. Он способствовал бы активизации многих социальных процессов в стране. Но все упирается в то, что крупная идея оказалась без детально проработанного плана реализации. Хотя Трамп и говорил о существовании некоего плана ремонта инфраструктуры, оказалось, что уже готовых предложений, под которые можно было бы выделять деньги, попросту нет. В прессе фигурирует список из 50 объектов по всей стране, упоминается и другой перечень из 300 самых разных объектов.

Все это находится сейчас на стадии обсуждения. Власти штатов озабочены тем, чтобы подавать заявки на те объекты, которые могли бы быть включены в этот большой проект. Разработаны критерии, по которым эти объекты могли бы войти в эту реформу инфраструктуры. Каждый из них должен удовлетворять определенным требованиям: либо объект должен быть готов на 30%, (это касается инженерных и дизайнерских работ), либо объект должен потенциально учитывать и увеличивать производство в самих США, либо объект, который является важным для национальной и общественной безопасности. Но опять-таки, это все еще на стадии обсуждения.

Прошла информация, что Белый дом требует, чтобы каждый штат, в зависимости, конечно, от его размера и экономической мощи, ориентировался на подачу заявки на 3–5 объектов инфраструктуры с тем, чтобы потом выбрать из них 1–2. Впереди процесс отбора объектов и формирования плана реализации этой масштабной реконструкции, масштабного ремонта американской инфраструктуры.

Наконец, налоговая политика и налоговая реформа. Я уже говорил о том, что налоговая реформа замышляется Трампом, как, прежде всего, мощный инструмент активизации американского бизнеса. Речь идет, конечно, о снижении налогов. Впервые, может быть, за долгие годы стали вспоминать кривую Лаффера, которую обычно частенько упоминали в 1980-е годы при Рональде Рейгане, доказывая, что снижение налогов приведет не к снижению налогооблагаемой базы и снижению налоговых сборов, а, наоборот, повысит налогооблагаемую базу и увеличит собираемость налогов. Трамп, без сомнения, рассматривает налоговую политику как действительно один из приводных ремней для осуществления экономических преобразований.

Все предшествовавшие администрации США что-то предпринимали в налоговой сфере. И Обама пытался проводить налоговую реформу, не очень масштабную, может быть. Самой масштабной налоговой реформой, пересматривающей налоговое законодательство, была все-таки реформа Рейгана 1986 г., серьезно упрощавшая налоговую систему. Кстати говоря, в этом смысле он действительно очень напоминает Рейгана, потому что в перечне его предложений: и уменьшение налоговых ставок, и сокращение налогов в целом, и дерегулирование.

Налоговая реформа Трампа предполагает ощутимое сокращение высшей ставки федерального налога: с 35 до 15 процентов. Предложено уменьшить налог на прибыль компаний, а также сократить ставки индивидуальных налогов, в частности уменьшить их количество с 7 до 3.

Обещания сократить налоги – всегда наиболее ожидаемое от президента-республиканца. Но кроме этого Трампом предлагается не очень популярная мера: ликвидация различных вычетов из подоходного налога. В Америке существует давняя практика на-

логовых вычетов: когда медицинские расходы налогоплательщика вычитаются из его налогооблагаемой базы. Предлагается также отмена налога на наследство. По подсчетам окружения Трампа, снижение налогов в общем плане предполагает повысить их собираемость. И счет здесь идет уже на десятилетия. Команда Трампа обещает, что в течение будущих 40 лет доход бюджетов всех уровней должен вырасти на 6 трлн. долларов. Правда, противники Трампа считают, что, план Трампа, наоборот прибавит еще 10 трлн. долларов к сегодняшней сумме долга.

Так что по этому вопросу, да и по многим другим, Америка сегодня действительно серьезно расколота. Приход Трампа и его инициативы еще больше разъединили американское общество по партийному признаку, по принципу идеологическому, различию в подходах к проблеме государственного регулирования, да и по вопросам самих методов реформирования экономики.

Из всех сфер, оказавшихся в поле зрения Трампа-реформатора, особый интерес представляет энергетика. Я уже упоминал об этом выше. Повторюсь еще раз. Это очень важно, потому что его стремление обеспечить энергетическую независимость США раскрыло то, что, по сути дела, многие годы и десятилетия было законсервировано: возрождение и расширение сети нефтепроводов, разработка угледобычи даже в заповедных зонах. Изменение политики США в этом вопросе может повлиять и на их внешне-политическое поведение.

Я должен завершать свое выступление. У американских президентов есть давняя традиция реализации своих инициатив через бюджетные послания, минуя законы или законопроекты, которые вносятся в Конгресс. Что и сделал Трамп. Когда подавалась бюджетная заявка в Конгресс, то не все, но ряд из перечисленных выше инициатив были растворены в ней. Так делали многие президенты. В свое время Р. Рейган пользовался такой уловкой и достаточно удачно, так поступали и другие.

Обратите внимание на бюджетную заявку администрации Трампа, поданную в 2017 г. Она исходила из резких сокращений (на 10–30%) финансирования почти всех федеральных ведомств, большинства внутренних программ и даже Государственного департамента. Вместе с тем, заявка эта предполагала увеличение

(на 6–10%) федеральных расходов (прямых и косвенных) на Министерство обороны, Министерство по делам ветеранов, Министерство внутренней безопасности, главным образом на охрану границы, на строительство стены на границе с Мексикой.

Как же Конгресс отреагировал на нее? В целом – отрицательно. Инициативы администрации по сокращению социальных программ не были поддержаны. Так что, Конгресс действительно был, есть и остается мощным корректором инициатив главы американской администрации. И это признак того, что проводить свою политику в жизнь Трампу будет непросто.

На этом оптимистическом выводе я, наверное, остановлюсь в надежде на то, что мои коллеги дополнят меня и скажут то, о чем не было сказано. Спасибо большое!

Thank you, Aleksandr Aleksandrovich. Good afternoon, dear colleagues! Indeed, we have been holding forums in this or that place on an all too regular basis and discussing various aspects of Donald Trump's policy and his presidency, though the presidential elections that he had won took place not so long ago. It is no coincidence that we do it, as many observers believe the personality of this President, his intentions and electoral campaign look somewhat extraordinary.

The concept that we call Trump's «program» also looks unusual to some extent. Aleksandr Aleksandrovich was right when he mentioned that one could hardly argue about Trump having some logical economic or political program, while analyzing his behavior during the primaries. Trump chose a very easy method of talking to electorate, which guaranteed quick success. Having focused their attention on several problems, he would offer very simple and radical solutions, which caught the fancy of many Americans. People often say that radicalism is the key threat for solution of any problem. Let us see how the situation will unfold in the future, and whether Trump will be able to offer quick and profound solutions to these problems.

Naturally, one can hardly call the ideas that Trump has come fore with a real program. Taking a look at his predecessors, we will see that they had

chosen a different approach. First of all, I would mention Ronald Reagan who indeed had a program developed by conservative think tanks. Reagan's program included a theoretical part (albeit a bit controversial), and the sections dealing with the implementation of ideas and approaches chosen for each of the problems. Trump has nothing of the kind. The thing we call «program» – or, maybe, the contours of his philosophy – was made public only after he had won the presidential elections. These are six areas of activities published on the White House website. These sum up all what Trump had said during the electoral campaign.

At the forefront of this list, we see the energy plan, aimed at guaranteeing the energy independence of the USA. The second section is devoted to the foreign policy targeted at securing the American leadership in the world. The third part comprises Trump's statements dealing with economic growth, creation of jobs, and bringing production back to the USA.

Among them, we see a bold plan of creating 25 million new jobs within the next decade and securing the annual economic growth rate of 4%. This paragraph also includes one of the main recipes for solving all problems – tax cuts. This third position probably is the central one in the policy that Trump is pursuing and is likely to pursue.

The fourth section is about the revival of the country's military power. It seems to dwell upon military problems. At least, it directly concerns the budget and identifies the priorities among Trump's approaches to budget policy.

The fifth paragraph deals with the role of the US law enforcement community, problem of guarding national borders, upgrade of the border control system, and construction of a wall on the border with Mexico. All these tasks, naturally, require money.

Finally, the sixth position of Trump's «list» deals with the problems caused by trade agreements. Previous speakers have already mentioned that Trump is not a fan of globalism, but a supporter of protectionism, which seems to have become a thing of the past, and opponent to various international treaties (for instance, Trans-Pacific Partnership – TPP).

The key areas of activities that Trump's administration offers to the American society have no theory behind them. I think that Trump belongs to the category of presidents who are guided by their personal

experience: «Well, the very life prompts this line of behavior, so I will act accordingly.» Everybody knows that it was the basis another President – Franklin Delano Roosevelt (though being a Democrat, not a Republican) – had built his policy on. He actually used the recipes suggested by Keynes, yet did not realize it (at a certain stage).

In what way is Trump's program being implemented? From the very first day of his presidency, the new head of state started demonstrating to everybody that it was not for nothing that he won the presidential elections, as he was guided by the idea of making America great again. Almost every two days, he would sign execution orders, more often in the form of decrees or memorandums. As is known, these are the documents that the president is entitled to issue independently, bypassing the Congress. By the way, such behavior is fraught with a serious enough hidden threat.

During the primaries, Trump would criticize Obama's healthcare reform most of all, and his first strike was delivered on this very system. Right after the inauguration, the new President signed a decree on suspending some provisions of Obamacare. Then, the second document followed. It envisioned the implementation of ambitious infrastructure projects. One more decree was devoted to the methods of upgrading the immigration practice and safeguarding cross-border security. One of the measures lay in building a wall on the border with Mexico.

Some documents were about combatting terrorism, while a separate decree was devoted to the US financial system regulation. There was a document dealing with the plan of reforming the state governance system. Trump's goal lies in eliminating red tape, optimizing the system of administrative regulation, and reducing federal employment.

Parallel to this, the American administration realizing the significance of legislative activities started working on the development of a dozen of draft bills, which actually replicated the subjects of Trump's decrees, in order to submit them to the Congress gradually and formalize the President's initiatives in the form of laws. The officials would develop draft bills on tax reliefs and simplified taxation system for the middle class, on combatting the transfer of production abroad, on American infrastructure, on the abolishment of Obamacare, on national security, on combatting corruption and lobbyism. By the way, we remember that Obama also talked about combatting lobbyism at

the very start of his presidency. But how serious are these intentions? The whole system of political power in the USA is based on lobbyism, as the American society is a classic society of group interests.

What can be said about the implementation of Trump's numerous initiatives? Certainly, it is too early to come to any conclusions. Traditionally, the first results are summed up after the first 100 days of the president's rule.

As for Obama's healthcare reform, Trump understands that it cannot be cancelled at one blow, so the administration has chosen a different approach – the way of dismantling the system step by step. This idea was present in the very first decree issued by Trump, which was devoted to suspending some provisions of Obamacare. Such an approach obviously includes some reasonable elements, if Trump's policy can be considered a reasonable and careful course at all. In general, it is rather difficult to assess the effect of Obamacare as the program was expected to bear fruit only in early 2020s.

This smooth dismantling was aimed at gradual exclusion of American pensioners at the age of over 66 from the category that the system applies to, doing away with the idea of implementing Obamacare in 2020–2021, gradual refusal from the system of tax payments to the federal budgets for the subsequent subsidizing of medical insurance for people enjoying this right, and gradual reduction in the number of employable citizens who are entitled for medical insurance within the framework of Obamacare system.

However, it is just the beginning. The prime objective lies in replacing this reform by some other, which has been already nicknamed «Trumpcare» (though it does not exist yet). With regard to this issue, serious enough battles are expected in the Congress. Yet, it is evident today that there will be no return to Obamacare. It means that Trump has already started putting his cherished dream, i. e. dismantling Obamacare, into practice.

The immigration problem has also become a focus of Trump's interest. As a matter of fact, the Obama administration had started trying to solve the immigration problem, which is intrinsic to America, several times. The restrictions on immigration and its regulation have always been the key elements of state policy in the USA. That is why one of the first decrees Trump issued dealt with guarding borders and

immigration. This document led to negative response among a substantial number of Americans, especially the residents of large cities, which had been long considered shelters for illegal immigrants. Moreover, Trump repeatedly warned these cities that in case such practice continued, they would be deprived of all kinds of federal donations.

The administration's activities lead to an unprecedented response on the part of society. Probably, no other Trump's decision triggered such negative attitude. The feedback came from the courts as well, and the revised version of the decree was issued shortly. However, the negative attitude towards Trump's immigration policy on the part of American society has not changed in general.

Naturally, the country needs better immigration legislation. The attempts of Obama administration to upgrade immigration legislation failed. His concept of it turned out to be so controversial that the Congress voted it down, and Obama started introducing some elements of the bill by way of issuing decrees. One can hardly say what Trump will do. One thing is clear – the room for maneuver that the new President has is rather narrow.

I would rather dwell upon one more of his election pledges – bringing production back to the USA. Right after his advent to the White House, Trump met the CEOs of three major automakers and called upon them to bring the production back to the USA. Initially, the response of some of them seemed to be positive. However, such response is based on trust and can guarantee just some singular effect. One can hardly pursue any focused policy for a long time by way of just calling upon manufacturers to bring their subsidiaries and money back to the USA and create new jobs in the country. Business needs certain motivation.

Understanding it, Trump signed a new decree in April – the one on supporting workers and manufacturers. Its meaning is simple: buy the goods of American origin and produce them in the USA. Put it differently, it is aimed at building up the domestic production, creating new jobs, and raising the domestic spending in order to widen the tax base inside the country.

According to Trump and his followers, however, the key «bait» for making the corporations bring back their enterprises to the USA is the tax system beneficial for business. Tax cuts and simplified taxation

system – these measures should make the entrepreneurs interested, according to Trump.

Some speakers have already mentioned isolationism. It is clear that when we speak about this phenomenon, we mean the classic isolationism of 1930s, and the isolationists whom Woodrow Wilson and Franklin Delano Roosevelt came fore against. Trump's isolationism is the phenomenon of a different type, the one of the 21st century. This term can probably be used, yet let us ask the following question. What will isolationism look like in the conditions of globalization? This question obviously requires insight and thorough understanding.

However, Trump has presented himself as modern American isolationist, adversary to globalism in the form it exists today, and supporter of trade protectionism from the very beginning. It was no coincidence that he attacked TPP and NAFTA, though he did not get so tough on NAFTA as on TPP. Trump is the opponent of multilateral contacts believing bilateral relations to be more useful. However, he has not yet built the schemes of such bilateral contacts.

It can be seen on the example of Trump's attitude towards China, the foreign economic policy of which he does not like. However, it has turned out later that it is possible to come to agreement with China on the basis of some mutually beneficial deal.

It is evident that Trump's rule will be the presidency of some updated bilateral agreements and contacts, which – as the experience of relationships between the USA and China shows – may be based on a sort of compromise allowing them to solve some economic problems, on the one hand, and tied to the solution of some political problems, on the other hand.

One more moment of great importance that I have mentioned already. I mean the idea of infrastructure projects that should play the role of a binding link in the activities of his administration.

When Obama was President, he would repeatedly say about the need for «repairing» America, as America had not been renovated for a long time. He meant motor roads, power plants, etc. – i. e. the infrastructure built over the past decades that had become outdated and even worn out. However, his calls remained mere words. It is not that they were just declarations by nature, but the problem turned out to be really very difficult.

The idea of replacing infrastructure that Trump has come fore with today also seems to be a bold variant of solution to this problem. Speaking at the Congress, he announced his intention to work out a plan aimed at attracting \$1 trillion worth of investments for construction and reconstruction of motor roads, bridges, tunnels, ports, etc. The main idea of this suggestion looks quite simple: it is about renovating the outdated facilities, creating new jobs for unemployed, and solving this way one great problem and many minor ones, instead of just meeting one major challenge. Moreover, the issues that will be resolved are to include both economic and social ones.

One more idea lies in the fact that this large-scale project is to be implemented on the conditions of private-public partnership. However, this intention immediately triggers the question of whom the facilities to be renovated belong to, the one on partnership shares of the state and business. Trump hopes that the implementation of this project will stimulate economic growth. We see that the President looks forward to shifting the responsibility for solving many problems off the federal government's shoulders onto those of American business.

Naturally, in case of successful implementation, this project could really become a sort of «locomotive» for both construction industry and other sectors. It would activate many social processes in the country. Yet, it is all about a great idea being suggested without an action plan worked out in detail behind it. Though Trump said about the existence of a certain infrastructure renovation plan, it has turned out that the ready proposals that money could be allocated for are missing. The media mention a list of 50 facilities located all over the country, yet there is another list including 300 facilities.

This issue is still at the stage of discussion. The authorities of states are concerned with submitting the applications for the facilities that could be entered on the project list. The criteria for the facilities have been developed. Each of them should meet certain requirements – the facility ought to either be completed to 30% (in terms of engineering and designing operations), or allow for the growth in production on the territory of the USA. One more criterion lies in the facility being important for the country in terms of national security. However, the issue is still at the stage of discussion.

It has been reported about the White House demanding that each state (depending upon its size and economic strength of course) should submit a list of 3–5 such infrastructure facilities for the federal authorities to choose 1–2 of them later. So the process of selecting the facilities for this large-scale and ambitious reconstruction program is ahead.

Finally, we come to the tax policy and tax reform. I have already mentioned that Trump plans the tax reform as a powerful tool for making the American business more active. The issue in question is certainly the one on cutting taxes. For the first time over many years, the specialists started talking about the Laffer curve, which had been often mentioned in 1980s, when Ronald Reagan was the President. At that time, the economists argued that the tax cuts would raise the tax base and tax collection rate, instead of reducing them. Trump, no doubt, views the tax policy as a sort of «drive belt» for carrying out economic reforms.

It stands to mention that all previous administrations had embarked on some steps in the fiscal sphere. Obama also tried to carry out a tax reform, though it was smaller in scale. The most ambitious tax reform envisioning the review of fiscal legislation had been the one Reagan carried out in 1986, which seriously simplified the taxation system. By the way, Trump looks very much like Reagan in this regard, as the list of his suggestions includes reducing taxation rates, tax cuts in general and deregulation.

Trump's tax reform suggests a tangible drop in the top rate of federal tax – from 35% to 15%. It is also planned to cut the corporate profit tax and the rates of individual taxes, as well as reduce their number from 7 to 3.

The promise of tax cuts is the most expected pledge from any Republican president. However, Trump also suggests a measure that does not look so popular – the phase-out of various deductions from income tax. There is a longstanding practice of tax deductions in America, when medical expenses are deducted from the tax payer's taxation base. The abolition of legacy tax is also envisioned. According to the calculations made by members of Trump's administration, the tax cuts will raise fiscal performance. The reform is planned for decades ahead. Trump's team promises that the incomes of budgets of all levels are to grow by \$6 trillion over the next 40 years. However,

Trump's opponents believe that the President's plan will, on the contrary, add another \$10 trillion to the present amount of national debt.

Thus, as far as this issue and many other issues are concerned, America really looks seriously split today. The advent of Trump and his initiatives have split the American society even more in terms of party affiliation, approach to the problem of state regulation and methods of carrying out economic reforms.

Among all spheres that Trump has focused on as a reformer, the energy industry is of particular interest. I have already mentioned it. It looks very important, as Trump's aspiration for the USA energy independence has actually opened the «floodgates» conserved previously. I mean the reconstruction and extension of oil pipeline network, and development of coal mining industry even in wildlife areas. Changes in the US policy as to this area may affect the state's behavior on international arena.

I have to conclude my presentation. The American presidents follow a longstanding tradition of implementing their initiatives through budget messages bypassing the draft bills submitted to the Congress. This is exactly what Trump has done. When the budget request was submitted to the Congress, some of the aforementioned initiatives were «dissolved» in it. Many presidents did the same. For instance, Ronald Reagan succeeded in taking advantage of this trick.

Please pay attention to the budget request of Trump's administration submitted in 2017. It was based on serious (by 10–30%) cuts in expenses for almost all federal agencies, the majority of domestic programs and even the Department of State. At the same time, the document envisioned increase (by 6–10%) in federal expenses for the US Department of Defense, Department of Veterans Affairs and Department of Homeland Security (mainly for guarding the borders and building the wall on the border with Mexico).

How did the Congress respond? In general, the response was negative. The initiatives dealing with reduction of social programs were not backed. Thus, the Congress has always been and remains a powerful «corrector» for the initiatives suggested by the head of state. It shows that it will not be easy for Trump to pursue his line of policy.

I would rather settle upon this optimistic conclusion in the hope of my colleagues adding what has not been mentioned. Thank you very much!

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА Д. ТРАМПА

TRUMP'S ECONOMIC PROGRAM

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

*Член Координационного Совета
Международного Союза экономистов,
советник Президента Российской
Федерации, вице-президент ВЭО
России, академик РАН, академик РАЕН,
д.э.н., профессор*

S.Yu. GLAZ'EV

*Member of the Coordinating Council of
the International Union of Economists,
advisor to the President of the Russian
Federation, vice-president of the VEO of
Russia, Academician of the Russian
Academy of Sciences, Academician of the
Russian Academy of Natural Sciences, Dr.
Sc. (Econ.), professor*

Спасибо, Александр Александрович. Валерий Николаевич сделал очень интересный доклад. Большое спасибо. Я даже почувствовал какое-то deja vu, потому что план Трампа по многим позициям совпадает с нашими проектировками: рабочие места к 25- году – у нас примерно столько же, только высокотехнологичных, но он, наверно, тоже имеет это в виду. Энергетическая независимость – у нас недавно было энергетическая сверхдержава. Разница только в том, что 4% роста ВВП на 4% инфляции, но, судя по всему, эти планы постигнет такая же судьба, как и наша. Поэтому риторика здесь – мне кажется, сама по себе вещь занятая, но главный вопрос – как же все это будет реализовываться.

И мне кажется, что в этой программе есть серьезное внутреннее противоречие. Оно связано с тем, что если вы глобальный лидер, то зачем вам энергетическая независимость? Для амери-

канцев была создана прекрасная модель: американские корпорации контролируют нефтеторговлю, технологии нефтедобычи, рентные доходы экспортеров нефти формируются в долларах, доллар работает на нефть. То есть у них, по сути, замкнутый цикл энергоснабжения, который позволял и нефть иметь, и ренту иметь внутри американской финансовой системы. И никаких признаков беспокойства в течение десятилетий эта модель не вызывала.

То же самое касается протекционизма: если вы лидер, то зачем вам протекционизм? В странах, которые самые конкурентоспособные, которые доминируют в мире, никогда особо не были обеспокоены протекционизмом. Только на закате Британской империи они начали протекционистские меры в 30-е годы. Чем это закончилось, мы знаем. То есть мне кажется, что этот протекционизм очень слабый с точки зрения возможности эффективной реализации. С другой стороны, он, конечно же, популистский. Если разобраться, в чем же, собственно, признаки этого протекционизма в программе Трампа, как она реализуется, то мне кажется, что ссылка на Трансатлантические соглашения, от которых он отказался – здесь дело не в протекционизме. Василий Николаевич Сильвестров больше меня разбирался в этой тематике, но, в моем понимании, в этих соглашениях про модернизацию внешней торговли большого продвижения нет. Главный смысл этих соглашений – это демонтаж национального суверенитета в области хозяйственных споров, то есть это отказ, по сути дела, от национальной судебной системы, от национального права в пользу непонятных международных трибуналов, которые будут работать, по всей видимости, в интересах транснациональных корпораций. Поэтому здесь не столько экономический, мне кажется, протекционизм у Трампа, сколько инстинктивный страх перед распадом американской государственности. Если американские корпорации, несущие в себе европейский и китайский капитал, выйдут из-под контроля американских судов, то эта американская правоохранительная и судебная система может столкнуться с мощным напором транснационального капитала, который будет крушить американскую государственность, так же, как уже сокрушил ее в других странах, опираясь на американскую поддержку.

Экономическая политика – это всегда была сумма интересов. И здесь с точки зрения того, что делает Трамп, мне кажется, нет ничего принципиально нового. Все как нас учили в свое время, даже в советских учебниках писали, что американская властвующая элита – это некая сумма лоббистов, лоббистских мощностей военно-промышленного комплекса, топливно-энергетического комплекса, прочих и так далее. При всей условности такого подхода, по всей видимости, ожиданий того, что Трамп что-то серьезно меняет в экономической плоскости, незаметно. Более того, при том, чтобы стать популистом, на самом деле он взял курс, судя по всему, на урезание социальных расходов, как вы говорили, на монетаризацию. Как бы он ни говорил, обмен здравоохранения на монетаризацию в пользу монетаризации не спасет планиду государственного долга. И это тоже забавным образом плохо коррелируется с тезисом о борьбе с коррупцией, потому что, судя по всему, самая большая коррупция как раз в Пентагоне имеет место по масштабам. То есть программа аполитичная. Судя по тому, что было сказано, ничего принципиально нового по сравнению с предыдущим периодом экономической политики, за исключением снижения налогов, которое идет в противовес нарастающей бюджетной несбалансированности, но в этом тоже нет ничего нового.

Но вместе с тем что-то идет не так в американском обществе. Вроде бы принципиально ничего не меняется, но политическая напряженность не только не спадает, она, видимо, усиливается. Американская демократическая система дает сбой в том смысле, что сначала Трамп говорил о том, что он не подчинится, если выберут Клинтон, а теперь пресса не подчиняется Трампу, и такое ощущение нарастающего хаоса. И здесь, мне кажется, надо как-то более детально разобраться в конфликте интересов и противоречиях внутри американской властвующей элиты, которые влекут за собой всю эту нарастающую напряженность.

Александр Александрович в своем вступительном слове сказал, что экономика в основном в порядке, американская инновационная система действительно самая мощная в мире. Насчет демократии, видимо, все-таки там идет крен к авторитаризму по тем шагам, которые делает Трамп. Если она в порядке, то тогда получается, что те рецепты, которые делают американские фи-

нансовые власти, а именно беспредельный рост государственного долга, политика количественного смягчения, эмиссионное кредитование нарастающего дефицита бюджета – все это вполне нормально для этой модели. Вопрос только в том, насколько долго она может существовать в ситуации такой несбалансированности. А сбалансированности, судя по всему, ожидать не приходится.

Мне кажется, что, по сути, Трамп понимает, что в рамках этой несбалансированности долго продержаться невозможно, но тем не менее не в состоянии изменить курс, который сложился до него. И к сожалению для нас, это курс нарастающей американской агрессивности. Причина этой нарастающей агрессивности лежит в том, что американская властвующая элита теряет гегемонию мира, на контрасте с хаосом в США, во всяком случае видимым нарастающим хаосом, Китай поступательно и четко реализует свою стратегию. На днях, вы знаете, они предложили, по сути, новую модель мирохозяйственных отношений, где табуируется всякое вмешательство во внутренние дела, табуируется претензия на унификацию миропорядка, каждая страна имеет право самостоятельно строить любую экономическую модель, все вместе думают и сотрудничают во взаимных интересах. И на этом фоне, по всей видимости, нервозность американской властвующей элиты будет нарастать.

В заключении хочу сказать, что очень интересно было бы, может быть, проработать какие-то сценарии дальнейшего развития событий в американском истеблишменте. Дело в том, что когда Америка была гегемоном и даже при Советском Союзе она абсолютно лидировала в западном мире, контролируя две трети экономики планеты, на фоне устойчивого экономического роста все эти внутренние противоречия между производственным сектором, финансовым сектором размывались. Экономический рост позволял развиваться и промышленности, и финансовому сектору. Если раньше было, что то, что выгодно для General Motors, тоже выгодно и для США, то теперь вопрос – то, что выгодно JPMorgan или Goldman Sachs, выгодно ли это США – большой-большой вопрос. И эти финансовые пузыри плюс космополитический характер финансовой олигархии, некоторые креативные деятели, которые уже перебираются, открыто об этом деклари-

руя, в Юго-Восточную Азию, и компрадорская часть американской элиты не прочь поменять место ведения своего бизнеса, она и так уже во многом находится в офшорах. Для реального сектора экономики в рамках этой модели особых возможностей для развития нет в ситуации экономического спада. Сможет ли Трамп выйти на 4% роста ВВП? Очень большое сомнение, удастся ли им связать эту финансовую пирамиду, и направить хоть каким-то образом финансовые потоки в инвестиции... Это Трамп пытается делать... Вот Валерий Николаевич говорит о том, что всем дано задание по инвестиционным проектам.

Это, кстати, напоминает китайскую модель, потому что вся китайская система управления ориентирована на рост инвестиций. Причем важен именно рост и возвратность. Там вопрос эффективности стоит на втором плане. Внедрение этих элементов китайской модели в американскую систему может сработать, конечно, если удастся связать эти финансовые пузыри и от них какие-то потоки направить в реальный сектор, но это уже другая экономическая модель, она требует очень серьезных институциональных реформ, о которых речь пока не идет. Это планирование такого достаточно системного контроля за движением денег. Или эти финансовые пузыри лопнут до того, как капитал воплотится в новейших технологиях и обеспечит экономический рост в достаточном объеме. Все это пока совершенно непонятно. И мне кажется, что тема очень интересная и заслуживает дальнейшей разработки.

Спасибо.

Thank you, Alexandr Alexandrovich. Valery Nikolayevich has made a very interesting presentation. Thank you. I have even felt a sort of déjà vu, as Trump's plan is in line with our projecting in many positions: we expect to create approximately the same number of jobs by 2025, yet high-tech ones, though he probably means the same. Then comes energy independence – we have recently talked about energy superpower. The only difference lies in 4% of GDP growth per 4% of inflation rate, yet it appears that these plans will suffer the same

fate as ours did. That is why the rhetoric looks interesting, yet the main question is how the plans will be implemented.

It seems to me that his program suffers from serious self-contradiction. If the country is a global leader, what does it need energy independence for? The Americans have developed a wonderful model: US corporations control oil trade, oil extraction technologies, while rent incomes of oil exporters are denominated in the US dollars and therefore depend on this currency. In fact, they can boast of having a closed cycle of energy supply, which allows them to have both oil and rent inside the American financial system. This model has shown no signs of alarm over the past decades.

The same refers to protectionism. If the country is a global leader, what does it need protectionism for? The competitive states dominating in the global market have never been concerned about protectionism. The British Empire started introducing protectionist measures only at the stage of decline, in 1930s. We all know what the outcome has been. It seems to me that this protectionism looks weak in terms of effective implementation. On the other hand, it is certainly a populist plan. If we investigate into the features of protectionism suggested in Trump's program, look at how the program is being implemented, and take into account his reference to Transatlantic Agreements, we will see that it is not really the case of protectionism. Vasily Nikolayevich Silvestrov has gained better insight into this topic, yet there is no serious progress, as far as the agreements on modernization of foreign trade are concerned, to my mind. The core of these agreements lies in dismantling of national sovereignty in the field of economic disputes, i. e. waiver from the national system of justice, and the national rights in favor of some obscure international tribunals, which are likely to work for the benefit of transnational corporations. That is why what we see is not so much economic protectionism, as the instinctive fear of possible collapse of the American nationhood. If the American corporations, which are in the same boat with the European and Chinese capital, slip out of the US courts' control, the American law enforcement and judicial system may come across a powerful pressure on the part of this transnational capital that will start destroying the American nationhood, like it has smashed down the nationhood of other countries drawing on the support of the USA.

Economic policy has always been a sum of interests, so there is nothing new in what Trump is doing, in my point of view. It is just what professors taught to us in the past. It was written in soviet textbooks that the American ruling elite is a group of lobbyists representing the military-industrial complex, fuel and energy sector, etc. Though such an approach looks conventional to a large extent, it does not seem that Trump will introduce serious changes in the field of economic policy. Moreover, despite his populism, he has actually set a course for cutting social spending and monetization. However that may be, exchanging healthcare for monetization will hardly save the state from the burden of public debt. Besides, such policy is in poor correlation with the thesis on combating corruption, as it is Pentagon that accounts for the major share of corruption. Put it another way, the program is indifferent to politics. Judging by what has been said, it contains nothing new if compared to the previous economic policy, except for probably the tax cuts as opposed to the increasing budget imbalance, yet there is nothing new in the latter measure as well.

Meanwhile, something is wrong with the American society. Though it looks that no serious changes have been introduced, we do not see the decline in tension. Moreover, the escalation of it is observed. The American democratic system stumbles. First, Trump says that he would not obey if Clinton is elected, and now the media hammer Trump, so there is a feeling of growing chaos. It seems to me that we should take a closer look at the contradictions existing inside the American ruling elite, the conflicts of interests which lead to this escalation of tensions.

In his introductory speech, Alexandr Alexandrovich said that the economy is in good shape in general, while the American system of innovations is really the most powerful one in the world. As far as democracy is concerned, a certain shift to authoritarian system is observed, at least judging by the steps Trump is making. If the economy is in good shape, it appears that the recipes suggested by American financial authorities – unlimited rise in public debt, policy of quantitative easing, emission crediting of increasing budget deficit – are quite appropriate for this very model. The only question is how long this system can get on in the conditions of such imbalance, as one can hardly expect any balance from the look of things.

I think it is actually clear to Trump that it is impossible to hold out long in the conditions of imbalance, yet he cannot change the course that has been set before. Unfortunately for us, this course is increasingly aggressive. The reason behind such aggression lies in the fact that the US ruling elite is losing global leadership as China is firmly pursuing its strategy on the background of chaos reigning in the USA. As you may know, they have recently suggested a new model of global economic relations taboos any type of interference in other states' internal affairs, and any claims for unification of world order. According to this strategy, every country is free to build any economic model, while all of them work together on the basis of mutually beneficial cooperation. On such background, the nervousness of American elite is likely to increase.

In conclusion, I would like to say that it looks interesting to think over some scenarios of future developments in the American establishment. The fact is that when the USA dominated on the global arena, and even in the time when the USSR was still strong, America was an absolute leader in the West controlling two thirds of the world's economy. Internal conflicts between the production and financial sectors were eroded on the background of sustainable economic growth. The economic growth enabled both the industry and financial sector to develop. Prior to that, what was good for General Motors was good for America. Today, the situation is different, as whether what is good for JPMorgan or Goldman Sachs is good for America is an open question, taking into account all these financial bubbles and the cosmopolitan nature of financial oligarchy. Some of its representatives openly declare their intention to move to the South-east Asia. Those belonging to the comprador part of American elite do not mind to change the place of their business. Moreover, even now they run business in offshore areas to a large extent. In the conditions of economic decline, there are few development opportunities for the real sector within the framework of the said economic model. Will Trump be able to achieve 4% of GDP growth? I have strong doubts, as he has to bind this financial pyramid directing financial flows to the domain of investments. That is what Trump is trying to do. Valery Nikolayevich mentioned that he entrusted tasks dealing with investment projects to all members of his administration.

By the way, it looks like the Chinese model as the Chinese system is focused on investments. The growth and return on investments are things that make the difference, as the issue of efficiency is on the back burner. Introduction of these elements of Chinese model to the American system may actually work if the people from Trump's administration manage to bind these financial bubbles and direct some cash flows to the real sector. Yet, it is a different economic model requiring serious institutional reforms, which are out of the question so far. It requires planning a sort of systemic control over the monetary movement. Otherwise, the financial bubbles will burst before the capital is able to translate into new technologies and ensure sufficient economic growth. Thus, the situation is absolutely not clear so far. However, I think that the topic looks interesting and deserves being studied.

Thank you.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРЕЗИДЕНТА ТРАМПА

PRESIDENT TRUMP'S ECONOMIC POLICY

Ю.Н. РОГУЛЁВ

Директор Фонда Франклина Рузвельта по изучению США, заместитель заведующего кафедрой новой и новейшей истории МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент

Yu.N. ROGULEV

Director of the Franklin D. Roosevelt Foundation for the study of the USA at Moscow State University, Deputy Head of the Department of the modern and contemporary history of the MSU, Cand. Sc. (Econ.), associated professor

Спасибо большое. Мне, конечно, непросто выступать с точки зрения экономической политики, во-первых, потому что Трамп был избран как не политик, и это главная причина его избрания. И в Америке его называют «apolitical non-politician», неполитичный антиполитик. Так что говорить в этом смысле об экономической политике тоже вряд ли можно. Я вполне согласен с Валерием Николаевичем. Американские экономисты сейчас так же в шоке, как и политологи, и другие представители американского общества. В шоке от чего? Причем здесь наметилось такое явное противоречие. Кстати говоря, бизнес-сообщество очень благожелательно относится к Трампу. Наметилось такое противоречие: бизнесмены относятся к его идеям благожелательно. Если посмотреть на все графики роста стоимости акций, с февраля-месяца они буйно растут, причем растут даже самые дорогие акции. В общем, все акции в цене растут, и все интервью, которые

берут у представителей бизнеса – это очень позитивные интервью в отношении Трампа. А все экономисты – они, конечно, в шоке. Они говорят, что да, действительно некоторые его предложения – волне традиционные, в духе supply-side economics, экономики предложения, похожей на подход Рейгана, но при этом их даже близко сравнивать нельзя, потому что у Рейгана политика была основана на экономической доктрине, говорят они. Действительно, Валерий Николаевич об этом правильно рассказал. А что у Трампа? Американские экономисты называют его предложения списком пожеланий бизнеса, что его придворные бизнесмены оформили список пожеланий, ему дали, и вот он этому списку пожеланий следует.

Поэтому, конечно, мне представляется, что сейчас как-то оценивать его шаги и перспективу очень сложно. Почему? Потому что он столкнется в большими препятствиями, по реализации своих идей. Если обобщить, то существуют три базовые экономические идеи нынешней администрации. Превая, дерегулирование экономики, включая отмену Обамасаре и включая отмену ограничений для бизнеса в энергетическом секторе, в природоохранном секторе и еще в ряде случаев, в ряде таких областей, включая... Кстати говоря, здесь возникал вопрос дисбалансе, в том числе финансовом, может быть Трамп использует какие-то финансовые потоки и переключит их на инвестиции, но он ведь выступает и за дерегулирование финансового сектора. То есть после Обамасаре у него следующая цель – отмена или поправки к закону Додда-Франка о регулировании финансового сектора. Вторая идея, проведение налоговой реформы для уменьшения налогового бремени для бизнеса. И третья идея, реализация крупных национальных инфраструктурных проектов.

Все экономисты видят очень большие противоречия в его подходах. В частности, если ты выступаешь за дерегулирование и сокращение налогов, то как можно одновременно предлагать принятие широкой программы по обновлению инфраструктуры... Здесь звучали цифры, характеризующие масштаб инфраструктурных проектов, – 1 трлн долларов. Президент Трамп действительно предлагает, чтобы половина этого, 500 млрд долларов, правительство выделяло из федерального бюджета. Надо сказать,

что объективные обстоятельства и бюджетные ограничения будут серьезным препятствием для реализации этой идеи. Кроме того перед администрацией будут стоять в полный рост политические проблемы, потому что и по вопросам здравоохранения и по инфраструктурным проектам у демократов и республиканцев противоположное мнение. Да, демократы тоже выступают за инфраструктурные проекты. Действительно, они были частью плана Обамы, плана по выводу американской экономики из кризиса, и Обама видел этот вывод в необходимости расширения вполне традиционных для демократов общественных работ с государственным финансированием.

Трамп предлагает другой подход, отличающийся от подхода демократов. Он предлагает соучастие государства и бизнеса в этих проектах. Ему тут же говорят: а как это соучастие будет работать? Ведь его практически невозможно его реализовать. Почему? Потому что в Америке на самом деле очень мало платных дорог, основная инфраструктура принадлежит государству, поэтому деньги должно выделить государство. Никакого партнерства и соучастия здесь не получится, потому что это государственная собственность. А те структуры, те объекты, которые находятся в совместной собственности или в частной – они очень малочисленные. Так что инфраструктурные проекты, с моей точки зрения, совершенно не проработаны, план вряд ли сработает.

В этом же плане финансовое дерегулирование вряд ли поможет ликвидировать дисбаланс американской экономики, против которого Трамп выступал в ходе избирательной компании. А дисбаланс очень серьезный. Я, конечно, согласен с тем, что американская экономика постиндустриальная. Но все-таки можно ли считать нормальным положение, при котором 40% прибыли всего частного сектора приходится на одну отрасль – финансовую, за которой следом идут все информационные и IT компании. И это мне напоминает это одну юмористическую передачу на американском телевидении. Ведущий этой передачи пытался рассмотреть эти проблемы с сатирической точки зрения. Он говорил: «Вот все говорят – постиндустриальная экономика. А что такое постиндустриальная экономика?» Кто был главным нанимателем рабочей силы в частном секторе в индустриальный период? Gen-

eral Motors. А какая средняя зарплата была в компании General Motors в современных долларах? Около 50 долларов в час. А кто теперь крупнейший наниматель рабочей силы в постиндустриальной экономике? Это торговая сеть Walmart, как наш Ашан или Перекресток. Walmart – пресловутая компания, часто критикуемая в США за политику низкой заработной платы и отказ от признания профсоюзов. У нее заработная плата лишь на 50 центов превышает минимум заработной платы, то есть 8 долларов в час. И этот ведущий говорит: «А что такое 8 долларов в час? Я себе могу позволить на 8 долларов в час только комнату в ночлежке, да и то ее надо с бомжом делить». Вот вам постиндустриальная экономика.

Поэтому когда мы здесь рассуждаем об этих перспективах, все-таки это тоже надо учитывать. Все люди не могут работать в банках, все люди не могут работать в Facebook, все люди не могут работать в Google, которые не производят материальной продукции.

Америка лишилась 34% своих рабочих мест в индустриальном секторе. Это, конечно, большие потери. И в этом смысле надо сказать, что Трамп, конечно, не первый президент, который задумывался о возврате рабочих мест. Обама, между прочим, тоже пытался это сделать. Он приглашал Стива Джобса, когда тот был жив. Apple, вроде крупнейшая американская корпорация, но все производство расположено в Китае. Там работает порядка 700–800 тыс. китайцев на производстве продукции Apple. Зарегистрирована компания в Ирландии, платит там 5% налога. Обама сказал: «Неужели мы не можем перенести ряд производств телефонов или планшетов в США?» Джобс отвечал: «Можем перенести. А где мы возьмем 30–40 тыс. инженеров, которые наблюдают за этим производством в Китае?» В результате того, что индустриальный сектор просел, высшее образование Америки уже не готовит в таком количестве технических специалистов, инженеров. Он прямо сказал: «Тогда вам придется приглашать сюда инженеров-китайцев. Рабочую силу еще можно обучить за месяц-два, за полгода, а технических специалистов? Значит, мы должны будем их приглашать». Так что это не такое простое дело.

И, конечно, когда здесь возник вопрос, что происходит с Америкой, что не так, все-таки люди-то это чувствуют. Действитель-

но, если мы посмотрим основу американского общества – это средний класс. А вот средний класс на протяжении уже многих лет, с 70-х годов, если посмотрите графики, он численно сокращается. Вот здесь правильно Александр Александрович упомянул о снижении доходов домашних хозяйств. Средний класс количественно сжимается. То есть то, что мы считали всегда и американцы справедливо считали социальным достижением – могущественный, многочисленный средний класс, – мы видим, что он сокращается. Причем за счет того, что растет категория низкооплачиваемых людей в Америке, то есть так называемых работающих бедняков, это вновь для Америки становится большой проблемой. Когда-то в США эта проблема наблюдалась, но это давно и, казалось, эти времена прошли. Так что, конечно, в Америке не все в порядке. И вот эти дисбалансы в экономике, может быть, с теоретической точки зрения выглядят привлекательными. Да, действительно, 40% высокотехнологичная экономика, да, действительно, создаются рабочие места в различных компаниях, но этого явно недостаточно. И, конечно, растут некоторые города, но есть и города, находящиеся в кризисе, причем таких городов десятки: Детройт, Чикаго, Питтсбург. Какой крупный город ни возьми, он находится в кризисе, а Детройт – вообще банкрот. Туда уже приезжают фотографы со всего мира снимать сюрреалистические кадры. Распадающиеся, разрушающиеся шикарные отели и концертные залы, где нет людей и не звучит музыка, вокзал, огромное пустое здание с разбитыми стеклами, откуда поезда никуда не уходят и не приходят, никто не приезжает, никто не уезжает. И это в современной Америке.

Так что, конечно, Трамп на этих проблемах поднялся, поднялся не как политик, а как человек, который отражает эти настроения рассерженного избирателя. А вот демократы, за которых традиционно голосовал рабочий класс – они потеряли все эти голоса. Так что, конечно, будущее его экономической программы у меня лично вызывает большие сомнения, потому что это действительно некий набор разнородных предложений, при реализации которых он столкнется с огромными трудностями. В первую очередь политическими. Конгресс, как правильно подметил Валерий Николаевич, будет рассеивать все эти программы и не горит жела-

нием идти ему навстречу. У него будут бюджетные ограничения, потому что все прогнозируют дальнейший рост дефицита бюджета и госдолга. А что касается вот международных торговых соглашений, то все боятся, что попытки их «исправить и улучшить в интересах США» могут привести к торговым войнам. А торговая война означает что? Рецессия, снижение и производства, и прибыли, и так далее. То есть пока что, хотя бизнесмены реагируют благоприятно на его программу, но экономисты и политики – резко отрицательно.

Thank you very much. It is certainly not easy for me to speak here from the viewpoint of economic policy, as Donald Trump has been elected as non-politician, and it is the main reason behind his election to the presidential position. They call him «apolitical non-politician» in America. In this context, one can hardly talk about economic policy. I fully agree with Valery Nikolayevich. The American economists are as much in the state of shock today as political scientists and other representatives of the US society. What makes them so appalled? I see obvious contradiction here. By the way, the representatives of business community are sympathetic towards Trump. The following controversy is taking shape today: businessmen are sympathetic towards his ideas. If we look at the diagrams showing the rise in stock value, we will see that the shares, even the most expensive ones, have been rallying since February. In general, the stocks are rising in value, while businessmen sound positive about Trump in their interviews to media. As for the economists, they are shocked. They say that, yes, some of his suggestions look traditional, worked out in the spirit of «supply-side economics,» similar to the approach used by Ronald Reagan, yet one cannot even compare these two concepts, as Reagan's policy was based on economic doctrine. Indeed, Valery Nikolayevich was quite right to mention it. What about Trump? American economists call his ideas a list of businessmen's requests. They say that the businessmen belonging to his «court» have drawn up a list of their wishes, handed it over to him, and the president is just voicing the respective ideas.

That is why it seems to me that it is very difficult to assess his current steps and the respective outlook today. Why? The fact is that he will come across serious obstacles on the way of implementing his ideas. Generalizing his plans, we can say that the current administration comes fore with three basic ideas. The first one lies in economic deregulation, including abandonment of Obamacare, removal of restrictions for business in energy sector, environmental sector and in some other fields, including... By the way, the issue of imbalance, including the financial one, has been raised here. It has been said that Trump may use some financial flows and switch them over to investments. However, he calls for deregulation of financial sector as well. It means that after annulling Obamacare, his next goal lies in repealing the Dodd-Frank Act on regulation in financial sector or making amendments to it. The second idea deals with tax reform aimed at tax burden relief for business. Finally the third one lies in implementing major infrastructure projects.

All economists see serious contradictions in his approaches. In particular, how can a leader suggesting deregulation and tax cuts call for adopting a major program on renovation of infrastructure at the same time? The figures showing the scale of infrastructure projects have been voiced here – \$1 trillion. President Trump really suggests that the government should take half of the amount – \$500 billion – from the federal budget. In fact, objective factors and budget restrictions will seriously hamper the implementation of this idea. Besides, the administration will encounter political problems, as the democrats and republicans adhere to opposing opinions with regard to healthcare issues and infrastructure projects. Yes, the democrats back infrastructure projects. These projects formed a part of Obama's plan on steering American economy out of the crisis, and Obama saw the way out in expanding the scale of public works (which is traditional for democrats) with state financing.

Trump suggests a different approach that has nothing to do with the one of democrats. He calls for co-partnership of state and business in these projects. The critics ask how this co-partnership will work, as it is almost impossible to carry such a plan into practice. Why? The fact is that there are very few toll highways in America. The major part of infrastructure belongs to the state, so the state should allocate

funds for renovation. There is no way to use co-partnership here as the infrastructure is state property. As for the facilities jointly owned or constituting private property, they are very few, so the infrastructure projects will hardly work, from my point of view.

In this respect, financial deregulation will also hardly help eliminate the economic imbalance, i. e. the problem that Trump argued against during his electoral campaign. The imbalance looks very serious. I certainly agree with the fact that American economy is a post-industrial one, yet one can hardly put up with the situation when financial activities account for 40% of profits in private sector with IT industry coming second. It reminds me of a comic program on American TV. The presenter tried to consider these problems from the viewpoint of satire. He says: «They say we have post-industrial economy. What is post-industrial economy? What company was the main employer in private sector when we had industrial economy? General Motors. What was the average salary that General Motors paid to employees expressed in present value of dollars? About \$50 an hour. Which company is the main employer today when we have post-industrial economy? The Walmart chain (the company similar to our Auchan or Perekrestok).» Walmart is the notorious company often criticized in the US for its policy of low salaries and refusal from recognizing trade unions. The salaries they pay exceed the minimum wage only by 50 cents, i. e. amount to \$8 an hour. The presenter continues: «What does the amount of \$8 an hour mean? What can I afford having \$8 an hour? Nothing but a room at the hostel for homeless. Moreover, I will have to share this room with a companion.» Here is what the post-industrial economy looks like.

That is why these factors should be also taken into account, when we talk about the outlook. By far not all of the people can find jobs with a bank, Facebook or Google, i. e. the companies that do not manufacture tangible products.

America lost 34% of jobs in the industrial sector. The losses look really serious. In this context, Trump is not the first president to think about winning these jobs back. Obama, by the way, also tried to do it. He even invited Steve Jobs, when the latter was still alive. Apple is the largest American corporation, but all of its production facilities are located in China. These facilities employ about 700,000–800,000 Chi-

nese citizens. Moreover, the company is registered in Ireland and pays taxes there at the rate of 5%. Obama asked Jobs: «Can't we transfer the production of iPhones or iPads to the USA?» Jobs replied: «We can, but where will I find 30,000–40,000 engineers who currently supervise the production in China?» As the industrial sector shrank, the American education system does not train engineers and technical specialists in such numbers. Jobs said unequivocally: «In this case, you will have to invite Chinese engineers to the USA. It takes a month or two to train workers. But what about technical specialists? Thus, we will have to outsource for them.» So the situation is not that easy.

When the question of what happens to America has been raised here... We see that the situation is not that good, and people feel it. Indeed, if we look at the structure of American society, we will see that the middle class is its cornerstone. However, this middle class has been reducing in numbers for many years already, since 1970s to be exact. Alexandr Alexandrovich was right to mention the drop in incomes of households. The middle class is shrinking. The numerous middle class, which the Americans have always believed to be the main social achievement of the USA, is reducing in numbers. Moreover, the category of low-paid employees is increasing in numbers in parallel to this, and it becomes a serious problem for America. This problem was once relevant for the USA, yet it was long ago, and people thought that these times had become a thing of the past. So the situation in America is far from being perfect. This economic imbalance may look attractive from the theoretical point of view... Yes, hi-tech sector accounts for 40% of economy. Yes, the companies create new jobs, yet it is obviously not enough. Yes, some cities grow, yet there are cities featuring the state of collapse. Moreover, there are dozens of such cities – Detroit, Chicago, Pittsburgh, etc. Many large cities are suffering from crisis. As for Detroit, it has gone bankrupt. Photographers from all over the world come there to record surreal videos – dilapidated luxury hotels; concert halls, where one can neither see people nor hear music; the railway terminal, a huge empty building with broken windows that stands idle, as the trains neither arrive nor leave. This is also modern America.

These problems helped Trump win the support of people. Yet, he acted not as a politician, but as a person reflecting the moods of angry

electorate. As for the democrats traditionally winning the support of working class, they have lost these votes. Thus, I have doubts with regard to outlook, to his economic programs, as they are just a set of miscellaneous proposals that are very hard to put into practice. First of all, Trump will face political obstacles on the way of implementing the aforementioned ideas. As Valery Nikolayevich was right to mention, the Congress does not seem eager to make advances to him. He will also face budget restrictions as all experts forecast further growth in budget deficit and sovereign debt. As far as the foreign trade agreements are concerned, everybody fears that all attempts «to improve them for the benefit of the USA» may lead to trade wars. And what does a trade war mean? It means recession, drop in production and profits, etc. So, while businessmen demonstrate favorable attitude towards his program so far, both economists and politicians view it very negatively.

СУДЬБА ИНИЦИАТИВ ТРАМПА

THE FATE OF TRUMP'S INITIATIVES

В.Б. СУПЯН

*Заместитель директора Института
США и Канады РАН, д.э.н., профессор*

V.B. SUPIAN

*Deputy Director of the Institute of USA
and Canada, Russian Academy of
Sciences, Dr. Sc. (Econ.), professor*

Уважаемые коллеги, очень хорошо, что обсуждение тематики связанной с избранием Трампа и его экономической политикой, в частности, перемещается постепенно в сферу профессиональных экспертов, потому что если послушать то, что идет уже в течение полугода на разных каналах телевидения, то это практически дезориентирует людей, потому что в основном мнения высказываются в зависимости от индивидуальных пристрастий. Кто-то любит Трампа, он кому-то симпатичен. Кое-кто полагает, что Трамп почему-то должен любить Россию, многие так считают, но он этого не делает. Другие его всячески ругают. В общем, еще раз спасибо, Международному союзу экономистов, Виктору Наумовичу, что вы проводите такое мероприятие с привлечением людей, которые знают суть дела. После уже достаточно детальных выступлений и доклада Валерия Николаевича и других коллег не так много есть что добавить, поэтому я постараюсь, не перечисляя фактов, о которых было сказано уже много, коснуться, скорее, оценок того, что может произойти и какова может быть судьба инициатив Трампа. Хотя это достаточно неблагодарная

вещь – делать такого рода оценки и предсказания, но, тем не менее, отдельные вещи уже позволяют, мне кажется, высказать такого рода соображения.

Как мы все хорошо знаем, есть два взгляда на экономику: один взгляд исходит из того, что рыночная экономика находится в состоянии неравновесия, другой взгляд – что она находится в состоянии равновесия. Одни говорят, что требуется активное вмешательство государства для того, чтобы привести экономику в равновесие; другие говорят, что нет, сама себя приведет. С точки зрения формальных критериев Трамп, безусловно, относится к республиканско-неоклассической или неолиберальной идеологии, которой обязаны по статусу придерживаться приверженцы идеологии свободного рынка. Но если мы внимательно посмотрим на его инициативы, то мы увидим, что во многих из них присутствуют очень серьезные ограничительные меры, которые на самом деле антирыночные. И это позволяет сделать вывод о том, что Трамп не имеет на самом деле какой-то определенной идеологии. Как коллеги уже совершенно справедливо отмечали, единственное, о чем можно с уверенностью говорить – он приверженец протекционизма и антиглобализма. И вот тот пункт, о котором стоит поговорить, он дает ключ к перспективам его экономического и политического будущего.

Я бы выделил три основных, ключевых направления его политики. Одно направление – это реформа внешнеэкономической деятельности государства, суть которой – возвращение рабочих мест, защита американских производителей, и все, что с этим связано. Второе направление – это налоговая реформа, это ключевое направление, которое всегда проводит в жизнь республиканская партия. Здесь, как верно отмечалось, он во многом копирует президента Рейгана, и это серьезная реформа. Другое дело, насколько она увязана со многими другими направлениями реформ. И третье направление – это реформа регулятивной системы. Опять-таки совершенно справедливо Трамп говорит, что в США существует раздутая бюрократия, совершенно непомерные траты на министерства, на непроизводительные вещи, которых можно, безусловно, избежать. Трамп пытался сократить эти рас-

ходы, но пока не удалось. Но эта идея по-прежнему есть, она витает в воздухе.

И еще то, что касается энергетики и инфраструктурных вещей. Я бы тоже назвал это вполне разумными и обоснованными предложениями. Другое дело, опять-таки, насколько они увязаны в общий контекст всей экономической политики.

На мой взгляд, главное – это его попытка изменить внешнеэкономический формат, вернуть предприятия, компании на территорию США. Здесь говорилось некоторыми коллегами о том, что это необходимо, что это правильно, что экономика теряет рабочие места. Вопрос не в том, правильно или неправильно. Здесь мы упираемся, так сказать, в варианты. Экономика, как известно, может быть, позитивной, может быть нормативной. Так вот, что, мы хотим, что ли, от Трампа, республиканца, рыночника, по сути, какой-то нормативной политики, чтобы он указами, что ли, управлял? Вернул с помощью пусть даже экономических стимулов предприятия в США? Реально это? Нет, уважаемые коллеги, это нереально, абсолютно нереально. И нереально потому, что есть такое явление, как глобализация. О нем много спорят, все видят ее недостатки, издержки, очень серьезные издержки. Но давайте посмотрим все-таки, что является основой глобализации. Это что, просто злая воля каких-то не очень хороших дядей с Уолл-стрита? Это есть, конечно. Американское правительство и бизнес сыграли большую роль в развитии глобализации. Но этот фактор – фактор роли государства – составляет не более трети во всем процессе глобализации. Две трети, на мой взгляд – это факторы объективные. Если оставаться на почве реальности и рыночной экономики, то капитал всегда будет идти туда, где выгоднее, где ниже издержки, выше норма прибыли. И это не может быть в условиях современного мира ограничено какими-то государственными границами. Это первая вещь.

Вторая вещь – это научно-технический прогресс, о котором говорил Александр Александрович. Это тоже вещь интернациональная, в частности, интернет и многие другие направления прогресса. Их нельзя вместить в национальные рамки. Как только вы начинаете ограничивать тот же интернет в пределах национальных границ, вы ограничиваете собственное развитие. Поэто-

му, на мой взгляд, глобализация – вещь, может быть, корректируемая, но необратимая. Поэтому и идея о том, что можно с помощью налоговых льгот, стимулов как-то вернуть предприятия, огромное количество компаний на американскую почву – нереально.

Что касается второго направления, оно более реалистично и вполне прагматично – снижение налогов, что стало, собственно, причиной успеха рейгономики. А ведь рейгономика как бы мы ее ни ругали в свое время, дала очень мощный толчок к реструктуризации американской экономики. Другое дело, как совместить снижение налогов, очень большое снижение, на 30%, для среднего класса, снижение подоходного налога с программой милитаризации и развития инфраструктуры, о которых здесь говорилось. Это можно сделать только тогда, когда вдруг чудесным образом экономика действительно начнет развиваться с темпом 4%. Но это вряд ли произойдет, потому что рост зависит не только от налогов, а, прежде всего, от совокупного потребительского и инвестиционного спроса, который пока еще очень слабый после сокрушительного кризиса 2008–2009 гг.

И третье тоже завязано на второе – это инфраструктура и энергетика. Об этом уже говорилось, не буду повторяться. Думаю, что это необходимые для США вещи.

Я хотел бы высказать еще буквально пару тезисов. Первый тезис о том, как Трамп позиционирует себя в нынешней ситуации. Безусловно, он начинает дрейфовать в сторону истеблишмента. Он понимает, что если он не будет двигаться в этом направлении, то его съедят быстрее, чем он этого ожидает. Мы видим позицию и прессы, и конгресса, и судебной власти, которая легко дезавуирует его указы. Он будет двигаться в этом направлении. Другое дело, уважаемые коллеги, хочет ли уже этого американский истеблишмент. Я позволю себе вольный (мы находимся все-таки в Вольном экономическом обществе) прогноз, что не хочет Трампа американский политический класс. Он ему не подходит и по культуре, и по традициям, и по непредсказуемости. Я не буду, конечно, прогнозировать импичмент, это совершенно необязательно, но то, что все время ему будут пытаться показать на его место, что он не там, где он должен быть – это будет происходить.

Trump and his economic policy is gradually passing into the hands of professional experts, because what has been being said on this subject on different TV channels for half a year already leads people astray as the opinions are voiced mostly on the basis of individual preferences. Some of the journalists like Trump, and are in sympathy with him. Others believe for some reason that Trump should like Russia, yet does not show his affection. Still others criticize him. In general, let me thank once against the International Union of Economists and personally Viktor Naumovich for holding such a forum and inviting people who know the core of the subject. After the detailed presentations and reports made by Valery Nikolayevich and other colleagues, there are few things to be added, so I would rather try to dwell upon what may happen to Trump's initiatives in the future without repeating the facts that have already been mentioned. Making such evaluations and forecasts is a thankless job, yet I think that individual facts enable me to offer this sort of considerations.

As all of us know, there are two points of view on economy. The first one is based on the fact that the market economy is in the state of imbalance, while the supporters of the other point of view say that it is in the state of balance. The first group of experts argues that active interference on the part of state is required, while others say that the market economy will bring itself into the condition of balance on its own. In terms of formal criteria, Trump definitely belongs to those who adhere to republican neoclassic or neoliberal ideology and must therefore support the ideas of free market. Yet, if we look closely at his initiatives, we will see that many of them include serious restrictive measures, which are actually anti-market ones. It allows us to make a conclusion that Trump cannot boast of having any serious ideology. As the colleagues have rightfully mentioned, the only thing that is clear lies in the fact that he is the supporter of protectionism and anti-globalism. This is the point worth talking about as it offers a clue to the prospects of his political and economic future.

I would rather identify three key lines of his policy. The first area is reforming the foreign economic activities of the state. It deals with re-creation of jobs, protection of American producers and all the

things associated with that. The second area lies in the tax reform. It is the key line of policy traditionally pursued by the Republican Party. It has been rightfully said here that Trump tries to copy Ronald Reagan who carried out serious reforms. Another thing is how highly Trump's reform is correlated with other lines of policy. The third area is the reform of regulatory system. Trump rightfully says that the USA suffers from bloated bureaucracy and excessively high expenses for ministries, non-productive activities that can certainly be avoided. The President has tried to cut these expenses, yet failed so far. However, this idea is still there, it is in the air.

One thing more dealing with energy and infrastructure. I would call his suggestions in this field quite reasonable and well-substantiated. Another thing is how well they are correlated with the general context of his economic policy.

To my mind, the main thing is his attempt to change the foreign economic format and bring the companies and production facilities back to the USA. The colleagues here have mentioned that it is the right and necessary measure as the American economy is losing jobs. The issue is not whether it is right or wrong. Here, we bump into variants, so to say. As is known, the economy can be either positive or normative. Do we want normative policy from Trump, who is a member of Republican Party and market-oriented person? Do we want him to rule by way of issuing decrees? Do we expect him to bring the production back to the USA, even with the help of economic incentives? Does it look realistic? No, dear colleagues, it is unrealistic, definitely fanciful. It looks unrealistic, because there is such a phenomenon as globalization. This phenomenon is the topic of heated debates; everybody talks about its downsides and shortcomings, very serious shortcomings. Yet, let us try to identify what forms the basis of globalization. Is it just the evil intent of the bad guys from Wall Street? Well, such intent is present to some extent, as the American government and business have played a serious role in the development of globalization. Yet, this factor – the factor of the state's role – accounts for just one third of reasons behind the process of globalization, while objective factors account for the two thirds of them. Being realistic and looking at the things from the viewpoint of market economy, we understand that the capital will always choose places with lower cost and

higher profits. In the conditions of the modern world, this process cannot be limited by state borders. It is the first thing.

The second one deals with progress in science and technology that Alexandr Alexandrovich has talked about. This progress is an international phenomenon. I mean the Internet and all other technological achievements. One cannot fit them into the national limits. As soon as you start limiting the Internet by national borders, you limit your own development. That is why globalization is the thing that is probably capable of being corrected, yet irreversible. Therefore, the very idea of bringing numerous enterprises and companies back to the USA with the help of tax reliefs and incentives looks unrealistic.

As far as the second line of policy is concerned, it looks more realistic and pragmatic. Tax cuts have become the reason behind the success of Reaganomics, while Reaganomics, though being criticized, gave a powerful impetus to the restructuring of the American economy. Another thing is how one can combine tax cuts – very serious tax cuts, by 30% – for the middle class and reduction in income tax with the program of militarization and development of infrastructure. It can be done only in case the economy starts growing at the rate of 4% with a wave of some magic wand. It will hardly happen as the growth depends upon not only taxation, but the aggregate consumer and investment demand as well, and this demand is still very weak after the devastating crisis of 2008–2009

The third line is tied up to the second one – it deals with infrastructure and energy industry. However, many speakers dwelled upon this topic here, so I would not like to repeat what has been said. I think that these are the things necessary for the USA.

Now, I would like to dwell upon a couple of these more. The first one deals with how Trump presents himself in the current situation. Naturally, he starts to drift towards the establishment. He understands that if he does not move in this direction, he will be gobbled up sooner than he expects. We see the position held by the press, the Congress and judicial power, which easily fend off his decrees. So he will move in this direction. Another thing is, dear colleagues, whether the American establishment wants it. I would rather feel free to make a bold forecast, as the forum is organized by the Free Economic Society. I think that the American political class does not want Trump as

president. According to the establishment, Trump is unfit for this position in terms of culture, traditions and unpredictability. Naturally, I would not forecast his impeachment as it is not necessary, yet they will definitely try to put him on his heels all the time and show him that he is unfit for the presidential position.

**Д. ТРАМП: ОТВЕТ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ
СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА**

**TRUMP: THE CHALLENGE OF BROKEN SOCIAL
CONTRACT**

В.Ю. ЖУРАВЛЁВА

Заведующая сектором внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, к.п.н.

V.Yu. ZHURAVLEVA

Head of the Section for Foreign and Domestic Policy studies, Center for North American Studies, Primakov National research institute of World Economy and International Relations (IMEMO) Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Politics)

Я хотела продолжить и немножко развить вот эту мысль, которую сказал Александр Александрович – о сломанном социальном контракте. И здесь мне кажется очень интересным, что из себя представляет Трамп в этом смысле. Я его называю таким просто придуманным названием – удачливый безбилетник. Почему удачливый? Потому что, с одной стороны, он пришел на волне вот этого социального протеста белого населения. В фокусе этого протеста – так называемый белый рабочий класс, фрустрация этого рабочего класса относительно потерянной Америки, относительно своего потерянного места в социальной структуре. Тот самый термин – «сломанный социальный контракт». Причем здесь интересно: социальный контракт здесь – не только вопрос общественного договора, не только вопрос не растущего семей-

ного дохода, но это и вопрос, во-первых, растущего неравенства, во-вторых, вопрос укороченной социальной лестницы, то есть отсутствие тех возможностей, которые еще в 50-х годах или даже еще 20 лет назад были у белого среднего класса и ниже среднего класса, сейчас их нет. Но этот феномен не 14-го года и не 16-го года. Это процесс, который идет минимум последние два десятилетия. И Трамп – не первый президент, от которого требуют ответа на эту тенденцию. Первым был Обама. Запрос о восстановлении справедливости, запрос об изменении федерального правительства, о повышении его эффективности именно с точки зрения восстановления социальной справедливости был к первому черному президенту. И на самом деле Трамп пришел уже на таком определенном спаде этой волны, потому что те шаги, которые предпринял Обама, плюс выход экономики США из кризиса – они в долгосрочной перспективе должны были привести как раз к каким-то значительным изменениям, которые бы дали ощущение среднему классу, что федеральное правительство исполняет свои обязанности по вот этому социальному контракту. Но поскольку ждать долго, а хочется сейчас, то Трамп вот это желание, чтобы изменения произошли сейчас, как раз смог его использовать. Соответственно, в этом его удача.

Почему он безбилетник? Потому что на самом деле парадоксально, что запрос на справедливость 90% населения, ответом на этот запрос становится тот самый представитель того самого 1%, который и является бенефициарием этого сломанного социального контракта. И, соответственно, вопрос, а возможно ли такое, чтобы человек, который выигрывает от изменений, мог бы принести мир, принести этим 90% то, что они хотят. И плюс насколько вообще его экономическая программа способна восстановить этот социальный контракт. Мне кажется, что здесь сомнения, связанные... во-первых, его экономическая программа в своем фокусе, в основе – республиканская программа, и республиканская программа со всеми базовыми ценностями, которые уже давно не воспринимаются обществом как раз как инструмент восстановления социальной справедливости. Плюс у меня есть очень большие сомнения, что вообще у кого-то, не только у Трампа и не только в Соединенных Штатах, но и у политиков,

которые сталкиваются ровно с теми же вопросами в Европе, есть ответ на этот вопрос, насколько государство сейчас способно помочь гражданам, которые в условиях этой глобализационной волны выброшены из своих комфортных социально-экономических условий, насколько у государства вообще есть новая модель встраивания человека в новые социальные условия.

И в связи с этим я думаю, что Трамп – это только начало трансформации системы в целом и начало трансформации этого социального контракта, потому что восстановить его вернувшись назад, как предлагает Трамп, нельзя. Нужен какой-то новый рецепт, которого у него нет, как мне кажется. По крайней мере, пока его нет.

I would like to dwell upon and slightly develop the idea raised by Alexandr Alexandrovich – the one about broken social contract. And here, the issue of what Trump is like in this respect seems interesting to me. I call him a sort of «lucky free-rider.» Why lucky? It is because he has come to power riding on the wave of social protest on the part of white population. The so-called «white working class» is in the focus of this protest. They are frustrated about the lost America and the loss of their place in the country's social structure. Here we can use the very term – «broken social contract.» It is interesting that social contract here comprises not only the issues of social convention, and family income that does not grow, but the ones of growing inequality and shorter social ladder as well, i. e. the loss of all what the white middle class and people standing lower in hierarchy could boast of in 1950s and even 20 years ago. Now, these things are missing. However, this phenomenon did not emerge in 2014 or 2016. It emerged in the process that has been going on for the past two decades as minimum. Moreover, Trump is not the first president who demands this trend to be addressed. Obama was the first. The requests to restore justice, introduce changes to the federal government, and make it more efficient from the point of view of restoring justice were addressed to

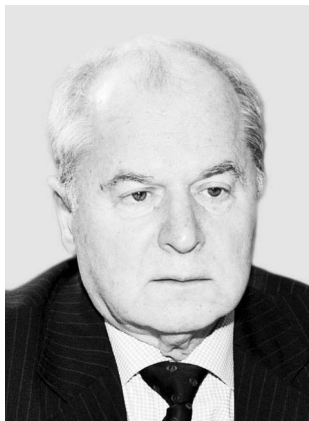
the first black president. In fact, Trump has come to power on a certain subsidence of this wave, as the steps taken by Obama, plus the recovery of the American economy from the crisis should lead to significant changes in the long term, the changes that would show to the middle class that the federal government meets its commitments as far as the social contract is concerned. Yet as the people do not like to wait, but want all the aforementioned things here and now, Trump has managed to take advantage of the situation. That is what his luck is about.

Why is he a free-rider? It is a paradox that the demand for social justice voiced by 90% of the population has led to power a person belonging to the very 1% of people who benefit from the broken social contract. Consequently, one can raise the question of whether the leader who benefits from the situation can bring to these 90% of people what they want. To what extent in general is his social program capable of restoring this social contract? I have doubts here... First, his economic program is based on that of the republicans with all its basic values that have long ceased being perceived by the society as the tools for restoring social justice. Besides, I strongly doubt that not only Trump and the American administration, but politicians who deal with these issues in Europe as well are capable of offering an answer to this question. I doubt that they can answer the question of whether the state is capable of rendering aid to its citizens, who have been ousted from their comfortable socio-economic conditions by the wave of globalism, and to what extent the state has a new model of adapting people to the new social environment.

In this context, I think that Trump's advent is only the beginning of the system's transformation in general, the start of transformation of the aforementioned social contract, as it is impossible to have this contract re-issued by way of coming back, as Trump suggests. They need some new recipe, yet Trump does not have one, I think. At least, such a formula is missing so far.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ РОССИИ
КОНЦА XX И НАЧАЛА XXI ВЕКОВ:
ПРОГНОЗ И РЕАЛЬНОСТЬ**

**RUSSIA'S ECONOMIC PROGRAMS
IN LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES:
FORECAST AND REALITY**

М.А. КОРОБЕЙНИКОВ

Член Совета по аграрно-продовольственной политике и природопользованию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, вице-президент, академик Международной Академии менеджмента, главный научный сотрудник Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

M.A. KORUBEYNIKOV

Member of the Council for Agrarian and Food Policy and Environmental Management at the Federation Council, Member of Coordinating Council of the International Union of Economists, Vice-president, academician of the International Academy of Management, Chief Research Associate at the Institute of Economics under the Russian Academy of Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Econ.), professor

Тема сегодняшнего «круглого стола», несомненно, представляет для нашей страны определенный интерес, поскольку внутренняя и внешнеэкономическая политика Соединенных Штатов Америки, как нашего главного соперника в мире, имеет для нас

большое значение. Однако это совершенно не значит, что мы должны давать оценки экономической программы Трампа, которому только 29 апреля исполнилось сто дней с момента вступления его в должность президента США. Наши же средства массовой информации, политики, политологи всех мастей – навешали Трампу всех «собак», как касающихся его пока несуществующей экономической программы, так и не касающихся, – традиционно обычных госпрограмм Президентов США.

Более того, и об этом говорят свыше 200-летняя история развития США, что экономическая политика этого государства с приходом нового Президента мало меняется. Она, как правило, совершенствуется с приходом нового главы государства и прежде всего с учетом новых условий в стране и в мире и, естественно, с мнением Президента. Однако сам Президент США мало, что может решить самостоятельно, без Конгресса.

Так, недавно Москву посетил знаменитый американский дипломат Джек Метлок. При Рональде Рейгане он работал специальным помощником Президента и старшим директором по делам Европы и СССР в Совете национальной безопасности США. Затем в 1987 году был назначен послом США в Москве. В июне 1991 года предупреждал Горбачева М.С. о зреющем против него заговоре, но не был услышан. Господин Метлок дал интервью газете «Аргументы недели», где он особо заметил: «Не надо думать, что он (Трамп – М. К.) может делать все. Его первые инициативы сейчас совсем застряли, потому что не получили согласия в Конгрессе или в результате решения судов. Полномочия Президента Соединенных Штатов очень ограничены. Если федеральные судьи решают, что указы не соответствуют Конституции, они их просто отменяют».¹

К сожалению, у нас все далеко не так. С приходом нового руководителя страны, как правило, стараются радикально навязать новую экономическую политику. Причем, в форме радикальных реформ, которые не совсем удачно обоснованы и продуманы. Поэтому они малоэффективны, не доводятся до конца и переходят в очередные реформы. «Зуд» реформирования особо присуще стал

¹ Аргументы недели. № 17 (559) 4-10 мая 2017 г., с. 3

для нашей страны с приходом к власти в СССР М.С. Горбачева и получил свое развитие в постсоветские времена.

Уже в начале 1980-х годов для советского руководства были очевидны технологическое отставание СССР от экономически развитых стран и неконкурентоспособность большинства отечественных товаров на мировом рынке. По мнению М.С. Горбачева, положение могло спасти только радикальная экономическая реформа.

Концепция ускоренного социально-экономического развития, выдвинутая в начале 1986 года, предусматривала грандиозные цели. Так, к 1990 году страна должна была увеличить объем производства продуктов питания в 2,5 раза, а к 2000 году удвоить промышленный потенциал и решить жилищную проблему. Как этого достигнуть, реформа не давала ответа. Без энтузиазма встретил горбачевские инновации и гигантский бюрократический аппарат. Да и сам М.С. Горбачев, когда при встречах с народом его просили дать ответ, что же такое перестройка? Он отвечал так, что, дескать, дожили до того, что надо все перестраивать. Вот в этом и заключается смысл перестройки. Одним словом, ответ ни о чем. Он сам мало имел представление об этом. И очень быстро стало ясно, что в неумелых руках реформы, их непродуманностью и обоснованностью, не только не дают результата, но и приводят к ухудшению социально-экономической ситуации в стране. Приход Горбачева к высшей власти и «перестройка» послужили решающим событием, которое вторгло нашу страну в состояние кризиса и краха, из которого мы не вышли и по сегодняшний день.

Кризисная ситуация в нашей экономике продолжается уже 25 лет. Сначала проведения целой серии непродуманных экономических реформ, которые построили Россию в мировую экономическую систему лишь сырьевым придатком. Отсюда наши сегодняшние серьезные проблемы.

Однако власть свою (либеральную) экономическую политику менять не собирается. По-прежнему ориентируется на сырьевую экономику, прогнозы ученых-либералов-рыночников. В этом году рыночным реформам в России исполняется также 25 лет. Построили ли мы рыночную экономику? Конечно же – нет! Почему

же другие страны бывшего соцлагеря, которые вместе с нами встали на путь социально-экономических перемен, преуспели больше? А Китай, сохранив коммунистическую партию и роль государства в экономике – развил успешно и рыночные отношения в тех отраслях, которые в своей основе имеют рыночную природу. Сегодня ВВП Китая превышает российский в 6 раз.

Мы же сделали сразу же крупнейшие ошибки. Нельзя было допускать снижения роли государства, вводить воровскую приватизацию, строить пирамиды ГКО (государственных краткосрочных облигаций), а также вопиющее неравенство доходов. Когда нефть стоила сумасшедшие деньги – 100–120 долларов за баррель, нужно было инвестировать эти средства в развитие реального сектора экономики, создание новых, прогрессивных технологий и предприятий. А что было на самом деле? Обыкновенное, беспардонное обогащение определенной кучки крупных бизнесменов-олигархов, олигархических компаний в форме госкорпораций, поддерживаемых структурами государственной власти. Что, собственно, и привело к обнищанию населения и создало не цивилизованный рынок, а дикий базар капитализма образца XIX века.

В этой связи всегда возникает извечный русский вопрос: «Кто виноват, и что делать?». Ответ на первую часть вопроса давно известен: «Те, кто уполномочен сегодня принимать правильное экономическое решение». В первую очередь власть всех уровней, а затем и ученые-экономисты, и управленцы, которые должны ответить на вторую часть вопроса. Но, к сожалению, власть пока использует в своей деятельности ученых-либералов правого уклона и фактически не обращает внимание на прогрессивных ученых-государственников, способных внести серьезный научный вклад в развитие реальной экономики страны.

И вот опять, по-прежнему, в апреле текущего года несколько экспертных центров представили в Правительство РФ очередные (уже сбились со счета) прогнозы развития отечественной экономики на ближайшие годы – это ученые Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара (ИЭП) и Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) – ректор Мау. Удивительно как это обошлось без ученых Высшей школы экономики – главного центра монетариз-

ма и либерализма. А вот ученых экономических НИИ Российской академии наук почему-то власть игнорирует все последние годы.

Что же предлагают экономисты-либералы? При построении базового сценария своего прогноза экономического развития на ближайшие два года они исходят из предположения, что среднегодовая цена на нефть составит 50 долларов за баррель в текущем году и поднимется до 60 долларов в 2018-м. Опять наступаем на те же самые «грабли», ничего не видим дальше своего носа.

Среднегодовой обменный курс рубля к доллару в этом варианте, составит 59,2 руб./долл. в нынешнем году и 57,7 руб./долл. – в 2018-м. Реальный эффективный курс рубля вырастет на 6,6 и 5,3% соответственно.

У всех прогнозов (ИЭП, РАНХиГС, МВФ, Минэкономразвития) одна особенность – скромные темпы экономического прироста на 1,5–2%. Более весомых успехов российская экономика может достичь при активном проведении структурных реформ. Однако базовый сценарий МЭР предполагает, что значительных результатов реформ ждать не стоит.

Тем не менее, глава Минэкономразвития подчеркнул, что «на данном этапе подготовки прогноза предлагаю использовать базовый сценарий, содержащий в себе безопасные консервативные оценки для начала подготовки законопроекта о бюджете на 2018–2020 годы».

Вообще совершенно ясно, что развитием экономики страны и принятием кардинальных решений, управлением ею должны заниматься два субъекта – чиновники всех уровней и ученые-экономисты и управленцы. В этом плане интересно сравнение нынешней ситуации с тем, что было, к примеру, во времена позднего СССР. Вот уже, действительно, ученые-экономисты пытались тогда предложить властям то, что помогло бы предотвратить скатывание экономики в кризис. Да, не все получалось. Власти затянули принятие радикальные решений. Но экономическое исследовательское сообщество чувствовало запрос на собственную деятельность, и оно старалось сделать все, на что оно было способно.

Ничего подобного нет сегодня. Конференции, экономические форумы, конгрессы проводятся, но востребованность того, что говорится на них учеными, остается весьма низкой, а реакция

властей – нулевая. Получается так, что ученые проводят между собой чашки, рвут души, портят свои нервы, а результат – ноль. Фактически так же работают и экспертные советы. Что мы знаем о деятельности Экспертного совета при Президенте Российской Федерации, о его составе? Практически ничего.

Кстати, за рубежом привлечение ученых-экономистов к выработке правительственных решений существует не на бумаге, а вполне реально. Хорошо поставлена работа с экспертами на самом высоком уровне в Китае (они, кстати, привлекают и лучших экспертов из других стран). Мы тоже привлекаем ученых других стран. Но это, как правило, ученые-либералы-монетаристы, навязывающие нам западные модели управления экономикой. Причем их зарплаты отличаются от наших ученых в десятки раз. И поэтому наши лучшие умы покидают страну, – и достаточно успешно работают за рубежом.

А ведь давайте посмотрим на тот факт, что наивысшего успеха наше государство достигло в 60–80-е годы прошлого века, когда СССР лидировал в освоении космоса, создании атомной промышленности. Это была социально привлекательная держава и одновременно общество, пораженное экономикой дефицита. И правильно пишет профессор Александр Аузан: «Такое противоречие привело к появлению транзитного тренда». Предложу гипотезу: в 90-е годы мы перешли не к рыночным демократическим системам, а от экономики дефицита к обществу потребления... Стали заимствовать западные институты, но они не прижились в России или же не изменяли свою природу. Долго боролись за закон о банкротстве, а потом обнаружили, что он оказался замечательным инструментом рейдерского захвата.

Отсюда моя вторая гипотеза: мы имеем вполне совершенные экономические, определенного вида институты, позволяющие узкой группе граждан управлять экономикой государства для собственной выгоды и препятствующие остальным извлекать для себя выгоду из участия в экономических отношениях...

Третье. Сейчас возникает один вопрос. Куда дальше идти? Как сделать, чтобы страна, имела большие задачи, лидировала в научно-техническом, экономическом и социальном творчестве? Нельзя ли, решая задачу сытости, одновременно вернуться к во-

просу о долгосрочных целях развития? Это и есть главная развилка сегодняшнего дня».²

Полностью согласен с мыслями, высказанными профессором А. Аузаном. К сожалению, мы привыкли оглядываться на Европу и Америку, о чем бы речь ни шла: экономике, образовании, науке, здравоохранении и т.п. А зачастую придуманные там модели копируем, не давая себе труда просчитать последствия, соотнести их с учетом российских реалий, и получаем на выходе отрицательный эффект. Экономика, наука, образование, здравоохранение разрушены.

Приведу, как пример, что стало с российским здравоохранением. Правильно считают эксперты, что врачи, оказывающие медицинские услуги, в условиях рынка заинтересованы в максимальном их спросе, то есть в количестве больных. И в обществе потребления не может быть иначе, если врач – продавец, а пациент – покупатель. Это, конечно, не нормально: здравоохранение – все же социальный институт, а пациент не должен быть покупателем, убеждены другие эксперты. Кто прав, и в чем здесь разница? И какое здравоохранение сегодня в России: рыночное, государственное? Каким должно быть? Сегодня ответа на это нет. А ведь здоровье человека – это главный стратегический потенциал любого государства. И советская модель здравоохранения, также как науки и образования, отвечала этому требованию.

Сегодня советская модель находится на службе европейцев и кубинцев. Так, маленький «бедный» сосед США – Куба за 2016 год занял первое место в системе качественных показателей общественного здравоохранения в мире и получил высокую оценку Всемирной организации здравоохранения. При этом финансовый вклад в охрану здоровья граждан у них несравнимо меньше. Если на охрану здоровья одного американца в год тратится свыше 9 тысяч долларов (при этом 46 млн граждан не застрахованы), то на кубинца – около 600 долларов в год.

Когда исследователи начали изучать кубинский феномен (проанализированы последние 20 лет), то были сильно удивлены таким прогрессом. А объяснение простое: кубинцы в здравоохра-

² «РФ Сегодня». 51 2016, с. 54-55.

нении используют профилактическую модель – модель «медицины превентива». Когда главное – не лечить болезнь, а создать такие условия, чтобы люди не болели. На Кубе сохранили и развили советскую систему здравоохранения. Мы же в результате так называемой «оптимизации медицины» – фактически ее уничтожаем. Не лучшим образом обстоят дела в образовании, науке, да и в экономике. Все это является следствием использования иностранных моделей, приводящих эти отрасли и направления в кризисное состояние.

Нынешний кризис коснулся не только России, он захватил всех. Это связано с тем, что экономики мира переходят к шестому технологическому укладу. Надуваются финансовые пузыри, потому что старые отрасли становятся менее рентабельными, чем отрасли завтрашнего дня, дающие по 30–40% прибыли, а деньги идут туда, где больше прибыль. Но в том то и дело, что, находясь в затяжном кризисе, страны имеют разную динамику погружения в него. В России экономические проблемы воспринимаются более остро и будут усиливаться. Мы не создали пока каналов, которые дают возможность деньгам перетекать в более индустриальные отрасли экономики.

Абсурдность проявляется еще и в том, что мы в своей стране построили спекулятивную экономику, особенно в валютной сфере. Все скачки с долларом – это чистый вариант спекуляции. Валютная биржа приватизирована, отдана на откуп частному капиталу, который играет на ней как хочет. Спекулятивная экономика, как хорошо известно из классической теории и практики, не может существовать долго и без производства государства не будет, так как оно живет тем, что производит. Никто не менял эту систему.

Более того, у нас создана система беспрепятственного вывоза капитала за рубеж. Когда речь идет о вывозе прибыли инвесторов, никто не возражает. Но – не денег, полученных путем спекуляций.

Шанс, что Россия останется в списке тех стран, которые не смогли перестроиться, весьма высок. Потому что на вопрос, что делается для того, чтобы обеспечить конкурентоспособность страны в будущем, ответ пока отрицательный. Все до сих пор на-

деются, что случится чудо, нефть опять подорожает и заживем как прежде. Нужен реальный антикризисный план, а не тот, который предложило Правительство РФ, основываясь всегда, как правило, на фантастических допущениях, что все будет хорошо.

Нынешняя Антикризисная Программа Правительства РФ – это мертворожденный проект использования устаревших методов централизованного руководства, с использованием некоторого зарубежного опыта, с учетом проблем, связанных с мировым экономическим кризисом. Но слабо учитывающая суть российского экономического кризиса, заключающегося в том, что ни одна из противоборствующих сторон не способна его разрешить мирным путем. Слушать и слышать друг друга за последние постсоветские времена разучились. Россия находится в революционной ситуации. Но рано или поздно существует надежда, что наступят времена, когда все проблемы будут разрешаться эволюционным путем. Этого требует сама жизнь на нашей планете. Разум должен возобладать во всем мире, и прежде всего, мы должны найти общий язык с Соединенными Штатами Америки, ее президентом. Две крупнейшие державы – США и Россия, – должны стать гарантом мира и взаимопонимания на нашей планете. Многое зависит от президентов этих держав. В.В. Путин готов к такому решению вопроса. Есть надежда и на Президента США – Д. Трампа, который недавно заявил некоторым злопыхателям: «Слушания в Сенате о влиянии на выборах в США» – фарс, устроенный за счет налогоплательщиков». Хотелось бы верить, что надежда умирает последней.

The agenda of the present «round table» is definitely of certain interest for our country as the domestic and foreign economic policy of the USA, our main rival, is of great importance to us. However, it does not mean that we should appraise the economic program by Donald Trump, as April 29 marks only a hundred days since his inauguration as the US President. Nevertheless, Russian media, politicians, and political scientists of various hues have already started discussing

the issues dealing with his non-existent economic program and programs traditionally implemented by any US President.

Moreover, the history of the USA, which extends back over 200 years, shows that the advent of new President leads to no serious changes in the economic policy of this state. When every new head of state comes to power, this policy is being improved as a rule with due account for the new domestic and international situation, as well as the opinion of the President himself. At the same time, the US President cannot take any serious decision independently, without the approval of the US Congress.

Recently, Moscow has seen a visit by famous American diplomat Jack Matlock. During Ronald Reagan's presidency, he worked as Special Assistant to the President and Director of European and Soviet Affairs at the US National Security Council. In 1987, Matlock was appointed the US Ambassador to Moscow. In June 1991, he warned Mikhail Gorbachev about the conspiracy being plotted against him, yet he was not listened to. Giving an interview to *Argumenty Nedeli*, he said: «One should not think that he (Trump – note by the author) can do whatever he wants. His first initiatives have got stuck either because of the Congress refusing to give its consent, or due to court decisions. The authority of the US President is very limited. If federal judges think that the President's decrees are not in compliance with the Constitution, they just annul them.»³

Unfortunately, the situation in Russia is absolutely different. With the advent of every new leader, the authorities try to impose radical changes and new economic policy on the country as a rule. Moreover, it is done in the form of radical reforms, which are often poorly thought through and therefore ineffective. The «itch» of reforms became especially strong with the advent of Mikhail Gorbachev and gained momentum in the post-soviet period.

Technological inferiority of the USSR if compared to economically developed countries and non-competitiveness of the majority of domestic products in the global market were obvious for the soviet government back in early 1980s. According to Gorbachev, only radical economic reforms could change the situation for the better.

³ Argumenty Nedeli, №7 (559), May 4-10, 2017, p. 3

The concept of accelerated socio-economic development suggested in summer 1986 envisioned ambitious goals. The country was to raise the output of food products by 2.5 times by 1990, as well as double its industrial potential and solve the housing problem by the year 2000. However, the concept contained no answer as to how to achieve such goals. The gigantic bureaucratic machine also treated Gorbachev's innovations without enthusiasm. Moreover, meeting the people, Gorbachev himself was often confused, when asked what Perestroika means. He answered that the country had come to the need for reconstructing everything. Such an answer looked pointless, a crack to nothing. This topic was obviously unfamiliar to the soviet leader. Very soon, it became clear that the reforms carried out by people with unpracticed hands not only failed to succeed, but deteriorated the socio-economic situation. The advent of Gorbachev to power and subsequent «Perestroika» were the events that plunged the country into the state of crisis and collapse. Moreover, even today, we still cannot recover from this state.

Our economy has been in the state of crisis for 25 years already, since the very moment of the start of precipitous reforms, which predetermined the role of a mere supplier of raw materials for Russia. These are the roots of all our present problems.

However, the authorities do not intend to introduce changes to their (liberal) economic policy. The government is still focused on supplies of raw materials and guided by the forecasts of market-oriented liberals. This year, we mark the 25th anniversary of market reforms in Russia. Have we managed to build market economy? Certainly, not! Why are other countries of the former Soviet bloc doing much better, though they have taken the path of socio-economic changes at the same time with us? As for the Chinese, they have even retained the guiding role of the communist party and presence of the state in the economy, yet managed to introduce market relations in the industries that are market-oriented by nature. China's GDP exceeds the Russian one by 6 times today.

We made a number of serious mistakes from the very beginning. The role of state should not have been diminished. We ought not to have carried out thievish privatization, built the pyramids of state treasury bonds and allowed the rampant inequality of incomes to form

up. When the oil prices amounted to \$100–120 per barrel, we should have invested this money into the real sector of economy, creation of new progressive technologies and enterprises. But what happened instead? We saw impudent unlawful enrichment on the part of major businessmen and oligarchs, as well as oligarchic companies in the form of state corporations supported by the state power. Such reforms plunged the population into poverty and created savage capitalism similar to the one of 19th century instead of civilized market.

In this regard, the ages-old Russian question arises: «Who is to blame, and what to do?» The answer to the first part of it is obvious: «Those who are authorized to take the right economic decisions.» This group includes the officials of all levels, economic scientists and managers, who are to answer the second part of the question. Unfortunately, the state listens to the liberal scientists so far and actually pays no attention to what the progressive economists say, though the latter are capable of making a serious contribution to the development of the country's economy.

In April this year, several expert centers once again submitted their forecasts dealing with future development of the Russian economy for the period of the next several years to the Government. These are the scientists of the Gaydar Institute of Economic Policy (IEP) and Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) – Rector Mau in particular. It looks surprising how they could do without the people from the Higher School of Economics – the main center of monetarism and liberalism. As for the scientists working at the economic research institutions of the Russian Academy of Sciences, the authorities have been ignoring them for the past several years for some reasons.

What exactly do liberal economists suggest? While building a basic scenario of their economic development forecast for the next two years, they draw on the average annual oil price of \$50 per barrel for this year and \$60 per barrel for the next year. We seem to run into the same trap again being unable to see beyond our nose.

The average annual exchange rate of ruble to dollar in this variant will amount to 59.2 rubles per \$1 this year and 57.7 rubles per \$1 in 2018. The real effective rate of ruble will grow by 6.6% and 5.3% respectively.

All forecasts (IEP, RANEPА, IMF, Russian Economic Development Ministry) share the same view – modest economic growth rate of 1.5–2%. Russia's economy can achieve more substantial success in case of active structural reforms. However, the basic scenario of the Economic Development Ministry assumes that one can hardly expect serious results.

Nevertheless, the head of the Ministry stressed: «At the present stage of preparation, I suggest we use the basic scenario that contains safe conservative estimates appropriate for drawing up a draft bill on budget for 2018–2020.»

It is clear in general that two categories of people should deal with country's economic development taking serious decisions in this field – state officials of all levels, as well as economic scientists and managers. In this respect, it is interesting to compare the present situation with the one observed in the late period of the USSR. At that time, the economists really tried to suggest some measures that could prevent the slide to crisis. Yes, not all of the results were achieved. The authorities delayed the moment of taking radical decisions. Yet, the economic research community felt the demand for its activities and tried to do its best.

Nothing of the kind is observed today. Various conferences, economic forums and congresses are being held, but the demand for the scientists' ideas remains low, while the state still ignores their concepts. It appears that the scientists hold a sort of get-together parties, toil like galley slaves, wreck their nerves, but the result is equal to zero. In fact, the expert councils work likewise. What do we know about the activities of the Expert Council under the President of the Russian Federation, about its members? Little or nothing!

By the way, the practice of involving economic scientists in the process of working out important governmental decisions does exist abroad, and not only on paper. The practice of working with experts is well regulated in China (by the way, the Chinese invite the best experts of foreign countries as well). We also invite foreign scientists, yet these are mostly liberals and monetarists who impose western models of economic development on us. Moreover, their salaries exceed the ones of our scientists by dozens of times. That is why the top

brains of Russian industry leave the country and work abroad rather successfully.

Let us pay attention to the fact that the most successful period for our state was the one of 1960s-1980s, when the USSR was leading in space exploration and nuclear industry. It was a socially attractive state, on the one hand, and the economy suffering from deficit, on the other hand. Professor Alexander Auzan was right, when he wrote: «Such contradiction has led to the emergence of a transit trend.» Let me suggest an assumption. In 1990s, we did not make a transition to the democratic market system, as it was the transition from deficit economy to consumerist society... We started adopting western institutes, yet they either failed to strike root in Russia, or could not change their nature. We had been promoting the bill on bankruptcy for a long time, but found out later that it was a very efficient tool for illegal takeover.

Hence my second assumption comes in: we have perfect economic institutes that enable a narrow group of people to run the economy for their own benefit and prevent all other citizens from deriving benefit from taking part in economic relations...

Third. The question that has to be answered now is where we should go. What shall we do to enable the country to set ambitious goals and become a leader in high-tech and socio-economic fields? Can we come back to the issue of long-term development goals solving the problem of abundance at the same time? This is the main dilemma of the present day»⁴.

I fully agree with the ideas of Professor Auzan. Unfortunately, we have got accustomed to look to Europe and America whatever field we are dealing with – economy, education, science, healthcare, etc. We often copy western models without even analyzing their possible consequences and taking into account Russian realities, and therefore have to face a negative outcome. Our economy, science, education and healthcare have been destroyed.

Let me mention the Russian healthcare industry as an example. The experts are right to say that physicians rendering medical services in the market conditions are interested in higher demand for them, i. e.

⁴ RF Segodnya. 51 2016, p. 54-55.

the maximum number of patients. It cannot be otherwise in a consumer society, as the doctor turns into a seller, while the patient becomes a customer. Such system is certainly not good, as healthcare is still a social institute, so the patient should not turn into a customer, other experts are sure. Who of them is right and where is the difference? What kind of healthcare system do we have today – a market or state-owned one? What kind of system should we have? There are no answers to these questions. Yet, human health is the key strategic potential of any state, and the soviet model of healthcare system, as well as science and education, used to meet this requirement.

Currently, Europeans and Cubans employ the soviet models and reap all its benefits. In 2016, Cuba – a small and «poor» neighbor of the United States – became the world leader in terms of qualitative indicators in the field of public healthcare, while the country's system was highly evaluated by the World Health Organization (WHO). Moreover, they managed to achieve it with much lower financial contribution if compared to other countries. While \$9,000 a year is spent in the USA for health protection of one citizen (and 46 million citizens have no health insurance), Cuban authorities spend only \$600 annually.

When the experts started studying the Cuban phenomenon (the past 20 years have been analyzed), they were surprised to see such progress. However, the explanation is very simple: the Cubans are using the model of preventive medicine in healthcare. The main thing for them is not treating diseases, but creating conditions preventing the people from falling ill. Cuba has kept and developed the soviet healthcare system. We, on the contrary, are actually destroying it in the process of the so called «healthcare optimization.» The situation in the fields of science, education, as well as in economy, also looks poor. It is the consequence of using foreign models that plunge the aforementioned industries into crisis.

The present crisis affected not only Russia, but all other countries of the world. The fact is that global economies face the transition to the sixth technological revolution. Financial bubbles inflate as the good old industries become less profitable than the ones of tomorrow guaranteeing 30–40% of profit. Thus, the money flows to the sectors with higher profits. Yet, the countries vary as to the dynamics of

plunging into this protracted crisis. In Russia, economic problems are perceived as more acute, and this feeling will become stronger. We have not yet created any channels that enable money to flow to the industrial sectors of economy.

The absurd lies in the fact that we have built a speculative economy in our country, especially in the sphere of currency. All leaps in dollar exchange rate are about speculation alone. The currency exchange has been privatized and now belongs to private capital, so the financial companies dictate the rules of the game. As is known from classic theories, speculative economy cannot live long, while the state cannot exist without production, as it is the only means of subsistence. Nobody has managed to change this system.

Moreover, we have created a system of unhampered export of capital abroad. Nobody objects to exporting the profits of investors, yet such conditions are not applicable to the money gained by way of speculative activities.

There are, unfortunately, many chances in favor of Russia remaining in the list of countries that could not readjust. The fact is that there is still no answer to the question of what is being done to make the country competitive in the future. Everybody still hopes for some miracle in the form of higher oil prices, which will enable us to live like we did before. We need a realistic anti-crisis plan, different from the one suggested by the government, which is based on fantastic assumptions as a rule.

The present Anti-Crisis Program of the Russian Government is a still-born project as it envisions using outdated methods of centralized management jointly with some foreign practices and experience taking into account the problems associated with the global economic crisis. Yet, not enough attention is paid to the very nature of the Russian economic crisis lying in the fact that neither of the opposing parties can settle the dispute amicably. Over the past post-soviet years, the people have forgotten how to listen to each other. We have a revolutionary situation in Russia today. However, there is still hope that sooner or later the time will come for solving all problems in the evolutionary way. Reason should take the upper hand on the planet. First of all, we ought to find common ground with the USA, the new President of the country. The two strongest powers – the USA and Russia –

should become guarantors of peace and mutual understanding on our planet. Much depends upon the presidents of the two states. Vladimir Putin is ready for such a solution. We also have high hopes for Donald Trump, who has recently told the mudslingers: «The Senate hearing on Russia's influence on the results of elections in the USA is a farce organized at the expense of taxpayers.» I would like to believe that hope is the last thing to die.

**XXVI ЕЖЕГОДНОЕ СОБРАНИЕ
ЧЛЕНОВ МЕЖДУНАРОДНОГО
СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ
«МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА:
ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ»**

**XXVI ANNUAL MEETING
OF THE INTERNATIONAL
UNION OF ECONOMISTS MEMBERS
«WORLD ECONOMY:
GLOBAL CHANGES»**

**5 июня 2017 г.
Королевство Норвегия**

БОЛЬШАЯ ЕВРОПА: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ

GREATER EUROPE: INTERNAL AND EXTERNAL SECURITY THREATS

А.А. ГРОМЫКО

*Член Координационного Совета
Международного Союза экономистов,
директор Института Европы РАН,
шеф-редактор журнала «Современная
Европа», Член Президиума ВЭО России,
член Научного Совета Безопасности
РФ и Научного Совета при МИД РФ,
член-корреспондент РАН,
д. полит. н., профессор.*

A.A. GROMYKO

*Member of the Coordinating Council of the
International Union of Economists,
director of the Institute of Europe of the
Russian Academy of Sciences, editor-in-
chief of the magazine «Contemporary
Europe», member of the Presidium of the
VEO of Russia, Member of the Scientific
Security Council of the Russian Federation
and the Scientific Council of the Russian
Ministry of Foreign Affairs, corresponding
member of the Russian Academy of
Sciences, Dr. Sc. (Polit.), Professor*

Остановлюсь на двух крупных проблемах, которые, в свою очередь, имеют многосоставную структуру.

Первая проблема, которой занимаются многие экономисты и в нашей стране, и за рубежом. Это вопрос, который был поднят во

весь рост в течение недавних президентских выборов в США: «мораль и деньги». Феномен Сандерса – это в том числе одно из проявлений этого извечного, видимо, вопроса.

Мировой экономический кризис, разразившийся в 2008 году, его дальнейшие перипетии и метаморфозы поставили целый ряд существенных вопросов. Один из таких вопросов: корень кризиса в деньгах или в человеческой природе? Рыночные отношения растлевают человека или сами страдают от темных сторон человеческой природы? Другими словами, есть ли у рынка мораль? И может ли мораль, в принципе, выжить в рыночных условиях?

Для Милтона Фридмана, олицетворения чикагской экономической школы, или Фридриха фон Хайека, символа Фрайбургской школы, деньги и рынки всегда были не только делом техники, но и элементами определенной веры, мировоззрения, даже философии жизни.

Логика рыночного товарообмена и производства переносилась на политэкономия в целом и на социальные отношения. Стремление к личной выгоде переводилось в категорию безусловной добродетели. Монетаризм воспринимался не источником невзгод, а, напротив, преградой на пути пороков коллективизма. На индивидуализм смотрели не как на причину разрушения межличностных отношений, а как на спасителя свободы от тирании и дороги к рабству, как об этом писал Фон Хайек. Новая Россия в конце 80-х и в 90-е жадно вбирала эти идеи.

Прошло времени, и казалось, что перехлесты неолиберальной волны в 80–90-е годы убедительно показали, что индивидуализм в случае сваливания в рыночную ортодоксию и в рыночный фундаментализм обеспечивает экономический и технологический рывок, но лишь на каком-то определенном отрезке времени. Плюс далеко не в каждой стране.

«Государство – ночной сторож», «невидимая рука рыночных сил», «отбрасывание границ государственного влияния назад» – известные лозунги, но пригодные для относительно коротких мобилизационных рывков, рыночных транзитов. Но всякое саморегулирование, тем более – сложных систем, достаточно быстро, насколько я это понимаю, вырождается. Особенно когда в данном

случае принцип свободы рыночной экономики доводится до абсолюта.

Демонизация инфляции, фетишизация денежных агрегатов стали, на мой взгляд, извращенными воплощениями политики «тэтчеризма» и «рейгономики». Эти и подобные им проекты могут работать вполне эффективно, но опять-таки в нужное время и в нужном месте. Но как только они превращаются в философию жизни, в принцип «во что бы то ни стало», то решение очень быстро превращается в проблему.

Возможно, что такая давняя борьба, я думаю, которую можно проследить по крайней мере с XIX века, индивидуализма и коллективизма – это отражение неизбежности смены циклов производства и циклов распределения. Но догматики обеих религий считают их не балансирами, а воплощениями добра и зла, наоборот, собственно ведут борьбу на уничтожение в интеллектуальном плане друг друга. И не покидает ощущение, что идеологические битвы адептов рыночной ортодоксии, которые давно были отыграны в большинстве стран Запада, не перестают вдохновлять российских монетаристов и неолибералов.

Гипертрофированное представление о свободе воли и – как одна из функций этого представления – свободы денег, на мой взгляд, привели в конце концов мировые финансы к безоглядному дерегулированию денег, колоссальному отрыву денежной массы от реального производства, от реальной экономики. Что достигло пика в конце прошлого десятилетия и вылилось в мировой, не в циклический даже, не в структурный, с моей точки зрения, в системный кризис конкретной модели глобальной экономической архитектуры, как она выстраивалась с 80-х.

Теперь вторая тема. Это тема безопасности в широком смысле этого слова. И под угрозами безопасности я буду понимать в основном традиционные угрозы социально-экономического, политического, военного характера угрозы, как явные, очевидные, так и угрозы в смысле потенциальных рисков неспособности государств или их объединений ответить на ключевые вызовы современности и развития.

Первая модель – биполярность. Это баланс сил и интересов двух сверхдержав. Глобальное управление. Регулирование в тот

период осуществлялось двумя противостоящими друг другу лидерами, которые создали вокруг себя круг союзников, сателлитов и попутчиков. И с точки зрения реализации власти то была модель с двумя вертикалями. Она пришла на смену европоцентризму в международных отношениях, который до тех пор несколько веков был ядром и определял вообще весь ритм и динамику в системе международных отношений.

Вторая модель – это однополярный мир в 90-х как стремление Соединенных Штатов к сохранению статуса сверхдержавы в условиях исчезновения своего визави. Но, как потом оказалось, то была переходная модель, которая на практике не закрепилась. Она предполагала одну вертикаль власти в системе глобального регулирования. И европейские центры силы занимали бы в этой системе еще более соподчиненное место, чем в предыдущую эпоху биполярности.

Третья модель – это евросфера как попытка в первое десятилетие нового столетия вернуть европоцентризм в центр глобального управления. Но на сей раз европоцентризм в международных отношениях предусматривал лидерские позиции Евросоюза, а не Соединенных Штатов, России, Китая или кого бы то еще. И такое лидерство должно было опираться на так называемую мягкую или нормативную силу. Возникло понятие «евросфера», как и однополярность, которая во многом осталась проектом больше на бумаге, чем в реальности. Череда кризисов в Западной и Центральной Европе, которую можно проследить с 2005 года, с так называемого конституционного кризиса в Евросоюзе, практически поставила на этих ожиданиях крест.

Четвертая модель – это полицентризм. В идеале это модель горизонтали власти или сетевого устройства мира. Но, судя по всему, на деле речь идет скорее о диагонали власти, то есть о широком распределении властных полномочий в системе глобального управления, но с сохранением элементов иерархичности и соподчиненности. Другими словами, некий компромисс между вертикалью и горизонталью власти и влияния. Как мне представляется, такая модель больше отвечала бы национальным интересам различных субъектов международной политики вне границ коллективного Запада, в том числе России, Китая и Индии.

Не по форме, но по духу такой полицентризм в чем-то может показаться похожим на «концерт держав» XIX века, который сложился после Венского конгресса 1814–1815 годов. Но полицентризм – это же сегодня явление не региональное, а глобальное. Если он и повлек бы за собой складывание нечто подобного на европейский «концерт держав» XIX века, то ясно, что в нем современные ключевые игроки в «Большой Европе», то есть в Европе от Атлантики до Тихого океана, были бы только частью «мирового концерта».

Конечно, надо сказать, что нет и гарантии того, что модель конструктивного полицентризма, которая опиралась бы на современное международное право, на Организацию Объединенных Наций, безальтернативна. Наоборот, надо понимать, что безальтернативен, насколько я это вижу, сам полицентризм, но не его возможные модели. Точно так же, как бессмысленно бороться с глобализацией просто как с растущей взаимозависимостью мира. Но модели глобализации – это совсем другое дело, они рукотворны. И неолиберальная модель глобализации, возникшая в 80-е годы прошлого столетия, показывает, что она выработала свой ресурс и требует замены. Но эта замена случится, если люди, конкретные организации будут над этой проблемой работать.

Безусловно, чрезвычайно важно и то, что на формирование новой модели системы международных отношений огромное влияние оказывают субъективные факторы. И здесь на поверхность выходит проблема политического лидерства, которая так остро стоит сейчас и в Европе, и в США.

И наконец, в отсутствии и политической воли, и иных благоприятных обстоятельств полицентризм может превратиться и в ничто чрезвычайно неблагоприятное, например, в мир без правил или в мир, где будут сосуществовать несколько конфликтующих порядков. В таком случае не исключен и сценарий деглобализации по аналогии с событиями начала XX века.

Действительно с точки зрения объемов мировой торговли глобализация достигла пика в 2007 году. Потоки товаров, услуг и капиталов взлетели до отметки 53% в мировом ВВП, а затем испытали резкое падение, откатившись в процентах от мирового ВВП до уровня 2001–2002 годов. И затем мы видим неустойчивое

укрепление начиная с 2010 года. Как бы то ни было, в денежном выражении эти потоки увеличились в любом случае на порядок: с 3 триллионов долларов в 1980 году до 30 триллионов в 2014 году.

Теперь несколько слов о форматах, таких несущих конструкциях и элементах безопасности после 1945 года. Это международное право в современном смысле, так, как оно было выработано в недрах Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Это национальное государство как основной элемент системы глобального управления, регулирования. Это социальный рынок или государство благосостояния, которое впервые с размахом было выстроено в Европе после 1945 года.

Это и сдерживающий фактор – оружие массового уничтожения, что привело к установлению стратегического паритета в 1960-е и 1980-е годы. Это, безусловно, 1975 год – закрепление послевоенных границ в Европе в Хельсинки. И в Западной Европе, безусловно, огромную положительную роль оказало историческое примирение в рамках проекта Евросоюз между Францией и Германией.

Со второй половины 1980-х были различные новые идеи, некоторые из которых остались на бумаге, другие в какой-то степени были воплощены в жизнь. Это идеи, как мы все помним, так называемого общего европейского дома, система безопасности от Ванкувера до Владивостока. Это был разоруженческий процесс, мирный дивиденд. Это также концепция мягкой силы. Именно ее Евросоюз подхватил и до недавнего времени считал своим главным ресурсом, до того, как случился, с моей точки зрения, регресс в понимании этого вопроса, и теперь ситуация иная.

Наконец, это концепция региональной интеграции с мощным использованием наднациональных структур или так называемого пула суверенитетов как смирительной рубашки для национализма, который привел Европу в первой половине XX века к катастрофам Первой и Второй мировых войн.

Если рассуждать о мягкой силе, то здесь интересны данные о количестве культурных центров в мире, как они создавались с 2004 по 2015 годы. Когда мы рассуждаем о мягкой силе, речь идет о воздействии на мир с помощью своей привлекательности, культуры, языка и т.д. Китай еще в конце 1990-х вырвался вперед

по количеству создаваемых отделений Института Конфуция, обогнал и Британский совет, и Институт Гете. Новым фактором в этом соревновании мягких сил стала и Россия. По всему миру Русских центров (центров русского языка и литературы), созданных фондом «Русский мир», уже больше 100.

Как в последние годы происходили демонтаж и размывание различных форматов безопасности в Европе? Это достаточно очевидные вещи. Это политика расширения НАТО, умножение числа государств, которые обладают ядерным оружием: Индия, Пакистан и Северная Корея. Это создание в Европе системы ПРО как части глобальной системы ПРО США. После того, как летом 2015 года было заключено знаменитое соглашение международной «шестерки» с Ираном, США все равно приступили к наземному размещению компонента этой системы в Европе, под угрозой оказался Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. В том числе это пример того, как происходит расшатывание системы глобального стратегического паритета.

Далее надо сказать о неоднократном применении нашими западными партнерами военной силы в нарушение международного права: в Югославии, в Ираке, в Ливии, в Сирии. Безусловно, это прецедент проталкивания независимости Косово, одержимость концепцией смены режимов. И другие действия, которые многократно увеличили нигилизм в международных отношениях, в том числе столкнули лбами такие два принципа как право нации на самоопределение и территориальную целостность государств.

Политика расширения не только НАТО, но и Евросоюза, также несла в себе не только элементы расширения зоны стабильности, но и внесение дестабилизирующих элементов. В том числе мы наблюдали, как это происходило в 2014 году на Украине.

Также, безусловно, нельзя не вспомнить о том, как в последние годы активно использовались различные санкционные режимы, в том числе Евросоюзом и в целом коллективным Западом, против нашей страны, фактически прибегая ко все более масштабной практике санкций. Запад своими руками увеличивает шансы на раскручивание процессов деглобализации, которые в первую очередь противоречат его же собственным интересам.

И наконец, на мой взгляд, это проблема неустойчивости и неопределенности политических режимов во многих странах по периметру России, включая и Закавказье, и Центральную Азию, не говоря уже о Ближнем и Среднем Востоке.

Какие основные внутренние вызовы безопасности «Большой Европы» я бы выделил? Это депопуляция, то есть неуклонное снижение числа носителей европейской культуры в десятках стран региона в результате низкой рождаемости. Усиление социально-экономических диспаритетов, как между странами, так и внутри них. Надо сказать, что социально-экономические диспаритеты в мире в целом и в большинстве стран с 2008 года, когда кризис из США, из Великобритании распространился на практически весь мир, только выросли, по статистике.

Безусловно, вызов социально-политической безопасности – это «новый популизм» как последствие тех самых диспаритетов и обеднения широких слоев среднего класса. В результате мы получаем быстрый рост радикальных настроений и политических движений, которые часто смыкаются с экстремизмом, с ксенофобией, расизмом и т.д.

Есть вызовы смешанной, внутренней и внешней природы. В первую очередь – международный терроризм, который в последние годы превратился в доморощенный феномен в Европе. Большинство тех, кто совершают террористические акты, – не приезжие, а люди, которые прожили долго в Европе, а большинство них в Европе родились.

Также грозный вызов – снижение экономической конкурентоспособности, если не в абсолютных, то в относительных темпах, практически всех стран в Старом Свете по сравнению с более быстрорастущими центрами силы.

И наконец, отсутствие полноценной политической субъектности Евросоюза, что заставляет эту организацию все время, по крайней мере до сих пор, встраиваться в кильватер внешней политики Соединенных Штатов, что, как показывает современная история, совсем не в интересах нашей страны.

Кроме внешних и внутренних угроз, естественно, для Европы есть и такие угрозы, которые носят универсальный характер. Это и неконтролируемая миграция, которая с 2015 года захлестнула

страны Евросоюза. Причем этот демографический навес, который угрожает Европе со стороны Африки и Ближнего Востока, никуда не денется в ближайшие годы. Он может быть немного упорядочен и подкорректирован, но эти процессы на много лет вперед.

Если говорить о том, что происходило с 2001 или с 2003 года, предположим, в сфере так называемой войны с международным терроризмом, то факт состоит в том, с 2003 года взлетело число погибших от террористических атак, несмотря на то что Джордж Буш – младший еще в 2001 году объявил эту войну. Но ситуация развивалась абсолютно в другом направлении. События двух последних дней в Лондоне показывают, что эта угроза будет в Европе расти и дальше. Надо понять, какие приоритеты в сфере безопасности у стран Евросоюза и России и надо ли столь много сил уделять противостоянию друг другу, когда за спиной этого декларативного или реального противостояния и наших жителей, и жителей других стран убивают совсем не те, с кем многие стараются бороться в формате так называемой «новой холодной войны».

Итак, в наиболее общих категориях я определил бы следующим образом ключевые внешние и внутренние угрозы для «Большой Европы».

Первое. Это превращение по крайней мере части внешнего мира в более агрессивную для России среду.

Второе. Это ухудшение внешнеэкономических условий с точки зрения экономической модернизации нашей страны и ее социального развития.

Далее это вынужденная политика импортозамещения, которая по крайней мере в ряде отраслей стала давать свои плоды в ближайшие годы. Но насколько системно выстроена эта политика, насколько она вынуждена или насколько она осознанно использует эту ситуацию для модернизации, для диверсификации нашей экономики – лично мне сказать очень сложно.

Затем, необходимость значительного увеличения оборонных расходов и вынужденный пересмотр бюджета нашей страны из года в год с точки зрения трат на социальную сферу – расходов на науку, образование, здравоохранение.

И наконец, мотивация для выработки новых геостратегических подходов, в первую очередь «разворот на Восток», о кото-

ром говорят так много, и запуск ряда экономических мегапроектов в неевропейской части России, в том числе «Сила Сибири». А также стимулирование ряда переговорных процессов, в том числе что происходит в последние два года особенно активно в отношениях между Россией и Японией.

Еще одна тема: выдуманные или реальные угрозы в военном плане. Угроза с Востока или, наоборот, для нас угроза с Запада.

Здесь, если брать по странам, то Россия в 2015 году занимала четвертое место в мире по расходам на оборону, уступая Соединенным Штатам, Китаю и Саудовской Аравии. США опережали Россию по этим расходам в 10 раз, а Китай – в три раза.

Данные расходов на оборону Евросоюза в 2015 году по сравнению с 2014 годом показывают, с каким большим трудом эти страны поддаются милитаризации. Большинство государств Западной и Центральной Европы еще в 2015 году снижали свои военные расходы или оставляли их без изменения, а рост наблюдался только в Прибалтике, Польше, Греции, Португалии, то есть в государствах, которые реально не могут влиять на баланс сил.

По ряду международных прогнозов до 2020 года, в Западной Европе прогнозируется стагнация оборонных расходов и их небольшой рост у Восточной Европы. Но опять-таки, в абсолютных цифрах это достаточно малые величины. По совместным расходам на оборону в Евросоюзе положение дел еще хуже. С 2008 года по 2014 год они переживали снижение.

Велико дублирование используемых систем вооружения в государствах – членах Евросоюза по сравнению с США, что демонстрирует, насколько серьезны проблемы, которые стоят на пути идеи создания так называемой европейской армии. Эта тема активно муссируется в Евросоюзе и вообще на Западе, но думаю, что эта идея далека от воплощения.

Надо сказать, что приведенные данные не означают, что беспокоиться в военной сфере не о чем, и я говорил уже об опасностях расшатывания стратегического паритета в мире. Кроме того, медленно, но поступательно строится фундамент для увеличения не столько военного потенциала Евросоюза, сколько взят курс во многом на его слияние со структурами и потенциалом НАТО. Учитывая, что сейчас главной идеей НАТО вновь стала «угрозы с

Востока», подключение военно-промышленного комплекса Евросоюза к натовским структурам, а следовательно – к их задачам и целям, – в этом есть достаточно большая доля риска с точки зрения военного планирования в России.

Если даже прямой угрозы в военном планировании Евросоюза и НАТО для России на сегодняшний день нет, большой проблемой остается управление, а скорее его отсутствие, по военным инцидентам в Европе. Почти все страны НАТО, которые граничат с Россией, не имеют с ней соглашений о предотвращении опасной военной деятельности и соглашений о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним. Мы все помним ситуацию после того, как был сбит наш самолет на границе между Сирией и Турцией. Тогда в политической штаб-квартире НАТО в Брюсселе атмосфера была наэлектризована. Западные партнеры НАТО, в общем-то, протаскивали своих турецких коллег через строй, потому что они понимали, к чему это может привести.

Заклучить хотел бы тем, что для того, чтобы Россия утвердила себя в XXI веке не только как европейская и даже как евразийская держава, но и как держава, которая претендует на двухконтинентальность, на глобальную роль и в Атлантике, и в Тихом океане, безусловно, ей необходимо стратегическое мышление и попытка выстраивать свои приоритеты и во внутренней, и во внешней политике, опираясь не столько на внутренние политические циклы, но на представление о том, как мир будет выглядеть через 10 или 20 лет.

В этом смысле, если для России «Большая Европа» не будет надежным и устойчивым мегарегионом, то «разворот на Восток» в смысле перенесения тяжести нашей внешней политики будет сопровождаться достаточно высокими рисками. Нецелесообразно реализовывать стратегию развития в каком-либо направлении, если у тебя в прямом и в переносном смысле не обеспечены тылы.

Россию как мощного трансрегионального, а тем более – глобального игрока на Юге и Востоке в полной мере воспринимать не будут, если она не обустроит в первую очередь свой европейский тыл. Россия должна и сама быть неизбежно заинтересована в решении этих проблем, для того чтобы полноценно двигаться на Восток и Юг.

I will dwell upon two major problems, each of them having multi-component structure.

The first problem is the one that many economists, both in Russia and abroad, are studying now. It is the issue that has been raised during the recent presidential elections in the USA – the one of «morals and money.» The phenomenon of Bernie Sanders is another manifestation of this age-old question.

The global economic crisis that broke out in 2008, its twists and turns, have raised a number of existential issues. One of them sounds as follows: «Where does the cause of economic crisis lie?» Is it rooted in money or human nature? Do market relations defile human mind, or suffer from dark side of human nature? Put it another way, are market and morals compatible with each other? Can ethics survive in the conditions of market relations in principle?

For Milton Friedman, who personifies the Chicago Economic School, or Friedrich von Hayek, who represents Freiburg School, money and markets have always been not only technical aspects, but elements of certain faith, world outlook and even philosophy of life as well.

The logic of market commodity exchange and production extended to political economy in general and social relations in particular. The commitment to self-profit was relegated to the category of absolute virtues. Monetarism was perceived as a sort of obstacle on the way to defects of collectivism, instead of being considered the source of troubles. Individualism was not viewed as a factor leading to destruction of interpersonal relations, but considered to be a sort of remedy, capable of saving freedom from tyranny and the way to slavery, as von Hayek wrote. New Russia was willingly absorbing these ideas in late 1980s – early 1990s.

Time went by, and the extremes of neoliberal reforms showed that in case of falling into the pit of market orthodoxy and fundamentalism, individualism can lead to economic and technological leap, yet only during a limited period of time. Moreover, it is true for by far not every state.

«The state is night watchman,» «invisible hand of the market,» «throwing the boundaries of state regulation back» – these are popular

slogans which are suitable for short mobilizing leaps and transition periods alone. As far as I know, self-regulation of any type, especially the one of complex systems, is quickly degenerating. It is especially true for the case when the principle of freedom of market economy is rendered absolute.

Demonization of inflation and fetishizing of monetary aggregates have become, to my mind, distorted personification of «Thatcherism» and «Reaganomics.» Such projects can be efficient enough, yet only when implemented in the right place at the right time. However, as soon as they become the philosophy of life and are implemented «at any cost,» the solution turns into a problem very quickly.

This age-old struggle between individualism and collectivism, which, I think, can be traced back to 19th century minimum, probably reflects the inevitability of turns in the cycles of production and distribution. Yet, dogmatists of both religions view them not as stabilizers, but the embodiment of good and evil, and therefore wage intellectual war of extermination aimed at killing each other. I have an impression that ideological battles of market orthodoxy adepts that have long been ended in the majority of western countries still inspire Russian monetarists and neoliberals.

To my mind, the exaggerated idea of freedom of will, and freedom of money being one of the functions of this idea, has eventually led the global finance to reckless deregulation of money, to gigantic gap between cash flow and real production and real economy. This trend reached its peak at the end of the past decade and resulted in a systemic crisis of the specific global economic architecture model, the one that had been built since 1980s.

Now, let us proceed to the second topic, the one of security in the broad sense of the word. Speaking about security hazards, I mean mostly traditional threats of socio-economic, political and military nature, both clear and evident threats and the ones represented by risks dealing with the states and their associations being incapable of responding to the key challenges of modern socio-economic development.

The first model is a bipolar one. It is based on the balance of forces and interests of two superpowers. Global regulation. At that time, regulation was effected by two opposing leaders, which gathered allies, satellites and fellow-travelers around them. From the viewpoint

of exercising authority, it was the model with two verticals of power. It replaced Eurocentrism, which had previously represented the very core of international relations determining their rhythm and dynamics.

The second model is the one of a unipolar world representing the aspiration of the USA for retaining its status of superpower in 1990s, when its vis-à-vis left the political arena. However, it turned out later that this model was a sort of transitional one, which failed to strike root. It envisioned only one vertical of power in the system of global regulation. The European centers of power would have had even more subordinate status in this system compared to the bipolar model.

The third model is the so-called «Eurosphere» representing an attempt to bring Eurocentrism back to the center of global regulation. This system suggested leadership of the European Union in international relations, not the USA, Russia, China or any other state. Such leadership was to be based on the so-called «soft» or normative power. The concept of «Eurosphere» was also developed as a unipolar system. However, it remained on paper to a large extent. The series of crises in the Western and Central Europe that can be traced back to 2005, the time of so-called constitutional crisis in Europe, has actually put an end to these expectations.

The fourth model is polycentrism. In a perfect world, it is the model based on horizontals of power or network structure of the world. Yet, it appears that the system in question is the diagonal structure of power, when the authority is distributed in the system of global regulation with elements of hierarchy and subordination retained. Put it another way, it is a sort of compromise between the vertical and horizontal of power and influence. I think that such a model would rather meet the national interests of various entities of international relations located beyond the boundaries of the collective West, including Russia, China and India.

This polycentrism may look similar to the Concert of Europe of the 19th century, yet rather in terms of spirit than in terms of form. The Concert of Europe formed up after the Congress of Vienna of 1814–1815. However, polycentrism today is a global phenomenon, not a regional one. Even if it resulted in the system somewhat similar to the European Concert of Powers of the 19th century, it is clear that the

modern key players in «Greater Europe,» i. e. Europe from the Atlantic to Pacific, would be just parts of the «global concert.»

Naturally, it should be said that there is no guarantee of the modern polycentrism model relying on international law and the United Nations Organization having no alternative. On the contrary, it is polycentrism itself that has no alternative, not its possible models. It makes no sense combating globalization as phenomenon as interdependence is growing in the world. As for the models of globalization, that is another pair of shoes since they are manmade. It is clear that the neoliberal model of globalization has outlived its usefulness and requires being replaced. Yet, it will be replaced only if the people and specific organizations will work on solving this problem.

What looks certainly very important is the fact that subjective factors make serious impact on the process of forming a new model of international relations. Here, the problem of political leadership, which is very acute today both in Europe and the USA, comes about.

Finally, in the absence of political will and other favorable circumstances, polycentrism may turn into something very negative, for instance the world without rules or the one, where several conflicting world orders would coexist. In this case, the scenario of deglobalization cannot be ruled out by analogy with the events that took place in early 20th century.

Indeed, globalization reached its peak in 2007 from the viewpoint of the global trade volume. The flows of commodities, services and capital rocketed to 53% of the global GDP, but then dropped drastically having fallen down to the level of 2001–2002 as a percentage of global GDP. Starting from 2010, we have observed their unstable consolidation. However that may be, these flows have anyway grown by ten times in monetary terms – from \$3 trillion in 1980 to \$30 trillion in 2014.

Now, I will say a few words about formats, the loadbearing structures and elements of security system after 1945. It is the international law in the form worked out inside the Yalta-Potsdam system of international relations. It is national state, as the basic element of global regulation system. It is social market or welfare state that was built in Europe after 1945 for the first time in history.

Here we should mention the deterring factor as well – weapons of mass destruction – which made it possible to maintain strategic parity

in 1960s-1980s. It is certainly the Helsinki Act of 1975, which fixed the postwar borders in Europe. The historical reconciliation between France and Germany within the framework of the European Union project has also played a positive role in this regard.

New ideas were suggested starting from the second half of 1980s. Some of them remained on paper, others were put into effect. As you may remember, these were the ideas of the so-called Common European Home and security system from Vancouver to Vladivostok. It was the process of disarmament, peaceful dividend. It was the concept of soft power. The European Union picked up this idea and believed it to be its key resource until quite recently, when certain regression started being observed in understanding of this issue, to my mind. Now, the situation is different.

Finally, we should mention the concept of regional integration with extensive use of supranational structures, or the so-called «pool of sovereignties» having served as a sort of «strait jacket» for nationalism, which led Europe to the catastrophes of two world wars in the first half of 20th century.

Speaking about soft power, I should say that the data dealing with the number of cultural centers and how they were established in the period between 2004 and 2015 looks very interesting. The soft power lies in imposing influence on the world using one's attractiveness, culture, language, etc. China gained lead in this race back in late 1990s, as the Confucius Institute outstrips both Goethe Institut and the British Council in terms of the number of branches established in the world. Russia has also taken part in this competition. Russian Mir Foundation has founded over 100 centers of Russian language and literature all over the world.

How did the process of dismantling and erosion of various security formats take place in Europe? Its stages look obvious enough. These are NATO enlargement policy, increase in the number of states having nuclear weapons (India, Pakistan, North Korea), and deployment of ballistic missile defense (BMD) system in Europe as part of global BMD system of the USA. After the famous agreement with Iran – «six-plus-one» – concluded in summer 2015, the United States still started deploying the ground-based component of this system in Europe, which posed a threat to the Intermediate Range Nuclear

Forces Treaty (INF). It is only one of the examples showing how the global system of strategic parity is being undermined.

Moreover, we should mention the repeated use of military force by our western partners in defiance of international law. It has happened in Yugoslavia, Iraq, Libya and Syria. One of the precedents lay in pushing through the independence of Kosovo. Naturally, we observe a sort of obsession with the idea of regime change. There were other actions promoting nihilism in international relations and making the principles of the right of nations for self-determination and territorial integrity of states play one off against another.

The policy of enlargement pursued not only by NATO, but the EU as well, was aimed not only at expanding the stability area, but introduced destabilizing elements into the situation in Europe. The evidence of it could be observed in Ukraine in 2014.

Besides, we cannot help recalling the use of various economic sanctions by both the European Union and collective West against our country. These sanctions are still growing in scale. The West feeds the machine of deglobalization with its own hands, which conflicts with its own interests.

Finally, I would like to mention the problem dealing with instability of regimes and uncertainty in many countries located along the perimeter of Russia, including Transcaucasia, Middle Asia, as well as the Middle East.

What basic security challenges confronting Greater Europe would I identify? The first one is depopulation, i. e. steady decline in number of European culture bearers in tens of countries due to low birth rate. Second, it is the increase in socio-economic disparity both between the countries and inside them. I should say that the socio-economic disparities have risen in the majority of states and world in general since 2008, when the crisis spilled over to many countries from the USA and the UK. The statistical data is a visible evidence of it.

One more challenge for socio-political security naturally lies in «new populism» as a consequence of the aforementioned disparities and rise in poverty among the broad strata of middle class. As a result, we see drastic increase in radical sentiments and number of political movements, which are often aligned with extremism, xenophobia, racism, etc.

There are challenges of mixed nature too. First of all, it is international terrorism, which has turned into a homebred phenomenon in Europe over the past several years. The majority of those committing terrorist acts are not newcomers, but the people who have lived in Europe for a long time, or even were born there.

A very serious challenge is the one of drop in economic competitiveness in almost all countries of the Old World, compared to the emerging centers of power.

Finally, I would identify the fact that the European Union lacks full-fledged political subjectivity, which makes Europe follow in the wake of the US foreign policy all the time. As modern history shows, Russia is by far not interested in such a trend.

Along with internal and external threats, there are hazards that are of universal nature for Europe. One of them is uncontrolled migration – the flows of migrants from Africa and the Middle East have been flooding EU member states since 2015. Moreover, there is no way to escape from this demographic hazard. The process may be streamlined and corrected a bit, yet the trend will continue in the years to come.

If we take a look at what was happening from 2001 to 2003 in the sphere of the so-called «war against terrorism,» we will see that the victims of terrorist attacks have increased in number since George Bush Jr. declared this war. Yet the situation has been evolving in a different direction. The events of the past two days show that this threat will become even more relevant for Europe in the years to come. We should identify the priorities in the field of security that Russia and the EU have and understand, whether it is worth paying so much attention to bilateral confrontation, when both Russians and Europeans are killed on the background of this confrontation, being it declarative or real. Moreover, they are killed by the people different from the ones that many try to fight against in the format of «the new cold war.»

Thus, I would identify the following internal and external threats for Greater Europe thinking in general categories:

First, it is the fact that at least a part of the outer world is turning into the environment, still more aggressive towards Russia.

The second one is deterioration of foreign economic conditions in terms of economic modernization and social development of our country.

Then, I would like to mention the imports phase-out policy that we have had to pursue over the past years. This policy has recently started yielding fruit. Yet, it is hard to say whether it is a systemic policy or not, and to what extent the authorities are taking advantage of the situation to carry out modernization and diversification of our economy.

Next, it is the need for serious buildup of military spending and reviewing the budget expenditures for science, education and healthcare year after year.

Finally, I would identify motivation for developing new geostrategic approaches, first of all the «turn to the East» that is discussed so often, and launch of some economic megaprojects, including the Power of Siberia pipeline. Besides, it is the stimulation of a series of talks, including the negotiations that Russia and Japan have been engaged in over the past two years.

There is one more topic: invented or real military threats for Russia. Where does this hazard come from – from the West or East?

I should say that Russia was the fourth in the world in terms of military spending in 2015 falling behind only the USA, China and Saudi Arabia. The United States outpaced Russia in military spending by 10 times, while China – by 3 times.

If we compare the military spending of the EU in 2015 with the figures for 2014, we will see how reluctantly these countries yield to militarization. The majority of states of Western and Central Europe were either reducing their military spending in 2015 or leaving it unchanged. The growth was observed only in the Baltic States, Poland, Greece and Portugal, i. e. the countries that have no influence on the balance of forces.

According to some international forecasts made for the period to 2020, stagnation of military spending is predicted for Western Europe, and slight growth for the countries of Eastern Europe. However, these are small enough values in absolute figures. As for the shared costs of the European Union as to military spending, the situation looks even worse, as the figures have been dropping over the period between 2008 and 2014.

The extent of overlap as to the weapon systems used in the EU member states is high. It shows how serious the problems observed on

the way of creating the so-called European Army really are. This topic is actively being played up in Europe and the West in general, yet I think that the idea is far from being put into practice.

One should say that the data quoted does not mean that we have nothing to worry about in the military sphere. I have already mentioned the hazard of global strategic parity being shattered. Besides, we see that the foundation is slowly but steadily laid for not so much the increase in the EU military potential, as its merger with the military structures and potential of NATO. Taking into account that the «threat from the East» has again become the basic idea of NATO, the fact that the EU's military industrial complex is joining NATO's structure, picking up its goals and objectives therefore, leads to a great deal of risk from the viewpoint of military planning in Russia.

Even if the military planning of the European Union and NATO poses no direct threat to Russia today, the control (or absence of it to be exact) over possible war incidents in Europe still constitutes a serious problem. Russia has agreements on prevention of dangerous military activities, as well as incidents in open sea and air space, with almost none of the NATO countries that border with it. Everybody remembers what happened when Russian military aircraft was shot down on the border between Turkey and Syria. At that time, the atmosphere at NATO Headquarters in Brussels looked thrilling and electrified. The western partners were actually gauntletting their Turkish colleagues, as they understood what the incident might result in.

In conclusion, I would like to say that Russia needs strategic thinking and should try to sort out priorities, both in domestic and foreign policy, on the basis of not so much internal political cycles, as the concept of what the world will look like in some 10 or 20 years, in order to establish itself in the 21st century as a European and Eurasian power, as well as the power that claims global role in both Atlantic and Pacific regions.

In this context, if «Greater Europe» does not become a reliable and stable megaregion for Russia, the «turn to the East» will be followed by high enough risks. It is inexpedient to implement development strategy moving in some direction if the country faces problems in its rear.

Nobody will perceive Russia as a powerful transregional and even global player in the South and East if the country does not fit out its European part and make it a reliable rear. Russia should inevitably be interested in solving these problems in order to move forward in the east and south.

СТРАНА И МИР ПЕРЕД ЛИЦОМ ГРОЗНЫХ ВЫЗОВОВ

**COUNTRY AND WORLD IN THE FACE OF
MENACING CHALLENGES**

Р.С. ГРИНБЕРГ

*Вице-президент Международного
Союза экономистов, научный
руководитель Института экономики
РАН, вице-президент ВЭО России,
член-корреспондент РАН, д.э.н.,
профессор*

R.S. GRINBERG

*Vice-president of the International Union
of Economists, scientific director of the
Institute of Economics of the Russian
Academy of Sciences, vice-president of the
VEO of Russia, corresponding member of
the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc.
(Econ.), Professor*

Спасибо, господин председатель, за предоставленную возможность участвовать очередной раз в столь авторитетной конференции. Мы собрались для того, чтобы поговорить о тех вызовах, которые стоят перед человечеством. Алексей Анатольевич только что обозначил их весьма квалифицированно.

Я остановлюсь только на вызовах социально-экономического характера, хотя убежден, что сегодня бал правит политика. При этом особенно печально, что наша замечательная страна сползает в геополитическое одиночество. В этом смысле мои тезисы не во всем совпадают с тезисами Алексея Анатольевича. Несмотря на то, что у нас много общего в понимании реальности, есть и различия.

Так что же происходит? Мы знаем, что мы живем в очень непредсказуемом мире. За всю мою сознательную жизнь никогда не

было такого чувства тревоги, как сегодня. Это касается и нашей замечательной страны, и окружающего мира.

Сначала о мире. Мы не любим американцев, но один из них очень точно сказал: «Мы все живем в одной большой деревне», в которой проживает 7 миллиардов человек, а может, и больше сейчас.

А что это значит? Это значит, что мы все друг о друге знаем, ведь наши дома находятся рядом, мы все соседи. С учетом той информационной революции, которая произошла, мы не только все знаем друг о друге, мы можем влиять на жизнь наших соседей. И все было бы хорошо, если бы дома находились рядом не только географически, но и социально-экономически. Но дома находятся в разных веках. 1,5 миллиарда человек живет более-менее по-человечески, как мы на этом пароходе. А остальные 5,5 – как получится.

Словом, современный экономический миропорядок все в большей степени становится миром социальных контрастов, нарастания социальной несправедливости, непримиримых социальных противоречий между островком богатства и благополучия и остальным миром бедности и нищеты. В этих условиях повсюду в мире идут поиски новых моделей социального государства.

В свете сказанного важно определиться с тем, какой тип модернизации нужен современной России. Это может быть и прорывной вариант, а может, – и широкая социально-экономическая модернизация. Но в любом случае она не должна ориентироваться на технологические уклады вчерашнего дня. Мы не имеем права позволить себе «поэтапно догонять» лидеров, одолевая по очереди то, в чем отстали вчера и позавчера. Это и есть безнадежное дело «догоняющей модернизации».

Очень важен вопрос о соответствии масштабов, целей и задач модернизации, с одной стороны, и их ресурсного обеспечения – с другой. Нам вообще нужно уходить от идеологии расходов и трат, как это понимают бухгалтеры и счетоводы. Модернизации нужны новые поколения политиков, финансистов, финансовых менеджеров, которые понимают, что мы не «тратим и растрачиваем» деньги бюджета, а вкладываем и инвестируем.

Прежде всего, необходимо повысить долю инвестиций в ВВП; сегодня она одна из самых низких в мире и составляет около 20%,

при незначительных колебаниях по годам в ту или иную сторону. При норме 20% ни одной стране не удавалось только за счет внутренних факторов демонстрировать рост в среднем более чем на 3% в год. В советское время данная норма достигала 40%. Если бы удалось перейти к норме инвестиций хотя бы в 30–35%, тогда можно ожидать 5–6-процентный рост.

Логика и опыт подсказывают, что такой инвестиционно активный подход может быть реализован только тогда, когда модернизацию инициирует государство. Другой сопоставимый по возможностям субъект модернизации пока не просматривается. Иное дело, что государство должно реализовать широкий политический и гражданский стратегический альянс власти, общества, бизнеса, граждан – для солидарной деятельности по решению задач модернизации.

Отсюда значимость темы о субъектах, движущих силах и ценностно-мотивационных предпосылках модернизации. Когда мы об этом забываем, и уповаем только на пресловутую «политическую волю», «принуждение к прогрессу», то даже если пригласить лучших специалистов, постоянно плодить научные концепции, на выходе опять будем иметь очередной образец литературного творчества, интересного лишь для узкого круга авторов-единомышленников документа и, возможно, для историков экономической мысли. Принять и разделить тяготы и издержки модернизации общество может только тогда, когда между ним и властью есть доверие, взаимопонимание и согласие по поводу целей и средств модернизации.

И еще о социальных сторонах модернизации. Конечно, модернизация всегда несет с собой неизбежные риски и потери, социальные тяготы. Но надо иметь в виду и следующее. Нищета и простое воспроизводство, нищета и расширенное воспроизводство, определенное экономическое развитие и контрасты социального неравенства в определенных границах совместимы. Но представить себе сочетание нищеты и инноваций, модернизацию при одновременном фронтальном наступлении на социальные и человеческие права граждан, выстраивание новых инновационных институтов при деградации социальной и социокультурной инфраструктуры общества невозможно. Даже известные мобилизацион-

ные модели модернизации с необходимостью требовали системных решений в области развития социальной инфраструктуры, создания системы социальных прав и гарантий граждан.

Поэтому, если мы и дальше в своем социальном умонстроении продолжим ориентироваться на известные опыты радикального неолиберального реформирования, то о модернизации, инновационном развитии, экономике, основанной на знаниях, придется забыть. Не может человек, который вынужден работать для заработка на трех работах, думать об инновациях или каких-либо еще высоких материях типа «образование в течение всей жизни», культурном досуге, творчестве и т. д.

Для человека креативного, для «класса развития», подлинного интеллектуального класса (а не только «среднего» – по уровню доходов и потребления) нужна совершенно иная среда. Есть особые социальные аспекты модернизации, которые требуют устранения деформаций социального наследия 1990-х годов, корректировки курса в области науки, образования, здравоохранения, культуры, которые в 2000-е годы превратили общее (общенациональное) дело Культуры в поприще лишь для узкого круга элиты. А элитарное общество в современном мире в принципе контрпродуктивно. Отсутствие социальных лифтов самое яркое выражение данного явления.

Между тем лидеры мирового экономического развития, и прежде всего США, все силы и ресурсы государства и нации концентрируют на управлении будущим, целенаправленном и планомерном создании научных, научно-технических, инновационных и технологических заделов. И здесь лидирует государство, отдавая странам второго эшелона прогресса и коммерческому сектору освоение ближнего космоса, значительную часть ИТ-экономики, других отраслей предыдущего уклада. Прорывные военные технологии, медицина, биотехнологии и фармацевтика, нанотехнологии, информационно-телекоммуникационные технологии, основанные на новых принципах, революция в материалах – все это поддерживается государством, естественно, в тех специфических формах, которые характерны для американской системы регулирования интеллектуального производства, сотрудничества с бизнесом там, где лежат основополагающие национальные интересы и долгосрочные

стратегические ориентиры, направленные не просто на лидерство, но и на экономическое доминирование в будущем мире. Учет этих мировых трендов и императивов развития требует, действительно диктует воссоздание в России систем стратегического целеполагания, стратегического планирования и управления, политических, экономических и институциональных механизмов выработки и реализации стратегических приоритетов. При этом человеческое измерение развития, т. е. здоровье, достоинство, права и свободы – становится главным в системах глобальной экономики на всех ее уровнях, в региональных и национальных подсистемах. Защита прав и свобод человека представляет собой подлинное содержание обеспечения глобальной, региональной, национальной и иных локальных видов и разновидностей безопасности.

В системе западной цивилизации это понимание стало основой общества модерна и постмодерна, способствует продуктивному синтезу конкурентной рыночной экономики, развитию гражданского общества, правового государства с широким набором социальных функций и гарантий. Одновременно это является универсальной закономерностью, по которой можно судить о реальном прогрессе обществ как стран третьего мира, так и постсоциалистических государств. Важно при этом иметь в виду, что любые варианты так называемого мобилизационного развития с принесением в жертву демократических ценностей, прав и свобод человека, уступками авторитаризму может дать лишь частичный и ограниченный во времени экономический результат, абсолютно не гарантирующий достижение стратегических целей модернизации. Однако и сегодня, несмотря на исторические уроки и позитивный пример наиболее успешных стран, соблазн и искус авторитаризма, развитие ценой ущемления прав и свобод личности остаются реальной угрозой и непреодолимым препятствием на пути социально-экономического прогресса, формирования свободного, открытого и демократического общества.

В период рыночной трансформации, по сути, полностью сменялась парадигма всей жизни россиян, активно поддержавших горбачевский курс на демократизацию страны. Но самые насущные права и свободы личности, связанные с ее достоинством, материальными и нематериальными интересами, еще не стали без-

условной ценностью, социальным и политическим императивом ни для власти, ни для общества. Социальная поляризация общества, резкие контрасты и конфликты интересов постоянно провоцируют соблазны, дополнительные стимулы и аргументы для использования авторитарных методов, сужают границы свободных конкурентно-рыночных отношений. Экономически это толкает к историческим рецидивам мобилизационных моделей догоняющей модернизации с ее вечным парадоксом соревнующихся Ахилла и черепахи. Политически это опять выталкивает модернизирующееся общество на «особые пути развития», в плоскость непонимания и напряженности в контактах с внешним миром.

Запад сегодня также во многом живет в координатах устаревшей парадигмы безопасности. Тот разрыв в образе, стиле и уровне жизни, который характерен для стран «золотого миллиарда» и остального мира в условиях глобального информационного общества, доступности любой информации в системе «онлайн» и недоступности для всех равных возможностей «здесь и сейчас», подрывает основы глобальной безопасности, создает принципиально новые вызовы и угрозы для национальной безопасности богатых стран. Попытки унифицировать мир и навязать ему свои ценности, в том числе путем гуманитарных интервенций, не могут помочь в поиске новой парадигмы развития и безопасности, их гармонизации. Сегодня ни ограничения модели «устойчивого развития», ни «обезболивающие» глобальные институты благотворительности не решают проблемы мира как несходимых параллельных миров социального Эдема и социального Ада.

Нужна новая парадигма – самоограничения полюса богатства и продуктивного развития полюса бедности. Словом, нужен такой мировой порядок, в котором будет обеспечена прочная экономическая безопасность на основе социально ответственной рыночной экономики при соблюдении гарантий прав человека. В конце концов, у всех у нас живущих в этом грешном, но прекрасном мире, общая судьба, которая призывает нас к формированию новых механизмов людской солидарности во имя выживания и развития человеческого рода. Как сказал М.С. Горбачев, «Это требует изменения помыслов и души, это требует осознания глобальной

взаимозависимости и всеобщей ответственности»¹. В этом благородном деле с необходимостью должно быть заложено равновесие двух высших ценностей. Равновесие Свободы и Справедливости.

Thank you, Mr. Chairman, for the opportunity to take part again in the work of this authoritative conference. We have met here to talk about the challenges confronting the mankind today. Aleksey Anatoliyevich has just competently identified them.

I would dwell upon the socio-economic challenges alone, though I am sure that it is politics that runs the show today. It is very sad to see that our remarkable country is slipping into geopolitical loneliness. In this regard, my theses do not fully coincide with the ideas suggested by Aleksey Anatoliyevich. Though we have much in common with regard to perceiving the reality, there is a difference between our views.

What is going on today? We know that the world around us is unpredictable. Over the years of my conscious experience, I have never had such a sense of alarm as I feel today, with regard to both our country and the world around us.

Let us talk about the world first. We do not like Americans, but one of them has been quite right to say: «We are living in one large village.» Currently, seven billion people, or, maybe, even more, live in this village.

What does it mean? It means that we all know each other well, as our homes are next door to each other. In fact, we are neighbors. Taking into account the informational revolution that has happened, we do not only know each other well, but can influence the life of our neighbors. It would be nice to see our homes located next door to each other not only geographically, but from the socioeconomic point of view as well. However, we unfortunately live in different centuries. About 1.5 billion people can boast of more or less good living standards, while the rest 5.5 billion of them live as luck would have it.

¹ Горбачев М.С. Мой манифест Земле. СПб.: Питер, 2009.

In a word, the modern economic world order becomes the one of social contrasts to a large extent. We see the build-up of social injustice and irreconcilable social contradictions between the island of prosperity and welfare and the continent of poverty. In these conditions, people all over the world are looking for models of social state.

In this context, it is very important to identify which type of modernization Russia requires today. It may be both a breakthrough variant and a widespread socioeconomic upgrade. Yet in any case, it should not be based on the technological paradigms of yesterday. We cannot afford to «catch up with the leaders» step by step, making up for what we lost yesterday and the day before yesterday, as it would be a self-defeating recipe of «catch-up modernization.»

A very important issue deals with consistency between the scale, goals and objectives of modernization, on the one hand, and its resources provision, on the other hand. We should go away from the ideology of expenses and costs as the accountants and bookkeepers view them. Modernization requires a new generation of politicians, financiers, and financial managers, who understand that we do not «spend and waste» budget funds, but invest them.

First of all, the share of investments in the GDP ought to be raised. Taking into account minor fluctuations, it currently amounts to about 20% being one of the lowest in the world. Given the standard of 20%, none of the countries has ever managed to demonstrate the annual average growth rate of more than 3% at the expense of internal factors alone. In the Soviet time, this figure reached 40%. If we managed to switch over to the share of investments on the level of at least 30–35%, we could expect a growth rate of 5–6% a year.

The logic and experience prompt that such an investment-oriented approach is possible only when modernization is initiated by the state. No other subject of modernization, comparable in capacity, is visible on the horizon so far. It is another matter that the state should have in place a broad political and civil strategic alliance of power, society, business and individual citizens for performing the joint work aimed at solving the problems of modernization.

Hence, the topic dealing with subjects, driving forces and value-motivational prerequisites of modernization becomes very significant. When we forget about it and bank on notorious «political will» and

«progress enforcement», we again and again have at the output a new sample of creative writing interesting only to the single-minded authors of the document and historians of economic thought, even if the best specialists were invited. The society is willing to accept and share the hardships of modernization only if its relationships with the authorities are based on trust, mutual understanding and consensus with regard to the objectives and methods of modernization.

A few words more about the social aspects of modernization... Naturally, modernization implies inevitable risks and losses, i. e. social hardships. However, we should take into account the following aspect. Poverty and simple reproduction, poverty and expanded reproduction, as well as certain economic development and social inequality contrasts are compatible to some extent. Yet, it is impossible to imagine a combination of poverty and innovations, modernization and frontal attack at social and human rights, as well as building new innovative institutes in the conditions of degradation as to the social and sociocultural infrastructure. Even the mobilization models of modernization that we know about required systemic solutions in the field of social infrastructure development, and creation of the system of social rights and guarantees for the citizens.

Therefore, if we continue to be guided by the experience of radical neoliberal reforms, we will have to forget about modernization, innovative development and knowledge-based economy. A person who has to have three jobs to provide for his/her family cannot think about innovations or some other lofty matters, like «lifelong learning,» cultural entertainment, creative activities, etc.

The «creative class,» the genuine intellectual class (not just the middle class in terms of income and consumption level) needs different environment. There are specific social aspects of modernization, which require doing away with the defects typical for the social heritage of the 1990s, as well as adjusting the course in the field of science, education and culture, which have turned into a domain of the narrow group of elite throughout the 2000^s. As for the elitist society, it is counterproductive in principle in the modern world. The lack of social lifts is the most visible evidence of this phenomenon.

Meanwhile, the leaders of global economic development, the USA first of all, concentrate all national efforts and resources on control over

the future, purposeful and systematic process of laying the scientific, technological and innovative groundwork. Here, the state leads giving the tasks of near space exploration, a substantial part of IT economy and other industries of the previous economic order away to the countries of the second echelon and commercial sector. Breakthrough military technologies, medicine, biotechnologies and pharmaceuticals, nanotechnologies, information and telecommunication technologies based on new principles, and revolution in the field of materials – all these areas receive state support, certainly in the specific form typical of the American system of intellectual production and cooperation with business, in the spheres, where the fundamental national interests and long-term strategic guidelines aimed at global domination, not just leadership, lie. These global trends and development imperatives demand, even dictate recreating in Russia the systems of strategic goal-setting, planning and control, as well as political, economic and institutional mechanisms for setting and implementing strategic priorities. At the same time, the human dimension of development, i. e. health, dignity, rights and freedoms, becomes the main one in the systems of global economy on all levels, as well as in regional and national subsystems. Protection of human rights and freedoms represents the core of global, regional, national and local security.

In the system of western civilization, this understanding has become the foundation of modern and postmodern society as it allows the efficient synthesis of market economy based on competition, development of civil society and law-bound state with wide range of social functions and guarantees. At the same time, it is a universal trend that makes it possible to provide insight into the real progress in both the third-world countries and the post-socialist states. It is also important to take into consideration the fact that any variants of the so-called mobilization development that envision sacrificing democratic values, as well as human rights and freedoms, and concessions to the authoritarian trend can lead only to a partial and limited result, which does not guarantee achieving the goals of modernization. Despite the historical lessons and positive experience of the most successful countries, the temptation to take advantage of authoritarian methods and stimulate development at the expense of infringing upon the individual rights and freedoms remains a

real threat and unsurmountable obstacle on the way of socioeconomic progress and formation of a free, open and democratic society.

Over the period of market transformation, the very paradigm of life has drastically changed for the Russians, who were active in supporting Gorbachev's policy aimed at democratization. However, the vital rights and freedoms associated with dignity, material and nonmaterial interests have not yet become an absolute value, a social and economic imperative for both the government and society. Social polarization, stark contrasts and conflicts of interests continuously provide temptations, additional motives and arguments in favor of using authoritarian methods narrowing down the potential for free market relations based on unrestricted competition. Economically, it leads to historical recurrence of the mobilization models of catch-up modernization with its eternal paradox of competition between Achilles and the turtle. Politically, it pushes the society undergoing modernization out to «specific ways of development,» to the domain of incomprehension and tensions in relationships with the outside world.

Currently, the West also lives within the limits of an outdated security paradigm. In the conditions of global information society, when anyone can have access to any information online, while there are no equal opportunities for everybody «here and now,» the gap in lifestyle and living standards between the Golden Billion countries and the rest of the world undermines the fundamental elements of global security, as well as creates principally new challenges and threats to the national security of rich countries. The attempts to unify the world and impose on it one's own values, particularly by way of humanitarian interventions, can hardly help in the search for a new paradigm of development and security, and their harmonization. Neither the restrictions of «sustainable development» model, nor the «painkilling» global charity institutes can currently solve the problems of the planet representing divergent parallel worlds – the social Eden and the social Hell.

We need a new paradigm envisioning self-containment for the pole of wealth and efficient development for the pole of poverty. In a word, our planet requires the world order guaranteeing lasting and stable security on the basis of socially responsible market economy and respect for human rights. In the long run, all of us living in this wicked, yet wonderful world have common destiny, which calls us for creating new

mechanisms of solidarity for the sake of survival and development of humankind. As Mikhail Gorbachev once said: «It requires changes in the thoughts and soul, understanding of global interdependence and comprehensive responsibility»². This noble work must be based on the balance of two supreme values – the balance of Freedom and Justice.

² Горбачев М.С. Мой манифест Земле. СПб.: Питер, 2009. (M.S. Gorbachev. *Manifesto for the Earth*. Saint Petersburg: Piter, 2009)

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

THE STRATEGIC THRUST OF RUSSIA'S ECONOMIC POLICY

В.И. ЩЕРБАКОВ

*Вице-президент Международного
Союза экономистов, председатель
Совета директоров Инвестиционной
группы «Автотор», вице-президент
ВЭО России, Президент, академик
Международной Академии
менеджмента, академик РАН, д.э.н.,
профессор*

V.I. SHCHERBAKOV

*Vice-President of the International Union
of Economists, Chairman of the Board of
Directors of Avtotor Investment Group,
Vice-President of the VEO of Russia,
President, academician of the
International Academy of Management,
academician of the Russian Academy of
Natural Sciences, Dr. Sc.(Econ.), professor*

Хочу сразу продолжить ту полемическую нотку, которую взял Руслан Семенович. Тем более что мы все старые, в общем, приятели – и по возрасту, и по стажу обсуждения этих тем тоже.

Итак, с первой частью того, что он сказал, я в основном согласен, то есть высказанные им мысли, в общем, очень созвучны тому, что думаю я сам. Поэтому не буду эту часть повторять. А вот вторая часть, на которой он завершил дискуссию, она, в моем понимании, выглядит с точностью до наоборот.

Мне довелось много лет заниматься Украиной, работая в советском правительстве. И хочу вам сказать: что бы мы ни делали

– отобрали бы мы Крым, не отобрали бы мы Крым – это не играет ровно никакой роли, по моему мнению, в наших отношениях с Украиной.

Другой вопрос. Я полностью согласен с той частью критики, в которой говорилось, что мы бросили заниматься идеологией. На чем собственно СССР держали? Если рассматривать всю историю создания СССР, то очень интересно почитать все эти ленинско-сталинские дискуссии по поводу того, как должен был быть устроен СССР. Аргументация – просто вот как сегодня. Мы спорим, и вся аргументация сегодня на столе та же, которая была тогда.

Так вот, большевики сплотили всех идеологией, так или иначе, отстреляв, посадив какую-то часть, выжав за границу тех, кто был не согласен, придавив не особенно активных. И путем идеологических, а потом уже партийных структур держали все 15 союзных республик. И не только их.

Знаете, когда у нас начались волнения, были первые кавказские и первые армяно-азербайджанские конфликты, я попросил подготовить мне всю историю этих конфликтов. Потому что, как всегда, никого же это у нас не интересовало, т. е. так, читал в художественной литературе, а истории этих конфликтов не знал на самом деле. Так вот самое удивительное, что я для себя там открыл, кроме всего прочего, кроме того, что это вообще не имеет ничего общего с тем, чему нас учили в школе, в институте и т.д., что, оказывается, руководитель национально-освободительного движения Чечни, который возглавлял вооруженное сопротивление советской власти, примерно с 1929 года, умер естественной смертью в 1979 году в Чечне. Долгожитель еще был. Все это время он провел в подполье со всеми своими делами. Он передвигался и по Дагестану, и по Кабарде, и по Чечне и т.д. За это время там – в справке, по крайней мере, было так указано – было убито свыше 2 500 партийных и советских работников. Это, видимо, те, кто не соглашались работать под руководством. А там все держалось под совершенно нормальным контролем. Днем они работали на советскую власть и КПСС, а по вечерам немножко.... Так вот этих людей – он же был не один – представляете, с 1929 по 1979 год надо было кормить, поить, одевать и т.д. Все это на самом деле существовало.

Когда мы еще только начинали разговоры про перестройку с украинцами, там было видно все – просто белыми нитками шито. Как только они поняли, что можно рвануть в сторону, там такие фокусы были, что долго можно рассказывать.

Поэтому у меня глубокая внутренняя уверенность, что никакого отношения Донбасс сегодня к глубинным взаимоотношениям россиян, особенно тех, кого зовут москалями, и украинцев, особенно тех, кого зовут хохлами и всякими галичанами, не имеет абсолютно.

Тем более что нам совершенно непонятно, как можно выйти из донбасского конфликта. Нам тогда надо отдать, грубо говоря, весь русскоязычный мир. Потому что то, что происходит на Украине, это уже просто полыхнуло, и во всех остальных странах это происходило, когда Россия не вмешивалась.

Возьмите Прибалтику. Когда был референдум, а я участвовал в подготовке и проведении этого референдума (помните, за сохранение СССР?), мы были вообще уверены, что в Прибалтике, может быть, будут какие-то вопросы по Эстонии, потому что там русскоязычных было – не помню сейчас по памяти, но – что-то около 20%. Считали, что по Литве, ну какие там могут быть вопросы – там, по-моему, 34% русскоязычных, и весь трафик, вся экономика Литвы привязана к России, так что деваться им некуда. Ну а по Латвии-то вообще какие вопросы – там 50% русскоязычных, там-то вообще все проголосуют. Кто такой был этот Ландсбергис? И, тем не менее, они перевернули, точно так же, как большевики в 1917 году... Кстати, у большевиков в 1917 году, когда был Октябрьский переворот, всего-то было 5000 рабочих Красной гвардии. Все, что нам показывают в кино, – это все художественные выдумки и т.д. У них было 5000 плохо вооруженных – наганами, в основном – красногвардейцев. Не красноармейцев, ее, армии, еще не было, а красногвардейцев – вооруженных рабочих питерских заводов, плюс, так сказать, вся шпана, которая, конечно, под видом большевиков там грабила все, что могла.

Точно так же происходило во всех странах. Если вы не видели еще ролики, что происходит сейчас в Туркмении, в Таджикистане и т.д., посмотрите их. Сейчас хороший ролик бродит по интерне-

ту, по-моему, с пятидесятилетием поздравляют президента Туркмении. Посмотрите его. Там чуть ли не ползком подползают все эти генералы, целуя ему руки и клянясь... Мне много довелось видеть приветствий на разных уровнях.

Поэтому думаю, что вопрос не в этом. Вопрос совсем в другом. И не хочу касаться политической части. А хотел бы остановиться на другой стороне дела.

На самом деле, конечно, в ходе последних 25–30 лет наше положение радикально изменилось. Я буду называть примерные цифры, потому что в данном случае цифры даны для иллюстрации размеров, а не точности. Тем более что у меня под руками этих цифр просто нет, по памяти говорю.

Например, 1989–1990 годы. Американцы в мировом валовом продукте занимали примерно 22%, китайцы – примерно 13–15%, Советский Союз – примерно 18%. Европейского союза тогда еще не было как союза, поэтому все остальные страны там были, но менее учтены. Впереди нас были Япония и, по-моему, Германия. Англия была только с учетом услуг, сектор финансов. А если брать чистое производство, то, что мы называли народным хозяйством, без финансовых услуг, то Англия там была существенно ниже.

Обращаю ваше внимание, какие были услуги в СССР. Вы все люди в возрасте, вы понимаете, что у нас услуг было ровно на две копейки. При этом наша товарная продукция нашими же ценами была искажена до неузнаваемости, потому что хлеб или молоко стоили на рынке практически столько же, сколько вода. Помните газированную воду по три копейки с сиропом? Так вот если перевести, то как раз литр воды с сиропом и был литром молока по цене. Все остальное дотировалось и всячески искажалось.

Теперь берем, например, прошлый год. Опять приблизительные цифры. США как были 20–22%, так они примерно и есть. Китай, по одним подсчетам, 22,5% или 23%, то есть чуть выше американцев, по другим – на полпроцента ниже их. Все зависит от того, как считать. И те, кто знаком со статистикой, могут более подробно рассказать здесь, что такое международная статистика. Например, иногда сложно сделать корректное сравнение в силу того, что где-то те или иные позиции по закону входят в валовый

продукт, а в других странах – нет. Итак, Европейский союз весь вместе с Европой – так или иначе, она сегодня уже практически вся там – выходит примерно в район 18–20%. Если сюда добавить еще Японию, то оказывается, что с одной стороны может скопиться примерно 65–68%, в общем – до 70% валового продукта в одних руках. Поэтому американцы ни японцев с южнокорейцами, ни ЕС из рук не выпустят, поскольку это в совокупности дает вот такой объем.

Что стал собой представлять бывший СССР в лице России? По одним подсчетам, 1,8%, по другим подсчетам 2%. А вот теперь представьте себе, может какой-нибудь очень здоровый организм, стоящий 2%, быть великой державой и диктовать миру что-нибудь свое или не может? Я вот с этих позиций пытаюсь оценить стратегическую направленность нашей политики.

Мы говорим о военном паритете, по крайней мере ядерном. Невозможно. Потому что теперь это стоит... ну, еще не одинаково, но очень близко одно к другому. Ну как могут 2% обеспечить результат такой же, как 70%? Это первое.

Второе. А нужен ли нам самим этот паритет? И что он вообще означает для безопасности? Позвольте привести вам конкретный случай. Когда мы были в правительстве Павлова, в это время у нас была большая драка с Министерством обороны. Тогда началась первая война в заливе, если помните.

1990 год. Мы с Примаковым тогда только слетали поговорили с Хусейном, потом слетали поговорили с Бушем – и поняли, что невозможно ничего сделать, абсолютно все пусто. И в это время все арабы, испугавшись, кинулись к нам за вооружением. Потому что все, что у них было, оказалось развалено. Единственные, кто был более-менее вооружен, это Иран и Ирак. И все очень испугались Ирака и к нам кинулись покупать, я имею в виду Египет и остальных. Там же государство-то одно – Египет. Все остальное – это просто племена со знаменами, больше ничего там нет. Они же все родились в результате совершенно искусственного выделения территорий британцами. Это не государства с многовековой историей, со своей культурой и т.д.

И мы обрадовались, потому что нам в это время не хватало 24 миллиарда долларов, для того чтобы провести конверсию воен-

ного производства, то есть, по существу, серьезную модернизацию и перевооружение военных заводов. Потому что экономика у нас была такая: 75% всего валового продукта, так или иначе, работало на оборонку. Понимаете как, да? Добывается руда, добывается уголь, из этого делается металл, из этого металла делается, условно говоря, танк или станок для производства «Калашниковых», или что-нибудь подобное, или снова машина для добычи угля или руды, или плавки металла. Вот это колесо работало само на себя. 75%! Это я вам говорю как бывший председатель Госплана. 25% шло в конечное потребление. Причем в 25% попадало, естественно, все продовольствие и услуги.

Ну как может такая экономика выжить, когда она вся направлена только на одно – на производство вооружения в том или ином объеме? И, естественно, у нас танков производилось в то время примерно по 2000 штук – хоть в месяц, хоть в год, как скажем. Но мощности у нас были на 2000 штук в месяц.

Когда все эти арабы кинулись, мы обрадовались и стали руки потирать, потому что они все пришли и готовы платить наличными, а не в кредит, как всегда. И мы все схлестнулись у Горбачева по полной программе.

С одной стороны, Павлов, я и Догужиев (это был первый заместитель, который отвечал у нас за оборонку). С другой стороны – политики, включая Шеварднадзе, Бессмертных и т.д. А третьи – это было Министерство обороны во главе с Язовым. Но Язов обычно молчал, в отличие от Лобова...

У нас тогда уже был готов танк Т-80, Т-90 был на выходе. Мы им говорим: «Послушайте, давайте все наши Т-72, и модернизированные, и не модернизированные...» – У нас склады были (не знаю, как сейчас) забиты снарядами с Первой мировой войны – калибрами, которых у нас не было на вооружении в армии. – «Все это давайте сейчас выкинем туда, получим деньги, на эти деньги перевооружим все свои заводы. И мы эту перестройку гарантированно проведем всего за два года! И, второе: сбросим устаревшее вооружение из действующей армии. А туда начнем производить уже совершенно новое поколение вооружения».

Но из этого роя ничего не вышло. Пока мы торговались по этому поводу, там чуть до драк не доходило, иногда по 80 часов

эти дискуссии шли. Но закончилось тем, чем закончилось: американцы поставили арабам туда свое вооружение и тем самым надолго выкинули нас с рынка. Только сейчас мы начинаем на этот рынок возвращаться, потому как что такое чужое вооружение? Это значит, произошла замена систем управления боем, системы всей инфраструктуры, были переучены все кадры. Если раньше они учились в наших военных училищах, после этого они поехали учиться или в Европу, или в Штаты. Это все радикально изменилось, как только мы ушли с рынка. Сейчас только-только на некоторые рынки начинаем возвращаться.

Это я к тому, что сегодня мы таких операций больше проводить не можем и не можем держать этот паритет.

Так вот, одно из условий, когда у нас запросили продажу почти 12 000 танков, это надо было отдать почти полностью все, что у нас было в армии из старых танков. Но насмерть стоял генеральный штаб и говорил: «Нет вообще!» Я их спрашиваю на этом совещании: «Я не военный человек по своей специальности, вы мне расскажите. Мы ведь собираемся поставить арабам туда. Вы что там боитесь с этими танками? Вообще кто танками сегодня будет воевать? Защищаться ими еще можно с точки зрения того, что это движущиеся системы хорошего огня. А нападать-то ими на кого? Только на тех, у кого есть граница. У нас с арабами нет границы. Вы что боитесь-то?»

Сегодня это все напоминает мне то же самое. Каким образом мы можем сегодня из этих 2% что-то сделать?

Поэтому чего нам сейчас рассказывать, кто был неправ, как неправильно вели себя американцы, как наши некоторые – уже в правительстве Ельцина и после Ельцина, и сегодня – делали или делают то-то и то-то? Мы же ничего с этим сделать не можем. Тем более логика «если бы» уже не играет.

Я думаю, что сегодня нам есть смысл заниматься, главным образом, нашим собственным базисом. При всем понимании того, что воевать мы не собираемся, я не понимаю, зачем нам такой паритет. И нам точно так же понятно, что все, что мы видим по телевидению: «Поступили очередные пять самолетов, получил такой-то полк...» Или очередные десять. Этим можно защитить себя. Да, в этом смысле – положительная реакция. Но никакой

длительной войны мы сегодня выдержать не в состоянии. Вы все понимаете, что война на истощение, типа Второй мировой, она сегодня невозможна для нас. У нас ничего нет, никаких ресурсов под длительную войну. Мы можем только коротко ответить, т. е., если где-то террористы, – шарахнуть по ним, если вдруг полезут, передние ряды отстрелять, а уже на вторые ряды у нас нового вооружения не хватит.

Поэтому заниматься разговорами про то, что нам снова нужно вернуться к паритету, значит считать наших партнеров – американцев, европейцев и всех остальных – за идиотов. С какой это стати они будут возвращаться к паритету, когда у них такой выигрыш сегодня существует? С какой это стати? Не будет этого никогда. Это наши мечты какие-то. Нам надо пересматривать свою позицию.

Не хочу дальше останавливаться на политических вопросах. Мне кажется, что надо вернуться к идее Маркса, что все-таки базис все определяет. Так вот, в этих 2% мы по-прежнему сегодня делаем ставку на улучшение и расширение наших традиционных продуктов: нефти, газа, металлургии, леса и подобных натурально-сырьевых.

Между тем, в ходе этой глобализации мир вышел на совершенно новый этап. В моем понимании как практика, предпринимателя, мы стоим уже где-то перед новым витком, даже не перед витком, а – перед новым шагом, переходом на новый уровень научно-технической революции. Подчеркиваю, не прогресса, а революции, потому что происходят революционные изменения всех технологических параметров действующего производства.

Например, сегодня на нашем последнем Питерском экономическом форуме, как вы знаете, было очень много разговоров, что надо переходить на цифровую экономику. Но мало кто понимает, что такое цифровая экономика. И там никто ничего толком, как мне представляется, не сказал, потому что кроме самого названия «цифровая экономика» никто даже не показал, а что собственно это такое и насколько мы готовы к этому. Это был скорее такой агитационный, агитационно-пропагандистский трюк.

На самом деле, речь идет об очень серьезных делах, в которых, если мы сумеем сейчас сконцентрироваться и вовремя пере-

строиться, у нас есть шанс вернуться в великие державы, несмотря на свои 2%. И эти 2% могут стоить того, что стоят.

И я хочу сразу перебросить мостик, что здесь вопрос сокращения затрат на вооружение, в моем понимании, не является приоритетом. Больше того, наоборот, я бы сегодня только рассмотрел программы, которые там есть. Если это программы тиражирования действующего уже сегодня потенциала, то и не стоит вкладывать. Нам что 100 самолетов, что 200, что 300 – никакой роли не играет, сколько у нас штук будет «Сухих», потому что ракет у них в совокупности все равно больше. И так далее.

А вот если мы говорим о том, что вкладывание или инвестиции в военно-промышленный комплекс – так же, как у американцев, так же, как у японцев, так же, как у европейцев – является официальным каналом направления гигантских бюджетных средств на выработку абсолютно новых технологических и технических решений и перехода на другой технический уровень, тогда ты снова владеешь миром.

Вы, например, слышали, что в последние годы Маск делает уже какие-то фантастические вещи. В том числе ракета многократного использования, возвратная, можно снова использовать главные двигатели как тяговые для второго и третьего взлета. Понятно, что это радикально изменяет суть. Сейчас еще рано говорить, но через несколько лет это будет радикальное изменение всей ракетной промышленности, потому что она уже не нужна такая по размерам, уже нет таких длинных технологических цепочек и совершенно другое горючее.

Перехожу в родную для меня отрасль – автомобилестроение. Вы слышали про автомобиль Tesla? Он пока еще мало распространенный. Все слышали о том, что он электрический, но не в этом главное. Главное заключается в том, что он-то, как раз, сделан на основе цифровой экономики.

Чтобы было понятно, в легковом автомобиле сегодня примерно от 15 000 до 20 000 деталей и узлов. И только в ходовой части автомобиля примерно, чтобы не сильно ошибиться, от 200 до 300 трущихся и скользящих всевозможных частей: клапаны, поршни, подвеска... Понимаете, о чем я говорю? Все, что трется, крутит-

ся, скользит, с подшипниками и т.д. Представляете, сколько заводов должно работать, сколько произвести видов материалов и сколько конечной продукции, чтобы произвести один автомобиль?

Tesla выпустила недавно автомобиль модели S, в которой всего восемь трущихся частей. Следовательно, вот это все остальное – не нужно. Больше того, они эти двигатели сделали не из металла. Они их произвели тем, что называется в цифровой экономике печатью. Они их просто напечатали. Причем, как вы понимаете, печатать из металла – это довольно сложная история, и пока нет здесь каких-то успехов. Следовательно, пошли всякие композиты. И композиты пошли на кузов.

Я это говорю к тому, что дальше следует этап – автомобиль становится у нас без водителя. Вырабатывается целая система. Следовательно, эксплуатация автомобиля становится другой. Уличное движение будет сразу все организовано по-другому. И гарантийные обязательства Tesla сегодня уже, например, на модель S, не ограничивают вообще пробег. То есть, ты хоть на Луну можешь на нем съездить, 1 800 000 километров туда-сюда отмотать – и все равно это будет гарантийный автомобиль. Следовательно, запчасти не нужны, как вы понимаете. Понимаете, насколько радикально изменится все, что связано с автомобилестроением, с химией, с подшипниковой промышленностью и т.д.?

Вот что ни продукт возьми – то же самое. Например, сельское хозяйство. Где сегодня те помидорные поля, которые мы с вами студентами ходили убирать, или огурцы, или даже клубника? Они только у нас и в слаборазвитых странах остались. У всех остальных – нормальные теплицы, в которых даже земли уже нет, там просто течет раствор, из которого совершенно нормально, спокойно-но три-четыре человека обслуживают гектар этой теплицы и т.д.

То есть, революция происходит во всех отраслях. Просто она, наверное, немножко разная по сложности. И революция, о которой мы сегодня вообще не задумываемся – у нас вообще ни одного плана по этому поводу нет. У нас только первые разговоры прошли про цифру.

И если в предмет этой части разговора мы не бросим инвестиции, если мы эту часть разговора не переосмыслим, не сделаем из

нее дорожных карт и интенсивно не будем двигаться по ним, то, конечно, мы мгновенно перелетаем в ряды третьих стран. Там не о чем больше разговаривать с такими объемами производства, да еще и традиционных продуктов, как у нас.

Заканчивая, хочу сказать, что, в моем понимании, вот где главное звено, за которое надо сегодня тянуть. И не уделять столько внимания просто разговорам о том, что эти неправы, там нас обидели, там нас не поняли, там мы обиделись и из ПАСЕ ушли, там мы то, там мы это. Никого мы этим сегодня не удивим.

Никаких международных правил не было никогда и не будет никогда. Все эти международные правила держатся на одном: как только появляется клиент, который здоровее тебя, то все правила, что, образно говоря, раньше твоя сторона улицы была правая, а моя левая, – это только до тех пор, пока банда с той стороны не получила подкрепление. Вот и все. Сколько бы мы с ними чего ни подписывали.

Ну, подписали мы с американцами кучу соглашений – они в любой момент из них выходят. Из наших соглашений – ладно, мы уже привыкли. Но вон Трамп сейчас всем показал, что такое Парижское соглашение.

Поэтому, если мы будем снова заниматься обсуждением политики, эмоций, морально-нравственных характеристик, у нас все снова вернется или к 1917 году, или к 1991 году, когда до того надоели, что уже всех пинком погнали – и тех, кого надо, и тех, кого не надо. Давайте займемся экономикой. Спасибо.

I would like to continue the polemic on the note that Ruslan Semenovitch has played, all the more so as we are old friends with him, people looking alike in terms of both age and record of discussing these topics.

Thus, I agree with the first part of what he has said, i. e. the ideas he has expressed are consonant with what I think. That is why I would rather not repeat what has been mentioned. As for the second part of

his presentation, the one he has concluded the discussion with, my considerations look just the opposite.

I have had a chance to study Ukraine for many years working in the Soviet government, and I would like to stress the following. No matter what we do – whether we have taken Crimea away from them or not, – it does not matter at all as far as our relations with Ukraine are concerned.

Now, another moment... I fully agree with the speakers who criticize us for throwing ideology away. What was the foundation that supported the Soviet Union? If we take the history of the USSR, it would be very interesting to read all those Communist Party discussions held in the time of Lenin's and Stalin's rule, I mean the ones devoted to the structure of the state. The arguments look like the ones we come up with today. We are disputing with each other, while the arguments are just the same.

The Bolsheviks rallied both the party and country with ideology, having executed, thrown in jail or ousted from the country those who did not agree, as well as having suppressed the most active opponents one way or another. They kept on a short leash all 15 Union Republics using ideological and party structures.

You know, when the first civil unrests broke out in our country – I mean all those Caucasian conflicts and the ones between Armenia and Azerbaijan – I asked to prepare the materials about the history of these conflicts for me. It is because no one was interested in this history. I had read about the conflicts in fiction, but did not know their history. The most amazing thing that I discovered was that this history had nothing to do with what teachers told us at school and university. It turned out that the leader of national liberation movement in Chechnya, the one who had been at the head of resistance to the Soviet regime since 1929, actually died by natural causes in Chechnya in 1979. He was a long-liver. He spent all this time underground carrying out his activities. He would travel in Dagestan, Kabardino-Balkaria, Chechnya, etc. On the other hand, over 2,500 of party and state officials were killed in the Caucasus during this period. These were probably the ones who would not agree to work under control. Yet, many of them actually worked under control. These officials would work for the Soviet regime and Communist Party at daytime, while at

night... Just imagine, food and clothes were to be provided for these people – he was not the only adversary of Soviet regime – in the period between 1929 and 1979. That is what the situation there was actually like.

When we started talking to the Ukrainians about Perestroika, everything was clear, could be easily seen through. As soon as they understood that it was possible to run away from us, they started performing tricks that are hard to describe.

So I am quite sure that Donbass has absolutely nothing to do today with the core relationship between Russians, the ones they call «moskals,» and Ukrainians or Galicians, the ones we call «khokhly.»

Moreover, it is not clear to us how to withdraw from the Donbass conflict. To do it, we have to betray the whole Russian-speaking community. The conflicts, like the one we see in Ukraine today, have broken out in other countries as well, when Russia would not interfere.

Let us take the Baltic States. When the authorities of the USSR held referendum (remember the one devoted to whether we want the USSR to remain or not) – by the way, I took part in the polling preparation – we were sure that something wrong might happen only in Estonia as Russian-speaking people accounted for just about 20% of the local population there. No surprises were expected from Lithuania with 34% of Russian-speaking residents and economy bound to Russia. As for Latvia, there were no doubts at all, as Russians accounted for 50% of the republic's population, so we believed that everybody would vote for the USSR. Where did Landsbergis and all his gang come from? Nevertheless, they managed to turn the situation upside down, like the Bolsheviks did in 1917... By the way, the Bolsheviks had only the Red Guard including just about 5,000 workers in 1917. What we see in films is just artistic fiction. They had just 5,000 workers armed with revolvers alone. It was not an army at that time. The Red Guard included armed workers of Saint Petersburg-based plants and various crooks, who robbed everybody pretending to be Bolsheviks.

The situation in other countries looked almost the same. Have you ever seen the video clips showing what happens in Turkmenistan or Tajikistan nowadays? I recommend that you watch them. Today, a very interesting video is distributed on the Internet. If I am not mis-

taken, it is about how officials congratulate the president of Turkmenistan with his 50th birthday. Just take a look at it. All these generals crawl to him almost on their knees, kissing his hand and swearing an oath... I have seen many such congratulations on different levels.

So I think that that is not the question. I do not want to dwell upon political problems, but I would like to highlight another aspect of the matter.

In fact, the position of our country on the world arena has changed radically over the past 25–30 years. I would quote ballpark figures as I do not have exact ones at hand.

Let us take the period of 1989–1990 for instance. The US accounted for 22% of the global GDP, China – for about 13–15%, while the share of the USSR was estimated at 18%. The European Union did not exist at that time, so let us consider individual countries. We were falling behind Japan and probably Germany. The United Kingdom was also outpacing us, yet only with the service and finance sectors taken into account. In terms of net production or what we called «people's economy,» the UK held much lower position on the list.

Please pay attention to what kind of service sector we had in the USSR. We had almost no services at all. As for the sector of consumable goods, it was distorted by our prices. The prices of bread and milk were almost equal to the one of water. Do you remember carbonated water with syrup sold at 0.03 rubles per a 200-gram glass? So one liter of this carbonated water with syrup was equal to one liter of milk in price. The production of food was subsidized, so the situation was distorted in every possible way.

Let us now take the past year for instance. I will quote the approximate figures again. The USA still accounts for 20–22% of the global GDP. China's share is somewhere between 22.5% and 23%. Some experts think that the Chinese slightly outpace America, other believe that they fall 0.5% behind. It depends upon the method of counting. Those who are familiar with such calculations can highlight in detail what the international statistics is like. For instance, sometimes it is hard to compare two countries properly, as the same positions may be either considered part of GDP or not by virtue of law in different countries. Thus, the European Union jointly with all Europe

– as almost all European countries are members of the EU one way or another – account for about 18-20%. If we add Japan here, it will turn out that approximately 65-68% or even up to 70% of the global GDP may be accumulated in a single pair of hands. That is why the Americans will lose their hold of neither Japan with South Korea nor the EU in order not to lose such a share of the global GDP.

What has the former USSR represented now by Russia come to? Some experts estimate its share of the global GDP at 1.8%, others opt for 2%. Now answer, please, the following question. Can even a very healthy organism accounting for just 2% of the global GDP be a great power and dictate terms to the whole world or not? I try to assess the strategic direction of our policy from this very position.

We are talking about military parity or nuclear one at least, as these things are very close to each other, if not the same. How can a state with 2% ensure the same result as the one with 70%? It is the first thing I want to stress.

Let us come to the second one. Do we need this parity? What does this parity mean in terms of security? Let me quote an example. When I was a member of Pavlov's cabinet, we had a quarrel with the Defense Ministry. It was the time when the first war in the Gulf started, as you may remember.

It was in 1990. Primakov and I talked to both Saddam Hussein and George Bush and understood that nothing could be done about it. At that time, almost all Arabs got scared and turned to us for weapons, as all they had was in a state of collapse. The only two countries more or less armed were Iran and Iraq. So other Arab countries got scared of Iraq and rushed to the USSR to buy armaments. I mean Egypt and the rest of them. Egypt is the only strong state there, as the rest are just tribes with national flags. All these countries emerged on the map of the world due to artificial separation of territories by the British. These are not countries having long history and their own culture.

We were happy, as the state needed \$24 billion badly to carry out conversion of defense industry, i. e. actually serious upgrade and re-vamp of military plants. At that time, the military industrial complex accounted for 75% of our GDP one way or another. It is clear, isn't it? We extracted iron ore and coal, produced metal to make a tank, machine tool for producing Kalashnikov submachine guns, or equipment

for extracting iron ore and coal, etc. It was a sort of closed cycle. As a former chairman of the State Planning Committee, I know a thing or two about it. Final consumption accounted for just 25%. Moreover, food and services were among those 25%.

How can such economy survive if it is aimed at production of weapons alone? Naturally, we produced 2,000 tanks yearly or monthly depending upon the state order. Anyway, we had enough production capacities for producing 2,000 tanks a month.

When the Arabs turned to us for weapons, we started rubbing hands happily, as they were ready to pay cash instead of taking arms on credit as usual. So we got into a clash to the fullest at a meeting chaired by Gorbachev.

There were three parties – Pavlov, Doguzhiyev (First Deputy Prime Minister responsible for defense industry) and I, on the one hand, and politicians including Shevardnadze, on the other hand. The third group was represented by the officers from Defense Ministry with Yazov at the head. However, Yazov kept silence as a rule, unlike Lobov...

At that time, we produced T-80 tank and were almost ready to produce T-90 model. So we told our opponents: «Let us take all our T-72 tanks, both upgraded and not, and...» All warehouses had been packed with shells and ammunition since the First World War, including the ones with calibers that were not used in the Soviet Army. So we said: «Let us sell all these stocks to them, earn money and revamp defense plants using these funds. We guarantee to perform this upgrade within two years! Besides, we will kill two birds with one stone, as we can sell the outdated weapons to the Arabs and start producing new generation of these weapons.»

Yet, nothing happened. While we were negotiating the issue in heated debates (the discussions lasted for 80 hours sometimes), the Americans supplied their own weapons to Arabs and ousted us from the market for long. Russia is coming back to this market only now. What does buying different systems of weapons mean? It means that the country has to change the battle management system, replace military infrastructure, retrain the staff, etc. While their officers went into higher education at the Soviet military schools and colleges before, after that, they started sending their cadets to Europe or America. The

situation changed drastically as soon as we left the market. It is only now that we start coming back to some of these markets.

This example should illustrate that we currently cannot strike such deals and therefore maintain the parity.

When they asked for about 12,000 tanks, we actually had to sell all of the outdated tanks we had in the army. The military fought to the bitter end rejecting the proposal. I asked them at that meeting: «I am not a serviceman, so, please explain the situation to me. We intend to supply these tanks to the Arab countries. What are you afraid of? Who will fight with tanks today? We can use them in defense as good movable fire systems. Who attacks using tanks now? Only the countries having common border with the adversary do it. We have no common border with the Arab states. What are you afraid of?»

The current situation looks like that one to me. What can we do now having just 2% of the global GDP?

So what is the use of talking about who was right and who was wrong, and what the Americans did? Who cares what the people in Yeltsin's administration were doing? We can currently do nothing about it. History has no subjunctive mood.

I think that it makes sense to focus on our own basis today. I do not understand what we need this parity for if we do not intend to wage a war. When it is reported on television about some five or ten new aircrafts being supplied to the army, we understand that we can protect the country with them. The response is positive from this point of view. However, we are incapable of withstanding a long war today. The war of attrition is impossible for us today as we have no resources for such a war. We have resources only for a short campaign. If some terrorists attack us, we can deliver a strike on them and kill their first rows. However, we don't have enough weapons for a long war.

That is why talking about coming back to the parity means considering the Americans, Europeans and the rest to be idiots. Why should they come back to parity, if they outpace us today? They will never do it. Thus, we should reconsider our position.

Well, I do not want to talk politics any longer. It seems to me that we should come back to Marx's idea of the basis making the difference. Even within the framework of the aforementioned 2%, we focus

on traditional products – oil, gas metals, timber, etc., i. e. raw materials.

Meanwhile, the world has entered a new stage of development in the course of globalization. As far as I understand, Russia is now near the first round, well, not round, but first step in transition to the new level of technological revolution. I repeat, not technological progress, but revolution, as revolutionary changes of all technological parameters are observed in the field of production.

As you may remember, many speakers talked about the need for transition to digital economy at the Saint Petersburg International Economic Forum (SPIEF). However, few people understand what digital economy really is. From my point of view, those speakers just know the word combination «digital economy,» as none of them could explain the meaning of it and tell us to what extent Russia is ready for it. It was rather a sort of propagandistic stunt.

In fact, the issue in question is about serious things. If we can focus on the right things today and readjust, Russia will have a chance to join the group of major global powers again, even though accounting only for 2% of the global GDP. Moreover, these 2% will be worth what they are worth.

I would like to make it clear that the issue of cutting the expenses for armaments does not enjoy priority, in my opinion. I would just consider the respective programs. If these programs deal with replication of the existing potential, they are not worth investing money in. It does not matter whether we have 100 or 300 Sukhoi aircrafts, as they outweigh us in terms of the total number of missiles.

Yet, if we mean that investments in the military-industrial complex constitute an official channel of forwarding gigantic budget funds to the development of brand new technological and technical solutions (i. e. what we observe in Europe, Japan and the USA) for the transition to a new level, then, Russia can become a major global power again.

As you may know, Musk has been doing fantastic things since recently. I mean the nonexpendable space rocket that can return and be used again. Its engines can be used as propelling ones for the second and third takeoff. It is clear that such invention can change the situation drastically. It is currently too early to speak about radical changes in space industry, as the industry of such a size is not needed today.

We have no such long technological chains and use a different type of fuel.

I would rather proceed to the automotive industry, which is familiar to me. Have you heard about the Tesla car? It is not so widely used so far. Everybody had heard that it is an electric vehicle, yet the main thing is that the car has been developed on the basis of digital economy.

To make it clear, I would say that any car is currently a combination of about 15,000–20,000 units and details. The chassis alone includes 200–300 moving and sliding parts – valves, pistons, suspension... Do you understand what I am talking about? I talk about all moving, sliding, spinning details, parts with bearings, etc. Just imagine how many plants should work to produce a single car!

Tesla has recently produced a car of S model with only eight moving parts. It means that all other details are not required. Moreover, their engines are not made of metal. They are made using the method of digital printing, i. e. they printed them. You know that printing metal details is rather a challenging task today. So they use composite materials. The bodywork is also made of composite materials.

This is to give an idea that the next stage will be producing an un-piloted vehicle. A brand new system is developed. Consequently, the operation of a car becomes different. The traffic will be organized in a different way. Even today, Tesla's warranty for S models envisions no limits for mileage. One can fly to the moon driving such a car. The car can cover 1,800,000 kilometers, yet will still be on warranty. It means that spare parts are not required. Do you understand what changes we should expect in automotive industry, chemistry, production of ball-bearings, etc.?

No matter what product one takes, they will see the same. Where are all those tomato, cucumber or even strawberry fields that we remember from the time they used to send us for harvesting when we were students? Right, one can see them only in Russia and underdeveloped countries. In the developed countries, they grow these crops in greenhouses using some culture solution instead of soil. 3-4 people can easily take care of a hectare in such a greenhouse.

It means that revolution is going on in all industries, yet the nature of it is slightly different in terms of complexity depending upon the

sector. However, we do not even think about this revolution. We do not even have a respective plan. We have just started talking about «digital economy.»

If we do not forward investments to this sector, if we do not reconsider the very topic and develop road maps, Russia will automatically join the group of third-rate countries. The states with such output and traditional methods of production do not belong to the group of major global powers.

In conclusion, I would like to stress that this is the main link of the chain, in my opinion. We should not pay so much attention to talking about some country having offended us, about leaving PACE, etc. Such talks are currently a dime a dozen.

There have never been any international rules, and they will never be. All these rules are based on one and the same thing – as soon as your opponent becomes stronger than you, he discards the rules. Figuratively speaking, if you control the right side of the street, while the other gang rules in the left part of it, the situation is good for you only until the moment when this second gang receives reinforcements. This is the universal rule irrespective of what agreements have been signed.

We have signed a good deal of agreements with the Americans, yet they pull out of them whenever they like. We have got accustomed to their manner of treating the agreements concluded with us, yet Trump has recently shown to everybody what the Paris agreement is really worth.

Thus, if we continue to talk politics, discuss emotions and ethical characteristics, Russia will return to the period of 1917 or 1991, when people got so sick and tired of the ruling class that the elite was kicked out. Let us focus on economy. Thank you.

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ**

**PROBLEMS AND PROSPECTS OF ECONOMIC
GROWTH IN RUSSIA**

И.В. ЛЕГАСОВА

Соучредитель, генеральный директор инвестиционно-торговой компании «Реминг2000», вице-президент Российской Академии бизнеса и предпринимательства, член Международного Союза экономистов, член клуба «Forbes Woman Russia», член Правления ВЭО России, сопредседатель стратегического комитета «Союз женских сил», академик Международной Академии менеджмента, к.э.н.

I.V. LEGASOVA

Co-founder, general director of investment and trading company «RemiLing2000», vice-president of the Russian Academy of Business and Entrepreneurship, member of the International Union of Economists, member of the Forbes Woman Russia Club, member of the Board of the VEO of Russia, co-chairman of the strategic committee «Soyuz Female forces», academician of the International Academy of Management, Cand. Sc. (Econ.)

Я хочу остановиться на нескольких абсолютно практических моментах. Потому что хочу подчеркнуть, что я прежде всего человек практики. Не столько экономической теории, сколько человек реальной экономики.

Отвечаю коллегам, что касается Крыма и Украины. У меня своя позиция на этот счет есть, она такова. Я считаю, что независимо от того, присоединился бы Крым к России или не присоединился бы Крым к России, вот эту всю украинскую историю мы бы с вами получили в полном объеме, потому что такова была логика всего предыдущего политического процесса. И первая репетиция была у нас на глазах проведена в Югославии, на югославской территории, когда никто из европейцев не вмешался в происходящее, и только Россия реально вмешалась в то, что происходило. И мы продолжаем это делать.

Я очень жалею о том, что мы не смогли этого сделать на прибалтийских территориях, на территориях «южного подбрюшья» – в Киргизии, в Узбекистане, в Таджикистане и т.д., потому что я не понаслышке знаю, что реально там происходит с русскоговорящим населением. Это похоже на кошмар.

Поэтому то, что на украинской территории российские граждане, сняв погоны, вмешались в то, что происходит там, это были абсолютно правильные действия, с моей точки зрения.

Что касается присоединения Украины к России, мы этот момент, к сожалению, прозевали. Это надо было делать в 2014 году, когда Донбасс был к этому готов, когда Луганск и Донбасс могли проголосовать за присоединение к России. Это был 2014 год, когда самое пекло и разгоралось. Сейчас ситуация намного сложнее, она политически и экономически гораздо усложнилась. И решать эту ситуацию с Украиной нам все равно придется, но придется ее решать абсолютно по-другому. Как – скажу чуть позже.

В мире существуют две основные политико-экономические доктрины, которые друг с другом уже много веков соперничают, борются и не могут найти консенсус. Первая доктрина – это доктрина «Разделяй и властвуй», которая существует в мире с XVII века, с периода великих географических открытий. И вторая доктрина, которая тоже существует с XVII века, – это доктрина объединения и присоединения. Это та доктрина, которая существует на нашей с вами территории, на российской. Мы никогда никого не завоевывали, мы к себе только присоединяли. Поэтому именно у нашей страны есть на территории Евразии совершенно колос-

сальный опыт жизни в многонациональном и многоконфессиональном государстве, что делает нашу страну совершенно уникальной.

Алексей Анатольевич совершенно справедливо сказал о деньгах, он с этого начал свое выступление. Это очень своевременно и очень правильно было – упомянуть деньги. Потому что исходя из двух вот этих разных доктрин, в рамках одной доктрины деньги – это философия жизни, а в рамках другой доктрины, в которой мы все с вами были возвращены, деньги – это инструмент делания, инструмент созидания. В одном случае это цель. В другом случае это инструмент. И я считаю правильным рассматривать деньги в качестве инструмента созидания, инструмента делания.

Если посмотреть внимательно на экономическую историю у нас за спиной, как это происходило, то на том или ином историческом промежутке мы всегда можем выделить страну-лидера или целый регион-лидер и всегда можем выделить отрасль-лидер, которые, как локомотив, толкают экономическое развитие вперед.

Сейчас происходят все эти экономические и политические терки, которые мы с вами наблюдаем и имеем несчастье в этом во всем жить, а может быть, даже и счастье, потому что это способствует развитию. Что происходит? Идет смена лидерства, совершенно отчетливая смена лидерства. И смена политического и экономического лидера у нас с вами на глазах происходит, и происходит смена экономического лидера с точки зрения отрасли экономики. И в этом смысле все предыдущие выступавшие были абсолютно правы, нужно обратить внимание именно на это.

Бывает центробежная тенденция, бывает центростремительная тенденция. И в экономической истории, как и в истории вообще, одна тенденция обычно сменяет другую. Центробежная тенденция все страны друг от друга отбрасывает, какое-то время все живут отдельно друг от друга, автономно абсолютно, в том числе экономически и политически. Потом наступает центростремительная тенденция, которая собирает всех обратно. Так устроен мир, не нами это придумано. Так было всегда и так всегда будет.

Мы сейчас с вами пережили эпоху разъединения, очень активного разлома, и сейчас начинает действовать центростремительная тенденция на Евразийском континенте, которая, может быть,

даст нам шанс всем вместе объединиться. И есть надежда на то, что объединиться мы можем именно вокруг Российской Федерации на территории Евразии.

Объединение, на мой взгляд, обязательно абсолютно, как папеая, на российской территории. Потому что если посмотреть, как живут автономии, как живут республики, у нас может полыхнуть в любой момент, спичку только поднеси. Таковую же историю, как с Украиной, мы можем получить в Башкирии, в Калмыкии, в Якутии, где угодно, в Татарстане, который уже много раз говорит о возможностях отъединения, и т.д. Это ситуация очень опасная. Поэтому объединяться надо, во-первых, на российской территории обязательно – и политически, и экономически, и финансово. И во-вторых, нужно обязательно объединяться на территории Евразийского континента в целом, о чем многократно говорили президенты разных евразийских стран. Последний раз это было очень активно сказано 4 ноября 2016 года в Астане на встрече Назарбаева и Путина. Мне пришлось быть на этой конференции, и оба они говорили очень внятные вещи о необходимости евразийского объединения.

Уже 15 лет подряд эту идею восстановления Великого шелкового пути (читай – Евразийский союз) проповедуют китайцы. И они очень настоятельны в этом, они ведут активные переговоры практически со всеми евразийским странами, сепаратно со всеми.

То есть Евразийский союз – это абсолютно та стратегия, которая должна стать нашей стратегией на ближайшие 50 лет, потому что ядром этого Евразийского союза может стать именно Российская Федерация в силу ее многонационального и многоконфессионального опыта.

Что касается нашей страны конкретно. «Кто виноват?» и «Что делать?» – два базовых интеллигентских наших вопроса. Мне всегда казалось, что «Кто виноват?» – это вопрос не конструктивный. Потому что правильно в любой ситуации считать виноватыми себя, что бы ни случилось. Во всяком случае я так практикую, и мне это очень помогает решать вопросы в моей практической жизни.

«Что делать?» – да, это действительно вопрос конструктивный. И здесь нужно очень четко прописать именно те позиции, по которым мы должны пройти, что нам надо делать.

Во-первых, я считаю, что нам нужна очень внятная экономическая политика, которую на протяжении 25 лет, не знаю, как вы, лично я не видела, я не наблюдала ее нигде. Очень внятная экономическая политика Российской Федерации, которая может способствовать подъему национального производства. Нам нужна поддержка бизнеса, который только-только поднимается. Новый класс поднимается, за 25 лет едва-едва ростки пробилась. Этот класс нужно обязательно поддерживать и не противопоставлять государство классу бизнеса.

Во-вторых, нам нужна поддержка не только национального производства, но и национального экспорта. Мне сейчас в силу своей профессии приходится заниматься экспортом из Российской Федерации. Это безумно тяжело! Как только слышат, что у тебя российская компания как юридическое лицо, всё, палки в колеса сразу, с тобой перестают разговаривать, и приходится придумывать 3000 схем, для того чтобы это сделать не от российского юридического лица, чтобы национального российского производителя вывести на внешний рынок. Дело именно в том, что нужна именно на уровне государственной политики такая поддержка экспорта.

В-третьих, нам нужна политика государственной поддержки национальной валюты. Нам очень тяжело работать в ситуации, когда мы все ходим не через прямые трансферы, когда мы ходим через евро и через доллар, хотя закупки могут идти совершенно не на долларовой территории и не на территории евро. Мне приходится в моей практике сталкиваться с большим объемом закупок в RMB, китайской валютой, с вьетнамским донгом, с Индией мы очень много работаем. И абсолютно всем – и продавцам, и покупателям – мешает необходимость прохода через американскую валюту или привязки к европейской валюте.

У нас нет свободно конвертируемой валюты у всех. Нужно эту ситуацию на межгосударственном уровне обязательно решать. Причем можно решать, я знаю, как ее решить. У нас есть подписанные межгосударственные соглашения на эту тему, банки под-

ключаются. В частности я сейчас по Вьетнаму этой темой занимаюсь. Но реального механизма нет. Мы становимся первой российской компанией, которая идет на прямой такой трансферт. Это безумно тяжело, и никто не поддержит. То есть приходится своей головой все пробивать. Обязательно нужна поддержка со стороны государства по поводу прохода национальной российской валюты в любую другую азиатскую.

Также необходимо выделить на государственном уровне лидер-отрасль, конкретную отрасль, которую государство сможет поддержать всей своей мощью. В этом смысле информационные технологии становятся действительно номером один.

Я бы хотела, возвращаясь к валюте и к информационным технологиям, сказать, что сейчас активно развивается биткоин, как вы знаете. Биткоин становится валютой номер один. Это криптовалюта. У нас до сих пор собственной криптовалюты нет, только сейчас ей начали заниматься. Она обязательно будет, потому что такая задача поставлена. Поэтому создать собственную национальную криптовалюту мы должны, причем в рекордно короткие сроки.

Биткоин растет просто как на дрожжах. Если четыре года тому назад это был курс 1 к 1 по отношению к американскому доллару, 1 биткоин был равен 1 доллару США, то сейчас эта цифра уже 2500 долларов США. В биткоины имело смысл вкладываться пять лет назад. И я сейчас выхожу с предложениями обязательно развития национальной криптовалюты. Это нужно делать.

Нам нужна обязательно следующая позиция: развитие всех форм государственно-частного партнерства, которого практически нет. Оно существует в очень малом количестве отраслей и в очень ужатой форме. Развитие государственно-частного партнерства во всех его формах, видах и проявлениях нам сейчас необходимо, как воздух. То есть нужна смычка между частным бизнесом и государством, особенно в ведущих отраслях национального производства.

Следующее, почти последнее. Нам нужна система льготного государственного и частного кредитования всех видов национальных производств. Особенно в отраслях тяжелого машиностроения, особенно в стратегических отраслях, которые важны

для нашей страны. И в этом смысле, еще раз подчеркну, нужно осознанное выделение государством ведущей отрасли экономики, и особое внимание уделять именно этой отрасли.

Нам нужно обратить пристальное внимание на собственную науку, которая давно забыта, за 25 лет заброшена. Потому что без науки никакого развития производства не будет. Для этого нужно обязательно разработать программу возвращения российских ученых из-за границы, которые разъехались кто куда. Нам нужно программистов своих возвращать, потому что реально самые лучшие программисты в мире – это индусы и граждане Российской Федерации. Это уже доказано в Силиконовой долине – самые хорошие мозги у индусов и у наших ребят.

И еще, последнее. Я считаю, что нам нужно создать благоприятные условия, для того чтобы мы могли привлекать европейских производителей на российскую территорию, на наши российские площадки. Это нужно делать обязательно, для того чтобы обмениваться технологиями и получать через специалистов новые технологии. Вплоть до того, что покупать ведущих специалистов в Европе. Это правильно, так в свое время делал Петр I. И мы сейчас, к сожалению, подошли к такому моменту, что нужно снова возобновлять эту практику покупки чужих мозгов. То есть от политики brain drain (утечки мозгов) нужно прийти к политике покупки мозгов.

Вот и все. Собственно сейчас наша задача – это подключение в мировую экономику, потому что мы в нее не подключены. Нам нужно это сделать обязательно в ближайшие годы. И деньги в этом смысле обязательно должны рассматриваться как инструмент этого подключения. Мы должны также создать благоприятные условия для возврата уведенных из страны российских денег, а их достаточно много по миру везде гуляет.

И самое главное, что должны сделать, – мы должны все понимать, что если мы не создадим в ближайшее время евразийский экономический и политический союз, то нас могут раздербанить по клочкам на раз-два-три.

Спасибо за внимание.

I would like to dwell upon several absolutely practical moments, as I am a person mainly dealing with economic practice rather than theory.

Let me answer to the questions of colleagues about Crimea and Ukraine. I have my own opinion with regard to these problems, and it is as follows. I think that this Ukrainian story would have happened anyway, irrespective of whether Crimea became a part of Russia or not, as this was the logic of the entire prior political process. The first «rehearsal» was held in Yugoslavia in front of our eyes, when none of the European countries interfered. Only Russia dared to interfere, and we continue to do it now.

It is a pity that we could not do the same in the Baltic countries, and on the territory of our «southern underbelly» – in Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, etc. – as I know firsthand what happens to the Russian-speaking people there. Their life looks like a nightmare.

Having taken off their shoulder straps, Russian citizens interfered in the processes taking place on the Ukrainian territory, and were absolutely right to do so from my point of view.

As for annexing Ukraine to Russia, we have unfortunately missed the appropriate moment for it. It should have been done in 2014, when Donbass was ready for it, when Donetsk and Lugansk were willing to vote for becoming a part of the Russian Federation. The chance for it occurred in 2014, when the conflict was flaring up. Currently, the situation looks much more challenging from both political and economic points of view. However, we will still have to solve this Ukrainian problem, yet in an absolutely different way. And I will describe this way a bit later.

There are two main political and economic doctrines in the world. They have been competing for many centuries and cannot come to a consensus. The first doctrine can be described as «divide and rule.» It goes back to the 17th century, the Age of Exploration, when many great geographical discoveries were made. The second one, existing since the 19th century, is a doctrine of reunification and annexation, which is typical for the Russian territory, the one we live on. Russia has never conquered any other country, but annexed new territories. That is why our country is the only one on the territory of Eurasia to

have a vast experience of living in a multi-ethnic and multi-confessional state. This experience makes our country absolutely unique.

Aleksey Anatoliyevich was quite right to mention money at the beginning of his presentation. It was fair and timely to mention money. Having compared these two doctrines, we can say that money is the philosophy of life for one doctrine, and a tool of creation for the other one, the doctrine that we all have learned at mother's knees. Thus, money constitutes a goal for supporters of one doctrine and a tool for the adepts of the other one. I back the idea that money should be considered as a tool of creation, a tool of construction.

If we take a close look at the economic history of the world and analyze the events taking place in this or that historical period, we can always identify a leading country or a region, as well as some industry that dominates, pushing the process of economic development forward as a locomotive.

We currently see the political and economic conflicts that have been observed on the planet throughout the history of the world. We have a misfortune to live in these conditions, or perhaps we are lucky to live in them, as they promote development. What happens today? We currently see the change of leadership. The political and economic leader is being replaced right in front of our eyes. Moreover, this change of leader is taking place from the viewpoint of economic sector. The previous speakers were quite right to mention it, and we should pay attention to this very aspect.

The trends can be either centrifugal or centripetal. In the economic history, like the history of the world in general, one trend would replace the other one as a rule. The centrifugal trend tosses countries away from each other, and they live separately from each other for some time being absolutely autonomous both politically and economically. Then the centripetal trend appears to replace it and brings all of them together again. That is the way the world wags, and it is out of our power to change the state of things. We will always observe the same pattern.

We have just lived through the period of split, the one of divorce, and currently see the centripetal trend taking over on the European continent. It may give us a chance to come together again. There is a

hope that this unification will take place around the Russian Federation on the territory of Eurasia.

This reunification is absolutely necessary in my point of view as a panacea for all woes, a sort of universal remedy for the Russian territory. Just look what happens in autonomous and independent republics. A conflict may break out at any time if a match is set to the wick. We may get the story, similar to the Ukrainian one, almost anywhere – in Bashkiria, Kalmykia, Yakutia, or in Tatarstan that has talked about possible disengagement many times, etc. The situation looks very dangerous. That is why we should necessarily come together on the Russia's territory, and this reunification should be political, economic and financial. Besides, the reunification must take place on the territory of Eurasia as well, and presidents of various Asian countries have talked about it many times. This idea was set forth last on November 4, 2016 in Astana, during the meeting between Nazarbayev and Putin. I had a chance to attend that conference, and heard both leaders to articulate the idea of Eurasian unification very clearly.

Over the past 15 years, the idea of restoring the Great Silk Road (or Eurasian Union) has been promoted by the Chinese. They are very persistent in negotiating this possibility with almost all Eurasian countries separately.

It means that the Eurasian Union is the idea that should become our strategy for the next 50 years, as the Russian Federation alone can become the nucleus of this Union due to having vast multi-ethnic and multi-confessional experience.

Now, let us speak specifically about our country. «Who is to blame?» and «What is to be done» – these are the two basic questions of Russian intelligentsia. It has always seemed to me that «Who is to blame?» is an absolutely nonconstructive question. The fact is that it looks proper to blame oneself in any situation, no matter what has happened. Anyway, I always blame myself, and it helps me solve the problems of my everyday life.

«What is to be done?» is really a constructive, meaningful question. Here, we should clearly specify the positions, the steps we must make on this way.

First, I think that we need a clear and articulate economic policy. Unfortunately, I have not seen such policy over the past 25 years. We

need a clear economic policy that will allow growth in national production on the territory of the Russian Federation. We also have to render support to business that is currently emerging. This new class is at the stage of development, as what we see now can be called «first sprouts.» We should support this class, instead of opposing the state to business.

Second, we need the support of not only domestic production, but national export as well. In virtue of my functions, I have to deal with the export from the Russian Federation. You cannot imagine how hard it is! As soon as the officials hear that you represent a Russian company, a Russian legal entity, they immediately start putting spokes in your wheels, so you have to invent thousands of schemes to bring the products of a domestic manufacturer to the foreign market disguising them for products of some other company. The fact is that such support is required on the level of state policy.

Third, we need a policy of supporting the national currency. It is hard to work in the conditions when we have to refuse from direct transfers, but carry out operations in dollars or euro, though the purchases are made on the territory having nothing to do with the US dollar or euro. In my practice, I have come across lump-sum contracts with value in Chinese currency – RMB – Vietnamese dong, etc. We are very active in working with India. All of them – both the sellers and the buyers – consider the necessity to make transfers through the American currency or the peg to European one a serious hindrance, an obstacle.

Unfortunately, our national currencies are not freely convertible. This situation ought to be resolved on the interstate level. The problem can be solved, and I know what should be done. We have the respective interstate agreements, and the banks are being involved. In particular, I currently deal with this topic regarding Vietnam. However, a realistic mechanism is missing. We are the first Russian company to execute such direct transfers. The task is very challenging, and nobody would render support. We have to break through the wall on our own. That is why the support on the part of the state is vital to solve the problem of direct transfers in national currencies.

Besides, we ought to identify the leading industry on the state level, a specific industry that the state can render comprehensive support to. In this context, IT really becomes industry №1.

Coming back to currency and IT issues, I would like to mention such currency as bitcoin. Bitcoin is currently on the rise, it is gradually becoming the number-one currency. It is a cryptocurrency. We do not have our own cryptocurrency so far. The respective work has just started. However, we will definitely have such currency as the respective task has been set. We should create our national cryptocurrency in the shortest possible time.

Bitcoin is growing like a mushroom. Some four years ago, the exchange rate of bitcoin to the US dollar was 1:1, i. e. 1 bitcoin was equal in value to \$1. Now, 1 bitcoin is equal to \$2,500. Some five years ago, it made sense to invest in bitcoins. As for the current situation, my suggestion deals with the development of national cryptocurrency. It must be done.

Moreover, we need such thing as the development of all forms of public-private partnership, which is now almost missing. In a squeezed form, this phenomenon exists in just few industries. The development of public-private partnership in all possible forms, types and kinds is vital for us today. We badly need the government-business linkage, especially in the leading industries of national economy.

And the last but not least. We need a system of easy-term state and private loans for all types of national production enterprises. It is especially relevant to heavy engineering and other strategic industries that are vitally important for the country. In this context, I would like to emphasize again that the state should identify the leading industry and focus on its development.

We should pay serious attention to domestic science, which has been forgotten and abandoned over the past 25 years. No production growth is possible without development of science. To do that, we ought to work out a program for bringing Russian scientists back from foreign countries. We have to bring back our software developers, as Hindu people and Russians are the best programmers in the world. The evidence of it can be found in the Silicon Valley. These guys definitely have the best brains in the world.

Finally, I think that we ought to create favorable conditions for attracting European manufacturers to Russia's territory, to Russian production sites. It must be done for the sake of sharing technologies and

getting new ones via specialists. This task should be accomplished to the point that we ought to «buy» the leading European specialists. Peter the Great was quite right to do it. Unfortunately, we have come to the moment when the practice of buying brains is required. Put it differently, we should switch from «brain drain» over to the policy of «brain purchase.»

That is about all. Our main task currently lies in the integration into the global economy as Russia is not integrated into it so far. This task should be accomplished in the shortest possible period. As for money, it ought to be considered as a tool for this integration. Besides, we must create favorable conditions for bringing back the capitals withdrawn from the country. There is a lot of Russian money scattered around the world.

Yet, the main thing is to realize that Russia may be split up into pieces if we do not create a Eurasian political and economic union in the shortest possible time.

Thank you for your attention.

**ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ПРОМЫШЛЕННОЙ
ИНДУСТРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЕЕ УКРЕПЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

**SITUATION IN INDUSTRIAL CONSTRUCTION
SECTOR AND PROSPECTS OF ITS CONSOLIDATION
AND DEVELOPMENT**

О.Н. СОСКОВЕЦ

*Вице-президент Международного
Союза экономистов, Президент
Российского союза
товаропроизводителей, вице-президент
ВЭО России, председатель
Координационного совета
Некоммерческого партнерства по
содействию развитию торгово-
экономического сотрудничества
«Евразийский Деловой совет», президент
Ассоциации финансово-промышленных
групп России, д.тех.н., профессор*

O.N. SOSKOVETS

*Vice President the Intenational Union of
Economists, President of the Russian
Union of Producers, Vice President of the
VEO of Russia, Chairman of the
Coordination Council of Nonprofit
Partnership Eurasian Business Council,
President of the Association of Russian
Financial and Industrial Groups, Doctor of
Engineering Sciences, professor*

Добрый день, уважаемые коллеги!

В России продолжается спад строительной отрасли. В первом квартале 2017 г спад жилищного строительства в РФ составил, по

данным Росстата, 17%. С конца 2015 г в жилищном строительстве заморожено более тысячи объектов. В ряде отраслей промышленности строительных материалов наблюдается синхронный спад: производство цемента в 2016 г снизилось на 11,3% относительно 2015 г, производство кирпича упало на 24%.

В тоже время необходимо отметить, что за последние 15–20 лет российские предприятия по производству строительных материалов и строительного оборудования подверглись той или иной степени модернизации. На многих предприятиях реализованы программы развития и внедрены новые методы производства.

Современный рынок строительного оборудования в последние годы значительно расширился как по линейке существующего оборудования, так и по количеству представленных компаний. Производители стройматериалов вместе с российскими машиностроителями прорабатывают возможности выпуска в нашей стране наиболее востребованных видов оборудования.

Предприятия промышленности строительных материалов неравномерно размещены по территории страны, производство основных строительных материалов сосредоточено в европейской части России (до Урала включительно), где выпускается до 90% товарной продукции отрасли. В Сибирь и на Дальний Восток завозится практически до 100% потребляемых объемов керамической плитки, листового стекла, линолеума, до 70% санитарных керамических изделий, частично мягкие кровельные материалы, предметы домоустройства.

В целом задача сводится к вопросам обеспечения строительной индустрии такого рода продукцией отечественного производства, которая должна соответствовать мировым стандартам и иметь экспортный потенциал.

В рамках актуализации отраслевых планов мероприятий по импортозамещению в промышленности строительных материалов (изделий) и конструкций, планов мероприятий по импортозамещению в смежных отраслях, проводится работа по подготовке плана импортозамещения технологий и оборудования, применяемых в строительстве, а также плана мероприятий по реализации «Стратегии развития промышленности строительных

материалов на период до 2020 года и дальнейшую перспективу до 2030 года».

Одним из драйверов развития может стать повышение спроса на энергоэффективные строительные материалы. Например, одним из основных препятствий строительства и реконструкции зданий высокой энергоэффективности является отсутствие в РФ соответствующих типовых проектных решений и проектной документации повторного использования. Таким образом, любой объект строительства или реконструкции проходит индивидуальную стадию проектирования и согласования, при этом опыт, накопленный одним застройщиком энергоэффективных зданий, не подлежит тиражированию и внедрению в массовое строительство и реконструкцию на федеральном уровне. Одной из возможных мер по преодолению существующего барьера для увеличения доли зданий высоких классов энергетической эффективности в общей совокупности фонда зданий в РФ могла бы стать разработка типовых, серийных проектов таких зданий или, в качестве переходного этапа, создание архива таких проектов, прошедших государственную экспертизу и рекомендованных к типизации.

Однако, в настоящее время по причине снижения экономической активности начался спад в строительстве, который привел к очередной волне деградации производственного сектора. Банкротство заводов по индустриальному домостроению – потребителю продукции тяжелого машиностроения, закрыло перспективу роста производства в этом сегменте.

Российская Федерация экспортирует небольшое количество высокотехнологичной продукции, в то время как ее импорт достаточно велик.

Объем работ по виду деятельности «Строительная техника» в 2016 г относительно 2015 года сократился на 4,4%. Сокращение объема работ при реализации строительных проектов, а также неблагоприятная экономическая ситуация на рынке способствовали снижению объемов производства прочих машин и оборудования специального назначения в 2016 году по отношению к 2015 году на 14,7%.

По данным Росстата и Федеральной таможенной службы по итогам 2015 г. – 2016 г. рынок строительного оборудования существенно сжался.

Таким образом, с 2015 года в Россию стали ввозить меньше строительной техники, снизились продажи внутри страны. Падение на всех сегментах составляет порядка 40—60% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Состояние Российского рынка строительного оборудования в 2016 году, помимо общих экономических факторов (кризисная ситуация в экономике последних лет, мировое снижение объемов строительных и горнодобывающих работ), обусловлено рядом особенностей, характерных именно для РФ, а именно:

1. Введение дополнительных экономических санкций против РФ;
2. Последствия падения курса рубля;
3. Продолжение снижения темпов роста объемов выполненных;
4. Снижение объемов производства строительного сырья (-4%) и базовых строительных материалов (-8%), обусловленное спадом в строительстве и профицитом «традиционных» стройматериалов (цемент, силикатный и керамический кирпич, металлоконструкции);
5. Снижение объемов дорожного строительства, на 2016 год новые объекты не запланированы — продолжится работа на уже запущенных в 2012–2014 годах проектах;
6. Введение утилизационного сбора на спецтехнику, как средства по ограничению вторичного рынка импортной спецтехники;
7. Стимулирование отечественных производителей строительной техники и ограничения импорта в рамках программы по импортозамещению. Тенденция на сокращение импортных комплектов и повышение качества выпускаемой продукции;
8. Высокий удельный вес импортного оборудования в уже существующем объеме строительных средств;
9. Высокий процент износа (до 60%) парка строительной техники;
10. Ограниченность, из-за введенных санкций, доступа к мировым финансовым рынкам и технологиям.

В тоже время, длительный период спада в строительной отрасли и производстве строительного оборудования позволили не только адаптироваться отечественным предприятиям к новым условиям, но и запустили новые процесс развития отечественной индустрии, которые нуждаются в поддержке со стороны российской власти. Безусловно важными инструментами поддержки государства (в лице РЭЦ) экспорта строительных материалов остается субсидирование затрат отечественных производителей на сертификацию продукции за рубежом, на регистрацию интеллектуальной собственности на внешних рынках. Надеемся, что в текущем году заработает и поддержка в области субсидирования затрат на транспортировку продукции за рубеж.

Например такие отрасли, как производство изоляционных материалов (тепло-, гидроизоляция), производство стекла показывают стабильную динамику, обеспеченную высоким экспортным потенциалом готовой продукции. Так, Корпорация ТехноНИКОЛЬ, крупнейший российский производитель изоляционных материалов, поставляет свою продукции в более, чем 80 стран мира.

С целью стимулирования внедрения в опытно-промышленную эксплуатацию современных образцов высокотехнологичного оборудования, в том числе, строительного, Минпромторгом России было разработано и утверждено Правительством Российской Федерации постановление от 08 ноября 2016 г. № 1143 «Об утверждении правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на производство и реализацию пилотных партий средств производства потребителям в 2016 году».

Реализация этой меры, предполагает компенсацию части расходов (до 50%) российских промышленных предприятий, на производство и реализацию пилотной партии промышленной продукции, относящейся к средствам производства.

Очередной отбор заявок на получение субсидии по данному постановлению начнется в мае 2017 г.

Основной индикатор – мнение самих предпринимателей — демонстрирует осторожный оптимизм в отношении перспектив рынка. По оценке строительных компаний, высказанной в ноябре

этого года, экономическая ситуация в стране оказывает позитивное влияние на деятельность предприятий отрасли: такую точку зрения высказали более 51% опрошенных. 40.8% процента опрошенных производителей оборудования считают, что положение российских предприятий в ближайшие годы будут улучшаться или останутся неизменными (37.7%). Это оптимизм производителей строительного оборудования стал результатом с одной стороны адаптацией строительных компаний как основного потребителя их продукции, а с другой – реструктуризацией самой отрасли. В первую очередь «стихийным» импортозамещением, вызванным существенным снижением курса рубля и, как следствие, увеличением доли российских производителей. Например, в системах вентиляции их доля выросла за 2 последних года с 46% до 53 и в ближайшие годы имеет хорошие шансы выйти на уровень 64%.

В целом строительную отрасль в Российской Федерации характеризует высокая степень технической насыщенности как результат активного развития и, соответственно, переоснащения в предыдущие годы. Однако, с момента начала кризиса (2014 год) его обновление существенно затормозилось. Объем продаж новой строительной техники с 2013-го по 2015-й годы упал с 2.28 тыс. штук до 0.6. В результате, степень износа по большинству видов строительных машин находится на уровне 60%. Износ экскаваторов составляет в среднем 45%, бульдозеров — 54, скреперов – 57, передвижных кранов — 56. Эта тенденция позволяет прогнозировать постепенную стабилизацию российского рынка строительной техники в ближайшие, годы. По прогнозу экспертов, продажи в сегментах землеройной, подъемной, например, керамику – он сохранился. Более того, ежегодный прирост объемов производства в этом сегменте составил до 3%. При этом доля импортного оборудования в производстве стройматериалов сохраняется на очень высоком уровне – около 90%. В то же время, в зависимости от размеров компании, доля импортной составляющей достаточно сильно варьируется. Так, импортозависимость в области стройматериалов имеет наиболее низкий уровень у крупных предприятий, специализирующихся на капитальном и дорожном строительстве, Для сравнения: в дорожном строитель-

стве доля импортного оборудования и автотранспорта превышает 70%~ при прокладке внутренних инженерных сетей и электро-монтаже доля импорта – не менее 44%.

Столь высокий уровень зависимости от импорта остался из-за частичности и «хаотичности» процесса замены зарубежной продукции, который начался еще после кризиса 2008 года. Подобная ситуация свидетельствует об актуальности и необходимости реализации программ импортозамещения при поддержке государства и активного участие товаропроизводителей в промстройиндустрии.

В заключение хотел бы сказать и предложить ряд вещей:

Для обеспечения потребителей гарантированно качественными строительными материалами особую важность приобретает институт обязательного декларирования характеристик готовой продукции самим производителем. Т.е. производитель должен нести публичную ответственность/гарантию качества своей продукции. А если Роспотребнадзор выявит несоответствие заявленных характеристик фактическим, то в данной ситуации уже невозможно будет переложить ответственность на лабораторию, выдавшую соответствующий сертификат на образец продукции, и наказание должно быть достаточно строгим, чтобы исключить возможность «приукрашивать» потребительские характеристики продукции.

Также следует обратить внимание, что проблемы транспортной инфраструктуры для промышленности строительных материалов приобретают особое значение. В период весеннего закрытия дорог областные администрации вводят допустимые ограничения 3–4–5 тонн на ось транспортного средства, при которых под запрет попадают даже все порожние грузовики грузоподъемностью 10 тонн. Это приводит к тому, что заводы вынуждены закрываться или работать в ограниченном режиме в течение 1–2 месяцев, так как не могут вывозить с производства свою продукцию до федеральной трассы. Данная ситуация также приводит к срыву поставок стройматериалов на объекты, строящиеся в том числе с привлечением бюджетных средств, и увеличению сроков их строительства, так как строительные площадки, как правило, не располагают возможностью как для длительного хранения больших запасов строительных материалов, так и для хранения

материалов с сохранением их качественных характеристик. Все это отрицательно сказывается и на экономических показателях всех участников, также ведет к росту социальной напряженности в регионах, так как сотрудники во время простоев получают меньшую сумму зарплаты, а региональные автотранспортные компании простаивают. Спасибо за внимание!

Good morning, dear colleagues!

The construction industry continues to decline in Russia. According to the Federal State Statistics Service (Rosstat), the housing construction dropped by 17% in the first quarter of 2017. Since late 2015, over a thousand construction projects have been frozen. In some sectors of construction materials industry, simultaneous decline is observed: in 2016, the production of cement fell down by 11.3% if compared to 2015, while the output of bricks dropped by 24%.

At the same time, it stands to mention that Russian enterprises producing construction materials and equipment have undergone modernization to a greater or lesser extent over the past 15–20 years. Development programs and new methods of production have been implemented at many plants.

The modern market of construction equipment has substantially expanded over the past years, in terms of both the range of existing machinery and the number of companies present in it. The manufacturers of construction materials jointly with Russian engineering companies are working out the issue of producing the most requested-for types of equipment domestically.

The enterprises working in the sector of construction materials are unevenly distributed about the country's territory. The production of key materials is concentrated in the European part (up to the Ural Mountains inclusively), accounting for up to 90% of consumable products. As for Siberia and the Far East, the majority of construction materials have to be delivered there from other regions – almost 100% of ceramic tiles, sheet glass, linoleum, up to 70% of sanitary ceramic products, partially soft roofing materials, and household items.

In general, the task comes down to providing the construction industry with these types of products of domestic origin. These products should meet international standards and have export potential.

Within the framework of updating the action plans dealing with imports phase-out in the industry of construction materials (products) and structures, the authorities work on drawing up a plan of imports phase-out for technologies and equipment used in construction, as well as an action plan aimed at implementing the «Strategy for Development of Construction Materials Industry for the Periods to 2020 and to 2030.»

The rise in demand for energy efficient construction materials may become one of the development drivers. For instance, the key hindrance to construction and renovation of buildings with high energy efficiency lies in the lack of reusable typical design solutions and documents. Therefore, any construction and reconstruction project has to be designed and approved individually, while the experience gained by a developer of energy-efficient buildings is neither replicated nor implemented into mass construction and reconstruction on the federal level. One of the possible solutions making it possible to raise the share of energy-efficient buildings in the total housing stock of the Russian Federation may lie in the development of typical design projects or – as a measure for transition period – creating an archive of projects having undergone state expert appraisal and recommended for replication.

However, a decline in construction has recently begun due to slowdown in economic activities. It has led to the degradation of industrial sector. The bankruptcy of prefab construction plants, consumers of heavy engineering products, has shut the window of opportunities for growth in this sector.

The Russian Federation exports few high-tech products, importing a good deal of them.

In the segment of construction machinery, the scope of work reduced by 4.4% in 2016 compared with 2015. This drop, as well as unfavorable economic situation in the market, has led to decline in output of other types of special-purpose machinery and equipment by 14.7% in 2016 compared with the previous year.

According to the Federal Statistics Service and Federal Customs Service, the market of construction machinery and equipment has substantially shrunk following the results of 2015–2016.

Thus, the imports of construction machinery and equipment, as well as the sales of these products in the country, have reduced. This drop is estimated at 40–60% compared to the same period of previous year for all segments.

Apart from general economic factors (economic crisis of the past years, global decline in scope of construction and mining works), the reasons behind the situation observed in the Russian market of construction machinery and equipment in 2016 lie in a number of features typical for the Russian Federation, namely:

1. Introduction of additional economic sanctions against the Russian Federation;

2. Consequences of the fall in ruble;

3. Continuing slowdown in growth rate for the scope of works completed;

4. Drop in the output of construction raw materials (-4%) and basic construction materials (-8%) caused by decline in construction, and net surplus of «traditional» construction materials (cement, silica and ceramic bricks, metal structures);

5. Decline in the scope of road building operations – new projects are not planned for 2016. The projects being implemented are the ones launched in 2012–2014;

6. Introduction of disposal charge for special-purpose machinery as a measure for limiting the secondary market of imported special-purpose machinery and equipment;

7. Incentives to domestic manufacturers of construction machinery and restrictions imposed within the framework of imports phase-out program. The trend of drop in supplies of imported spare parts and raising the quality of products;

8. High relative share of imported equipment in the existing range of construction means;

9. High wear-out percent (up to 60%) of construction machinery fleet;

10. Limited access to global financial markets and technologies due to economic sanctions.

At the same time, the extended period of decline in construction industry and production of construction equipment has not only enabled Russian enterprises to adjust to new market conditions, but

launched new development processes in domestic industry, which require support on the part of Russian authorities. Naturally, subsidizing of domestic manufacturers' expenses for certification of their products abroad and registration of intellectual property in foreign markets remains an important tool of support on the part of the state (represented by the Russian Export Center). Moreover, we hope that the program of support in the form of subsidizing expenses for shipping the products abroad will start working in the current year.

Such industries, as production of insulation materials (thermal isolation, waterproofing) and glass show stable dynamics supported by high export potential of finished products. For instance, TechnoNICOL, major Russian producer of insulation materials, supplies its products to more than 80 countries.

To encourage putting modern samples of high-tech equipment, including the construction machinery, into experimental industrial operation, the Russian Ministry of Industry and Trade has worked Draft Decree No.1143 dated November 8, 2016 «On rules of subsidizing from the federal budget a part of expenses incurred by Russian organizations for manufacturing and sales to consumers of pilot batches of production means in 2016,» which was approved by the Government of the Russian Federation. This measure envisions partial (up to 50%) reimbursement to Russian industrial enterprises of expenses for manufacturing and sales of pilot batches of industrial products belonging to the category of production means. The next stage of selecting bids for subsidies granted under this decree will begin in May 2017.

The main indicator – the opinion of entrepreneurs – demonstrates cautious optimism with regard to market outlook. According to the estimates of construction companies voiced in November this year, the present economic situation in the country has a positive effect on the activities of enterprises working in the industry – such point of view is shared by over 51% of respondents, while 40.8% of them believe that the standing of Russian enterprises will improve or remain stable (37.7%) over the next years. The reasons behind such optimism shared by construction equipment manufacturers lie in adaptation of construction companies, as the key consumers of their products, on the one hand, and restructuring of the industry, on the other hand. Another key driver is «spontaneous» imports phase-out caused by substantial

fall in the ruble and consequential increase in the share of domestic producers. In the segment of ventilation systems, for instance, their market share has risen from 46% to 53% over the past two years and stands a good chance of reaching 64%.

In general, the construction industry of the Russian Federation features high level of technical saturation driven by active development and re-equipment observed in the past years. However, it has substantially slowed down since the start of crisis (2014). The sales of new construction machinery dropped from 2,280 units to 600 units over the period between 2013 and 2015. Eventually, the wear rate for the majority of construction machine types is on the level of 60%. By categories, the average wear is estimated at 45% for excavators, 54% for bulldozers, 57% for scrapers, and 56% for movable cranes. This trend makes it possible to forecast gradual stabilization in the Russian market of construction machinery for the next years. The experts predict that the sales in the segments of excavation and lifting machinery will remain stable. Moreover, the annual production growth rate in this segment amounted to 3% maximum. However, the share of imported equipment in production of construction materials remains on a very high level – about 90%. At the same time, this share varies greatly depending on the company's size. The dependence on imports in the field of construction materials is low for large enterprises specializing in major construction and road building. For comparison: the share of imported equipment and motor vehicles exceeds 70% in the road-building sector, and amounts to 44% minimum for operations dealing with construction of engineering networks and electric wiring.

Such a high level of dependence on imports remained due to partial and «chaotic» nature of the process dealing with replacement of foreign products, which began after the economic crisis of 2008. The present state of things shows that the imports phase-out programs are relevant and should be implemented with the state support and active participation on the part of producers working in industrial construction sector.

In conclusion, I would like to suggest a number of considerations:

Such things as compulsory declaration of finished product parameters by the manufacturer take on special importance for providing the consumers with construction materials of guaranteed quality. Put it

differently, the producer must bear public responsibility for and guarantee the quality of its products. If the Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Wellbeing discovers any inconsistency between the declared parameters and actual ones, the company will not be able to shift responsibility onto the laboratory having issued the respective certificate. Moreover, the punishment should be severe enough to eliminate the possibility of «embellishing» the consumer characteristics of the product.

Besides, it is worth paying attention to the fact that the problems of transport infrastructure assume special importance for the industry of construction materials. During the period of closing roads in spring, the regional authorities introduce the limits of 3–4–5 tons per vehicle's chassis, so even empty trucks with carrying capacity of 10 tons come under this ban. Eventually, the plants have to suspend the production either partially or fully for 1-2 months, as they cannot deliver their products to the federal highway. This situation also leads to disruption of supplies to the construction sites, including the ones of facilities being built with the budget funds involved, as well as delays in construction periods, as construction sites, as a rule, do not have opportunities for long-term storage of heavy stocks of construction materials without detriment to their quality. All these factors have a negative effect on economic indicators of all stakeholders and lead to increase in social tension in the regions, as the employees earn lower salaries during the periods of trucking companies' operational downtime. Thank you for attention!

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

WORLD ECONOMY: GLOBAL CHANGES

Е.М. МАЛИТИКОВ

Член Международного Союза экономистов, президент Международной ассоциации «Знание», председатель Межгосударственного комитета Содружества Независимых Государств по распространению знаний и образованию взрослых, академик Международной Академии менеджмента, академик Европейской академии естественных наук, академик Российской академии космонавтики имени К.Э. Циолковского, академик Международной академии Астронавтики, академик Российской академии инженерных наук имени академика А.М. Прохорова, доктор экономики и менеджмента, профессор

E.M. MALITKOV

Member of the International Union of Economists, President of the International Association «Znanie», Chairman of the Interstate Committee for the dissemination of knowledge and adult education, Academician of the International Academy of Management, Academician of the European Academy of Natural Sciences, Academician of the Russian Academy of Astronautics Named after K.E. Tsiolkovsky, Academician of the International Academy of Astronautics, Academician of the Russian Academy of Engineering Sciences Named after Academician A.M. Prokhorov, Doctor of Economics and Management, Professor

Дорогие коллеги! Блестящий формат нашей встречи, во время путешествия на корабле океанского водоизмещения, чудесно формирует философию мысли.

Здесь, в произвольной форме изложения, неспешно формулируется будущее, которое каждый из нас несет в себе.

Будущее персональное, страны и мира не всегда укладываются в рамки, очерченные сегодня правительством нашей страны и правительствами иных государств мира.

Доставляет большое удовольствие услышать профессорские сентенции присутствующих, корабельно водоизмещающих людей, которых в обществе называют китами.

Однако, наше становление, активная жизнь и могучий опыт сидящих за этим деловым столом коллег, сформировались в прошлом аналоговом XX веке.

XXI век дал нам взаймы еще полвека, но уже не аналогового, а информационно цифрового. Он дал ту свою половину, которую мы, ровесники-созидатели прошлого столетия, прожили с аналоговыми технологиями жизни, принципами, ментальностью. Они мало востребованы новым веком.

Это сродни тому, как если бы мы улетели в дальний космос на четыре часа, а вернувшись обнаружили на Земле своих далеких неузнаваемых потомков, давно ушедших даже после нас поколений...

Нам не с кем было бы говорить на нашем, уже не употребляемом русском, английском и любых других языках наших предков... Даже если человечество будет жить в десять раз дольше или пока не надоест.

Уже сегодня мы попали в тектонический разлом, который переплавляет в своих недрах всю общественно-экономическую формацию.

Новые вызовы во всем: в политике, экономике, укладе жизни, взглядах на будущее.

Границы государств, мелкотравчатые амбиции и доминанты на работают на наше будущее.

Оно одно на всех на планете Земля.

Будущее – понятие не местечковое, не удельно княжеское, не европейское, не американское, не российское, не китайское. Оно планетарное! Оно судьбоносное! Оно общее!

Используя современную терминологию, говоря о цифровом веке и его перспективах, мы часто лишь умничаем, поскольку мы не знаем об этом ничего.

Нам даже трудно представить, каким оно будет в конце отведенной нам Половины текущего XXI столетия.

Очевидно, что время перевело нас в новый век в пассивной позе созерцателей.

Пока мы еще не наездники, но были ими в прошлом аналоговом столетии.

Нужно оседлать и цифровое!

Мне и моим коллегам выпала честь создания Всемирного Университета, чтобы сделать эффективный вклад в достижение Целей Развития Тысячелетия, и подготовить мировое сообщество к процессу глобального управления и проведения глобальной политики.

Глобализация неумолимо пришла в наш мир.

Она оплодотворила наше сознание и ментальность, внедрилась в мегаполисы и провинциальные центры.

Ее признаки проявились и участвуют в судьбе каждого человека.

Она предопределила жизнь последующих поколений и диктует правительствам свои условия.

Она пришла невидимо, как радиация и теперь галопом движется по планете.

Глобализация делает нас либо своими жертвами, либо наездниками оседлавшими ее.

Ей трудно и не нужно препятствовать.

Она – объективна, логична и неотвратима.

Ее нужно принять или стать ее подневольным современником.

Я сторонник положительного восприятия, приветственного подхода и активного сотрудничества с глобальными процессами.

Уверен, что нужно занять попутную, а не заградительную позицию в этом.

Необходимо своевременно войти в поезд под названием «Глобализация».

Многие страны и народы до конца не осознали этой необходимости и пребывают в иллюзии, что глобализация их не коснет-

ся, что от нее можно отгородиться, зашторившись в комфортной нише с привычным и освоенным объемом достатка.

Но благополучие может уйти из-под фундамента любой, даже богатой страны, если она застоится в своем консервативном благоденствии, расходуя накопления предыдущей фазы своего развития.

Такое миропонимание безрассудно.

К грядущим процессам, с которыми в одиночку не справится ни одна отдельно взятая страна мира, нужно готовиться всем вместе и в режиме форсажа.

Лучшим тренажером для этого является наше с вами образование. Но не то, которым мы пользовались в прошлом веке, а принципиально новое, основанное на новых ментальных установках и новейших технологиях внедрения и распространения знаний.

Классно-урочная форма обучения исчерпала свои ресурсы в наш информационный век, как когда-то Платоновская система индивидуального обучения двух-трех учеников во время прогулки по саду.

Старая система образования отстала от жизни, создав растущую цифровую пропасть и почти миллиард абсолютно безграмотных, не умеющих читать и писать людей.

При этом остальная 6-ти миллиардная цивилизация также отстает от необходимых современных знаний.

Усугубляющим обстоятельством является 15-ти миллионный 26-ти процентный дефицит преподавателей.

Действующие педагоги сами нуждаются в обновлении своих знаний, консервативных взглядов на образование и освоении новых технологий распространения знаний.

Производительность профессора при классно-урочной форме образования увеличивает цифровой разрыв и не соответствует требованиям процессов глобального управления.

Необходимая численность аудиторий должна быть увеличена в тысячи и более раз, что в реальном классе невозможно.

Современный образовательный контент, талантливо и технологично адаптированный к виртуальной экспортно-импортной транспортировке, должен отправляться из университетских теле-

студий через спутниковые телепорты по целевому запросу в любую точку планеты.

Стоимость обучения по Интернету дороже, так как пропорциональна численности пользователей.

При массовом обучении через интернет, цена многократно превышает стоимость обучения с использованием спутников, где стоимость уменьшается пропорционально числу пользователей.

Для высокогорных регионов, где живет почти четверть беднейшего населения планеты, интернет не только не рентабелен, но и недоступен по природно-климатическим, географическим и экономическим условиям.

С изменением ментальных установок общества: «Образование – на всю жизнь!», на формулу «Образование – через всю жизнь!» и с отражением этого принципа в приоритетах политики государств, эффективность его возрастает.

Благодаря вовлечению взрослого населения стоимость спутниковых коммуникаций будет асимптотически стремиться к нулю или общедоступному минимуму.

Совершенно очевидно, что если мы начнем соревноваться с «Мерседесом», преобразуя нашу советскую, российскую автомобильную промышленность на тех же принципах автомобилестроения, то нам, конечно, никого не догнать.

Но для новых принципов и технологий транспорта будущего с чистого листа наш потенциал превосходит существующих гигантов.

Ведь их сосуд уже наполовину пуст, а наш – наполовину полон.

Здесь говорилось, что уже появляются возможности, которые мы можем с восхищением предчувствовать и даже прочувствовать, вспоминая добром гениального Тесла.

Я давно пользуюсь, чувствую и получаю удовольствие от автомашин его имени, где не искушенный водитель, открывая привычно капот или крышку багажника не обнаружит привычный двигатель и не услышит его рокот, недоумевая зачем в доске приборов вмонтирован планшет, вместо привычной начинки.

И в этой связи мне хочется сказать, что в первую очередь у нас дефицит знаний в обществе.

Мы, сидящие здесь, не так много знаем об обществе будущего.

Поэтому мы наше миропонимание строим исходя из того миропорядка, в котором длительное время жили.

Сегодня мир заставляет нас грустить, он пугает нас, побуждая пугать друг друга.

Достижения и знания сегодняшнего дня быстро стареют и в будущем не пригодятся или даже станут контрпродуктивны.

Я абсолютно уверен в том, что нам не нужно грустить и переживать, что какая-то страна доминирует или хочет доминировать в мире.

Навязывать доминанту невозможно!

Главным мерилom этой доминанты, останавливающим от агрессии, сегодня является ядерное оружие.

В следующие времена и оно будет не самым могущественным.

Самым страшным, пока не до конца осозанным нами является Космос.

Нельзя не думать о том, где жить человечеству в далеком будущем.

Что касается социума нашей планеты Земля, то я без снобизма и сомнения предполагаю, что через пятьдесят лет наши правнуки будут иметь раскосый китайский разрез глаз. Глядя на нашу цивилизацию с точки зрения эволюции, я не вижу в этом ничего страшного.

Забота всех людей Земли будет не о том, как противостоять друг другу, как перекроить границы или ресурсы. Все это кончится перед лицом естественной, абсолютно реальной опасности космического происхождения.

Об этом нужно будет думать всем вместе.

Перед лицом исчезновения от Войны наш народ мобилизовывался и объединялся.

Перед лицом космического бездушия должна объединиться вся человеческая цивилизация.

Вероятность падения на нашу планету одного из пяти тысяч астероидов-убийц очень велика. Пока они движутся в преобладающем направлении в сторону Земли.

Нужно всем вместе думать, как хотя бы на одну угловую миллисекунду отклонить их траекторию.

В сравнении с этой опасностью политические разногласия и военная истерия – буря в стакане.

Мы даже не подозреваем логики возникновения и естественного окончания космического путешествия нашей колыбели Земля.

Экономика знаний сегодня становится самым главным аргументом и мотивом перед лицом неясного будущего.

Мне представляется, что мы не должны здесь грустить, погружаясь в пессимизм.

Так или иначе, всем нам предстоит жить в цифровом безкомпромиссном мире.

Я, лично, очень счастлив, что наше младшее поколение на голову выше нас в цифровом измерении будущего и получаю от этого большое удовольствие.

Я не конкурирую со следующим поколением. Я пытаюсь передать ему лишь нашу духовность, чтобы не иметь дело с рациональными роботами-разрушителями.

Мы с вами действительно корабли, которые идут по океану, но уже, к сожалению видны его берега.

Я уверен, что вскоре мир будет готов к тому, чтобы объединить все знания, ресурсы и технологии, чтобы противостоять вызовам и проблемам.

Они значительно мощнее, чем поколения сегодняшних и следующих президентов, будь то американских, наших и других.

Надо смотреть не только в завтрашний день, но в будущее и даже далекое.

Экономика знаний совершенно четко определит вообще, что для нас важнее: жизнь на планете или противоборство доминант?

Мы станем единой планетарной нацией с единой ментальной религией мира.

Мне представляется, что мы должны смотреть в будущее позитивно.

Пока ядерный потенциал находится в наших руках, наши возможности не позволят никому доминировать, переходя за черту. Потому что за чертой никого не останется.

Противостояние будет продолжаться, пока век не сменится, и ветры истории сменяют дорожные указатели.

Вот этими словами я бы хотел описать парадигму мира через вчера, сегодня, завтра к которой мы придем.

Сегодня очень многие профессора, университеты мира думают о том, как объединиться и сделать единый космический телепорт всех возможных знаний.

Нет ни одного в мире университета, который обладает лучшими мировыми знаниями! В лучших университетах трудятся не более 2–3 нобелевских лауреатов, а все остальные – стандартные педагоги.

Необходимо, чтобы все знания, которыми обладает человечество на нашей планете, хранились в цифре и через космический телепорт по любому запросу отправлялись в любую ее точку.

Экономика знаний определит будущее. Современные политики уйдут в историю.

Мы увидим, как изменится мир. И экономика будет работать на большое далекое будущее. Пусть даже косоглазое. Спасибо

Dear Colleagues!

The brilliant format of our meeting, while traveling on a ship of ocean displacement, miraculously shapes the philosophy of thought.

Here, in an arbitrary form of presentation, the FUTURE is unhurriedly formulated, which each of us carries in himself.

The future: personal, of the country and the world do not always fit into the framework outlined today by the government of our nation and by governments of other countries of the world.

It is a great pleasure to hear the professorial judgment of those present, ship-displacing people, whom in society are called whales.

However, our formation, active life and powerful experience of colleagues sitting at this business table, were formed in the analogue past of the twentieth century.

The twenty-first century gave us credit for an additional half century, but digital and not analogue information. It gave that half, which we, the contemporaries of the past century, lived with analogue technologies of life, principles, mentality. They are not in high demand for a new century.

It is akin to the fact that if we flew to the far cosmos for four hours, when we return, we found on our Earth our distant unrecognised descendants of the generation long gone even after our...

We would have had no one to talk to on our out of use Russian, English and any other languages of our ancestors... Even if humanity lives ten times longer or until it gets dull.

Already today we are in a tectonic rift, which melts all the socio-economic formation in its bowels.

The new challenges are in everything: in politics, economics, the way of life, views on the future.

Boundaries of countries, small-footed ambitions and dominates don't work for our future.

It is one for all on the planet Earth.

The future is not the small concept, not specifically princely, not European, not American, not Russian, not Chinese. It is planetary! It's fatal! It is general!

Using modern terminology, speaking about the digital age and its perspectives, we often only act clever, because we do not know anything about it.

It is even difficult for us to imagine how it will be at the end of the half of the current 21st century.

It is evident that time brought us into a new age in the passive position of the conservators.

We are not yet riders, but we were in the past analogue century.

It is necessary to saddle and the digital!

My colleagues and I were honoured to create a World University to make an effective contribution to the achievement of the Millennium Development Goals and to prepare the world community for global governance and global policy.

Globalisation has relentlessly entered into our world.

It impregnated our consciousness and mentality, covered megacities and rural centres.

Its signs revealed in villages invaded every house, and reflect on the fate of every person.

It pre destined lives of the following generations and dictated its conditions to the governments.

It has come invisible, like radiation and now is spreading rapidly over the planet.

Globalization makes us either its victims or the horsemen having saddled it.

It is difficult to stop it, and it is no necessity to do it. It is objective, logical and inevitable.

One should adopt it or become its dependent contemporary.

I am a supporter of positive perception, the healthy approach and active cooperation with global processes.

I am sure that you need to take a passing, not a defensive position in this.

It is necessary to get on time on a train called «Globalisation».

Many countries and peoples have not fully realised this need and are in the illusion that globalisation will not affect them, that they can be fenced off from, being shrouded in a comfortable niche with the usual and mastered amount of prosperity.

But well-being can escape from the foundation of any, even a rich country, if it stagnates in its conservative welfare, spending the accumulations of the previous phase of its development.

Such a worldview is reckless.

To the future processes, with which no country in the world can cope alone, we need to prepare all together and in the mode of forcing.

The best simulator for this is our education. Not the one we used in the last century, but fundamentally new, based on new mental installations and the latest technologies for introducing and disseminating knowledge.

The old system of education has lagged behind life, creating a growing digital abyss and almost one billion utterly illiterate people who can not read and write.

At the same time, the remaining 6 billionth civilisation is also behind the necessary modern knowledge.

An aggravating circumstance is a 15-million (26-percent) deficit of teachers.

Acting teachers themselves need to update their knowledge, conservative views on education and the adoption of new technologies for the dissemination of knowledge.

The productivity of the professor in the class-lesson form of education increases the digital divide and does not meet the requirements of global governance processes.

The required number of audiences should be increased by thousands or more, which is impossible in a real class.

Modern educational content, talentedly and technologically adapted to the virtual export-import transportation, should be sent from university television studios via satellite teleporters at the target request to anywhere in the world.

Since the cost of training through the web is commensurate with the number of its users, it is more expensive.

The cost of training through the internet proportionally grows with the number of its users, while the cost of training using satellites decreases in proportion to the number of the users.

For mountainous regions, where almost a quarter of the world's poorest people live, the Internet is not only unprofitable but also inaccessible due to natural and climatic, geographic and economic conditions.

With the change in the mental attitudes of society: «Education is for life!», For the formula «Education – Throughout Life!» And with the reflection of this principle in the priorities of state policy, its effectiveness will increase.

Thanks to the involvement of the adult population, the cost of satellite communications will asymptotically tend to zero or a generally available minimum.

It is quite obvious that if we start competing with Mercedes, by transforming our Soviet, Russian automotive industry on the same principles of the auto industry, then, of course, we will not catch up with anyone.

But for new principles and technologies of transport of the future from the clean sheet, our potential exceeds the existing giants.

Their vessel is already half empty, while ours is half full.

It was said here that already appear the opportunities that we can apprehend and even feel with admiration, remembering the goodness of the genius Tesla.

I am using, feeling and enjoying the cars of his name for a long time now, where an inexperienced driver, opening the usual hood or

trunk lid, will not find the usual engine and hear his roar, wondering why there is a tablet in the board of devices, instead of the usual stuffing.

And in this regard, I want to say that first of all we have a lack of knowledge in the society.

We, sitting here, do not know much about the society of the future.

Therefore, we build our world outlook by the world order in which we have lived for a long time.

Today the world makes us sad, it frightens us, prompting us to frighten each other.

Achievements and knowledge of today quickly grow old and in the future will not be useful or even become counterproductive.

I am convinced that we do not need to be sad and worried that some country dominates or wants to dominate the world.

Imposing a dominant is impossible!

The primary measure of this dominant that stops from aggression, today is nuclear weapons.

In the following times, it also will not be the most powerful.

The most terrible, yet not fully understood, is the Cosmos.

One can not help thinking about where the human will leave in the further future.

As for the society of our planet Earth, without any snobbism and doubt, I suppose that in 50 years our great-grandchildren will have a slanting Chinese incision of their eyes. Looking at our civilisation from the point of view of the evolution, I do not see anything terrible in this.

The care of all the people of the Earth will not be about how to confront each other, how to reshape borders or resources. All this will end in the face of a natural, absolutely real danger of cosmic origin.

It will be necessary to think about this together.

In the face of the disappearance from the War our people mobilised and united.

In the face of cosmic fleece, the whole human civilisation must unite.

The probability of one of the five thousand killer asteroids falling on our planet is very high, while they are moving in the predominant direction towards the Earth.

We must all together think of how to, at least for one angular milli-second to alter its trajectory.

In comparison with this danger, political disagreements and military hysterias are a storm in a glass.

We do not even suspect the logistics of origin and the natural end of the space journey of our cradle the Earth.

The knowledge economy today is becoming the most important argument and motive in the face of an uncertain future.

It seems to me that we should not be sad here, plunging into pessimism.

Anyway, we all have to live in a digital, uncompromising world.

I, personally, am happy that our younger generation is a head of us in the digital dimension of the FUTURE and I enjoy it very much.

I do not compete with the next generation. I try to convey to it only our spirituality, so as not to deal with rational robot-destroyers.

We are indeed SHIPS that go on the ocean, but already, unfortunately, its shores are visible.

I am sure that soon the world will be ready to unite all knowledge, resources and technologies to withstand challenges and problems.

They are much more powerful than the generations of today's and next presidents, whether American, ours or others.

It is necessary to look not only to the tomorrow but the future and even distant.

The economy of knowledge will define in general what is more important for us: life on the planet or confrontation of dominants?

We will become a single planetary nation with a single mental religion of peace.

It seems to me that we must look to the future positively.

While the nuclear potential is in our hands, our capabilities will not allow anyone to dominate, going beyond the line, because there will be no one behind the line.

Confrontation will continue until the century changes, and the winds of history will replace the road signs.

With these words, I would like to describe the paradigm of the world through yesterday, today, tomorrow to which we will come.

Today, many professors and universities in the world are thinking about how to unite and make a single space teleport of all possible knowledge.

There is not one university in the world that has the best world knowledge! In the best universities, there are no more than 2–3 Nobel laureates working, and all the rest are regular teachers.

It is necessary that all the knowledge that humanity has on our planet were stored in the data and were sent to any of its points through the space teleport on any request.

The knowledge economy will determine the future. Modern politicians will become a history.

We will see how the world will change. And the economy will work for a great distant future. Even if it's a cross-eyed.

Thank you!

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF FERROUS METALLURGY

Л.Н. ШЕВЕЛЁВ

*Главный научный сотрудник
Института экономики ФГУП
«ЦНИИЧермет им. И.П. Бардина»,
президент НП «Лига экономистов и
бухгалтеров металлургов», член
Международного Союза экономистов,
академик РАН, д.э.н., профессор*

L.N. SHEVELEV

*Chief researcher of the Institute of
economics «TsNIChermet named
after I.P. Bardeen», president of the
«League of economists and accountants
metallurgists», member of the International
Union of Economists, academician of the
Russian Academy of Natural Sciences, Dr.
Sc.(Econ.), professor*

Спасибо, уважаемый председатель!

Сегодня идет интересная дискуссия. Такие же дискуссии и острые баталии идут и на отраслевом уровне. Поэтому выбрать правильный вектор инновационного развития отрасли – это, пожалуй, самое главное для повышения энергоэффективности, особенно таких энергоемких отраслей, как черная металлургия. Черная металлургия России в начале 60-х годов вышла на первое место в мире по производству стали. Эта гегемония продолжалась почти 40 лет. Она в сердцах и умах российских металлургов засела очень прочно. На протяжении всего этого развития российские металлурги были самые сильные и выдающиеся как в

практической деятельности, так и в ученом мире. Все передовые идеи и все лучшие достижения мировой науки в сфере черной металлургии были разработаны и реализованы российской металлургической промышленностью (обогащение и окискование железорудного сырья, сухое тушение кокса, широкое применение кислорода в доменном и сталеплавильном производстве, двухваннные мартеновские печи, кислородно-конвертерное производство стали, установки непрерывной разливки стали и многие другие запатентованные изобретения, которые обеспечили высокую удельную производительность металлургических агрегатов и повышенное качество готовой металлопродукции).

До 1990 г. СССР была первой мировой металлургической державой, ежегодно производила 160,0 млн т. стали, в то время, как все остальные ведущие страны (Япония, США, Китай, ЕС и др.) каждая в отдельности производила менее 100,0 млн т. стали ежегодно.

После распада СССР (1991 г.) произошли существенные изменения в черной металлургии России. Мы потеряли большой объем черной металлургии за счет Украины (около 40,0 млн т. стали в год), а также других республик бывшего СССР (около 30,0 млн т. стали в год). В 1990 г. Россия производила 90,0 млн т. стали в год, столько же производил и Китай. За 27 лет рыночных преобразований объем производства стали в России снизился до 70 млн т. в год, а в Китае за счет индустриализации промышленности он вырос до 800 млн т. в год. Китай стал гигантской металлургической державой с 50% объемом мировой выплавки стали. Россия сохранила ведущие позиции на мировом рынке стали, но по объемам производства стали в 2016 г. (70,0 млн т. стали в год) заняла 5 место в мире, уступив Китаю, Японии, США и Индии. Спад производства стали в России обусловлен резким снижением спроса металлопродукции на внутреннем рынке со стороны машиностроения и металлообработки ввиду их низкой конкурентоспособности по сравнению с импортными поставками. В целом черная металлургия России сохранила производственный потенциал и качество металлопродукции, что позволило ей занять ведущие позиции в экспорте металлопродукции (50% от объема производства) и 3 место в мировой торговле стальной продукцией.

В становлении и развитии черной металлургии России важную роль сыграл О.Н. Сосковец. Будучи министром металлургии, а в дальнейшем Вице-премьером России, он сумел оптимизировать потоки сырья и готовой продукции в условиях перехода отрасли к рыночным отношениям, принял меры по модернизации производственного потенциала, ориентировал новых собственников металлургических предприятий, прежде всего, на реструктуризацию неэффективных мощностей, повышение качества металлопродукции, рост ее конкурентоспособности.

После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. появились новые приоритеты развития, связанные с реализацией Киотского протокола (2008–2012 гг.) и Парижского соглашения (декабрь 2015 г.). Сейчас самый главный для нас мировой вызов – снижение выбросов парниковых газов. Показатели удельных выбросов CO₂ на 1 т стали в России на 25–30% хуже, чем в промышленно-развитых странах (США, ЕС, Япония и др.). России предстоит приложить большие усилия в части разработки и реализации прорывных энергосберегающих технологий. Более того, многие передовые страны разрабатывают меры противодействия доступа на их внутренние рынки импортной стальной продукции с уровнями энергоёмкости, превышающие их национальные значения. В этих условиях российские предприятия черной металлургии могут потерять рынок металлопродукции в передовых развитых странах, что приведет к существенному спаду объема производства стали.

В целях координации усилий научных работников черной металлургии по разработке и реализации энергосберегающих технологий Президент АФПГ России О.Н. Сосковец предложил создать единую отраслевую Инициативную группу из специалистов ведущих научных, проектных и учебных заведений. Такая группа была создана при АФПГ России как Комитет «Энергоконсалтинг-групп-Чермет» (ЭКГЧМ) без права юридического лица. В этот комитет на основе договоров о сотрудничестве вошли: ЦНИИЧермет, МИСиС, Метпром, Гринсол. Основное направление деятельности комитета как консорциума организаций заключается в разработке и реализации проектов энергосбережения в черной металлургии России. Координатором проекта из-

бран О.Н. Сосковец, научным руководителем – Л.Н. Шевелёв. Под непосредственным руководством Л.Н. Шевелёва ЭКГЧМ разработал бизнес-план реализации прорывной энергосберегающей технологии вдувания горячих восстановительных газов (ГВГ) в условиях ОАО «Тулачермет». Однако ОАО «Тулачермет» в приоритетном порядке начал реконструкцию предприятия в направлении достройки его до полного металлургического цикла, включая строительство конвертерного и прокатного переделов. Эта реконструкция обременила предприятие значительными кредитными заимствованиями. Для реализации энергосберегающей технологии ГВГ в сложившихся условиях ОАО «Тулачермет» потребуется привлечение иностранных инвестиций, а также поддержка государства в части выделения налогового инвестиционного кредита и льготирования платы за пользование этим кредитом. Такая господдержка оказывается высоко энергоэффективным проектам, к которым относится и ГВГ. В частности, технология ГВГ обеспечивает: снижение расхода кокса на 36–38%, сокращение выбросов парниковых газов на 50–70%, ликвидацию расхода природного газа на 100% в доменной плавке, повышение производительности доменной печи на 30%. По этим показателям технология ГВГ может быть реализована в ОАО «Тулачермет» на условиях энергосервисного контракта как специинвестконтракт в рамках государственно–частного предпринимательства.

Второй, но не менее важный проект – совершенствование электросталеплавильного производства и снижение на его основе расхода энергии во всей черной металлургии. Доменный процесс, как бы мы его не совершенствовали, достиг своего предела, включая конвертерный способ производства стали. В настоящее время доля конвертерной стали в черной металлургии России составляет 62%, доля электростали – 38%. К 2020 г. доля конвертерной стали снизится до 60%, а доля электростали увеличится до 40%. Эта тенденция имеет место и на мировом рынке черной металлургии. Главный фактор такой тенденции – удельные выбросы парниковых газов. При производстве конвертерной стали они составляют 2,0 т CO₂/т стали, а при производстве электростали – примерно 1,0 т CO₂/т стали, т. е. ниже в два раза. Но дело не только в показателях удельной энергоёмкости.

Фирмой «Ферро-технолоджи» с участием ЦНИИчермета разработан проект энергосбережения в электросталеплавильном производстве – «ORIEN». Он позволяет уменьшить затраты на сырье почти в 1,5 раза, снизить расход электроэнергии на 10%, а главное – получить сталь высокого качества для любого исполнения (автолиста, труб, рельсов и др.). При этом получается большой объем восстановительного газа (примерно 1140м³/т стали), который можно использовать для производства электроэнергии и обеспечить потребности черной металлургии собственной электроэнергией, отказавшись полностью от покупной. В этой технологии обогащенная железная руда (концентрат) используется совместно с дешевым энергетическим углем (вместо дорогих комкующихся углей) в соотношении 70/30 путем их брикетирования в холодном состоянии. Рудно-угольные брикеты получаются достаточно прочными, их можно транспортировать на любые расстояния, они выдерживают многократные перегрузки. Рудно-угольные брикеты полностью заменяют в шихте электропечей чугуны и лом, т. е. исключают коксо-агло-доменный процесс.

В перспективе черная металлургия превращается из многопередельного производства в монопроизводство с получением одного вида стали – электростали. За счет этого достигается значительная экономическая и энергетическая эффективность производства стали с минимальными выбросами парниковых газов (0,6–0,8 т СО₂/т стали) и минимальными выбросами вредных веществ. Высвобождается значительная площадь территории предприятия (коксо-агло-доменные цехи подлежат сносу). Частично эта площадь занята электропечами, обеспечивая прежний уровень суммарного объема производства стали (8–10 млн т в год). Значительная часть территории используется для посадки лесов. Объем ее соответствует поглотительной способности лесов (абсорбция СО₂), обеспечивая баланс выбросов СО₂ и их поглощение лесами (нулевой баланс, что и предусмотрено Парижским соглашением по сохранению климата).

Освоение технологии «ORIEN» – новый прорыв в мировой черной металлургии, который позволит России вновь занять ве-

душие позиции в научной и практической деятельности устойчивого развития этой отрасли.

Спасибо.

Thank you, Mr. Chairman!

Today, we have a very interesting discussion. Such discussions and heated debates are going on in the industry as well. That is why choosing the right vector of innovative development is probably the main thing for raising the energy efficiency, especially in such energy intensive industry, as ferrous metallurgy. In 1960s, Russian ferrous-metal industry took the leading position globally in terms of steel production and dominated in the world for almost 40 years. The idea of leadership found lodgment in the minds of Russian metallurgists. For the aforementioned period, our metallurgists were the strongest and most outstanding workers in the world, in terms of both practical activities and scientific research. All groundbreaking ideas and the best achievements in the sphere of ferrous metallurgy were developed by the representatives of Russian ferrous-metal industry (beneficiation and lumping of ferrous ores, coke dry quenching, widespread use of oxygen in blast furnace ironmaking and steel industry, double hearth furnaces, oxygen converter steelmaking, steel continuous casting plants and many other patented inventions that raised the specific production capacity of smelting facilities and the quality of end products).

Up to 1990, the USSR was the world leader in ferrous metallurgy. The country produced 160 million tons of steel annually, while each of the other leading states (Japan, the USA, China, EU countries, etc.) manufactured less than 100 million ton a year.

After the collapse of the USSR (1991), serious changes took place in Russian ferrous metal industry. We have lost a large part of output due to the fact that many production facilities were located in Ukraine (about 40 million tons of steel annually) and other republics of the Soviet Union (about 30 million tons of steel annually). In 1990, Russia was producing 90 million tons a year – the output equal to the one of China. For 27 years of market reforms, steel production in Russia

dropped to 70 million tons a year, while China stepped up its output to 800 million tons annually thanks to industrialization. Thus, China has become a metallurgical giant accounting for 50% of the global steel production. Russia has kept its leading positions in the global market, yet was only the fifth in the world in 2016 (70 million tons of steel annually) falling behind China, Japan, the USA and India. The decline in steel output in Russia was caused by the dramatic drop in demand for metal products in domestic market on the part of machine building and metal processing industries due to low competitiveness of their products compared to import supplies. In general, the Russian ferrous metal industry retained its potential, which enabled it to win the leading positions in the export of metal products (50% of the output) and 3rd place in the global steel trade.

An important role in the establishment and development of Russia's ferrous metallurgy was played by O.N. Soskovets. Holding the positions of Metallurgy Minister and later Vice Premier of the Russian Government, he managed to optimize the flows of raw materials and end products in the conditions of transition to market relations, took measures required for upgrading production facilities, focused the attention of the new owners of metallurgical plants on restructuring inefficient production facilities, raising the quality and competitiveness of metal products.

After the global financial and economic crisis of 2008–2009, new development priorities emerged, the ones dealing with implementation of Kyoto Protocol (2008–2012) and Paris Agreement (December 2015). Greenhouse gas reduction is currently the key global challenge for us. The figures of specific CO₂ emissions per 1 ton of steel that Russia can boast of are by 25–30% worse if compared to the ones of industrially developed countries (the USA, the EU, Japan, etc.). Russia will have to go to great lengths as to the development and implementation of breakthrough energy saving technologies. Moreover, many developed countries are working out measures to close access to their domestic markets for imported steel products featuring energy intensity level exceeding their national one. In these conditions, Russian ferrous metal plants may lose the market of metal products in the advanced states, which will lead to substantial drop in domestic production of steel.

For the purpose of coordinating the efforts of scientists working on the development of energy-saving technologies in ferrous metallurgy, President of the Association of Financial Industrial Groups (AFIG) Oleg Soskovets suggested founding an Initiative Group in the industry comprising specialists from the leading research, design and educational establishments. Such a group was created under the AFIG in the form of Energo-Consulting-Group-Chermet (ECGChM) Committee acting as an unincorporated company. Such organizations as the Bardin Central Research Institute for Ferrous Metallurgy, MISIS National University of Science and Technology, Metprom Group and Green Sol joined the Committee on the basis of cooperation agreements. The key area of activities of the Committee as a consortium of organizations lies in development and implementation of energy-saving projects in ferrous metallurgy. O.N. Soskovets was elected Project Coordinator, while L.N. Shevelev assumed the position of Chief Research Officer (CRO). Under the direct guidance of L.N. Shevelev, ECGChM worked out a business plan for the implementation of the breakthrough energy saving technology dealing with injection of hot reducing gases (HRG) at the facility of OAO Tulachermet. However, Tulachermet started on priority basis the project on the production facility reconstruction to transform it into the integrated iron and steel works, including the construction of converter and forming plants. This reconstruction burdened the enterprises with substantial loan debts. To implement the HRG technology in present conditions, Tulachermet needs foreign investments and state support in the form of investment tax credit on preferential terms as to repayment. Such state support is rendered to energy efficient projects, and HRG belongs to such a category. In particular, HRG technology allows for reducing the consumption of coke by 36–38%, greenhouse gas emissions by 50–70%, as well as refusing from natural gas consumption (drop in gas consumption by 100%) in the process of blast furnace smelting, and raising the productivity of blast furnace by 30%. These indicators enable the HRG technology to be implemented at Tulachermet on the conditions of energy service contract enjoying the status of special investment contract executed on the basis of public-private partnership.

The second, yet no less important project is the one on upgrading electric furnace steelmaking and reducing energy consumption in fer-

rous metallurgy in general on its basis. No matter how we improve it, the blast furnace method has reached its climax, including the converter method of steelmaking. Currently, converter steel accounts for 62%, while electric furnace steel – for 38% of total metallurgical production. By 2020, the share of converter steel will drop to 60%, while the one of electric furnace steel is to rise to 40%. This trend is observed in the global ferrous metal market as well. The main factor behind this trend lies in greenhouse gas emissions. In converter steel-making process, they reach 2 tons of CO₂ per 1 ton of steel, while the electric furnace process allows for reducing the figures to 1 ton of CO₂ per 1 ton of steel, i. e. for making the emissions twice lower. Yet, it is about more than just the energy density indicator.

Ferro-Technology has worked an energy saving project in electric furnace steelmaking – ORIEN – with participation of the Bardin Central Research Institute for Ferrous Metallurgy. It allows for reducing the costs of raw materials by almost 1.5 times, the power consumption by 10%, as well as manufacturing steel of high quality for any application (production of automotive sheet, tubes, skid bars, etc.). Moreover, the process generates large volumes of reduction gas (approximately 1,140 m³ per 1 ton of steel), which can be used for electric power production. It allows for covering the needs of ferrous metallurgy in electric power without buying it. This technology can use beneficiated iron ore (concentrate) in combination with cheap steam coal (instead of expensive clumping coals) in proportion of 70/30 thanks to cold briquetting process. The ore coal briquettes are solid and strong enough, so they can be transported to any distance, as they withstand multiple handling. The ore coal briquettes fully replace cast iron and metal scrap in the burden mixture of electric furnaces, i. e. rule out coke blast furnace process.

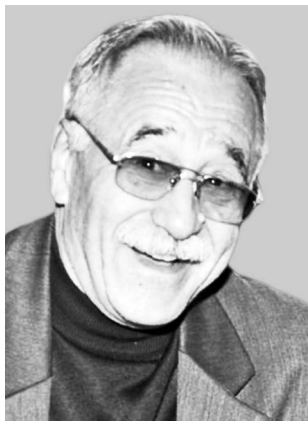
Over the long term, ferrous metallurgy turns from multi-stage production into mono-production with manufacturing of only one product – electric furnace steel. It allows for achieving sufficient energy and economic efficiency in production of steel, as well as reducing the emissions of greenhouse gases (0.6–0.8 tons of CO₂ per 1 ton of steel) and noxious substances to the minimum. Sufficient production areas are released, as coke blast furnaces are to be dismantled. Partially, these areas are to be occupied by electric furnaces, which maintain the same level of

cumulative steel production (8–10 million tons a year), while the major part of the territory is used for planting forests. Due to absorbing capacity of forests (absorption of CO₂), it makes it possible to ensure the balance between CO₂ emissions and their absorption by the forests (zero balance, as envisioned in the Paris Agreement for Climate).

ORIEN technology is a new breakthrough in global ferrous metallurgy, which will enable Russia to win again the leading positions in research and practical activities aimed at sustainable development of this industry.

Thank you.

К 75-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ПОТРУБАЧА

5 июля 2017 года исполнилось 75 лет директору центра образовательной деятельности ОАО «Институт микроэкономики», члену Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по обороне и безопасности, члену Комитета по экономической безопасности ТПП РФ, члену Президиума ВЭО России, академику Международной Академии информатизации, Международной инженерной Академии, Академии социальных наук, доктору экономических наук, профессору Николаю Николаевичу ПОТРУБАЧУ.

Николай Николаевич родился 5 июля 1942 года в г. Москва.

В 1962 г. после окончания Московского электромеханического техникума был направлен на работу конструктором в СКБ при Московском электровакуумном заводе. В 1965 г. поступил одновременно на работу в ЗИЛ и на учебу в завод-ВТУЗ при ЗИЛе, в котором окончил два факультета, получив специальность инженера-механика и инженера-экономиста.

Работая на ЗИЛе, Николай Николаевич, прошел трудовой путь от конструктора до заместителя начальника цеха. Систематически принимал активное участие во Всесоюзных смотрах научно-технического творчества молодежи, в которых становился 5-кратным лауреатом. Разработки Потрубача Н.Н. были награждены медалями ВДНХ различного достоинства. В 1972–1977 гг. Николай Николаевич был отмечен знаком «Лучший молодой изобретатель», почетным знаком Минавтопрома, почетным знаком ЦК ВЛКСМ.

С 1978 по 1988 гг. Потрубач Н.Н. – начальник отдела во Всесоюзном совете научно-технических обществ, где ведет работу по подготовке аналитических материалов по проблемам науки и техники в директивные органы. В это же время Николай Николаевич возглавляет Комитет по качеству НТО соцстран и занимается международной деятельностью в области науки и техники. В 1993г. становится заместителем начальника Главного управления международного сотрудничества Государственного Комитета по высшему образованию России, а в 1996 г. – советником по международным вопросам председателя Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов.

Николаю Николаевичу умело удается сочетать активную государственную и научную деятельность с преподавательской работой. С 1982 г. он начинает преподавать в МГИАИ, МАИ, МИМБ при МВТ России, занимается профессорской деятельностью в РАГС при Президенте РФ, заведует кафедрой «Региональная экономика и управление» ВЗФЭИ. Николай Николаевич неоднократно выезжает для чтения лекций в ГДР, ВНР, США, Францию, НРБ, КНДР и другие страны. Николай Николаевич Потрубач является автором 140 научных работ, изданных в стране и за ее пределами. Под его руководством успешно защитили диссертации 20 соискателей ученых степеней.

В настоящее время работает Директором центра образовательной деятельности ОАО «Институт микроэкономики».

Высокий профессионализм Потрубача Н.Н., его ответственное отношение к делу, глубокая эрудиция, порядочность и доброжелательность в общении с людьми неизменно вызывали огромное уважение и признание коллег и всех, кто с ним общался.

За выдающийся вклад в развитие науки и образования Потрубач Николай Николаевич награжден золотой медалью М. Ломоносова, орденом «Петра Великого 1 степени», медалью «Трудовой славы им. П.А. Столыпина», знаком «Заслуженный инженер России», почетными грамотами Академии Управления МВД России, дипломами и грантами научных и инженерных обществ.

Президиум Международного Союза экономистов поздравляет Потрубача Николая Николаевича со знаменательной датой и желает здоровья и благополучия, плодотворной работы, творческого долголетия, новых научных достижений и дальнейших успехов в реализации всех проектов.

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА
ЭКОНОМИСТОВ

Том сорок шестой

Информационно-аналитическое издание
для членов Международного Союза экономистов

Москва, 2017

Издание осуществляется Международным Союзом экономистов –
125009, Москва, ул. Тверская, 22А

Над выпуском работала:
И.В. Зборовская

Подписано в печать 21.09.17. Заказ № _____. Тираж 300 экз.
Отпечатано по заказу ЗАО «ОЛИМПИЙСКАЯ ПАНОРАМА»
В типографии «Onebook.ru»
125090, г. Москва, Протопоповский пер, 6

Scientific publication

SCIENTIFIC WORKS OF THE
INTERNATIONAL UNION OF ECONOMISTS

Volume forty six

Information and analytical edition for members of
the International Union of economists

Moscow, 2017

Published by the International Union of economists
№22a, Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russia

Responsible for edition:
I.V. Zborovskaya

Passed for printing 21.09.17. Order № _____. Circulation: 300 copies.
Printed by order of the «OLYMPIC PANORAMA» Ltd
Printed by the «OneBook.ru»
6, Protopopovsky per., Moscow, 125090, Russia.